

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

№ 3491

4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ССР

Moskva

Редакционная коллегия:

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора И. И. Потехин,
М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 13. XI. 1952 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 7¹/₂.
Печ. л. 20,55 + 3 вклейки. Заказ № 604. Т-07765. Уч.-изд. листов 2¹/₂. Тираж 2250 экз.
2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

XIX СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза явился событием всемирно-исторического значения. Вооруженный гениальным творением марксистской мысли — работой И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», XIX съезд партии начертал грандиозную программу перехода от социализма к коммунизму в нашей стране.

Эта программа, отражающая сформулированный товарищем Сталиным основной экономический закон социализма — «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»¹, — воодушевляет весь советский народ на новые трудовые подвиги. В этом историческом документе страны народной демократии будут черпать силы для борьбы за дальнейшее построение социализма. Эта программа, продемонстрировавшая последовательно миролюбивую политику Советского государства, укрепляет в народах всего мира веру в победу антиимпериалистического демократического лагеря над лагерем поджигателей войны.

В отчетном докладе ЦК ВКП(б) XIX съезду партии глубоко проанализирован тот путь, который прошла наша страна в период, истекший после XVIII съезда партии.

Это был период всемирно-исторических событий, великих испытаний и грандиозных побед, одержанных советским народом под водительством Коммунистической партии и ее вождя товарища И. В. Сталина. Это были, прежде всего, годы Великой Отечественной войны, в которой Советская страна показала, какие великие силы таятся в народе, навеки освобожденном от гнета капитализма, как непоколебим братский союз народов, сплоченных под знаменем ленинско-сталинской национальной политики, как велика преданность народа своей мудрой, закаленной в боях, партии Ленина — Сталина. Разгромив фашистскую Германию и империалистическую Японию, советский народ не только отстоял свою национальную независимость, но и спас народы мира от нависшей над ними угрозы фашистского рабства.

Победа Советского Союза расстроила планы международной реакции. Из военных испытаний Советская страна вышла еще более сильной, еще больше укрепился ее международный престиж, возросла ее роль в мировой политике. Из империалистической цепи выпали новые звенья: народы ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы, при поддержке Советского Союза, установили у себя строй народной демократии, прочно встали на путь социалистических преобразований. Великая историческая победа китайской революции освободила четырехсотмиллион-

¹ И. Стalin, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 40

ный народ от гнета империализма и нанесла сокрушительный удар по всей колониальной империалистической системе, вызвала новый мощный подъем национально-освободительного движения в колониальных и по-луколониальных странах Востока.

Мир раскололся на два лагеря: лагерь мира, демократии и социализма во главе с Советским Союзом, где нет кризисов, безработицы, нет эксплуатации человека человеком и национального или расового угнетения, где все поставлено на службу максимального обеспечения материальных и культурных потребностей общества, и лагерь империалистический, антидемократический, возглавляемый США, где десятки миллионов людей лишены работы, крова и пищи, где господствует режим расовой дискриминации и национального угнетения, где во всей своей силе действует основной экономический закон современного капитализма — «обеспечение максимальной капиталистической прибыли путём эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путём закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путём войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей»².

Послевоенный период в жизни нашей страны характеризуется быстрым развитием социалистического производства, науки и культуры, неуклонным повышением уровня материального положения трудящихся. За короткий отрезок времени Советская страна не только залечила раны войны, ликвидировала военные разрушения, но и сделала новый большой шаг вперед в развитии промышленности и сельского хозяйства.

Производство промышленной продукции в расчете на душу населения превышает в настоящее время довоенный уровень, выросла производственно-техническая база промышленности, достигнуты большие успехи в деле технического прогресса. Превзойден довоенный уровень и в области сельского хозяйства. Выросли против довоенных лет как посевные площади, так и урожайность наших полей. Выросли и организационно окрепли наши колхозы. Как указывал в своем докладе Г. М. Маленков, «зерновая проблема, считавшаяся ранее наиболее острой и серьёзной проблемой, решена с успехом, решена окончательно и бесповоротно»³. Всему миру известны наши успехи в строительстве Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина, Главного Туркменского канала и других гидротехнических и ирригационных сооружений, которые наш народ любовно называл «великими стройками коммунизма».

Ярким показателем наших успехов в области социалистической экономики является рост национального дохода: за последние 12 лет он вырос на 83 %. В стране социализма, где нет эксплуататорских классов, весь национальный доход идет на нужды народа. «В отличие от капиталистических стран, где больше половины национального дохода присваивается эксплуататорскими классами, в Советском Союзе весь национальный доход является достоянием трудящихся. Трудящиеся СССР получают для удовлетворения своих личных материальных и культурных потребностей около $\frac{3}{4}$ национального дохода, а остальная часть идет на расширение социалистического производства и на другие общегосударственные и общественные нужды»⁴.

Коммунистическая партия всегда уделяла и уделяет большое внимание развитию науки. За период от XVIII съезда до XIX съезда партии число научных учреждений и научных работников в нашей стране увеличилось почти в два раза. Никогда и нигде, ни в какой стране мира наука не имела и не имеет таких возможностей своего развития, как в

² И. Стalin, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 38.

³ Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 48.

⁴ Там же, стр. 68.

СССР, где государственные расходы на науку за послевоенную пятилетку превысили 47 миллиардов рублей.

Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 гг. определяют новый мощный подъем народного хозяйства страны и обеспечивают дальнейший значительный рост материального благосостояния и культурного уровня народа. «Пятый пятилетний план означает новый крупный шаг вперед по пути развития нашей страны от социализма к коммунизму»⁵.

Утвержденные съездом партии директивы предусматривают рост уровня промышленного производства за пятилетку примерно на 70%. Объем промышленной продукции в 1955 г. увеличится по сравнению с 1940 г. в три раза. Валовой урожай зерновых культур увеличится на 40—50%, а по техническим культурам еще больше. Значительно поднимутся материальное благосостояние и культурный уровень советского народа. К концу пятилетки будет завершен переход от обязательного семилетнего обучения ко всеобщему среднему образованию в столицах республик и крупнейших городах страны, будут подготовлены условия для перехода в следующей пятилетке ко всеобщему среднему образованию по всей стране. На 50% увеличится объем государственных капитальных вложений на цели здравоохранения, просвещения, на нужды культурно-просветительных научных учреждений.

Новые большие задачи выдвигаются пятилетним планом перед советской наукой. «Научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения должны будут значительно улучшить научную работу, полнее использовать научные силы для решения важнейших вопросов развития народного хозяйства и обобщения передового опыта. Необходимо обеспечить широкое практическое применение научных открытий, всемерное содействие ученым в разработке ими теоретических проблем во всех областях знания и укреплять связь науки с производством»⁶.

Работники исторической науки, равно как и ученые других специальностей, сознают свою ответственность и важность выполнения данной съездом директивы: «Развивать дальше передовую советскую науку с задачей занять первое место в мировой науке»⁷.

Новые гениальные труды И. В. Сталина — «Марксизм и вопросы языкоznания» и «Экономические проблемы социализма в СССР» вооружают советских историков на выполнение этой задачи. Этнография — отрасль исторической науки — разрабатывает важнейшие вопросы истории первобытно-общинного строя, проблемы происхождения народов, формирования этнических общностей на разных этапах истории человеческого общества, изучает этнический состав современного населения мира, исследует те процессы изменения национальной культуры и быта народов нашей многонациональной страны, которые происходят на пути коммунистического преобразования их жизни.

Круг всех этих вопросов имеет немаловажное значение как для решения важнейших общих теоретических проблем исторической науки, так и для практики коммунистического строительства.

За последние годы советская этнография, руководствуясь указаниями и решениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, достигла заметных успехов. Опираясь на труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоznания», советские этнографы проделали значительную работу по преодолению вредного влияния порочных концепций Марра по вопросам истории первобытного общества, пересмотрели теории происхождения и

⁵ Там же, стр. 43.

⁶ Из доклада председателя Госплана М. З. Сабурова на XIX съезде ВКП(б). «Правда» от 10 октября 1952 г.

⁷ Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 78.

развития родового строя, происхождения и развития первобытного искусства, общие проблемы периодизации истории доклассового общества и методологические основы этногенетических исследований. Область изучения проблем этногенеза была больше всего засорена марровской тара-барщиной о языковых взрывах и пр. Проведенное год назад совещание по методологии этногенетических исследований, в котором, помимо этнографов, приняли участие лингвисты, антропологи, археологи и историки, помогло вскрыть имевшиеся ошибки и наметить пути дальнейшего комплексного изучения вопросов происхождения народов.

Этническая карта мира претерпевает за последние десятилетия особенно крупные изменения. В Советском Союзе сформировались и формируются новые, социалистические нации, исчезают остатки прежней племенной раздробленности народов бывших отсталых окраин, происходят процессы этнической консолидации. В колониальных странах, изнывающих под пятой империализма, вымирают, исчезают с этнической карты целые племена и группы. С развитием капитализма и ростом национально-освободительного движения происходит формирование новых народностей и наций. В капиталистических странах идет процесс насильтвенной ассимиляции национальных меньшинств. Изучение этих изменений этнической карты мира имеет большое теоретическое и практическое значение. Советскими этнографами разработаны новые методы этнического картографирования, подготовлены карты этнического состава ряда стран и континентов по новейшим данным.

Важнейшее значение в развитии этнографической науки в нашей стране имел поворот от изучения исключительно архаических черт культуры и пережитков докапиталистических формаций к изучению современной жизни народов: к изучению национальных особенностей культуры и быта социалистических наций и народностей СССР и современных народов зарубежных стран. Преодолевая старые традиции, советские этнографы накопили уже значительный материал в этой области; не только центральные этнографические учреждения, но и этнографы на местах развернули по этой тематике большие работы.

При всех этих достижениях в работе этнографических учреждений имеется, однако, не мало еще серьезных пробелов и недостатков. С трибуны XIX съезда партии прозвучали справедливые упреки в адрес советских историков. Эти упреки должны быть отнесены также и к советским этнографам.

Советские этнографы в большом долгу перед народом: мало издано еще серьезных исследований по важнейшим разделам этнографической науки, не разработано еще на этнографическом материале положение И. В. Сталина о развитии «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным»⁸, в области этногенетических исследований не-простительно отстает изучение вопросов происхождения великого русского народа, недостаточна борьба с националистическими извращениями в трактовке происхождения отдельных народов, отстает теоретическая разработка вопросов развития социалистической культуры и быта народов СССР,— имеющиеся публикации по этому вопросу все еще представляют собой простые описания наблюдаемых явлений, без углубленной их интерпретации, без должных научных выводов.

Советские этнографы не овладели еще методом творческих дискуссий. Исходя из сталинских указаний, что «никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики»⁹, советские этнографы за последние два года провели не мало совещаний и обсуждений. Но организация этих совещаний и обсуждений не всегда

⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкоznания, Госполитиздат, 1951, стр. 12.

⁹ Там же, стр. 31.

стояла еще на должной высоте и не обеспечивала превращения их в подлинные научные дискуссии.

Преодолеть эти недостатки — ответственная и неотложная задача всех работников советской этнографической науки.

С тех пор, как этнография перешла к изучению современной культуры и быта народов, ее научные исследования приобрели большое непосредственное политическое, практическое значение. И это налагает на этнографов большую ответственность.

Изучая культуру и быт колхозного крестьянства, этнографы должны дать такие научные труды, которые помогали бы перестройке культуры и быта. Опыт показывает, что быт является одной из наиболее консервативных сторон народной жизни. Марксизм учит, что сознание людей отстает от развития материальных условий жизни. И в нашей стране поэтому еще далеко не ликвидированы пережитки, остатки идеологий капитализма и докапиталистических формаций, задерживающих наше поступательное движение. С большой силой эти пережитки сказываются в быту, и в частности в семейных отношениях. Важнейшая задача этнографов состоит в том, чтобы исследовать причины живучести старого в быту народов, борьбу нового со старым, вскрыть закономерности трансформации быта в эпоху социализма.

В основу исследований культуры и быта колхозного крестьянства должен быть положен теперь новый гениальный труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», в особенности его указания об объективном характере законов общественной жизни, об основном экономическом законе социализма, о путях превращения кооперативно-колхозной собственности в общенародную собственность, о всестороннем развитии физических и умственных способностей членов общества. Большое принципиальное значение для этих исследований имеет положение доклада Г. М. Маленкова на XIX съезде партии о типическом. Типичное не есть просто среднее, наиболее распространенное, обыденное, а то, что «соответствует сущности данного социально-исторического явления»¹⁰. Такое понимание типического требует пересмотра всех ранее разработанных программ, а равно и методов сабирания полевого материала.

Советские этнографы должны дать по этой тематике такие труды, которые были бы основополагающими для этнографов других стран, строящих социализм, образцом, примером, по которому равнялись бы этнографы стран, позднее вышедших на путь социализма.

Указания И. В. Сталина о том, что рабочий класс является руководящей силой социалистических наций¹¹, что в современных буржуазных странах, где «буржуазия продаёт права и независимость нации за доллары», рабочий класс становится знаменосцем национальной независимости¹², — ставят перед этнографами задачу этнографического изучения рабочего класса.

В старой, дореволюционной этнографии имели место попытки изучения рабочего класса. Но к решению этой задачи подходили с той же меркой, что и к изучению крестьянства. Советские этнографы попытались продолжить эту линию и потерпели неудачу, примером чему может служить статья Н. Н. Чебоксарова, опубликованная в журнале «Советская этнография»¹³.

Рабочий класс играет особую роль в формировании национальных особенностей культуры и быта. Он складывается из представителей разных классов и социальных прослоек, главным образом за счет крестьян.

¹⁰ Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии, стр. 73.

¹¹ См. И. В. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, стр. 339.

¹² См. И. В. Сталин, Речь на XIX съезде партии, «Коммунист», 1952, № 20, стр. 5.

¹³ Н. Н. Чебоксаров, Этнографическое изучение культуры и быта московских рабочих, «Советская этнография», 1950, № 3.

Рабочий коллектив каждого завода или заводского района состоит обычно из представителей разных национальностей и областных этнографических групп. Он впитывает в себя, перерабатывает культурно-бытовые особенности разных социальных слоев, разных наций и этнографических групп. Он отбирает, переплавляет и развивает лучшие прогрессивные национальные традиции. Культура и быт рабочего класса являются синтезом всего лучшего и передового, что имеется в культуре и быту данной нации. Будучи интернациональным по своей идеологии, он является носителем и хранителем лучших черт своей нации.

Поэтому и подход к изучению этнографических особенностей рабочего класса должен быть другой, чем при изучении крестьянства, и задачи другие. Создание серьезных трудов по этому вопросу явится ценным вкладом в науку о национальной культуре, о нации вообще.

Этнографы уже приступили к изучению процессов формирования новых социалистических наций. Имеются два пути складывания социалистических наций: образование социалистических наций путем коренного преобразования старых буржуазных наций и образование социалистических наций на основе тех этнических компонентов, которые до победы социалистической революции не успели сложиться в буржуазные нации. Изучение этого второго пути — дело этнографов.

Исследования по этому вопросу имеют большое практическое значение в деле развития национальной культуры в прошлом отсталых народов нашей Родины. Они имеют и не менее важное теоретическое значение. Это самостоятельная научная проблема, ставящая перед исследователем не мало сложных вопросов. Один из них — и наиболее кардинальный — это вопрос о различиях между социалистической нацией и народностью социалистического типа. По отношению к буржуазной нации и народности этот вопрос с предельной четкостью освещен в работах И. В. Сталина: экономической основой буржуазной нации является капиталистический способ производства, с присущими ему товарным хозяйством и национальным рынком, экономической основой народности являются докапиталистические способы производства — рабовладельческий или феодальный, с присущими им натуральным хозяйством и разобщенностью отдельных областей. По отношению к социалистической нации и народности этот критерий неприменим, так как экономической основой социалистической нации и народности социалистического типа является один и тот же способ производства — социалистический. Различия надо искать в степени развития общих форм национальной культуры, но эта грань трудно уловима и требует в каждом отдельном случае тщательного изучения.

Мы живем в многонациональной стране. В съезде партии участвовали делегаты 37 национальностей. «Силой, цементирующей дружбу народов нашей страны, является русский народ, русская нация, как наиболее выдающаяся из всех наций, входящих в состав Советского Союза»¹⁴. Бескорыстная помощь великого русского народа другим народам нашей страны обеспечила создание новой, советской культуры — социалистической по содержанию, национальной по форме. Советские этнографы должны изучить и на конкретном материале показать благотворное влияние передовой русской культуры на культуру братских народов.

Перед советскими этнографами и антропологами стоит задача дальнейшего усиления борьбы с растленной империалистической идеологией, с расизмом в его различных, особенно американских разновидностях (космополитизм, психорасизм и пр.). Роль советских ученых в этой борьбе велика и ответственна. Известно, что реакционная англо-американская этнография поставила себя на службу поджигателей войны.

¹⁴ Л. Берия, Речь на XIX съезде ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 20.

Обслуживая кровавые замыслы американских монополистов, мечтающих, подобно германским фашистам, об установлении своего господства над миром, американская этнография и американская антропология воскрешают бредовые идеи о «расовой душе», пропагандируя лживую «теорию» о психическом превосходстве англо-саксов, об их «миссии» по управлению другими народами. Борьба с расизмом, разоблачение этих лженаучных измышлений американских дельцов от этнографии являются борьбой за мир, за равноправие и национальную независимость народов.

Советские этнографы должны сделать новый шаг в разработке науки об истории первобытного общества, с тем, чтобы привести эту науку в соответствие с современным уровнем развития марксистско-ленинской теории. Разработка И. В. Сталиным вопроса о базисе и надстройке создает для этнографов теоретические основы пересмотра многих вопросов первобытной истории.

Успешная разработка этих, как и всех других проблем этнографии, возможна лишь на основе внедрения марксизма в науку. От этнографов, как и от представителей всех других гуманитарных наук, требуется глубокое творческое усвоение гениальных идей И. В. Сталина, изложенных в его работе «Экономические проблемы социализма в СССР».

За последние годы во многих областях науки благодаря активному вмешательству ЦК ВКП(б) были вскрыты чуждые советским людям нравы и традиции, разоблачены и разбиты различные проявления буржуазной идеологии, разного рода вульгаризаторские извращения. Дискуссии по философии, биологии, физиологии, языкоznанию и политической экономии вскрыли серьезные идеологические прорывы. В области этнографии до самых последних лет имели широкое хождение антимарксистские концепции Марра. В наших научных трудах еще немало следов буржуазного объективизма, аполитичности. Задача этнографов состоит в том, чтобы решительно поднять теоретический и идейный уровень своих научных исследований, проявлять бдительность и активно бороться против проникновения в науку чуждых советской идеологии взглядов и настроений.

В отчетном докладе ЦК ВКП(б) поставлена задача: «Покончить с недооценкой идеологической работы, вести решительную борьбу с либерализмом и беспечностью в отношении идеологических ошибок и извращений, систематически товыщать и совершенствовать идеально-политическую подготовку наших кадров; направлять все средства идеологического воздействия, нашу пропаганду, агитацию, печать на дело коммунистического воспитания советских людей; поднять на более высокий уровень советскую науку, развёртывая критику и борьбу 'мнений' в научной работе, памятуя, что только таким путём может выполнить советская наука свою миссию — занять первое место в мировой науке»¹⁵.

Мы живем в период, когда происходят величайшие в истории человечества битвы между отживающим миром, где «права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырьем человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации», где принцип равноправия людей и наций «заменён принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан»¹⁶, — и новым миром строящегося коммунизма, в период, когда в нашей стране происходят грандиозные преобразования природы и общества.

Задача советских этнографов — быть достойными этой великой эпохи, смело ставить и разрешать острые теоретические вопросы, теснее сомкнуть свои теоретические исследования с практическими нуждами страны.

¹⁵ Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии, стр. 98.

¹⁶ И. В. Сталин, Речь на XIX съезде партии, стр. 5.

«Наша могучая Родина находится в расцвете своих сил и идёт к новым успехам. У нас имеется всё необходимое для построения полного коммунистического общества. Природные богатства Советской страны неисчерпаемы. Наше государство доказало свою способность использовать эти огромные богатства на пользу трудящихся. Советский народ показал своё умение строить новое общество и уверенно смотрит в будущее.

Во главе народов Советского Союза стоит испытанная и закалённая в боях партия, неуклонно проводящая ленинско-сталинскую политику. Под руководством Коммунистической партии завоёвана всемирно-историческая победа социализма в СССР и навсегда уничтожена эксплуатация человека человеком. Под руководством партии народы Советского Союза успешно борются за осуществление великой цели построения коммунизма в нашей стране.

В мире нет таких сил, которые могли бы остановить поступательное движение советского общества. Наше дело непобедимо. Нужно крепко держать руль и идти своим путём, не поддаваясь ни провокациям, ни запугиванию.

Под знаменем бессмертного Ленина, под мудрым руководством великого Сталина вперёд к победе коммунизма!» (Г. Маленков).

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Б. Х. ҚАРМЫШЕВА

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛОКАЙЦЕВ

Среди этнических групп, вошедших в состав узбекского народа, многие, в частности так называемые в прошлом «полукочевые» узбеки, относятся к наименее изученной части населения Средней Азии. Это касается прежде всего локайцев, компактно расселенных в южном Таджикистане. В историко-этнографической литературе специальных работ о локайцах не имеется. Некоторые сведения о них содержатся лишь в общих работах, например, в материалах Комиссии по районированию Средней Азии¹ и учебнике по географии Таджикистана².

Несмотря на неизученность локайцев, вопрос о их происхождении неоднократно затрагивался в историко-этнографической, географической и даже зоотехнической литературе, однако в большинстве случаев не специально, а попутно, в частности в связи с вопросом о происхождении известных пород домашних животных — локайской лошади и гиссарской овцы³.

В период 1945—1950 гг., по поручению Института истории, языка и литературы Таджикского филиала Академии наук СССР, я совершила несколько поездок для изучения локайцев. Анализ и сравнительное изучение собранных на месте материалов по родоплеменному составу, расселению⁴, социальным отношениям, основным занятиям, материальной культуре, обрядам, обычаям, фольклору и пр. дали мне основание для выступления с настоящей статьей по вопросу о происхождении локайцев.

По данным Комиссии по районированию Средней Азии на 1924—1925 гг., локайцев насчитывалось 25 400 человек⁵. Следует иметь в виду, что эти данные относятся ко времени разгара басмаческого движения в Восточной Бухаре, когда не могло быть и речи о проведении точной переписи населения и когда значительная часть его была в постоян-

¹ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. 1, ч. 1, Ташкент, 1926, стр. 197—199.

² Н. Г. Малицкий, Учебное пособие по географии Таджикистана, Ташкент — Самарканд, 1929, стр. 64, 128—129, 135—136.

³ И. П. Магидович, Население Бухары, «Материалы по районированию Средней Азии», стр. 197—199; Г. Г. Хитенков, Локайская лошадь, «Конские породы Средней Азии», М., 1937, стр. 222; М. Е. Массон, К истории происхождения локайской лошади, «Известия Таджикского филиала Академии наук СССР», № 15, 1949, стр. 53, и др.

⁴ Материалы по расселению локайцев Кызылской области собраны мной во время работы в составе Кызылской этнографической экспедиции, проведенной под руководством А. К. Писарчика.

⁵ «Материалы по районированию Средней Азии», стр. 197.

ном движении. Н. Г. Маллицкий по более поздним материалам определяет численность локайцев в 46 тыс. человек⁶.

В настоящее время численность локайцев еще более возросла в связи с увеличением рождаемости и резким уменьшением смертности, особенно детской, благодаря непрерывным заботам коммунистической партии и Советского государства о здоровье трудящихся и в результате роста общего благосостояния колхозного крестьянства.

В материалах Комиссии по районированию Средней Азии указано, что локайцы проживают только в южном Таджикистане, в бассейне правых притоков Аму-Дарьи: Кафирнигана, Вахша и Кызыл-су. В других районах Средней Азии они не зарегистрированы. По заявлению наших информаторов, небольшое число локайцев проживает в Афганском Туркестане. Подавляющее большинство их, как указывают локайцы, состоит из эмигрантов, активных участников басмаческого движения и их близких сородичей.

Бурхан-уд-Дин-хан-и Кушеки в своем обстоятельном труде⁷, перечисляя все основные узбекские племена и даже роды некоторых из них, о локайцах не упоминает. В приведенном им списке селений встречается лишь один кишлак Лакай в 20 дворов к югу от Хазрети Имам-Сахиба (стр. 46). Кроме того, на карте Кундуза, к югу от самого г. Кундуза, отмечен кишлак Лахай (стр. 50). Материалы Кушеки относятся к 1923 г. Существовали ли эти кишлаки издавна или они появились в 1920-х годах, судить трудно.

Накануне установления Советской власти в Бухаре локайцы составляли значительную часть населения восточных бекств — Гиссарского и Бальджуанского. К этому времени относятся наиболее полные данные о расселении локайцев. На севере граница их расселения шла по линии: горы Ранген-тау (к югу от Гиссарской долины) — Яван — Туткаул — Бальджуан — Ховалинг (карта 1). На западе границу расселения локайцев составляли горы Карши-тау, Газималек и Гарданишти, протянувшись по левому берегу реки Кафирниган после ее резкого поворота на юг. На юге локайцы не спускались южнее острова Арал-Тугая (образованного рукавом Вахша у устья его правого притока Яван-су, ныне Куйбышевский район), урочища Алимтай (адыры⁸ в южной оконечности гор Джилан-тау, между реками Таир-су и Кызыл-су) и устья р. Ях-су, т. е. 37°50' с. ш. На востоке границей расселения локайцев была р. Ях-су.

На всей этой территории локайцы в указанное время составляли подавляющее большинство населения. Они занимали широкие долины и невысокие адьры. Вдоль границ своей территории, за исключением южной, локайцы соседили с таджиками, которых и вытесняли при занятии края с долин и адыров в горы. Помимо соседства вдоль границ, таджики как бы вклинивались в локайскую территорию, занимая гористые берега р. Вахш после ее резкого поворота к югу у Нурека и до выхода реки из теснин (южнее кишлака Санг-Туда со смешанным таджикско-локайским населением). Помимо таджиков, локайцы соседили и отчасти жили вперемежку с другими многочисленными ираноязычными и тюркоязычными группами. Гиссарскую долину занимали барласы, калтатой, тюрки и узбеки, именующие себя «марка». На западе долина Кафирнигана и горы Баба-таг были заселены племенными группами дурмен, барлас и мусабазари. На юге локайцы соприкасались как с ираноязычными племенами (хазара, белуджи,

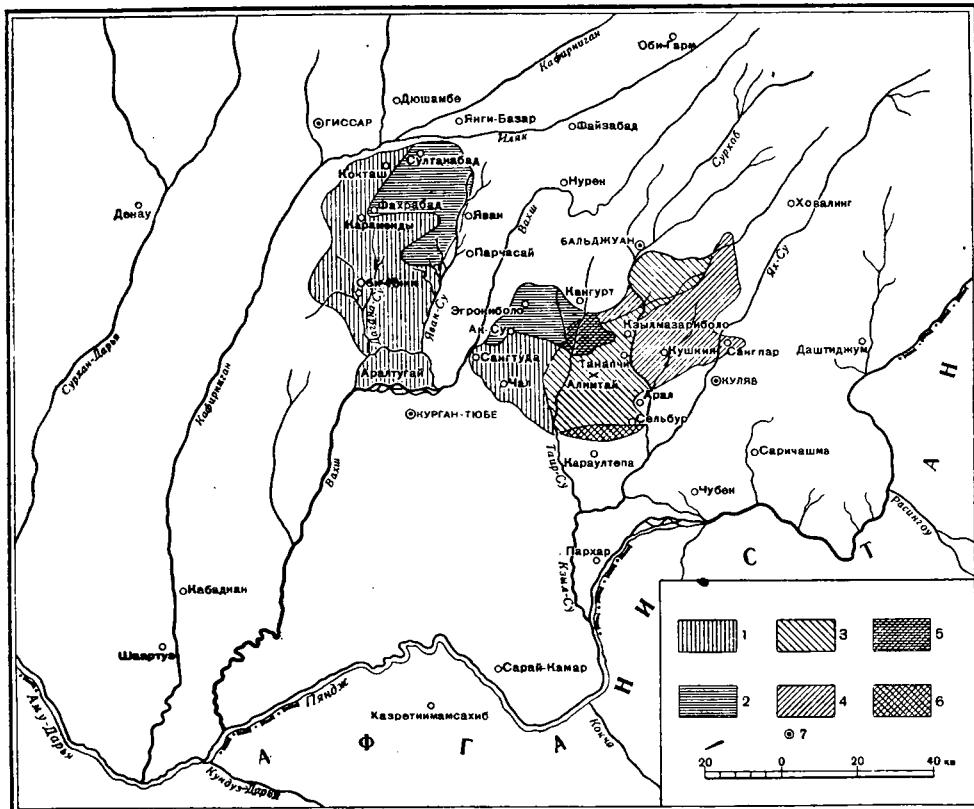
⁶ Н. Г. Маллицкий, Указ. соч., стр. 64.

⁷ Бурхан-уд-Дин-хан-и Кушеки, Каттаган и Бадахшан, Ташкент, 1926. Перевод с персидского под редакцией, с предисловием и примечаниями проф. А. А. Семенова.

⁸ Алыр — безлесные холмы, холмистая степь.

лярхоби и другие выходцы из Афганистана), так и с многочисленными тюркоязычными народами⁹.

Если таджики, как выше отмечалось, в пределах локайской территории занимали горы вдоль Вахша, то локайцы имели кишлаки на адырах и в долинах. Они заселяли восточную половину Яванской долины,

Карта 1. Расселение локайцев накануне установления Советской власти: 1 — род Бадраглы; 2 — Эсенходжа; 3 — Байрам; 4 — Туртоул; 5 — Эсенходжа, Туртоул и нелокайское население; 6 — Байрам, Туртоул; 7 — центры бекств

северо-восточную часть Дангаринской долины, юго-восточный угол нынешнего Кангуртского района и северо-запад Кызылмазарского района.

В дореволюционное время в жизни локайцев, как и многих других тюркоязычных кочевых скотоводческих народов нашей страны, сохранилось более или менее устойчивое родоплеменное деление. Названия основных родов и некоторых родовых подразделений локайцев приведены в статье И. П. Магидовича о населении Бухары¹⁰. В книге Ф. И. Льютко¹¹ перечислены основные роды локайцев правобережья Вахша. Оба автора не дают, к сожалению, генеалогической таблицы.

⁹ На Джиликульском плато жили туркмены племени эрсари; по соседству с ними — кунграты и казахи; на Араб-Тугае жила небольшая группа узбекского племени каучин, выходцев из Гузара; но больше всех на юге было представителей многочисленных родов узбекского племени катаган, переселившихся из Афганистана; встречались также могулы и карлуки (на юге нынешней Кульябской области). К востоку от реки Ях-су жили узбекские роды Семиз и Кесамир, а также тюрки. Последние жили и на северо-востоке Бальджуанского бекства.

¹⁰ И. П. Магидович, Указ. соч., стр. 198—199.

¹¹ Ф. И. Льютко, Басмачество в Локе, М.—Л., 1929, стр. 28 и 29.

В настоящее время, когда роды полностью утратили свое значение и даже названия их быстро забываются, люди среднего возраста, не говоря уже о молодежи, не всегда знают названия мелких родовых подразделений; поэтому материалы о родовом составе собирались нами преимущественно у представителей старшего поколения. Однако и последние оказались не в состоянии восстановить более или менее стройную структуру основных родов, так как письменных родословных (шаджара), по словам локайцев, у них не было. Только прекрасная память ныне покойного сказителя Сулеймана Умарова из кишлака Ташбулак Даганакицкого района сохранила нам генеалогию одной ветви рода Бадраглы. Состав других родов удалось привести в некоторую систему лишь после кропотливого сбора материалов и тщательного сопоставления и сравнения сообщений многих информаторов.

Локайцы делились на две большие группы, получившие свои наименования по месту обитания. Локайцы, проживавшие в пределах Гиссарского бекства, назывались гиссарскими — *хисары лакай*, а локайцы из Бальджуанского бекства — бальджуанскими — *балджуан лакай*, (теперь их иногда называют кулябскими — *куляби лакай*). До середины XIX в. эти две группы были территориально разделены довольно обширным пространством: долиной р. Вахш с прилегающими горами, долиной р. Таир-су (Дангаринская долина) и горами Джилан-тау, которые служат водоразделом рек Таир-су и Кызыл-су.

Каждая из названных групп делилась на два крупных рода: гиссарские локайцы — на роды Эсенходжа и Бадраглы, бальджуанские — на роды Байрам и Туртоул (Туртоул). Эти роды в свою очередь разветвлялись на более мелкие родовые подразделения (табл. 1).

В дореволюционное время в расселении локайцев в основном продолжал сохраняться родовой принцип, хотя родовая собственность на землю уже давно сменилась частной. Многие кишлаки носили, и по сей день носят, названия родовых подразделений, как, например: Дават, Казак, Бурдангаль, Кармышабад и др. Хотя наши материалы позволяют проследить расселение не только крупных родов локайцев, но и мелких родовых подразделений, ограничимся приложением карты с обозначением расселения четырех основных родов (карта 2).

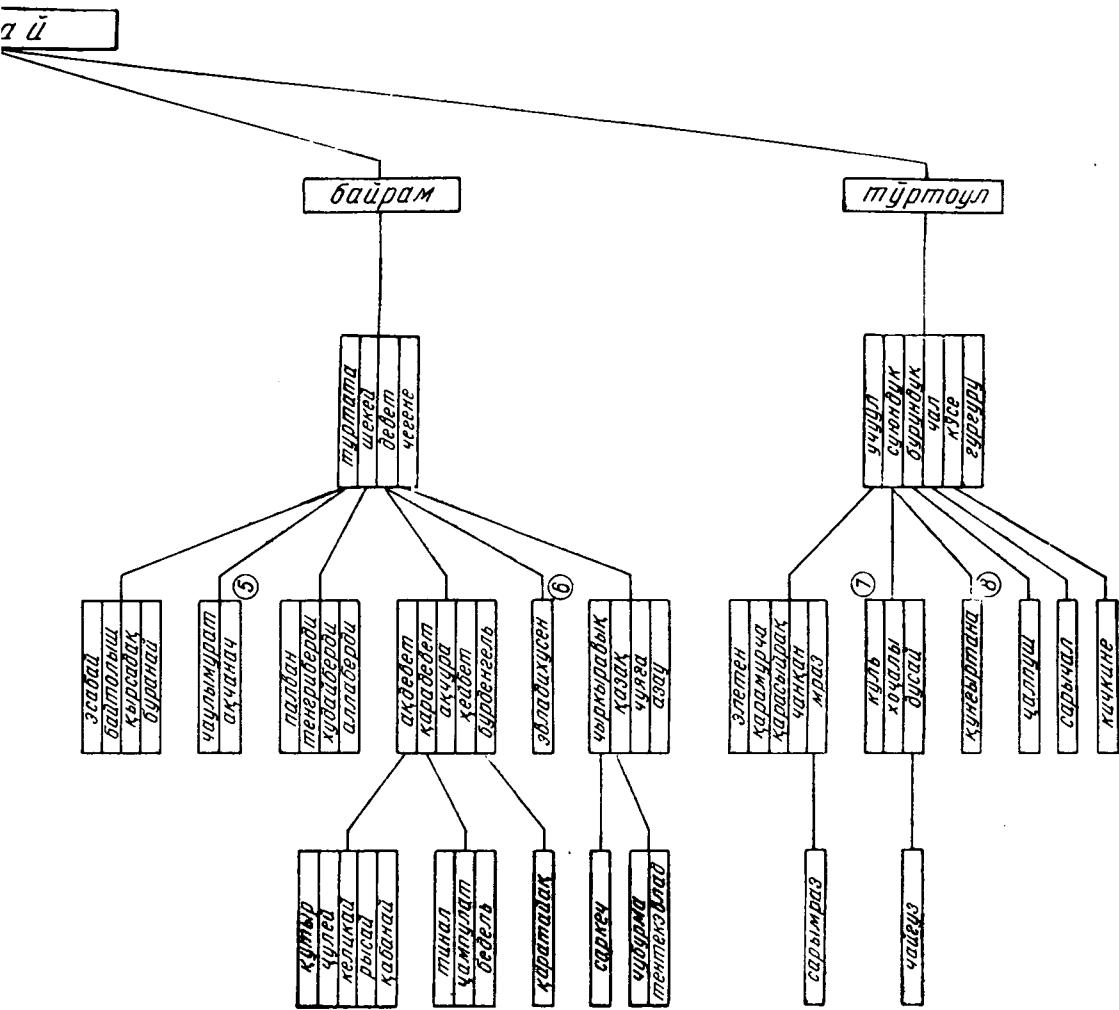
По вопросу о происхождении локайцев и о времени их поселения в местах современного обитания к настоящему времени наметились две гипотезы. Исследователи, придерживающиеся первой гипотезы, считают локайцев одним из родов дештияпчакских узбеков, пришедших в бассейн правых притоков Аму-Дарье, в частности в южные районы современного Таджикистана, в начале XVI в. с Шейбани-ханом¹². При этом некоторые авторы, ссылаясь на предания локайцев об их происхождении от одного из чингизхановых военачальников по имени Локай, допускают возможность прихода локайцев в Среднюю Азию в конце первой четверти XIII в. вместе с полчищами Чингиз-хана¹³. Исследователи, выдвинувшие вторую гипотезу, отвергая принадлежность локайцев к узбекам, связывают их происхождение с карлуками и относят появление локайцев в бассейне правых притоков Аму-Дарье ко времени, предшествующему завоеванию Средней Азии арабами¹⁴. Проф. М. Е. Массон считает даже возможным, что карлуки уже в VIII в. застали локайцев в горной Бухаре и что последние являются потомками тюрок времени Западного тюркского каганата¹⁵. Как И. П. Магидович, так

¹² А. Борис, Путешествие в Бухару, ч. III, М., 1849, стр. 367; А. П. Хорошин, Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, стр. 512; Д. Н. Логофет, На границах Средней Азии, кн. III, СПб., 1909, стр. 53; А. Панков, Население Таджикистана, Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 90.

¹³ Ф. И. Льютко, Указ. соч., стр. 28, С. Г. Азаров и О. И. Бригис, Овцеводство Таджикистана, М., 1930, стр. 62; Г. Г. Хитенков, Указ. соч., стр. 222.

¹⁴ И. П. Магидович, Указ. соч., стр. 198; М. Е. Массон, Указ. соч., стр. 53.

¹⁵ М. Е. Массон, Указ. соч., стр. 53.

озможно, являются подразделениями приведенных десяти родов; 2 — в наших материалах название ия не дифференцированы; 4 — обычно в этих названиях *x* переходит в *z*, т. е. произносится г точных сведений; 6 — возможно, является подразделением одного из предыдущих пяти родов; иется подразделением одного из предыдущих родов

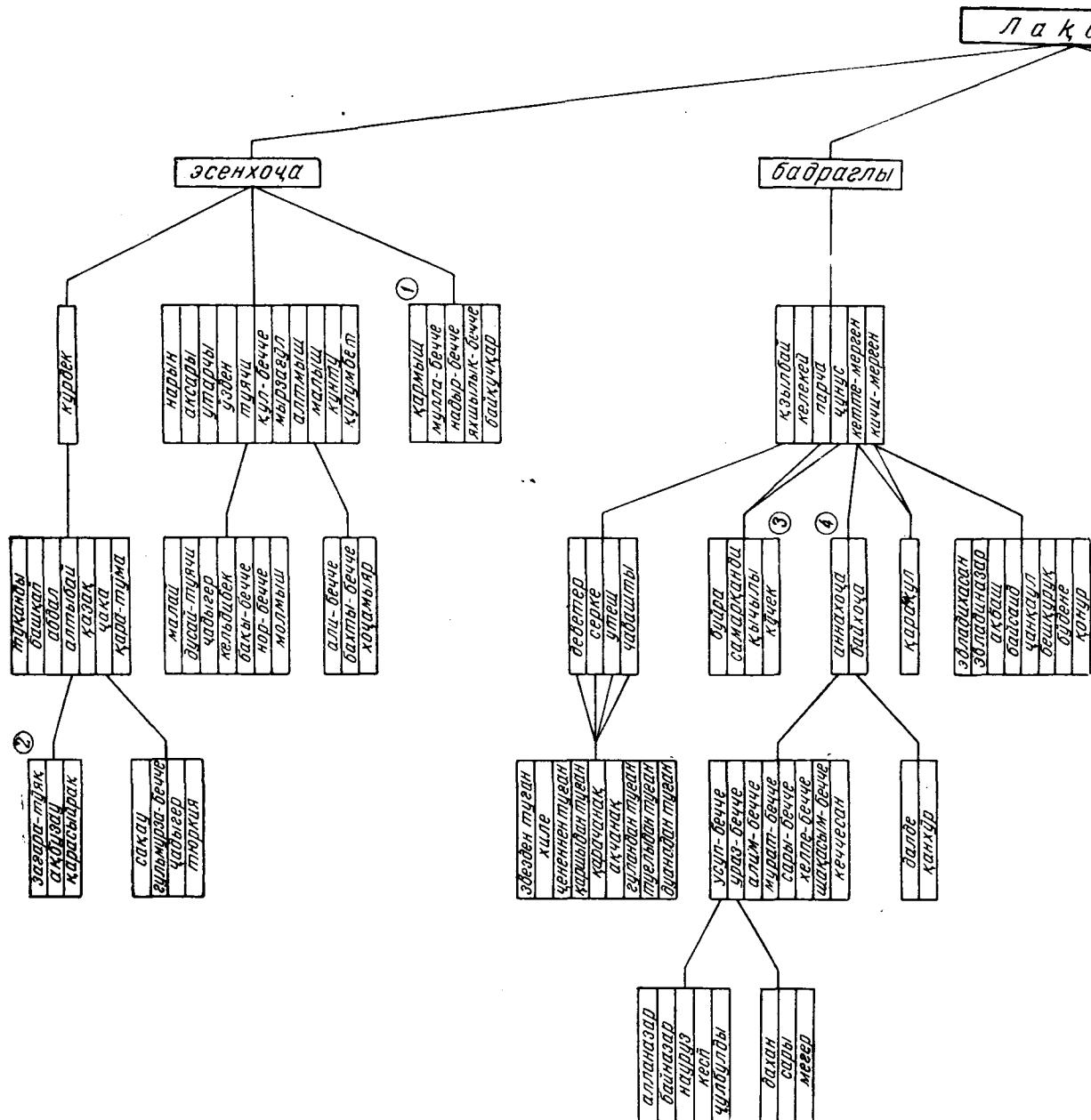
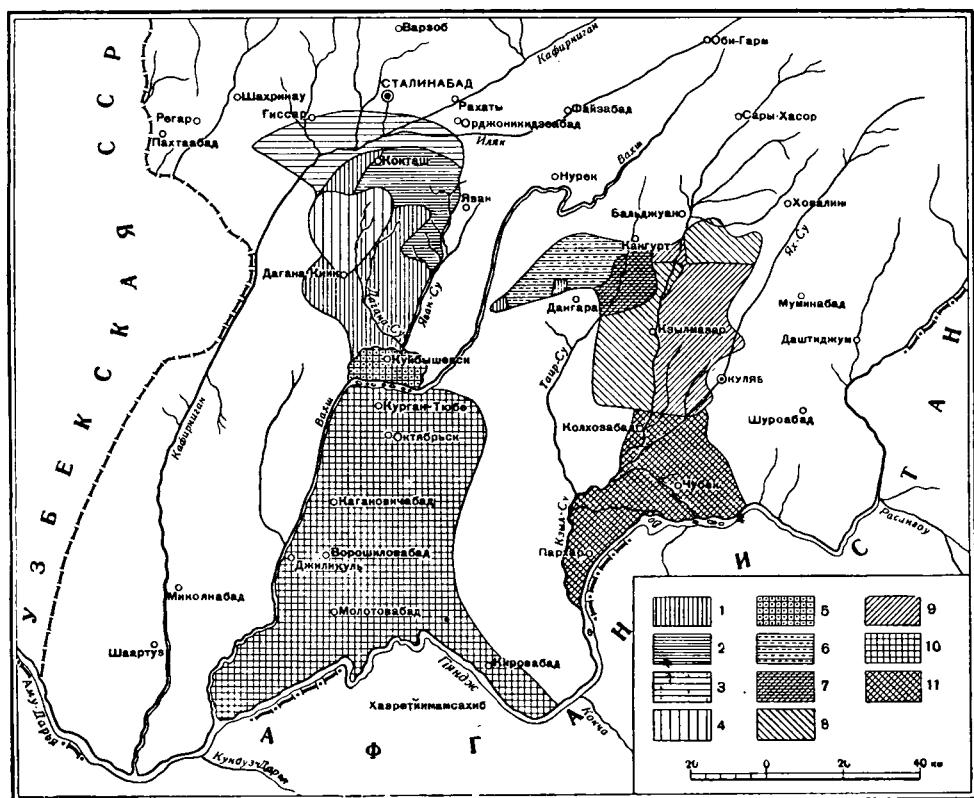

Таблица 1. Реконструкция родо-племенной структуры локайцев. Примечания: 1 — эти пять родов, в
этого рода встречается еще в форме *загара-уйак*; 3 — роды *Парча* и *Джунус* — парные, и их подразделения
аннагоджса; 5 — эти два рода, повидимому, являются подразделениями четырех предыдущих, но у нас нет
7 — в записи неясно *куль* или *кель*; 8 — возможно, явля

и М. Е. Массон подчеркивают связь локайцев с карлуками, а подтверждение этой связи видят в их совместном расселении в настоящее время¹⁶.

Кроме того, И. П. Магидович, основываясь на совпадении некоторых локайских этнонимов с родовыми названиями казахского племени аргын, считает, что «часть локайцев составилась из осколков древнего тюркского племени аргын, почти не встречающегося среди остальных

Карта 2. Современное расселение локайцев по признаку прежнего родового деления:
1 — Бадраглы; 2 — Эсенходжа; 3 — незначительное число Эсенходжа среди нелокайских
соседей; 4 — Бадраглы и нелокайское население; 5 — Эсенходжа, Бадраглы и нелокай-
ское население; 7 — Эсенходжа, Туртоул и нелокайское население; 8 — Байрам и
нелокайское население; 9 — Туртоул и нелокайское население; 10 — незначительное
число Эсенходжа и Бадраглы и нелокайское население; 11 — незначительное число
представителей всех четырех родов среди нелокайского населения

узбеков»¹⁷. М. Е. Массон говорит об этом менее уверенно: «Если исходить,— пишет он,— из приведенного народного предания локайцев о роли в их судьбе Чингиз-хана и из сближения их по сходству некоторых родовых названий с аргынами, то появление племени локай в Восточной Бухаре можно было бы связать с теми передвижениями аргынов, которые имели место в начале XIII в. и на которые обратил внимание еще Н. А. Аристов. Как установлено, в результате деятельности Чингиз-хана аргыны подались тогда на запад впереди найманов и кереев. Нельзя, однако, упускать из виду, что передвижения части аргынов могли происходить задолго до завоевания монголами Средней Азии и, кроме того, что предки локайцев могли появиться в юж-

¹⁶ И. П. Магидович, Указ. соч., стр. 198; М. Е. Массон, Указ. соч., стр. 52.

¹⁷ И. П. Магидович, Указ. соч., стр. 198.

ном Таджикистане совершенно самостоятельно от аргынов, связь с которыми пока не доказана»¹⁸.

Несколько строк посвящено локайцам в обширном коллективном труде «История народов Узбекистана». Авторы этого труда по существу присоединяются к точке зрения И. П. Магидовича, относя локайцев, наряду с племенами тюрк, карлук, туркмен, уйгур и др., к числу вероятных потомков наиболее древней части населения Средней Азии¹⁹.

Коренной недостаток приведенных выше гипотез заключается в том, что они не опираются на фактический исторический и этнографический материал, а высказываются в порядке общего предположения.

Приступая к попытке объяснить происхождение локайцев, обратимся прежде всего к названиям родов и родовых подразделений локайцев и сравним их с доступными для нас материалами по родовому составу других тюркских народов: казахов, киргизов, узбеков, туркмен и др. Мы, конечно, не намерены утверждать, что за каждым совпадением этнонимов различных народностей непременно кроется указание на родство или единство их происхождения. Среди родоплеменных названий, бытующих иногда в течение многих сотен лет, живут и такие, которые возникли совсем недавно и произошли преимущественно от собственных имен и прозвищ отдельных лиц. К таким названиям, как нам кажется, следует отнести, например, следующие этнонимы локайцев: кулбечче²⁰, моллабечче, надырбечче, кельдигек, бакыбечче, норбечче, алибечче, гульмурзабечче, буйра, самарканди, эвладихасан²¹, эвладиназар, палван, кусе, сакау, эвладихусен, тентекэвлад, шокасымбечче, хелпебечче, муратбечче, алимбечче, уразбечче, усупбечче, алланазар, байназар, науруз, кесп и, возможно, еще некоторые другие. Но большинство локайских этнонимов, видимо, древнего происхождения. Это те этнонимы, которые не встречаются среди локайских личных имен и прозвищ, а также в лексике современного локайского говора узбекского языка и подлинное значение которых уже непонятно народу. Часть таких этнонимов встречается среди родовых названий других тюркских народов, что указывает на этническую близость отдельных компонентов, из которых сложились эти народы. Результаты проведенного нами сравнения²² приведены в табл. 2.

¹⁸ М. Е. Массон, Указ. соч., стр. 53.

¹⁹ «История народов Узбекистана», т. II, Ташкент, 1947, стр. 290.

²⁰ Бечче — от таджикского бача — дитя, юноша.

²¹ Эвлад — от таджикского авлод — потомство (таджики в свою очередь заимствовали из арабского).

²² Для сравнения этнонимов, помимо собранного нами полевого материала по тюркскому населению южного Таджикистана, привлекались данные из следующих работ: С. М. Абрамзон, К семантике киргизских этнонимов. «Советская этнография», 1946, № 3; Абульгази, Родословная туркмен, Ашхабад, 1897; Н. А. Арристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей..., «Живая старина», вып. III и IV, СПб., 1896; его же, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов..., «Живая старина», вып. III и IV, СПб., 1894; Д. И. Бернштам, Древние тюркские элементы в этногенезе Средней Азии, «Советская этнография», 1948, № 4; А. Д. Гребенкин, Узбеки, «Русский Туркестан», М., 1872; Н. И. Гродеков, Киргизы и каракиргизы Сыр-дарыинской области, т. I, Ташкент, 1889; Б. Джамгерчинов, Из генеалогии киргизов, Сб. «Белек С. Е. Малову», Фрунзе, 1946; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950; Г. И. Карпов, Историко-этнографические материалы по Туркмении и Ирану, «Известия Туркменского филиала АН СССР», 1945, № 3—4; его же, Родовые тамги у туркмен, там же; «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I, ч. I, Ташкент, 1926; В. Г. Мощкова, Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен, «Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР», т. II, Ташкент, 1950; А. М. Маргуланов, Найманы, Сб. «Казаки», Академия Наук СССР, Материалы комиссии экспедиционных исследований, вып. 15, Л., 1930; Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948; его же. Этнический состав сагайцев, «Советская этнография», 1947, № 3; В. В. Радлов, Этнографический обзор тюркских племен Южной

Наименование локай у других тюркских народов и племен пока не встречено. Можно предполагать, что оно возникло относительно поздно, во время окончательного сложения локайского союза уже на современной его территории, и происходит от имени предводителя какого-либо рода или племени, сыгравшего большую роль в организации союза, как об этом говорят локайские предания.

Из зарегистрированных нами 151 названия локайских родоплеменных подразделений 69 обнаружены среди других тюркоязычных кочевников.

Из таблицы следует, что локайцы не имеют общих этнонимов с доузбекскими племенами южного Таджикистана, за исключением двух названий: весьма сомнительного созвучия локайского *шекей* с *шакайди* у карлуков, проживающих в Афганистане, и совпадения одного элемента этнонима *тентекэвлад* с барласским *крыктентак* и *элликтентак*. Последнее совпадение может быть совершенно случайным, так как слово *тентак* (придурковатый, глупый, сумасбродный) часто употребляется в обиходной речи.

Больше всего сходных этнонимов у локайцев с казахами (38), в частности с племенами, входившими в Средний жуз (28): аргын, найман, керей, кыпчак. При внимательном анализе названий казахских родов, входивших в Старший и Младший жузы, оказалось, что некоторые из них происходят также от указанных четырех племен, образовавших Средний жуз. Следовательно, совпадений локайских этнонимов с этнонимами племен Среднего жуза фактически больше, чем указано в таблице.

Н. А. Аристов доказал, что роды Туртоул и Суюндук являются аргынскими, а в состав других племен они попали во время передвижений и смешений²³. Название Байрам не встречается у казахов. Однако Н. А. Аристов приводит аргынское сказание о том, что у одного из потомков Алаша, родоначальника всех казахов, был сын Аргын. У него от старшей жены родился сын Майрам²⁴, а у последнего было два сына — Кувандык и Суюндук²⁵.

У аргынов казахских есть и род Кувандык²⁶. И. П. Магидович отождествляет его с локайским Куюндук²⁷. Последнего названия среди локайцев нам не приходилось встречать, хотя вполне возможно, что в 1920-х годах и было какое-либо мелкое подразделение под таким названием. У локайцев распространено собственное имя *Кувандык*. Таким образом, локайское название *Байрам* может считаться аргынским. Кроме того, можно допустить, что в прошлом у локайцев был и род Кувандык (Куюндук, зарегистрированный в 1924 г.) также аргынского происхождения.

И. П. Магидович локайский этноним *Бурундук* отождествляет с аргынским *Бегендик*, который имеется и у туркмен племени теке. Однако нам такое отождествление кажется сомнительным, так же как отождествление локайского *девет* с туркменским *дат*.

Сибири и Джунгарии, Томск, 1887; его же, Средняя Зеравшанская долина, «Записки РГО», т. VI, СПб., 1880; А. А. Семенов, К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, «Рабочая хроника Института востоковедения за 1 полугодие 1944», т. II, Ташкент, 1944; Н. Ситниковский, Генеалогическая таблица у полукочевого узбекского рода Кунград, «Изв. Турк. Отд. РГО», т. VII, 1907; А. С. Садыков, Родовое деление киргиз, Сб. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927; Э. А. Шмидт, Материалы по родовому составу казахского населения юго-западной части Чикментаузского уезда, там же.

²³ Н. А. Аристов, Заметки..., стр. 358—366.

²⁴ У казахов, как и у узбеков, майрам произносится двояко: майрам и байрам.

²⁵ Н. А. Аристов, Заметки..., стр. 363.

²⁶ Там же, стр. 362.

²⁷ И. П. Магидович, Указ. соч., стр. 198.

Локайское родовое название *Джака*, созвучное с *Джакай* (*Джакау*) казахов Младшего жуза, можно рассматривать как аргынское, так как оно у казахов принадлежит подразделению рода Каракисяк, который, как доказал Н. А. Аристов, является аргынским.

Среди зарегистрированных этнонимов Старшего жуза нами обнаружено 11 названий, сходных с локайскими. Из них только два — *Кармыш* и *Кунту* не имеют аналогий среди этнонимов Среднего и Младшего жузов. Однако название *Кармыш* встречается и среди родовых подразделений рода Кыпчак киргизского племени ичкилик, которое считается чуждым настоящим киргизам²⁸, и, следовательно, род *Кармыш* по своему происхождению примыкает к племени кипчак Среднего жуза казахов.

Из всех известных нам киргизских этнонимов 19 совпадают с локайскими. Причем пять из них встречаются и среди этнонимов Среднего жуза, в числе последних такие древние наименования, как *тума* и *чура*²⁹. Среди остальных, т. е. не имеющих аналогий в этнонимах Среднего жуза, есть уже отмеченный нами род *Кармыш*, а также род *Кызылбай*. Последний, как и *Кармыш*, будучи подразделением племени ичкилик, является иноплеменной примесью среди киргизов и примыкает фактически к племенам Среднего жуза.

Из всего сказанного становится очевидным, что значительная часть локайцев сложилась из тех же этнических компонентов, что и казахи Среднего и частично Младшего жузов. Очевидна также связь локайцев с древним тюркским племенем аргын, являвшимся одной из составных частей Среднего жуза.

Следует остановиться еще на одном этнониме. У локайцев под названием *Курдек* известен многочисленный род — подразделение рода Эсенходжа. Такое же название имеется у тобольских и тарских татар³⁰, которые живут в непосредственном соседстве с казахами Среднего жуза, имеют с ними некоторое родство в происхождении и общую историческую судьбу на длительном отрезке времени, когда они входили в Улус Джучия, его сына Шейбана, а позже — Абульхайра. В. В. Радлов считает роды Курдек, Туры и Аялы с древности живущими в Сибири и отмечает, что курдеки, по сравнению с турами, мало смешались с пришлыми «бухарцами»³¹.

Некоторые наши информаторы-локайцы род Курдек считают самостоятельным. Кувандык Алишев из рода Эсенходжа (житель кишлака Шурча Яванского района) рассказал нам предание о том, что родоначальник эсенходжинцев женился на женщине, имевшей сына от первого брака. Этого пасынка Эсенходжи и звали Курдек. Потомство Курдека, согласно преданию, не принадлежит к собственно эсенходжинскому роду. Видимо, осколок рода Курдек сибирских татар в свое время пристал к одному из казахских (узбекских) родов, вошедших впоследствии в состав локайцев. Еще Н. А. Аристов заметил, что,

²⁸ Среди родов племени ичкилик встречаются те же названия — Найман и Кыпчак, — которые входят в состав Среднего жуза, а также род Кесек Младшего жуза, происходящий от аргынов (Н. А. Аристов, Заметки..., стр. 378). По Ч. Валиханову, в середине прошлого столетия киргизские племена еще не признавали ичкиликов истинными киргизами, родственными себе (Н. А. Аристов, Опыт..., стр. 428).

²⁹ Чура относится к племени саяк, которое считалось происходящим не от законной жены Тагая, а от наложницы, поэтому главные киргизские роды относились к нему с некоторым пренебрежением. Стало быть, как отмечает Н. А. Аристов («Опыт...», стр. 442), племя саяк было инородным у киргизов. Интересно отметить, что в предании о локайском роде Алтыш предводитель его назван Аннакул-саяк.

³⁰ Н. А. Аристов, Заметки..., стр. 350; В. В. Радлов, Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии, стр. 25.

³¹ По сообщению В. В. Храмовой, название *курдек* до сих пор живет в памяти тарских татар.

если какой-либо род или осколок племени присоединяется к другому племени или если какое-либо племя мельчает, распадается, то в народном сознании это находит отражение в виде преданий, в которых родоначальник чуждого по происхождению (присоединившегося) племени считается приемным сыном или сводным братом родоначальника основного племени.

В таблице указано несколько других совпадений локайских этнонимов с этнонимами народов Южной Сибири. В этой связи хотелось бы еще отметить локайский род *Мрас*, созвучный с названием реки *Мрасы* (*Мрас-су*), бассейн которой населяют шорцы.

Обращает на себя внимание, что среди этнонимов узбекских племен встречается очень мало совпадений с локайскими родовыми названиями. Это объясняется, возможно, недостаточностью сравнительного материала. Если бы существовали подробные списки родов и мелких родовых подразделений по отдельным узбекским кочевым племенам, как это имеется по казахам, то, возможно, этих совпадений было бы значительно больше. Однако вполне возможно, что локайцы, по сравнению с другими узбеками, составились из несколько иной группы дештикыпчакских племен.

Обратимся к локайским тамгам, хотя они, к сожалению, могут рассказать очень немногое, так как, повидимому, давно утеряли значение родового знака и уже до революции воспринимались только как знаки собственности отдельных баев. Они выбирались тем или иным ското-владельцем совершенно случайно, независимо от его родовой принадлежности.

Ряд локайских тамг опубликован в работе Г. Г. Хитенкова³².

Несколько тамг изобразили нам старики-коневоды:

○—○	Байназар-хаджи
Т	Тюраханбай
+	Шаполатбай
Q	Хатимбай
—	Кауракбай

Тамги локайцев обнаруживают сходство с приводимыми ниже:

+ X	казахские племена керей, алчи, тлеу, каракалпакское племя кенегес, туркменские племена иомуд, сарык, теке;
—	казахские племена кыпшак и канглы, каракалпакское племя кыпшак, ногайское племя торту-улу-ас, туркменское племя теке (колено Конгур рода Тахтамыш и колено Букри рода Векиль);
— —	казахские племена найман и кунграт;
Ψ	казахское племя сергеле (род Уштамгалы);
Ѳ	туркменское племя теке (среди ряда других тамг в ауле Меана, населенном смешанными родами);
—	туркменское племя иомуд (род Ушак).

Из приведенного обзора сходных этнонимов и тамг можно сделать следующие выводы:

1. Локайцы, как и многие другие узбекские племена, по происхождению не являются кровнородственной группой, это конгломерат тюрко-монгольских племен и родов. В состав их исторических предков вошли тюркоязычные этнические элементы, общие с казахами, киргизами, час-

³² Г. Г. Хитенков, Указ. соч., стр. 220.

тично сибирскими татарами и другими тюркоязычными народами Южной Сибири, которые участвовали также и в этногенезе кочевых узбеков, туркмен, каракалпаков и некоторых других тюркоязычных народов. На этом основании можно утверждать, что в состав локайцев вошли кыпчакские тюркоязычные племена и группы, которые дробились и расходились, смешивались и скрещивались в результате распадения Улуса Джучия.

2. Локайцы в основном — выходцы из северо-восточной части Улуса Джучия, т. е. из Улуса Шейбана, о чем говорят многие их этнонимы, общие с этнонимами населения этой части Дешт-и-Кыпчака.

3. Этнонимические материалы не подтверждают связи локайцев с племенами тюрк и карлук, обитавшими в южной части Таджикистана.

Тюркоязычные «племена»³³ южного Таджикистана можно разделить на две резко отличные одна от другой группы. В первую группу входили: тюрк, карлук, барлас, мусабазари, калтатой и мугул; во вторую группу — локай, дурмен, кунграт, катаган, марка, каучин, кесамир и семиз.

Первая группа, за исключением мугулов, называет себя тюрками, а вторая — узбеками. Об этом различии писал еще в 1920-х годах по-крайней Н. Г. Маллицкий: «Карлуки, барлосы и муса-базари называют себя тюрк». Отметив монгольское происхождение барласов и мугулов, Н. Г. Маллицкий продолжает: «Перечисленные народы тюркского и монгольского происхождения, очевидно, пришли на территорию нынешнего Таджикистана еще до появления здесь узбеков и несколько отличаются от них по языку и обычаям»³⁴.

К числу узбеков, пришедших с Шейбани-ханом, Н. Г. Маллицкий относит кунгратов, дурменов, катаганов и, с оговоркой, локайцев. «Локайцы,— пишет он,— держатся несколько обособленно не только от таджиков, но и от тюрков, и отличаются также и своею наружностью, более чистым тюркским типом, хотя среди них есть много светловолосых и сероглазых (черта, несвойственная вообще тюркам)»³⁵.

Согласно нашим материалам, эти две группы, которые мы условно будем называть «тюрко-карлукская» и «узбекская», отличаются прежде всего по языку. Представители первой группы говорят на весьма близких друг к другу говорах среднеузбекского диалекта (по терминологии проф. А. К. Боровкова³⁶), или чагатайского наречия (по терминологии некоторых, более ранних классификаций). Представители второй группы говорят на сходных говорах джёкающего диалекта (по Боровкову), или кыпчакского наречия (по более ранней терминологии)³⁷.

Следует отметить, что если представители второй, кыпчакской группы, в том числе и локайцы, не владеют таджикским языком (особенно женщины), то тюрко-карлукская группа двуязычна, включая и женщин, причем оба языка почти равноправны даже в домашнем быту, а у собственно тюрков во многих горных районах Таджикистана идет интенсивный процесс полного вытеснения родного языка таджикским. Этот процесс дошел до такой степени, что тюрки нередко называют себя таджиками рода Тюрк.

Различие между этими двумя группами проявляется и в физическом типе. Даже неспециалисту бросается в глаза резкое внешнее антропологическое различие между представителями обеих групп, особенно

³³ Термин «племя» в данном случае мы употребляем совершенно условно.

³⁴ Н. Г. Маллицкий, Указ. соч., стр. 62 (Разряда наша.— Б. К.).

³⁵ Там же, стр. 64.

³⁶ А. К. Боровков, Развитие узбекского языкоznания в свете учения И. В. Сталина о языке, «Известия Академии Наук УзССР», 1951 г., № 4, стр. 6.

³⁷ В связи с тем, что до сих пор в узбекской диалектологии нет установившейся классификации говоров, мы были вынуждены привести и более раннюю терминологию.

между карлуками и локайцами. Научное подтверждение этому дали работы Кулябской этнографо-антропологической экспедиции 1952 г., осуществлявшейся совместно Институтами истории, археологии и этнографии академий наук Таджикской и Узбекской ССР. Перед экспедицией была поставлена задача антропологического обследования населения по этническим и родоплеменным группам. Согласно предварительным данным, любезно сообщенным начальником антропологического отряда В. Я. Зезенковой, карлуки по типу оказались близкими к таджикам (европеоидный тип среднезиатского междуречья), тогда как локайцы, наоборот, оказались резко отличными от таджиков и относящимися к монголоидной группе.

Если мы обратимся к хозяйственной деятельности и материальной культуре, то и здесь найдем большую разницу между двумя рассматриваемыми группами. Мы не имеем возможности в настоящей статье дать обстоятельное описание этих различий. Но в связи с наличием устойчивого, хотя ничем не обоснованного мнения о близости карлуков и локайцев, считаем необходимым все же указать некоторые различия и в этом отношении.

Основным, а в некоторых районах даже единственным, занятием тюрко-карлукской группы было овцеводство, разводились овцы так называемой гиссарской породы, которая среди местного населения называлась тюркской. В хозяйственной деятельности племен узбекской группы животноводство хотя и занимало наряду с земледелием (преимущественно богарным хлебопашеством) ведущее место, но не имело такого единого направления. Локайцы, например, были известны как коневоды, кунграты — как верблюдоловы, марка — как коневоды и рисоводы и т. д.

Конечно, среди локайцев, как и среди некоторых других групп узбеков (дурмен, кунграт, катаган и, особенно, марка), встречались крупные овцеводы, но это занятие не считалось спецификой этой группы, тогда как для тюркской группы (особенно для карлуков) разведение гиссарской овцы было специфично. Образ жизни, материальная культура, народное изобразительное искусство и некоторые обычай и обряды как локайцев, так и вообще всей узбекской группы носят черты, общие для культуры кочевников Дешт-и-Кыпчака. Вплоть до 1920-х годов локайцы, дурмены, кунграты, марка и другие узбекские группы жили преимущественно в войлочных юртах казахского типа. Остов юрты состоял из решетки «кереге», которая нередко ставилась в два «этажа», и палок «уук», составляющих остов крыши и вставляемых в деревянный дымовой круг «чангарак».

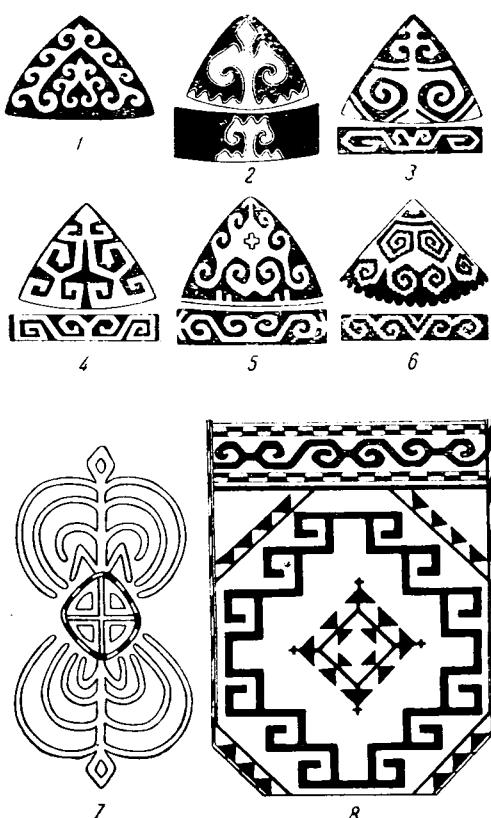

Рис. 1. Локайский орнамент: 1—6 — узоры вышитых тюбетеек; 7 — узор вышитой сумочки; 8 — узор вышитой сумочки для чая

Карлуки, барласы, калтатой, не осевшая часть тюрков — тоже жили в юртах (в некоторых местностях до сих пор рядом с глинобитным домом ставят войлочную юрту), но другого типа, достигающих иногда очень больших размеров (до 15 и более метров в диаметре). Каркас этого жилища имеет полусферическую форму и представляет собой сплошную решетку. Решетчатые стенки и купол его образуют одно целое и состоят из перекрещивающихся деревянных дуг. Дуги составные, из слегка согнутых палок, связанных в местах соединения.

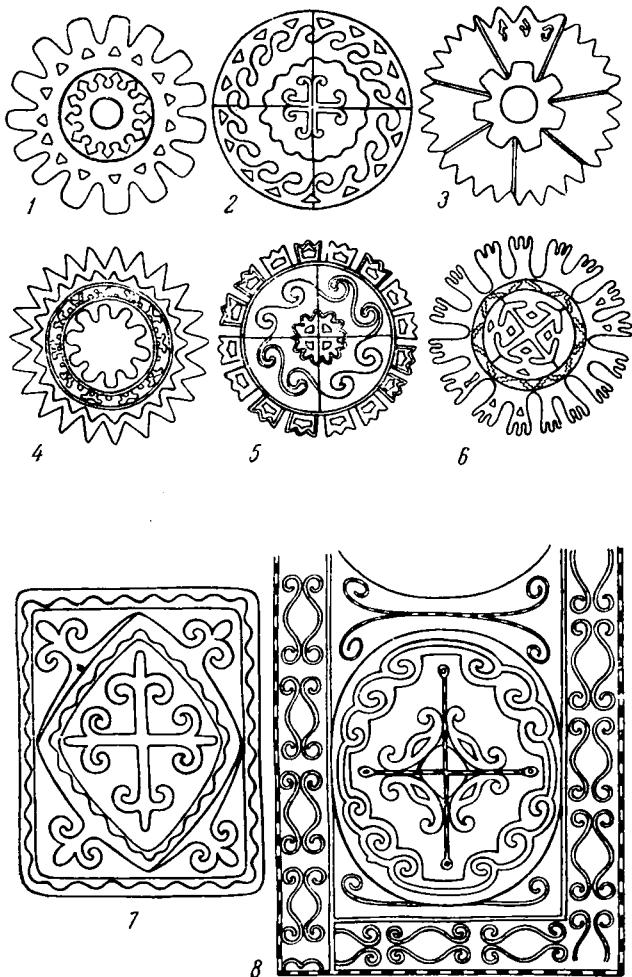

Рис. 2. Локайский орнамент: 1—6 — узоры вышитых сумок; 7 — узор кошмы, украшенной аппликацией; 8 — узор ковровой торбы

Очаги и у локайцев, и у карлуков вырыты в земле, но имеют различную форму, хотя и те и другие пекут хлеб на каменной плите, кипятят чай в чугунных или медных кувшинах и варят пищу в чугунных (раньше медных) котлах.

Представители узбекской группы ткут узорные паласы (безворсные ковры), мелкие ковровые предметы с ворсом и вышивают. Особенно известны как искусные вышивальщицы и ткачики локайские женщины. Карлуки и тюрки не знают тканья узорных паласов (приобретают их у локайцев) и не вышивают. Даже тюбетейки карлуки и тюрки покупают у локайцев или таджиков.

Орнамент локайских вышивок и ковров (рис. 1—3) очень близок, порой совершенно тождественен бытующим у катаганов, семизов, кесамиров, дурменов, кунгратов, и других узбекских групп и имеет много общего с орнаментом казахов, киргизов и туркмен. Несомненно, что истоки и история развития этого орнамента общие³⁸.

В одежде и украшениях обеих групп, несмотря на большое внешнее сходство, имеются значительные различия. Например, цвет и размеры чалмы и особенно способ ее наматывания у карлуков и локайцев совершенно различны. Карлукская чалма существенно отличается и от таджикской. Таких примеров можно было бы привести очень много.

Карлуки, как и другие представители тюрко-карлукской группы, хотя и разводят лошадей, но не знают кумыса, а у локайцев кумыс любимый напиток.

В обычаях и обрядах локайцев, как и других узбеков, обнаруживается общность с казахскими. Например, свадебные обряды локайцев, катаганов и марка вплоть до деталей совпадают со свадебными обрядами казахов, чего нельзя сказать о карлукской свадьбе.

Конечно, обе рассматриваемые группы имеют и некоторые общие черты в быту и особенно в хозяйстве, в частности в животноводстве. Эти сходные черты, видимо, обусловлены, с одной стороны, кочевым экстенсивным скотоводством, которое с древнейших времен составляло основное занятие обеих групп; с другой стороны, их совместной жизнью на общей территории в течение ряда веков. Кроме того, обе рассматриваемые группы в значительной степени подверглись воздействию культуры и быта окружающего таджикского населения.

Приведенные выше материалы позволяют поставить под сомнение предположение И. П. Магидовича и М. Е. Массона о «какой-то связи» локайцев с карлуками «на длительном отрезке исторической жизни»³⁹, а также категорическое утверждение М. Е. Массона о том, что «в данный момент можно считать установленным, что появление локайцев в бассейне правых притоков верхнего течения Аму-Дары на много веков предшествовало завоевательным походам Шейбани-хана в XVI столетии»⁴⁰.

Обратимся теперь к собственным представлениям локайцев и карлуков, а также их соседей о своей этнической принадлежности.

³⁸ Мы лишены возможности в краткой статье привести перечень многочисленных изданий по орнаменту казахов, киргизов и туркмен, где имеются аналогии приводимым нами локайским узорам.

³⁹ И. П. Магидович, Указ. соч., стр. 198; М. Е. Массон, Указ. соч., стр. 52.

⁴⁰ М. Е. Массон, Указ. соч., стр. 53.

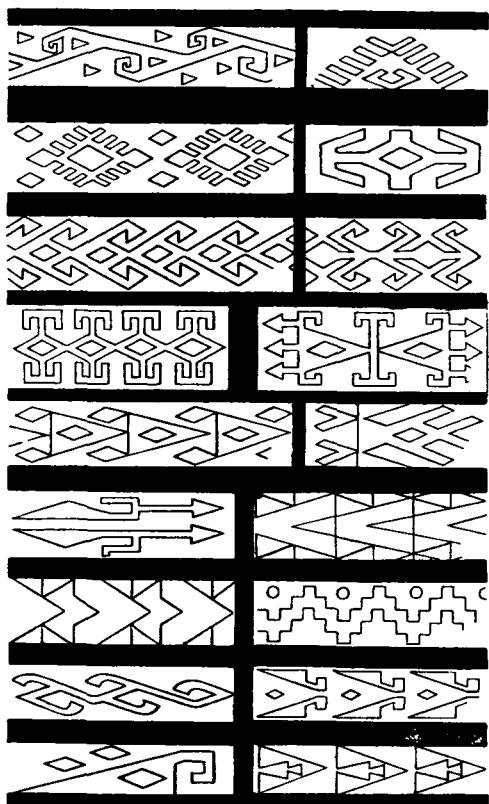

Рис. 3. Узоры безворсовых ковров

Локайцы, наряду с катаганами, дурменами, семизами, кесамирами, марка и кунгратами, считают себя узбеками, при этом — выходцами из Балха. Они обычно относят себя к одной из многочисленных ветвей (шах, таипа) племени катаган. Вместе с тем они подчеркивают, что карлуки к узбекам не относятся.

Нам неоднократно приходилось слышать от стариков-локайцев, что «в основе своей локайцы — узбеки, родина узбеков Балх». «Локайцы и катаганы — одно и то же. Локайцы отделились от катаган». «Локайцы, наряду с дурменами, марка и кунгратами, одна из ветвей узбеков; карлуки и тюрки к узбекам не относятся»⁴¹. При этом наши информаторы всегда подчеркивали, что с катаганами и другими узбеками, принадлежность которых к дештикыпчакским узбекам (катаган, кунграт, дурмен, марка и др.) не вызывает сомнений, у них одинаковый образ жизни и одинаковые обычай, в чем мы сами убедились. Общее происхождение с ними локайцы осознавали еще до Великой Октябрьской социалистической революции. М. С. Андреев, будучи в Кокташе в 1925 г., записал от локайского бия Абдурашида из рода Эсенходжа: «Кунграт, Лакай, Катаган, Дурмен считаются одной племенной группой (97 родов). Он не знает, к какому роду примыкает Лакай — либо к Кунграт, либо к Катагану. Общей родовой тамги нет. Урана и птицы также нет»⁴².

Особенно интересно отметить, что еще более ста лет назад Александру Борнсу, когда он проезжал близ Гиссара, говорили о локайцах, как об узбеках⁴³.

В этой связи приведем несколько отрывков из легенд, записанных нами во время полевой работы.

«Локайцы в основе своей распространялись от катаганов. Племя катаган живет в Кировабадском, Микоянабадском, Пархарском и Чубекском районах, а 40% катаган живет в Афганистане. Они мало отличаются от локайцев и делятся на 110 родов. Локайцы приехали в Таджикистан из Балха 8 поколений (пушт) тому назад. Так мы слышали от известного сказителя, ныне покойного Бабахан-сакы из кишлака Иккинчи Джалтыркапа»⁴⁴. О происхождении локайцев рассказывали: «У единокровного брата Чингиз-хана, Кармыша, было 16 сыновей катаганов, одним из которых был Лакай. Кармыш еще при жизни весь свой скот роздал сыновьям, забыл только Лакая, самого младшего. Лакай явился с претензией к отцу. Отец ответил: «Имущество (мал) твоих братьев — твое. Когда тебе будет нужно, можешь брать у них». С тех пор локайцы считают, что имущество других родов племени катаган им дозволено, так как завещано отцом.

В число 16 колен катаган входят: Суджани, Лакай, Дурмен, Кунграт, Курт, Таз, Марка, Катаган, Мугул, Каучин, Найман, Учоул, Байрам. Остальные три рода не можем вспомнить. Карлуки в число узбекских родов не входят.

⁴¹ Один из наших информаторов, Маматмуса Хантов (71 г.), в подтверждение своих слов рассказал, что до Советской власти Гиссарское бекство делилось на 18 амлякдарств (амлякдарство — поземельно-податный участок.— Б. К.). В большие праздники в Гиссаре устраивались состязания в борьбе представителей различных амлякдарств. При этом обычно разбивались на две партии: первую партию составляли узбеки, а вторую — таджики, карлуки и тюрки. Гиссарские узбеки составляли четыре амлякдарства: дурмены — одно, марка — одно, а локайцы — два, так как род Эсенходжа и род Бадраглы составляли отдельные амлякдарства. Остальные 14 амлякдарств Гиссарского бекства слагались из представителей таджиков, тюрок и карлуков.

⁴² Архив Института истории, археологии и этнографии Академии Наук Таджикской ССР. На запись о локайцах в архиве проф. М. С. Андреева любезно указала нам А. К. Писарчик.

⁴³ А. Борнс, Путешествие в Бухару..., ч. II, М., 1848, стр. 366.

⁴⁴ Записано от жителей Кокташа Икрамкула Шарикулова из рода Эсенходжа (подразделение Кулбечче, колено Надырбечче) и Абирова из рода Бадраглы.

Чингиз-хан оставил локайцев как разведку в Балхе, а в Самарканде оставил племя крыкмен-джузъ.

Приведенный отрывок является частью обширного предания о происхождении локайцев⁴⁵. Согласно этому преданию, Локай имел четырех сыновей от двух жен: Эсенходжа и Туртоул — от одной жены, Бадраглы и Байрам — от другой жены. Эти четыре брата не стали жить вместе: Эсенходжа и Бадраглы, т. е. сыновья от разных матерей отдалились и откочевали в Хисар, а Туртоул и Байрам остались в Бальджуане⁴⁶. Предание интересно еще тем, что оно определенно говорит о принадлежности локайцев в прошлом к катаганам. Оно содержит и многие элементы эпического творчества узбеков. Кроме того, отметим, что эта легенда близка по сюжету легендам о происхождении киргизов и казахов, записанным Н. И. Гродековым⁴⁷.

Наконец, обратимся к сведениям соседей локайцев об этнической принадлежности последних.

Сами катаганы также признают свое родство с локайцами. У них тоже бытует упомянутая легенда о дележе наследства между братьями. Они подчеркивают общность обычая и образа жизни с локайцами, но только говорят, как об отличительном признаке, о былых разбойничих тенденциях в характере локайцев и о своем миролюбии.

Таджики относят локайцев к узбекам. В тех горных районах, где живут вперемежку таджики, локайцы, карлуки и тюроки, население называет узбеками только локайцев, именуя их даже не локайцами, а просто узбеками. Например, если говорят, что в таком-то кишлаке живут узбеки, это значит, что там живут локайцы. По отношению к карлукам или тюркам термина «узбек» не применяют.

Карлуки тоже называют локайцев узбеками, а про себя говорят, что они скорее таджики, так как давно уже стали с таджиками «дядями и племянниками» (*тогаи джисан*)⁴⁸, и никогда не причисляют себя к узбекам. Карлуки при этом считают себя исконными наследниками этих мест.

Итак, локайцев их соседи называют узбеками⁴⁹. Так же называют себя и сами локайцы.

Обратимся к вопросу о времени прихода локайцев в бассейн правых притоков Аму-Дарьи. По этому поводу имеются следующие предположения:

1. Локайцы пришли сюда вместе с карлуками в VIII в., до прихода арабов, а возможно, даже и в VI в. и являются, следовательно, потомками тюрков Тюркского каганата.

2. Локайцы пришли в числе тюркских и монгольских войск Чингизхана в первой четверти XIII в. или немного ранее, так как не исключена возможность, что они являются потомками аргынов, передвинувшихся на юго-запад вместе с найманами и кереями в результате разгрома Чингиз-ханом государства Кучлука.

⁴⁵ Это предание записано нами осенью 1945 г. от сказителя Сулеймана Умарова, а также 31 октября 1947 г. от Мамат-мусы Хайтова из рода Бадраглы (кишлак Биринчи Джалтыркала Кокташского района) и, наконец, от старика Эшкуата 104 лет из кишлака Дават Кызылмазарского района. Последняя запись сделана 4 октября 1948 г. Дусаевым Куганом.

⁴⁶ В сильно сокращенном и несколько измененном виде эту легенду, записанную в начале 1900-х годов, приводит Н. А. Бендерский в своем докладе о Гиссарском крае («Известия Туркестанского отдела РГО», т. VII, 1907, стр. 154).

⁴⁷ Н. И. Гродеков, Указ. соч., стр. 4, 5.

⁴⁸ Тога — дядя по матери; карлуки женились на таджичках, но своих девушек за таджиков не выдавали.

⁴⁹ Локайцы, как и другие полукочевые в прошлом узбекские племена, этимологию слова *узбек* большей частью выводят от *ўз* бек — «сам себе бек», «независимый» (А. Д. Гребенкин, Указ. соч., стр. 54).

3. Локайцы — узбеки и, следовательно, пришли с Шейбани-ханом в XVI в.

Таким образом, локайцев считают потомками тюркских пришельцев в Среднюю Азию. Разногласие существует только в отношении того, потомками каких из тюркоязычных пришельцев являются локайцы.

Нам кажется, что за возможных потомков тюрков времен Тюркского каганата можно было бы принять не локайцев, а племя тюрк, ибо тюрки, так же как и аборигены — таджики, оттеснены в горы позднейшими завоевателями и живут на границе двух этнических территорий: к северу от них начинается сплошная таджикская территория, а к югу — почти сплошь (исключая наиболее высокие части гор) живут тюркоязычные народности⁵⁰. Далее, племя тюрк, как мы уже отмечали, более других групп тюркоязычного населения южного Таджикистана подверглось таджикизации, во многих районах большинство из них полностью отаджицилось и утратило былое деление на роды. Тюрки Рахатинского района (Гиссарская долина), до революции сохранявшие кочевой образ жизни, еще имели родовые деления (авлод). Наличие среди названий их родов таких, как ёвлоди-кыргыз и ёвлоди-джат⁵¹, говорит о том, что они включили в себя и более поздних пришельцев.

К ранним тюркоязычным пришельцам в Среднюю Азию нужно отнести и карлуков. Карлуков южного Таджикистана, пронесших свое название через многие века, можно считать, присоединяясь к мнению И. П. Магидовича, Н. Г. Маллицкого и М. Е. Массона⁵², историческими потомками тех карлуков, выходцев из Алтая, передовая часть которых в VIII в. уже жила в верховьях Аму-Дары и которые известны в истории под названием тохаристанских карлуков⁵³.

Карлуки, так же как и тюрки, постепенно оттеснялись более поздними завоевателями на восток и юго-восток, в горы; большая часть их живет теперь в Афганском Бадахшане вместе с тюрками и мугулами. Однако нет никаких данных считать, что локайцы пришли сюда в составе карлуков. Изложенный выше материал, свидетельствующий о различиях карлуков и локайцев, говорит против этого.

Среди доузбекских групп тюркоязычного населения на интересующей нас территории встречаем мы и аргынов, которые для нас представляют особый интерес. Однако наличие аргынов среди чагатайских (по языку) племен не должно, как нам кажется, заставлять нас считать их непременно теми самыми аргынами, которые вошли в состав локайцев. Аргыны-чагатаи, активные участники бурных событий в государствах тимуридов, в частности Султана Хусейна, по своему языку и образу жизни не должны были особенно отличаться от тех же мугулов и барласов, в то время как локайцы — узбеки отличались от чагатаев. Аргыны, жившие в Мавераннахре еще до узбеков, могли прийти туда в составе войск Чингиз-хана, а часть их могла прибыть туда и раньше, впереди разгромленных Чингиз-ханом найманов, как это допускает проф. М. Е. Массон. Впоследствии они могли раствориться в чагатайской среде. Вполне возможно, конечно, что часть их примкнула к своим соплеменникам,

⁵⁰ Как здесь, так и в дальнейшем, мы будем исходить из данных расселения племен, относящихся к дореволюционному периоду.

⁵¹ *Джете* — разбойник, насмешливое прозвище, данное чагатаями Мавераннахра (барласами и джалаирами) чагатаям Моголистана со второй половины XIII в. По И. П. Магидовичу (Указ. соч., стр. 222), *джата* — племенное название 145 узбеков в верховьях Сурхан-Дары (на Тупаланг-Дарье).

⁵² И. П. Магидович, Указ. соч., стр. 211; Н. Г. Маллицкий, Указ. соч., стр. 61, 62; М. Е. Массон, Указ. соч., стр. 52, 53.

⁵³ Barthold, Karluk, «Encycl. Islam», стр. 766; его же, Очерк истории Семиречья, Фрунзе, 1943, стр. 21; А. Ю. Якубовский, Вопросы этногенеза туркмен в VIII — X вв., «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 53; «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1950, стр. 9.

вышедшим из Дешт-и-Кыпчака несколько веков спустя, в начале XVI в.⁵⁴

Наиболее многочисленную группу тюркоязычного населения южного Таджикистана составляют потомки узбекских племен, пришедших в Мавераннахр из Дешт-и-Кыпчака в начале XVI в. К ним относятся: катаган, кунграт, дурмен, марка, каучин, кесамир и семиз (ветвь найманов). Исходя из всего сказанного выше, к ним мы относим и локайцев. Вполне возможно, что локайцы первоначально были ветвью катаганов⁵⁵, как считают сами представители этих обеих групп.

Выше было отмечено, что из этнонимов локайцев и катаганов совпадают четыре названия: сакау, палван, малай и туртоул (большинство катаганских этнонимов нам неизвестно).

Туртоул, как мы знаем, является этнонимом аргынского происхождения. С аргынами Среднего жуза казахов, у которых мы нашли наибольшее число локайских этнонимов, катаганы имеют еще один общий этноним — таз⁵⁶. Род Таз, или Тазлар, имелся у найманов Среднего жуза⁵⁷ и среди байулинцев Младшего жуза казахов⁵⁸. В том же Младшем жузе среди джетыгуру в ряду названий, имеющихся у локайцев (эсанходжа, ураз, чал, наурузбай), зарегистрировано название чурек⁵⁹. У катаганов такое название носит многочисленный род.

Этнографически и по языку катаганы близки к локайцам, пожалуй, более, чем другие узбекские группы южного Таджикистана.

Катаганы, в прошлом являясь одним из самых многочисленных племен узбеков, представляли собой обширный и пестрый союз, в который, как отдельный его род, входили, например, и канглы, и нет ничего удивительного, если локайцы также входили в него (возможно, и временно), но в таком случае довольно рано отделились от катаганов, занявших Кундуз, и ушли на правый берег Аму-Дарьи. Здесь они заняли великолепные пастбища (особенно для разведения коней) между Ях-су и Кафирниганом и, благодаря этим пастбищам, сумели дольше оставаться кочевниками-скотоводами (прежде всего коневодами), сочетавшими занятие скотоводством с набегами на соседей. Все это привело к относительной замкнутости и сплоченности локайцев. А замкнутость в свою очередь способствовала сохранению дештикыпчакской культуры в большей чистоте, нежели у тех же катаганов.

Разумеется, окончательно решить этот вопрос можно будет только при более обстоятельном изучении катаганов.

Итак, мы приходим к заключению, что локайцы образовались в результате раздробления узбекских кочевых племен бывшего Дешт-и-Кыпчака и продвинулись в бассейн правых притоков Аму-Дарьи в начале XVI в. Обзор родового состава локайцев показывает, что они не сложились в южном Таджикистане из отдельных компонентов, самостоятельно и разновременно пришедших, а являются участниками того

⁵⁴ Этот процесс слияния протекал повсеместно, как отмечает проф. А. А. Семенов: «...пришедши в Мавераннахр, узбеки нашли здесь ряд тех же самых тюрко-монгольских племен, которые были и у них, и тем самым было весьма облегчено слияние пришельцев с частьюaborигенов страны» (Указ. соч., стр. 16).

⁵⁵ При завоевании узбеками Средней Азии катаганы заняли Кундуз (провинция Каттаган в северном Афганистане), который стал считаться их юртом. И теперь катаганы составляют значительную часть населения этой провинции. В период завоевания Афганского Туркестана афганцами часть катаганов эмигрировала на правый берег Аму-Дарьи и осела здесь. В годы басмачества многие из них ушли обратно в Афганистан, но частично вновь вернулись после разгрома басмачества. В настоящее время катаганы в южном Таджикистане живут в пограничных с Афганистаном районах. Мы собирали материалы у этой части катаганов, и только о них идет речь в нашей работе.

⁵⁶ Н. А. Аристов, Заметки..., стр. 361, 374 и др.

⁵⁷ А. М. Маргуланов, Найманы, Сб. «Казаки», Родословная племени найман.

⁵⁸ Н. А. Аристов, Заметки..., стр. 384.

⁵⁹ Там же, стр. 385.

исторического процесса тюркского этногенеза, который протекал на протяжении многих веков на обширных пространствах степей от Алтая до Крыма и Дуная и в результате которого в основном сформировались такие народы, как ногайцы, казахи, каракалпаки, дештипычакский компонент узбеков и другие. Наличие среди локайских этнонимов большого числа казахских родовых названий еще раз убеждает нас в узбекском происхождении локайцев, так как узбеки и казахи в свое время составляли один народ, живший в степях Дешт-и-Кыпчака⁶⁰.

В течение длительной жизни локайцев на новой родине, несомненно, происходило (несмотря на указанную выше замкнутость племени) смешение их как с местным ираноязычным и тюркоязычным населением, так и с теми племенами и народами, которые прибывали в эти области уже после локайцев. Вполне возможно, например, что включение в состав локайцев туркменских и киргизских этнических элементов происходило не только в степях Дешт-и-Кыпчака, но и на их новой родине.

Туркмены за много веков до дештипычакских узбеков уже кочевали на территории современного южного Таджикистана и северного Афганистана: в XI в. сельджукиды захватили Термез, Балх, Хуттаян и Чаганиан, и с тех пор различные туркменские племена, возможно, одни смения других, продолжали кочевать в этих областях. Если верить преданию, приведенному Абульгази, в XIII в. часть туркмен «во главе с сыновьями Алиджанбека ушла в горы Хисара»⁶¹. Туркмены продолжали жить в этих областях и до времени узбекского завоевания. Бабур, не раз скитавшийся в этих юго-восточных владениях тимуридов в период своей безуспешной борьбы с Шейбани-ханом, неоднократно упоминает о туркменах. Хусрау-шах, бывший в течение многих лет фактически независимым от тимуридов правителем Хисара, происходил из туркмен.

В настоящее время на Аму-Дарье, начиная от Термеза, живут туркмены-эрсаринцы. Живут они и в непосредственном соседстве с локайцами (к югу от них), на Джиликульском плато на берегу Вахша. Род Туячи, который имеется у локайцев, считается, как было уже отмечено, эрсаринским, но среди указанных эрсаринцев такое название не зарегистрировано, во всяком случае во время переписи 1924 г.⁶² Эти туркмены, повидимому, поселились в данных местах, как и соплеменники их на остальной части территории бывшего Бухарского ханства, сравнительно недавно — от 100 до 250 лет назад⁶³.

⁶⁰ А. А. Семенов, Указ. соч., стр. 15. В этой интересной работе, написанной на основании исторических памятников, составленных при Шейбани-хане и его ближайших преемниках, приводится отрывок из сочинения Рузбекхана, который ясно показывает, кого в эпоху Шейбани-хана разумели под этнонимом узбек: «Три народа относятся к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингиз-хана. На сегодняшний день один из них — все племена, относящиеся к Шейбани [шайбановцы-шайбаниан], и его величество [Шейбани-хан] через целый ряд предков был и есть их [прирожденный] хан, второй народ — казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третий народ — мангты, кои суть цари астраханские...» (стр. 14).

⁶¹ Абульгази, Родословная туркмен, стр. 58.

⁶² «Материалы по районированию Средней Азии», ч. 1, стр. 238.

⁶³ В. Г. Мoshкова, Указ. соч., стр. 138.

Среди этнонимов локайцев, сходных с туркменскими, привлекает внимание название *абдал*, где звучит точная передача имени эфталитов в написании греческих источников (на это совпадение указал нам проф. А. Н. Бернштам). Было бы соблазнительно допустить, что среди этнонимов локайцев сохранилось наименование одного из загадочных народов древности и что эфталитский элемент вошел в локайский союз или через посредство тюрок, разгромивших в VI в. государство эфталитов, или непосредственно в степях Приаралья, или, наконец, через посредство туркмен племени чаудор, где это название встречается. Но, к сожалению, мы пока не видим веских оснований для таких гипотез. Если же следовать туркменскому преданию (Н. А. Аристов, Заметки..., стр. 414), то название рода Абдал происходит от имени его родоначальника Абдаллы. Подобные сокращения имен как в прошлом, так и в настоящее время весьма распространенное явление среди татар, казахов, узбеков, уйгуров и др. (например, Абай, Ибраим, Мат, Мамат вместо Мухаммад и т. п.).

Академик В. В. Бартольд в историческом очерке «Таджики»⁶⁴ приводит сведения историка Махмуда ибн-Вели и предания о том, что прежде Карагин принадлежал киргизам и только недавно был занят таджиками. Кроме того, В. В. Бартольд приводит еще одно очень для нас интересное сообщение из того же источника: «...в реджебе 1045 г. (11 декабря 1635 г.— 9 января 1636, т. е. зимой, когда Карагин вообще считается непроходимым) через Карагин прибыли в Гисар 12 000 семейств киргизов (каракиргизов), считавшихся кафирами, под начальством 12-ти предводителей, которые все в начале следующего месяца были приняты узбецким ханом в Балхе»⁶⁵.

Н. А. Кисляков, основываясь на многочисленных таджикских и киргизских преданиях о заселении киргизами Карагина и об их пребывании в Хисаре и Кулябе, на данных топонимики Карагина и материалах о расселении и переселении киргизов и таджиков в недалеком прошлом, пользуясь также данными некоторых исследователей и письменными источниками, приходит к заключению, что «вряд ли будет ошибкой допустить, что начиная с указанного времени (XVI в.— Б. К.), волны киргизских переселенцев могли неоднократно проникать в Карагин и задерживаться там на более или менее длительные сроки»⁶⁶.

В настоящее время киргизы живут в Джиргитальском районе Гармской области, в районе, где расположены богатые летние пастища, издавна используемые кочевыми племенами южного Таджикистана. Согласно И. П. Магидовичу, киргизы (рода Катаган племени саяк) живут и на северо-востоке Афганистана⁶⁷.

Все это, а также наличие среди родовых названий барласов и тюрок (с собственно, племя *тюрк*) этонима кыргыз показывает, что киргизы не остались в стороне от того сложного этногенетического процесса, который протекал на территории современного Таджикистана, и, возможно, повторяя, некоторые группы их влились и в состав локайцев уже на этой территории.

Таким представляется нам происхождение локайцев в связи с этногенезом тюркоязычных народностей Средней Азии в период позднего средневековья. Имеющийся материал показывает, что процесс этнического образования локайцев вполне согласуется с теми закономерностями процессов этногенеза, которые установлены в гениальном труде И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкоznании».

⁶⁴ Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 107.

⁶⁵ В. В. Бартольд, Таджики, стр. 107.

Во время поездки в августе 1952 г. к киргизам Джиргитальского района Гармской области нами записано предание, согласно которому киргизы кишлака Птеукуль-Балх считают себя выходцами из Балха. Кроме того, у киргизов этого района еще свежи предания о столкновениях с локайцами как на территории последних, так и в Карагине.

⁶⁶ Н. А. Кисляков, Очерки по истории Карагина, Сталинабад — Ленинград, 1941, стр. 66.

⁶⁷ И. П. Магидович, Указ. соч., стр. 195.

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

НАМАЗГА-ТЕПЕ

ПО ДАННЫМ РАСКОПОК 1949—1950 гг.

(Предварительное сообщение)

В дореволюционной археологической литературе упоминания о Намазга-тепе носят случайный характер. Исследование этого памятника по существу началось только после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1922 г., выступая в Ташкенте с докладом о задачах изучения Средней Азии, акад. В. В. Бартольд указал на необходимость проверки данных раскопок Р. Помпелли в Анау. Он выразил также предположение, что другие находки покажут, что «эти курганы среди памятников Туркестана стоят не так одиноко, как можно полагать по произведенным до сих пор исследованиям»¹. Предположение В. В. Бартольда блестяще подтвердилось. Еще в 1917 г. русский инженер-ирригатор и агроном Д. Д. Букинич, страстно увлекавшийся археологией, произвел разведки на Намазга-тепе, сопровождавшиеся, очевидно, шурфованием. После этого он бывал здесь, видимо, не раз и собрал большую коллекцию утвари. Его материалы были в свое время опубликованы².

Осенью 1928 г. Намазга-тепе была обследована и снята на план Хаверанской археологической экспедицией³. Подъемным материалом из Намазга-тепе интересовались и приезжавшие из центра археологи, например, М. В. Воеводский, что также нашло отражение в печати.

В конце 1920-х и особенно в 1930-е гг. в южной Туркмении широко развертываются исследования местных археологов. Один из них, А. А. Марущенко, много и плодотворно работал в области культуры энеолита и бронзы, из года в год производя рекогносцировочное изучение памятников этих эпох. Им же были произведены раскопки Ак-тепе близ Ашхабада. К сожалению, его работы не нашли сколько-нибудь подробного освещения в печати⁴.

Работами ряда советских ученых, и прежде всего проф. С. П. Толстова и проф. А. Н. Бернштама, были глубоко изучены энеолит и бронза северных районов Средней Азии, выявлены их специфика и историко-культурные связи с бронзовыми культурами Сибири, европейской

¹ В. В. Бартольд, Ближайшие задачи изучения Туркестана, «Наука и просвещение», 1922, № 2, стр. 5.

² Д. Д. Букинич, История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства, «Хлопковое дело», 1924, № 3—4; его же, Некоторые новые данные об Анау и Намазга-тепе, «Туркменоведение», 1929, № 5, (переведено на нем. яз.).

³ А. А. Семенов, Древности Абивердского района, Труды Среднеазиатского гос. ун-та, серия II, Orientalia, вып. 3, Ташкент, 1931, стр. 9—10.

⁴ Его выводы о последовательной смене культур см. А. А. Марущенко, Историческая справка (об Анау), Сб. «Архитектурные памятники Туркмении», вып. 1, Москва—Ашхабад, 1939, стр. 10.

территории Союза и с культурами юга. Однако картина оставалась неполной без проведения раскопочных работ в южной Туркмении. В 1947 г. один из отрядов Южнотуркменской археологической комплексной экспедиции под руководством проф. М. Е. Массона рекогносцировочно обследовал по маршруту Ашхабад-Мары ряд городищ бронзовой эпохи, в том числе Намазга-тепе. В 1948 г. другой отряд под руковод-

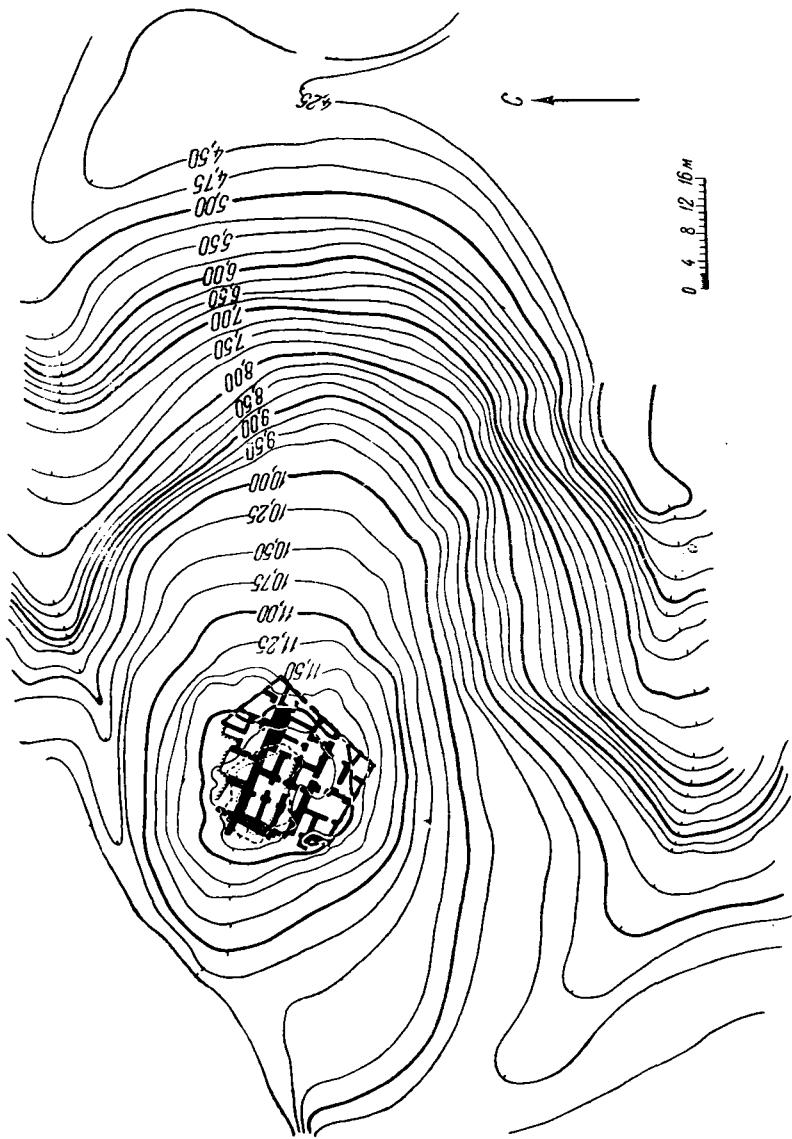

Рис. 1. Намазга-Тепе. План части поселения с помешанием, раскопанным в 1949—1950 гг. Сечение горизонталей через 25 см; за 0 принят уровень равнины у западного ската поселения

ством автора настоящего сообщения обследовал поселения поздней бронзовой эпохи на Мисерианском плато, а в 1949—1950 гг. под его же руководством производились раскопки на Намазга-тепе⁵.

Грандиозные, вытянутые с севера на юг почти на километр холмы древнего поселения Намазга-тепе находятся в 7 км на запад от железнодорожной станции Каахка, рядом с линией железной дороги, к югу от нее. Описания его внешнего вида уже имеются в литературе, опубликован также его план. Из-за ограниченности места мы не можем

⁵ В составе этого отряда работали коллекторы А. Э. Гонялин, С. Рожковская Л. Коваленко, К. Мухаммедбердыев.

описать его подробно, хотя это представляло бы большой интерес. Следует лишь отметить, что слои городища целиком относятся к эпохе бронзового века, отдельные находки средневековых предметов должны быть отнесены за счет тех построек (постройки?), которые были сооружены в северной части, или за счет случайного заноса.

Поверхность основной части поселения представляет собой ряд крупных всхолмлений, их можно насчитать до полутора десятков (при этом не на всей площади). Поверхность понижается к югу и юго-востоку. В северной части имеется высокий холм, отделенный от остальной части поселения круговым понижением.

Раскоп был заложен в южной половине поселения, близ северного края современного кладбища, на восточном из двух имеющихся здесь всхолмлений-бугров. Размер этого всхолмления 130×80 м. Оно возвышается над уровнем окружающих полей на 12 м.

Первоначально раскоп был небольшим по размерам, постепенно он был увеличен. В результате площадь раскопа достигла 500 м². Еще до раскопок у производителя работ возникло предположение, что этот бугор (как и другие) соответствует какому-то крупному зданию. В процессе раскопок это предположение превратилось в уверенность, удалось вскрыть большое помещение («основной комплекс», или «здание Б»), состоящее из 27 комнат⁶ (рис. 1, план бугра с раскопанным зданием).

План основного комплекса

За оба полевых сезона было раскопано 27 комнат здания Б, связанных проходами в единый комплекс (рис. 2 и 3). Стены помещений прощупываются уже на глубине 0,20 м от поверхности, они сохранились на высоту 0,85—1,5 м.

Комплекс отчетливо расчленяется на несколько групп комнат. Комнаты I—IX образуют северо-западную группу. В плане они близки прямоугольнику со средними размерами $2,88 \times 1,73$ м.

На юго-востоке к этой группе примыкают более крупные комнаты X—XII. Они расположены внутри продолжения стен северо-западной группы. Новым является появление в этой группе комнат, перпендикулярных направлению комнат первой группы.

С юга, востока и частично с севера вышеописанные группы помещений окружены другими комнатами, которые, за несколькими исключениями, отличаются иным направлением, неправильностью и нередко большой сложностью плана, лишенного какой-либо устойчивости, значительными колебаниями размеров. План некоторых из них имеет ярко выраженный трапециевидный характер. Эти комнаты также могут быть разбиты на несколько групп: северную, восточную (XIII, XIV, XV, XXI) и южную.

Строительные материалы и приемы основного комплекса

Основным строительным материалом являлся прямоугольный сырцовый саманный кирпич $42 \times 22 \times 9,5$; $44 \times 22 \times 11$; $44 \times 24 \times 11$; $46 \times 23 \times 9,5$; $47 \times 24 \times 10$; $47 \times 24 \times 11$ —12 см, т. е. соотношение размеров близко $4:2:1$. Замеренные в двух местах пять рядов кладки дали соответственно 55 и 58 см.

Стены кладись по-разному. Имеются стены толщиной в 25—30 см (один кирпич ложком), 50—55 см (один кирпич тычком), 85 см (в пол-

⁶ Прилагаемый иллюстративный материал выполнен автором за исключением таблицы (рис. 7), составленной Л. Коваленко под руководством автора настоящего сообщения.

тора кирпича). Изучение кладок показало, что строители здания понимали значение перевязки швов и поэтому широко употребляли и горизонтальную и вертикальную перевязку (систему перевязки см. на рис. 2). В толстых стенах горизонтальная перевязка выражалась в том, что один ряд по длине стены клался тычком, другой — ложком, причем на протяжении больших отрезков взаимная перевязка рядов не осуществлялась.

Короткие поперечные стены комнат северо-западной группы конструктивно связаны с длинными. Перевязка их кладок решалась просто

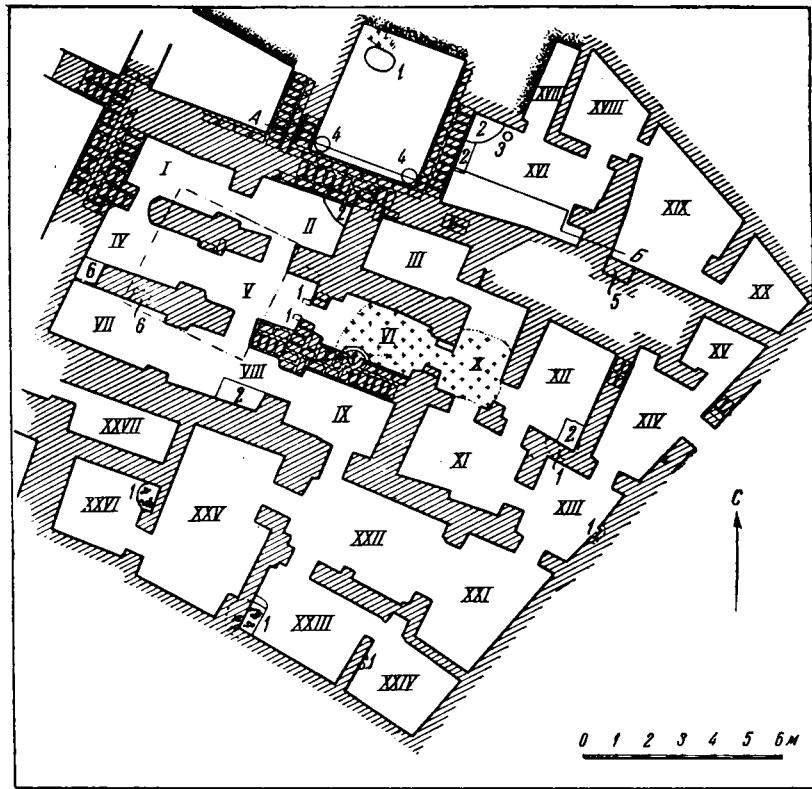

Рис. 2. План раскопанного помещения: 1 — очаги; 2 — суфы; 3 — хумчи; 4 — хумы; 5 — заложенный очаг; 6 — ниши. Условные обозначения: а — граница шурфа, б — мощный зольный отвал; в — выкладка фрагментами керамики

и удачно. В некоторых случаях (комната VI) несколько проемов было сужено пристройкой специальных выступов. Отсутствие конструктивной связи со стеной привело к тому, что они отошли от стен, а один выступ даже обрушился.

Выступы и стены не были строго вертикальными уже в пору своего сооружения. Сейчас они значительно деформированы.

В комплексе удалось точно зафиксировать 26 проходов, обычно неправильной формы. Наибольший интерес представляют проемы, связывающие комнаты X—XI—XII; одну сторону этих проемов составляет Г-образная стена; с точки зрения конструктивной ее можно рассматривать, как отдельно стоящий кирпичный устой. В некоторых проемах бесспорно имелись кирпичные пороги высотой до 0,40 м.

В комнатах XIV и XXVI у порогов находились каменные подпятники.

ки, обнаруженные *in situ*. В комнате XIV в пол была вмазана овальная каменная плитка, на которой стоял подпятник, похожий на расширяющуюся вверх ступку. Его высота 9 см, диаметр внизу — 13 см, вверху — 15 см. Диаметр прекрасно отполированного полусферического углубления — 8 см, глубина 4 см. В другом случае в качестве подпятника был использован обломок зернотерки с полусферическим гнездом для пятки. Это свидетельствует о наличии дверей; некоторые проемы могли завешиваться цыновками.

Ни одна из многочисленных комнат раскопанного здания не сохранила перекрытия. Вопрос о его характере категорически не может быть решен на материале, добытом раскопками 1949—1950 гг. Однако в некоторых комнатах северо-западной группы (например, в проеме между комнатами IV и V) прослеживается вверху изгиб стен, наводящий на

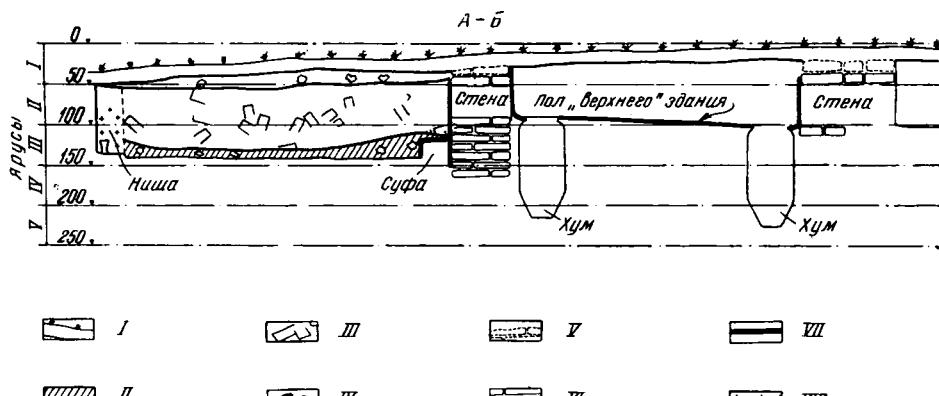

Рис. 3. Разрез раскопанного помещения по линии А — Б. Условные обозначения: I — дерново-почвенный слой; II — надувной слой; III — кирпичный завал; IV — мелкий кирпичный завал; V — разложившийся кирпич; VI — сохранившаяся кирпичная кладка; VII — глиняные полы, промазки и штукатурка; VIII — зола и уголь

мысль, что здесь начинались своды. В культурных наслоениях, заполняющих эти комнаты, поражает мощность кирпичного завала. При изучении разрезов, например, через комнату X, оказывается, что особенности этого завала могут быть объяснены скорее всего тем, что он образован в результате обрушения свода. На это же намекает массивность части стен.

С другой стороны, в большинстве комнат, окружающих северо-западную группу, допустить существование сводчатого перекрытия трудно или почти невозможно. Здесь скорее могло быть плоское перекрытие.

Не исключено, что некоторые помещения, например XXII, вообще не имели перекрытия, являясь «световыми двориками». Применялось и искусственное освещение, в частности огнем очагов. Вполне вероятно применение специальных источников искусственного освещения; на употребление для этой цели лучин намекает наличие небольших углублений в стенах.

Стены комнат были покрыты глиняной саманной штукатуркой: то зеленоватой (на большом количестве навоза), то коричневатой; полы также были сделаны в виде глиняной саманной смазки; иногда они как-будто были застелены цыновками. Во всех комнатах было по несколько взаимно связанных штукатурок (обычно около 3-х) и полов (до 5 полов, общей толщиной 16 см). Количество штукатурок было разным даже внутри одной и той же комнаты. Снаружи стены, повидимому, вовсе не оштукатуривались.

В комнате XVI сохранилась и алебастровая штукатурка толщиной 3 мм. Ею была покрыта полукруглая суфа (пристенное возвышение), а

также примыкающая к ней площадка пола с вмазанным в пол кувшином — хумча, который внутри также был обмазан алебастром.

В комнатах имелись прямоугольные и округлые в плане суфы разной величины, пристроенные к стенам. Прямоугольная суфа в комнате VIII имела размеры $0,70 \times 1,35$ м при высоте 0,55 м. Она сделана в виде кирпичного футляра толщиной в один кирпич, внутри забитого кирпичным ломом и глиной, а снаружи оштукатуренного. Округлая суфа в комнате II была глиняная. Остальные суфы были сделаны из кирпича.

В комнатах имелись ниши разного типа. Наряду с небольшими, но глубокими внутристенными нишами, устроеными у пола, куда ставилась посуда (в комнате VII в такой нише стояло 6 кувшинов), были сделаны ниши очень незначительной глубины, а также глубокие внутристенные ниши, идущие по всей ныне сохранившейся высоте стен. Своебразная ниша была в комнате IV. Она начиналась на высоте 63 см над уровнем пола. Чрезвычайно глубокая (72 см), она только слоем тонкой глиняной штукатурки отделена от соседней комнаты. Ее максимальная ширина 0,65 см. Почти плоское дно ниши повышается в глубину на 14 см, по сторонам оно плавно переходит в боковые слабо округлые стенки.

Для отопления и приготовления пищи служили очаги, имеющиеся в нескольких комнатах. Очаг в комнате VI имеет вид углубленной в стену, сильно суживающейся вверх, округлой в плане ниши. Ее ширина внизу 0,67 м, при глубине 0,27 м, вверху соответствующие размеры 0,27 и 0,20 м. Очаг идет на всю высоту сохранившейся части стены (здесь 1,33 м). Сильно обожженный под очага заглублен по сравнению с полом комнаты на 0,12 м. Очаг был окружен внизу поставленными на ребро кусками кирпича.

Другой тип представляет внутристенный сводчатый очаг в комнате V, несколько напоминающий тандыр. Под его располагается на высоте 0,35 м над полом комнаты, углублен он в стену на 0,35—0,40 м, ширина очажной ниши 0,86 м, высота 0,35 м. Под был посыпан мелкой галькой. К этому же типу принадлежит гораздо более крупный, длительно функционировавший (слой обожженной глины — 7,5 см) очаг в комнате XII. В принципе таким же является очаг в юго-западном углу комнаты XXIII — наиболее крупный очаг комплекса. Он имеет чрезвычайно характерную особенность — его под выложен крупными фрагментами керамики. В комнате V, кроме вышеописанного, был еще один очаг простейшего типа — в виде двух (трех?) кирпичей, поставленных вблизи стенки на ребро.

История основного комплекса

После разрушения предшествующего здания и некоторой нивелировки площадки началось строительство помещений основного комплекса. Постройка велась без фундамента.

Результаты наших наблюдений в отношении истории комплекса можно очень кратко изложить в следующем виде. Первоначальное ядро составляют, видимо, комнаты северо-западной группы с их однотипной формой, размерами и массивными стенами. К ним были пристроены комнаты X—XII (есть сквозной шов). Еще к более позднему времени относятся косоугольные восточные помещения, комнаты северной и южной группы. Показательно, что уровень пола северных комнат намного выше смежных с ними помещений, что в разных группах меняется размер кирпича. Почти совсем невскрытые (поэтому незанумерованные) комнаты, с запада примыкающие к северо-западной группе, имеют полы, на 0,50 м более высокие, чем в соседних комнатах. Думается, что

эти помещения были пристроены после длительного функционирования других частей комплекса, может быть, когда он уже начал разрушаться.

Комнаты в процессе своего существования неоднократно подвергались перестройкам и ремонтам. Так, в комнате XVI, одни стены которой, видимо, построены позднее других, в восточной части был очаг, с севера ограниченный коротким выступом. Затем этот выступ был удлинен, получив теперешние размеры и внутреннюю нишку. Сам очаг был оштукатурен и также превращен в нишу. Одновременно в северо-западном углу комнаты была устроена полукруглая суфа, оштукатуренная алебастром, в пол перед которой был вмазан большой кувшин — хумча. Наконец, впоследствии к полукруглой суфе была пристроена прямоугольная. Кроме того, стены и полы неоднократно обновлялись. Обращает на себя внимание в других комнатах закладка очага; возможно также, что был заложен проход из комнаты V в комнату VI.

Переходя к вопросу о назначении комплекса, следует прежде всего отметить, что наиболее ранним изученным в Средней Азии наземным жилищем является раскопанное и изученное С. П. Толстовым кельтеми-нарское жилище Джанбас-кала. Раскопки этого жилища, наглядно продемонстрировавшие превосходство советской археологической методики над буржуазной, позволили проф. С. П. Толстову с привлечением широких аналогий воссоздать облик древнейшего из известных до сего времени среднеазиатских жилищ⁷. В противоположность этому, порочная методика экспедиции Помпелли ироявилась, в частности, в полной неспособности вскрыть целиком хотя бы одно помещение в Анау, что лишает нас возможности проследить генезис строительного искусства в южной Туркмении. Имеет много общего с раскопанным нами домом несколько более раннее жилище на Ак-тепе близ Ашхабада (раскопки А. А. Марущенко). На прилегающих территориях много больших общинных зданий эпохи неолита, энеолита и бронзы, например, неолитическое поселение Персеполя в Иране, постройки Месопотамии, Алишар и другие в Малой Азии.

С. П. Толстов указал в свое время, что жилище поселения близ Персеполя типологически примыкает к общинным домам античного Хорезма⁸. Теперь эта закономерность вполне может быть прослежена на местном материале. Продолжая линию, намеченную С. П. Толстовым, следует обратить внимание и на переживание общинных жилищ в форме жилищ патриархальных семей в горном Таджикистане до XX в. В литературе приводятся данные о наличии еще в недавнем прошлом в Вахане семей, превышающих 100 чел., причем обычными были семьи по 30—50 чел. Известно, что численность патриархальных семейных общин в других местах достигала 200—300 чел.¹⁰

По данным Н. А. Кислякова, у горных таджиков Вахио-бolo было зафиксировано жилище размерами 121 м², предназначенное для 54 чел.¹¹ В. В. Гинзбург выяснил, что на одного человека в зимних помещениях приходилось от 1,25 до 12 м², в среднем 4—6 м²¹². В жи-

⁷ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 59—66.

⁸ Там же, стр. 98.

⁹ М. С. Андреев и А. А. Половцов, Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан, «Сборник МАЭ», IX, СПб., 1911, стр. 20; Н. А. Кисляков, Патриархальная семья у таджиков долины р. Ванджа, «Вопросы истории доклассового общества (Сборник статей к пятидесятилетию книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»)», Труды Ин-та антропологии, археологии и этнографии, т. IV, М.—Л., 1936, стр. 765; его же, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-бolo, М.—Л., 1936, стр. 57.

¹⁰ М. О. Косвен, Семейная община (Опыт исторической характеристики), «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 8.

¹¹ Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма..., стр. 60.

¹² В. В. Гинзбург, Кишлаки восточных районов Таджикской ССР и жилища горных таджиков, «Советская этнография», 1936, № 3, стр. 70.

лицах горных таджиков Ванча вдоль боковых длинных стен и короткой задней имеется возвышение — декун, разделенное перегородками на отдельные отсеки, предназначенные для малых семей. Размеры отсеков, также называемых «декун», — $3-5,5 \times 2,4-4$ м¹³. При разрастании такой семьи для молодежи, по М. С. Андрееву, пристраивались новые спальни¹⁴.

Это, а также другие аналогии, показывает, что комплекс помещений на Намазга-тепе был скорее всего большесемейным жилищем. Назначение отдельных комнат дома на Намазга-тепе, возможно, аналогично назначению «декунов» дома горных таджиков Ванча или отдельных ячеек больших домов североамериканских индейцев. Лишь относительно некоторых комнат представляется пока возможным говорить о какой-то специфике в назначении. Такими являются комнаты V, XII, XXIII с их большими очагами кухонного типа, а в смежных с комнатой XII комнатах X и XI происходили, возможно, общественные трапезы. Во всяком случае, тут произошла одна трапеза, остатки которой не были убраны. На полу этих комнат были в беспорядке разбросаны более сотни костей и их обломков, в том числе части человеческих черепов (по крайней мере, четырех) и конечностей. Человеческие черепа были разбиты и обожжены не только снаружи, но и изнутри. В одном черепе антрополог В. Я. Зезенкова обнаружила следы прижизненной сквозной треугольной травмы острым орудием (стрелой?). Здесь же стоял, точно подчеркивая ритуальный характер этого пиршества, фрагмент сосуда с остатками красной краски и один целый бокал. Для разбивания костей служили имевшиеся тут крупные гальки.

В комнате XIV встречено огромное количество фрагментов керамики, в комнате XXIV обращает на себя внимание находка лощил, а в XX — зернотерок.

После того как здание было в основном заброшено, оно вначале длительное время стояло с перекрытием. Полы постепенно покрывались слоями мелких продуктов натечно-надувного характера. В некоторых комнатах появлялись (жили?) люди. Второй этап — обрушение крупных масс кирпича, иногда при падении сохранивших форму свода. После этого некоторые комнаты (VII и VIII) были вновь обжиты, о чем говорят разрезы; в других комнатах (VI, X, XII) накапливается мощный слой золы. Затем шел новый этап накопления мелких остатков разрушения, за которым последовало крупное обрушение кирпича. На новом уровне вновь появляются люди (комната IV). На пятом этапе происходит окончательное разрушение здания.

Стратиграфия

В северо-западной группе комнат с уровня полов был заложен стратиграфический раскоп 4×4 м. Он достиг глубины 6 м от поверхности, прорезав толщу культурных напластований примерно до половины.

Почти на уровне дна шурфа было зафиксировано здание E (рис. 4). В шурф попала одна стена толщиной 0,65 м и две перпендикулярные ей стенки, расстояние между которыми 0,70—0,75 м. Кладка из сырцового кирпича $45 \times 24,5 \times 10$ и $44 \times 24 \times 10$ см, укороченных кирпичей и половинок. Нижняя часть основной стенки с юга была облицована

¹³ Н. А. Кисляков, Патриархальная семья у таджиков долины р. Ванджа, стр. 767—769; его же, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахиболо, стр. 59—61; В. Л. Воронина, Жилище Ванча и Язгулема (Автономная Горно-Бадахшанская область Таджикской ССР), Сб. «Архитектура республик Средней Азии», М., 1951, стр. 253 и сл.

¹⁴ М. С. Андреев и А. А. Половцов, Указ. раб., стр. 20.

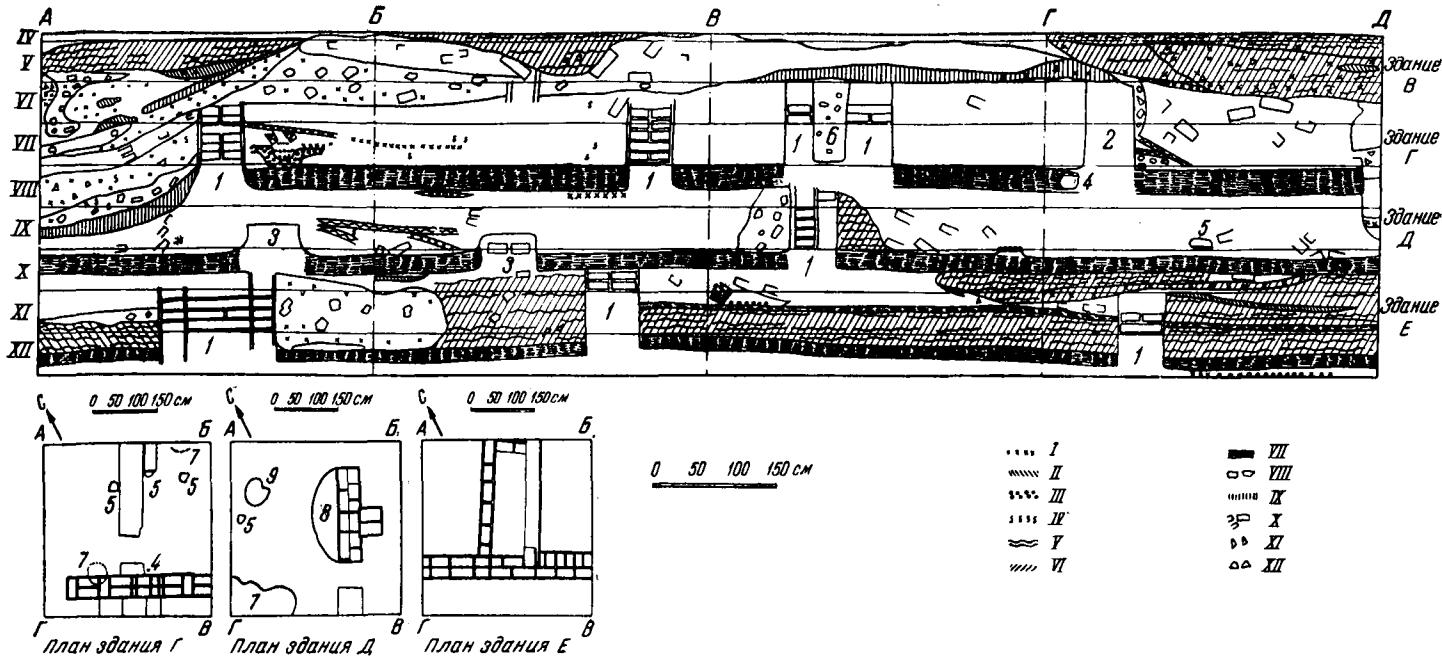

Рис. 4. Развертка стенок шурфа 1950 г.: 1 — стена; 2 — торец стены; 3 — пороги; 4 — подпятник; 5 — зернотерки; 6 — ниша; 7 — очаг; 8 — суфа; 9 — зольник. Условные обозначения: I — зола светлого цвета; II — темная зола; III — обожженная земля; IV — угольки; V — натечный слой; VI — надувной слой; VII — полы; VIII — рыхлый завал; IX — завал средней плотности; X — плотный кирпичный слой; XI — кости; XII — фрагменты керамики

фрагментами битой керамики, снаружи оштукатуренными. Толщина полов — 10—12 см. Пространство между параллельными стенами служило, очевидно, для хранения продуктов — там сделаны находки косточек плодов и костей барана. Удалось детально проследить историю разрушения и вторичного обживания этого здания.

Непосредственно над ним после его обрушения было построено новое здание *Д*. Его стена, идущая с севера на юг, имеет толщину 0,57—0,65 м. В стене есть два проема. С восточной стороны она имеет короткий выступ, аналогичный выступам основного комплекса, — очевидно, здесь был еще один проем. В проеме имелся кирпичный порог. Размеры кирпича $40 \times 23 \times 11$; $48 \times 23 \times 11$; $46 \times 23 \times 10$ см. Стены покрыты толстой трех-, четырехслойной штукатуркой. Здание имело 8 полов толщиной в 23 см. К стене была пристроена удлиненно-полувальная сугроба высотой 0,45 м. Имелся очаг.

Над разрушенным зданием *Д* было построено здание *Г*. Близ южной границы шурфа, почти параллельно ей проходила стена шириной 0,52 м, с коротким выступом на северной стороне, за которым следовала дверной проем и другая стена, перпендикулярная первой. В обе стороны от второй стены располагались комнаты, западная была связана с какой-то более южной комнатой. Кирпич $50 \times 27 \times 13$; $45 \times 23 \times 10$; $44 \times 24 \times 10$; $42 \times 27 \times 12$ см; в кладке употреблялись и куски кирпича. В этом, как и в предыдущих зданиях, кладка велась в перевязку. Обнаружены многослойные штукатурки, 15 полов общей толщиной 28 см. Оба дверных проема закрывались дверями, подпятники обнаружены *in situ*. В восточной комнате в качестве подпятника первоначально использовался курант от зернотерки; когда же, в результате нализования полов, он глубоко «ушел в землю», на него было поставлено цилиндрическое донце массивного сосуда, которое стало использоватьсь как подпятник, причем центр его находился в 14 см от угла дверного проема, — полотнище дверей делалось более широким, чем величина проема. В восточной комнате был большой очаг с примыкавшей сугробой. Около небольшого, врезанного в стенку очага в западной комнате было найдено 15 кремней. В восточной комнате обнаружены два вертикальных гнезда от сгнившего накатника диаметром 6—8 см.

Полуметровый слой кирпичного завала и других культурных отложений, идущий над зданием *Г*, соответствует гипотетическому зданию *В*, стены которого в шурфе не обнаружены.

Выше шурф заканчивается, там располагается здание *Б* — основной комплекс, описанный выше. Над ним находится здание *А* или «верхнее здание», следы которого обнаружены в северной и западной частях раскопа. Его полы располагаются на глубине всего лишь 0,5—0,9 м от поверхности. При его постройке использовались в качестве фундамента стены здания *Б*, иногда новые стены при надстройке даже нависали над старыми, как это было в комнате с двумя хумами. В этой же комнате были мусорная яма и очаг. Четвертый и пятый этапы разрушения здания *Б*, очевидно, соответствовали времени существования здания *А*. Лучше его изучить можно при раскопках более высокого холма, лежащего на запад от раскопанного.

Таким образом, раскоп и заложенный из него шурф позволили вскрыть стратиграфию поселения на глубину 6 м от поверхности. При этом были выявлены остатки шести зданий, последовательно возводившихся на этом месте. Каждое здание, соответствующее определенному периоду жизни поселения, характеризуется определенным комплексом предметов материальной культуры.

Стратиграфия раскопа позволяет сделать много поучительных выводов. Остановимся на некоторых. Даже здание *Е* настолько зрело по своему архитектурно-конструктивному характеру, что предполагает длительный опыт предшествующего строительства из сырцового кирпича.

Показательна исключительная традиционная устойчивость архитектурных форм, строительных материалов и приемов, сохранение единой ориентации на протяжении ряда строительных периодов. Каждый из периодов должен был быть весьма длительным, полный цикл, очевидно, превосходил (иногда значительно) по длительности столетие. Периоды связаны друг с другом множеством переходов, что свидетельствует о непрерывности жизни на поселении, а также, видимо, о преемственной жизни какого-то определенного человеческого коллектива.

Характеристика находок

(*Занятия населения. Культы*)

а) Керамика и каменные сосуды эпохи зданий А и Б

Некоторые формы керамики изображены на таблице (рис. 5). В силу ограниченности места мы не можем дать им даже сжатой характеристики. В быту широко применялись разных размеров бокалообразные сосуды (рис. 5, 1, 2), иногда с предельно тонкими стенками. Близки к ним по форме некоторые чаши, отличаясь вертикально поставленным венчиком (рис. 5, 3). Кроме того, существовало еще три типа чаш с несколькими вариантами (рис. 5, 4—8). Очень многочисленны были вазообразные (рис. 5, 9, 10—12) и кувшинообразные (рис. 5, 13—17) с носиками сосуды (пять основных форм кувшинов и три — вазообразных сосудов). Менее распространены были бокалы с горизонтально-желобчатой внешней поверхностью, мелкие маленькие блюдца, крупные тарелкообразные сосуды с почти вертикальной стенкой, керамические подставки двух типов, так называемые «сита» и др. Имелись также ложки из обожженной глины.

Раскоп дал также громадное количество фрагментов грубых сосудов средних и крупных размеров. Среди них большие кухонные чаши типа позднейших тагара, котлообразные сосуды (иногда с носиком), хумча, сосуды с желобообразным сливом, а также разнообразные чаши.

Большинство сосудов делалось на круге. Тонкостенная керамика и керамика средних размеров делалась из прекрасно отмученной глины, имеет прочный и звонкий черепок. Применялась точка изделий деревянным ножом, изредка — лощение. На дне некоторых сосудов имеются знаки, например, спиралеобразный завиток.

В слоях, относящихся к зданиям А и Б, встречено незначительное количество расписной керамики. Столы же редок врезанный елочкообразный орнамент. На стенке одного сосуда близ венчика имеется налепной орнамент в виде вертикального глиняного конуса высотой 2,1 см, основание которого обведено глиняной полосой, затем постепенно поднимающейся вверх к закраине.

Отмечены также зооморфные налепы и оформление носика в виде головки козла. Вообще характерно сосредоточение центра тяжести на форме, а не на украшении поверхности.

В эту эпоху насыльники Намазга-тепе умели изготавливать разнообразные сосуды, предназначенные для выполнения самых различных функций. Значительная дифференцированность форм, виртуозное владение керамической массой, изящество внешнего облика, сложность профилировки и изумительная тонкость сосудов — все это свидетельствует о высокоразвитом гончарстве.

Широко были распространены сосуды, выточенные из светлобелого полупрозрачного камня. Среди них есть крошечные сосуды высотой 2,5—3 см и крупные сосуды высотой 12—15 см. Форма их обычно бачочная, по изгибу стенок некоторые близки бокалообразным. Вверху

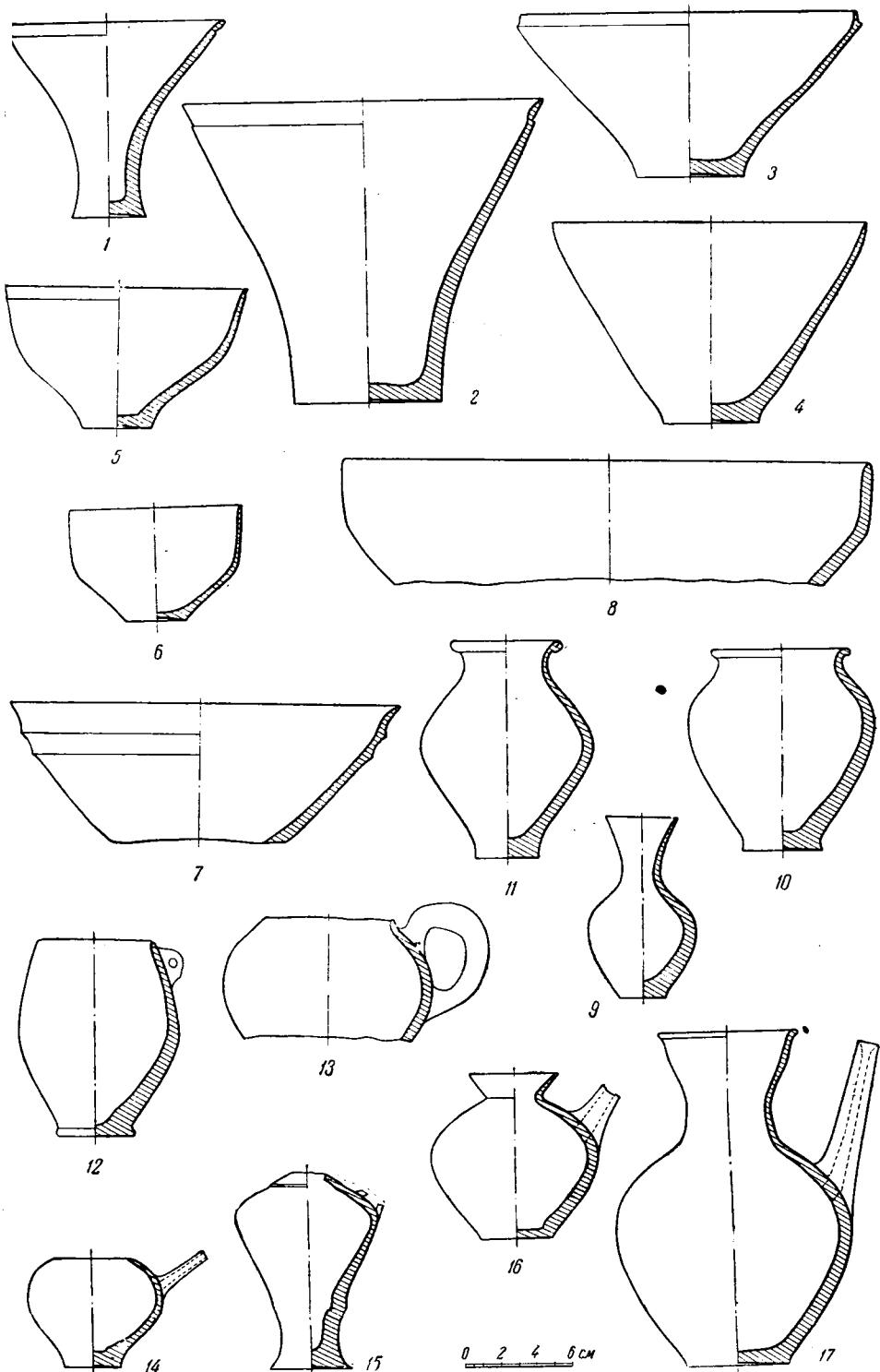

Рис. 5. Образцы керамики из зданий А и Б: 1—2—бокалообразные сосуды; 3—8—чаша; 9—12—вазообразные сосуды; 13—17—кувшинообразные сосуды

они чаще всего имеют сильно выступающий наружу подтреугольный венчик. При изготовлении этих сосудов продуманно использовалось наличие в камне цветных прожилок; сосуды имеют нарядный вид.

б) Керамика из шурфа

Обычная в зданиях *А* и *Б* форма бокалов встречается здесь довольно редко. Вместе с тем широко распространяются черноглиняные сосуды с горизонтально канелированной ножкой, а также сосуды, подобные изображенному на рис. 6, № 33. Новыми являются также несколько видов биконических вазообразных сосудов с горизонтальным ребром посередине (рис. 6, №№ 32, 48, 64 и др.). В V—VII ярусах стенка нижней половины имеет выгиб наружу, верхней — внутрь, глубже появляются также сосуды с вогнутой внутрь стенкой нижней части. Сосуды со сливами имеются в верхней части шурфа, а кувшины с носиками, обычные в зданиях *А* и *Б*, в слоях шурфа не имели сколько-либо широкого распространения.

Отмечены различные формы чащ. Многочисленны чаши с вертикальным или наклонным наружу широким вогнутым бортиком (рис. 6, №№ 44—46). Особую группу составляют более грубые реберные сосуды типа каких-то чащ с резко отогнутым внутрь бортом (рис. 6, №№ 35, 38—42). Исходными для некоторых форм чащ основного комплекса могли быть чернолощеные чаши с прямо закраиной (рис. 6, №№ 50, 65, 75). Уникальна круглодонная чаша. Для грубой керамики крупных и средних размеров характерны преобладание сосудов с большим, часто почти горизонтально оттянутым наружу венчиком¹⁵, и тесто, замешанное на самане. В целом можно уверенно сказать, что при переходе от здания *В* к основному комплексу происходит смена значительной, если не основной, части керамических форм. Для шурфа характерно господство расписной керамики, однако сама керамика более низкого качества с точки зрения гончарной техники.

Роспись производилась коричневой, реже темнокоричневой, переходящей в черную, краской по светлому (иногда кремовому) ангобу или же темнокоричневой (черной) краской по красному фону; в последнем случае нередко керамика была лощеной. Расписывались, как правило, верхние половины сосудов. Характерно, что в шурфе при углублении прослеживается, наряду с повышением процента расписной керамики, увеличение чернолощеной (нередко зеркального блеска) керамики, развитие росписи по красному фону, появление многоцветной росписи и инкрустированной посуды.

При переходе к нижним ярусам шурфа роспись распространяется и на грубые крупные сосуды, расписной является там подавляющая часть керамики. Последовательное изменение мотивов росписи изображено на рис. 7—9. Кратко описать его невозможно. Следует обратить внимание на изображения животных (козел, IV ярус, № 20), уток (V—VI ярус, №№ 48, 77; см. также рис. 10, 2—4), сложную композицию — козел между деревьями (рис. 10, 1). В этих же ярусах излюбленным был мотив дерева. В IV—VI ярусах обычны орнаменты из параллельных линий, реже из линий в виде угла и звездчатые изображения. Глубже геометрический орнамент становится более сложным и насыщенным (линии с выступами-зубчиками, волнистые линии, вписанные друг в друга фигуры «звезды», круги с точкой посередине и т. д.). Нижние ярусы характеризуются очень сложным и развитым геометрическим орнаментом и росписью исключительно высокого качества. Характерны сетки, «лесенки» и другие мотивы.

¹⁵ Чрезвычайно близкую аналогию им дает Шах-тепе (см. T. J. Agpe, Excavations at Shah Tepé, Iran, Stockholm, 1945, стр. 251, рис. 249, 250).

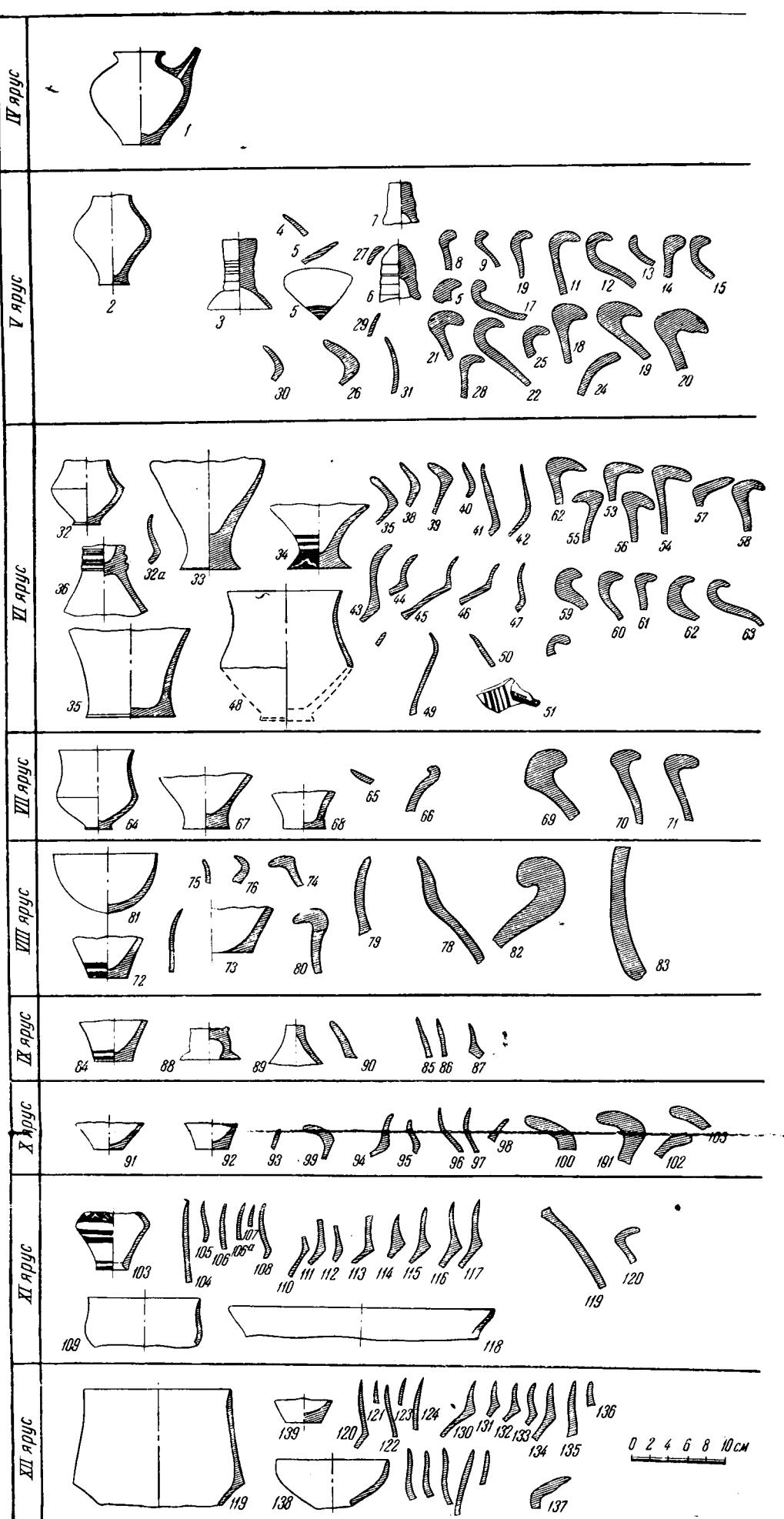

Рис. 6. Керамика из шурфа (в XI — XII ярусах приведены профили только расписанной керамики)

Рис. 7. Типы росписи керамики из шурфа: IV — X ярусы

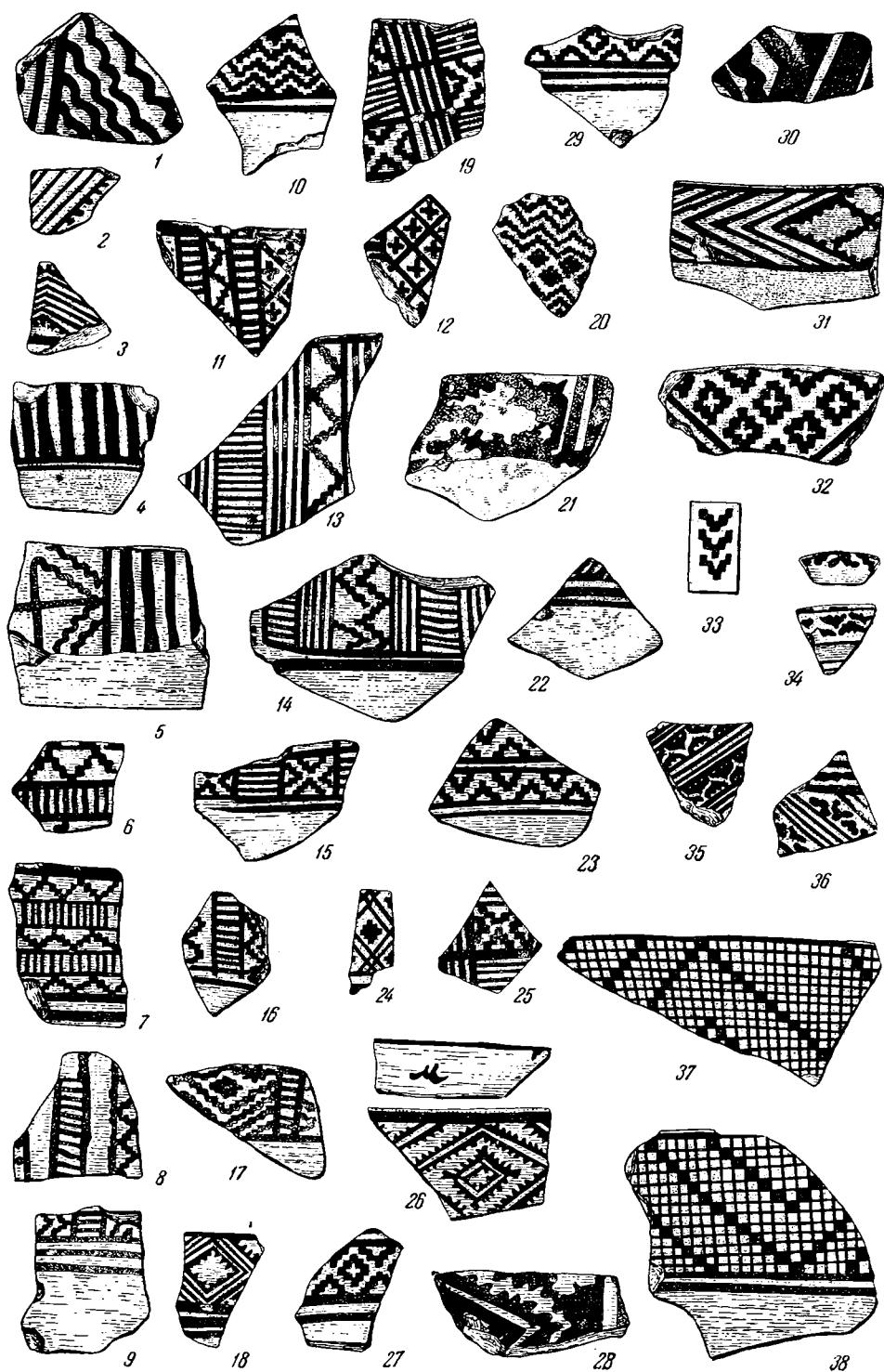

Рис. 8. Типы росписи керамики из шурфа: XI—XII ярусы, светлый фон

Рис. 9. Типы росписи керамики из шурфа: XI — XII ярусы, красный фон

значительное количество зерен. Среди них преобладает ячмень, имеются также пшеница, единичные зерна ржи. В раскопе, наряду с ячменем, преобладает нут, много винограда мелких сортов¹⁷.

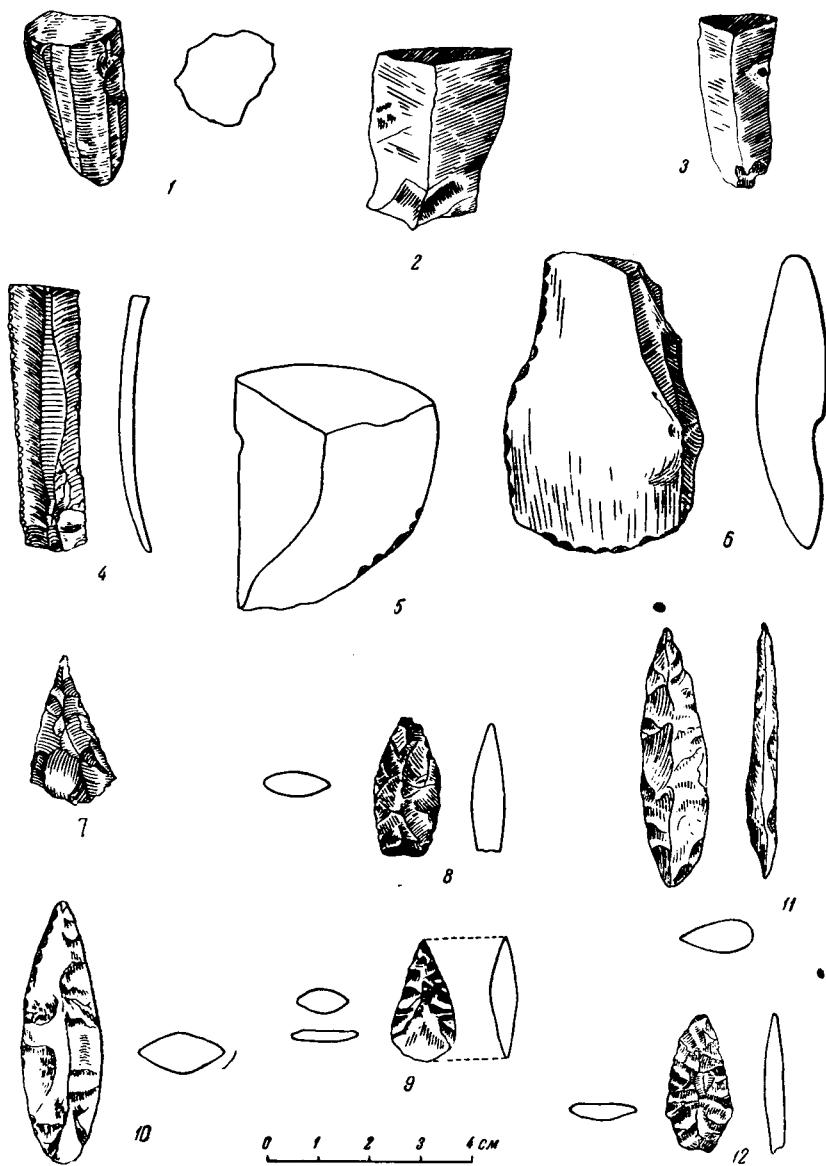

Рис. 11. Нуклус, каменные орудия и оружие

Широко было развито и скотоводство — число костей домашних животных очень велико.

Среди них много костей овцы, козы, коровы, верблюда, имелись также кости собаки. Некоторое значение имела охота, в том числе на водоплавающую птицу — отсюда, повидимому, изображение уток на керамике из шурфа.

¹⁷ По определению сотрудников Среднеазиатского института растениеводства.

В жизни обитателей Намазга-тепе серьезную роль играло ремесло, достигшее высокого развития. Судя по качеству керамики, уже имелись специальные ремесленники-гончары. Показателями развитого металлического производства служат медные печатки (см. рис. 12, 4), аналогичные анауским и тепе-гиссарским, а также миниатюрная металлическая печать (из двух металлов) очень сложной техники.

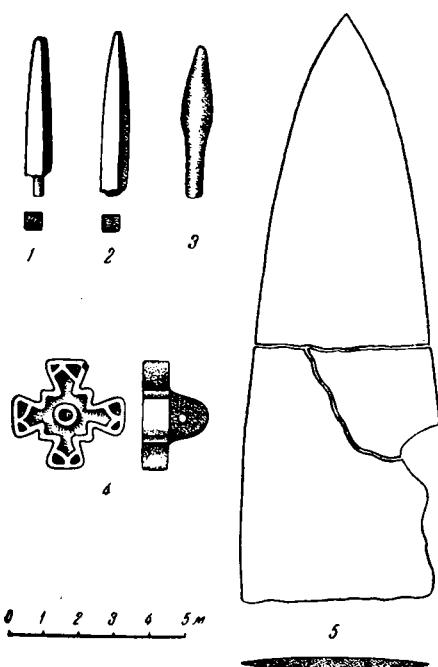

Рис. 12. Медные (бронзовые?) изделия: 1—3—пробойники; 4—печать; 5—кинжал

вого типа. Статуэтки второй группы по своему художественному оформлению, большинство из них лишено головы (рис. 13, 9—12). Уникальной является найденная в шурфе (VII ярус) женская статуэтка из необожженной глины. В этой связи следует отметить, что впоследствии в области Мерва и прилегающих районах приобрел большое значение культ местной богини плодородия Аши (Aši).

Встречены также статуэтки, изображающие собаку и овцу (?), налеп на сосуде в виде головы быка и замечательное по блестящей передаче натуры изображение шеи и головы козла на носике сосуда (рис. 13, 15). Отмечено скопление статуэток близ очага в комнате VI

Анализ изображений указывает на наличие культов, материальными воплощением которых являются статуэтки и изображения. Конический налеп, быть может, свидетельствует о наличии фаллического культа. Культ змеи нашел проявление в соответствующем орнаменте на расписной керамике и в рельефной извивающейся змейке с подчеркнутой головой на стенке подъемного сосуда черного лощения. Какие-то магические обряды, быть может, связанные с земледелием, отразились в великолепной расписной сцене, где изображен умирающий козел между деревьями. Культ дерева, судя по росписи, был чрезвычайно широко распространен. Впрочем, вследствие еще недостаточной изученности идеологии среднеазиатского общества эпохи бронзы, вопрос этот пока представляется спорным; не исключена возможность, что некоторые и

г) Предметы украшения и культа

Обнаружены различные украшения — бусы, пронизки, кольца, изготовленные из разных пород камня, в том числе и лазурита.

Население употребляло разные печати, в частности металлические.

Терракотовые фигурки, особенно человеческие, весьма многочисленны. Часть их передает человеческий облик условно-геометрически, другие пытаются передать объем. В первой группе имеются статуэтки с широким плоским суммарным туловищем (без рук), слегка суживающимся книзу, нижняя часть отогнута (рис. 13, 1—3). Сюда же относятся фигурки другого типа — узким вытянутым туловищем, растянутыми в стороны руками и выявленный талией, с лицевой частью оформленной отщипом (рис. 13 4—7). На одной фигурке второго типа имелись следы отломанных грудей (рис. 13, 4). Вероятно, это женские статуэтки — в противоположность мужским статуэткам первого типа (объемной) очень примитивны по своему художественному оформлению, большинство из них лишено головы (рис. 13, 9—12). Уникальной является найденная в шурфе (VII ярус) женская статуэтка из необожженной глины. В этой связи следует отметить, что впоследствии в области Мерва и прилегающих районах приобрел большое значение культ местной богини плодородия Аши (Aši).

этих изображений являются воспроизведением реальных сюжетов и мотивов. Изготавливались многочисленные культовые повозки, от которых найдены втульчатые колеса диаметром 11—18 см, редко встречаются колеса в виде плоского диска. Автором была найдена на поверхности фрагментированная глиняная модель жилища своеобразного открытого

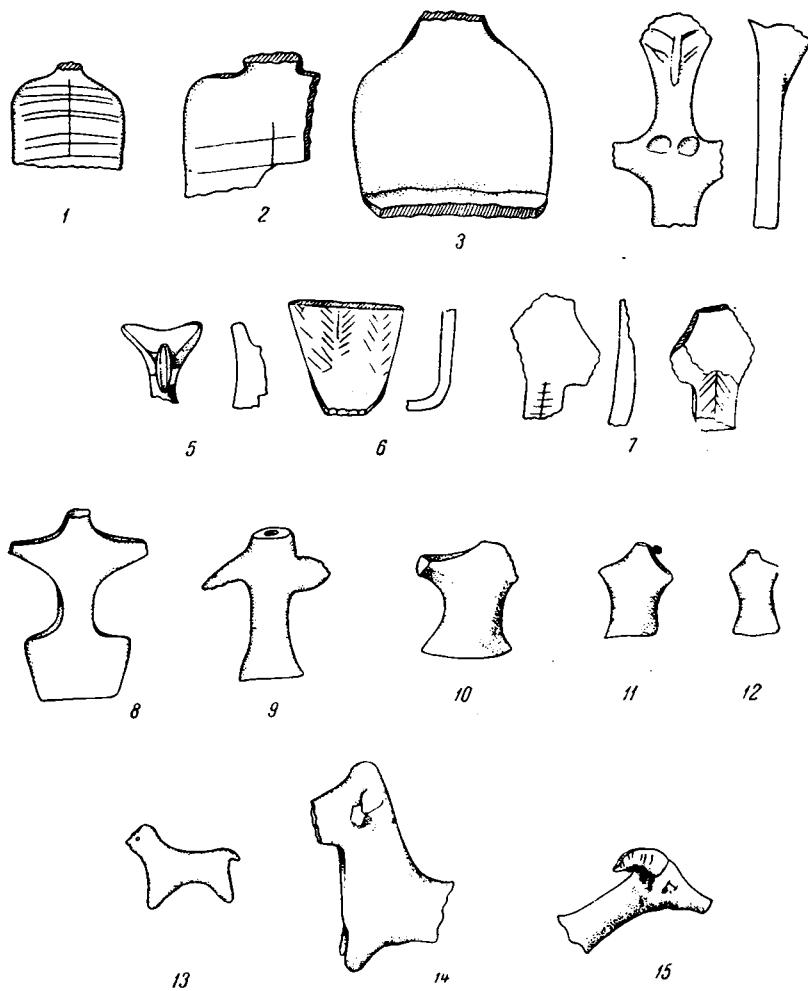

Рис. 13. Терракотовые фигурки

типа (рис. 14). Она имеет дно — пол и две стенки. Одна идет по краю, другая, перпендикулярная первой, делит модель пополам на две прямоугольные «комнаты». Длина одной из них 11,5 см, ширина 6 см, высота модели — около 4 см. В стенке, идущей по краю, имеется близ пола одно круглое отверстие¹⁸. Кроме того, найдена модель обуви с загнутым вверх носком, близкие параллели которой есть в Алишаре.

Под полами основного комплекса, близ стен, иногда под ними, было обнаружено 10 детских захоронений. Все скелеты скорченные; один из них в сидячем положении, большинство на боку — правом или левом. Ориентация их различная. Захоронения, за одним исключением, не со-

¹⁸ Ср. с Тепе-Гиссаром (E. Schmidt, Указ. раб., стр. 186, табл. XLIV. (Н-2940).

проводились какими-либо вещами. Возраст большинства захороненных по определению антрополога В. Я. Зезенковой, от раннемладенческого до одного года, в двух случаях были погребены дети старше года: № 3 (возраст 8—10 лет) и № 9 (возраст 6—7 лет). Детские черепа, как и черепа взрослых из комнат X—XI, отнесены ею к европеоидному длинноголовому типу, близкому к застаспийскому варианту средиземноморского типа.

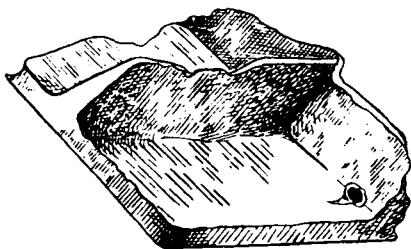

Рис. 14. Глиняная модель жилища

возможности обнаружения в нижних слоях Намазга-тепе культур, синхронных Анау I и II.

Исследования 1949—1950 гг. подтвердили выводы Д. Д. Букинича, предоставив, разумеется, более обширные данные для сопоставления. К сожалению, в части Анау мы должны пользоваться материалами стоящих ниже всякой критики работ американской экспедиции Помпелли, с ее в корне порочной методикой и антиисторическими выводами. На южном холме и вблизи от него в 1904 г. вместо одного-двух крупных раскопов и шурфа экспедицией Помпелли было заложено 5 мелких раскопов и 4 шурфа (всего около 400 м²)¹⁹, что привело к ненужному дроблению раскопочной площади. Археологи американской экспедиции оказались совершенно неподготовленными для ведения раскопок: они проскочили все здания, зафиксировав лишь кусочки стен, не установили плана ни одной комнаты, они умудрились даже не заметить ни одного пола²⁰. Содержащиеся в отчетах экспедиции упоминания о замеченных кусочках стен, а также сделанные, видимо, после окончания работ заключения о наличии полов²¹, также чрезвычайно показательны. В целом отчеты экспедиции являются по существу обвинительным актом против их авторов, ибо раскопки были хищническими, они привели к уничтожению памятников, находившихся в зоне раскопок, причем о самом факте наличия этих памятников мы должны догадываться, а их характер — реконструировать по аналогиям.

Естественно, реальных данных для стратиграфической схемы, основанной на периодах и этапах строительства, у них не было, соображения по поводу этой схемы, принадлежащие Р. Помпелли и Г. Шмидту, носят надуманный и фантастический характер²². Громадное количество массового материала при публикации не учтено — он был, очевидно, выброшен. При обработке материала были созданы по крайней мере странные классификации, по которым венчики и нижние части одних и тех же сосудов причислялись к разным группам. Совершенно поразительно, например, когда венчики сосудов типа бокалов-чаш причислялись к одной группе, а ножки тех же сосудов — к другой группе керамики²³.

¹⁹ H. Schmidt, Archeological excavations in Anau and Old Merv. В кн.: Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric Civilisations of Anau, Ed R. Pompelly, Washington, 1908, стр. 104—106 и табл. 8.

²⁰ Во многих случаях, например, в раскопе B на уровне 20 футов (H Schmidt Указ. раб., стр. 115, рис. 42) экспедиция разрушила прекрасно сохранившиеся помещения, стены которых имели высоту по крайней мере 0,70 м.

²¹ H. Schmidt, Указ. раб., стр. 110, 115.

²² R. Pompelly, Ancient Anau and the Oasis-world. В кн.: Explorations in Turkestan, стр. 49; H. Schmidt, Указ. раб., стр. 115.

²³ H. Schmidt, Указ. раб. стр. 139, рис. 174, табл. 117 — серии g и с.

Намазга-тепе и культура Анау

Первый исследователь Намазга-тепе Д. Д. Букинич отметил различное сходство культуры Намазга-тепе с Анау III, поставив вопрос о

В свое время В. В. Бартольд, после выхода в свет тома трудов экспедиции Помпелли, посвященного результатам исследований 1903 г., показал всю неправильность основных положений, на которых основывалась экспедиция в своей работе, и некомпетентность членов экспедиции в проблемах, связанных с историей Средней Азии. В заключение он высказывал пожелание, чтобы «экспедиция проф. Помпелли, если ей сужено продолжать свои работы в Туркестане, оставила в стороне места исторической жизни и ограничилась изучением курганов и других памятников доисторической эпохи»²⁴. Действительно, в 1904 г. американская экспедиция занялась в основном Анау (и Гяур-калой), но результаты оказались столь же недоброкачественными, как и в предыдущем году. Известную роль здесь сыграла прямая недобросовестность руководителей экспедиции: по рассказам наблюдавших раскопки ашхабадских старожилов, авторы экспедиционных отчетов проводили рабочее время в палатке, туда им доставлялись добыты при раскопках материалы, там же, очевидно, конструировались всевозможные схемы, пожары, катастрофы, засухи. В целом американская экспедиция под руководством Р. Помпелли своими хищническими раскопками, разрушившими ценнейший памятник, и своими «фундаментальными» отчетами, введшими в заблуждение многих легковерных археологов, нанесла серьезный ущерб изучению энеолита и бронзового века юга Средней Азии.

Материалы, добытые нами в Намазга-тепе, поражают большой близостью к анауским. Как можно теперь понять, строительный материал, приемы и конструкции были однотипными. Да и весь «южный холм» Анау, не на много больший холма, подвергавшегося раскопкам на Намазга-тепе, представлял собой, по предположению автора настоящей работы, остатки одного-двух большесемейных домов, подобных намазгатепинскому. При сопоставлении керамики, в том числе и расписной, оказывается, что многие формы настолько близки, что практически должны быть неотличимы. На Намазга-тепе отсутствуют только «чайники» с тяжелыми «носами». Очень близкие соответствия имеются и в других областях духовной и материальной культуры.

Разумеется, наиболее близкие связи Намазга-тепе имеет с аналогичными памятниками подгорной полосы Копет-дага; здесь можно говорить о каком-то едином пласте культур с определенными локальными вариантами. Известные линии культурно-исторических связей тянутся отсюда также в Хорезм, что уже отмечалось (по материалам Анау III) проф. С. П. Толстовым²⁵, в западную часть Бухарского оазиса с его древней энеолитической культурой, а также дальше — в Сибирь и Поволжье. Хорошо выявляются юго-восточные, а особенно юго-западные связи и соответствия — с памятниками пригургенской степи²⁶, Тепе-Гиссаром²⁷ (больше всего с Гиссаром III) и т. д. Они прослеживаются и на гораздо более отдаленных территориях, определенную перекличку дает, в частности, и кавказский материал. Этим связям, месту Намазга-тепе среди памятников эпохи энеолита и бронзы следует посвятить отдельную работу.

На Намазга-тепе четко прослеживается последовательность перехода от преобладания расписной керамики,нского более раннему периоду, к монохромной керамике с одиничными фрагментами расписной. Процесс развития расписной керамики, столь примитивно изложенный Г. Шмидтом, в действительности был очень сложным. При изучении керамики шурфа Намазга-тепе становится ясно, что здания *В* и *Г* с их керами-

²⁴ В. Бартольд], Explorations in Turkestan. Expedition of Raphael Pumpelly, Washington, 1905. Записки Восточного отдела Русского археологического об-ва, т. XVII, СПб., 1907 (рец.).

²⁵ С. П. Толстой, Указ. раб., стр. 68.

²⁶ В частности, с Шах-тепе (Т. І. Агпє, Указ. раб., слои IIб и IIa) и др.

²⁷ E. Schmidt, Excavations of Tere Hissar Damghan. Philadelphia, 1937.

кой (изображение головы бородатого козла и др.) и соответствующий подъемный материал синхронны Ак-тепе близ Ашхабада. Глубже находитесь еще более ранняя культура. При этом постепенное увеличение чернолощеной керамики, керамики с инкрустацией, полихромной росписи, наконец, мотивов, больше свойственных Анау II («лестница»), заставляет предположить, что нижние слои шурфа, может быть, начиная с X яруса, лежат уже вне культуры Анау III, но это еще и не Анау I. Можно думать, что эти слои представляют переход от Анау III к Анау I, переход, оставшийся совсем не замеченным американцами.

Таким образом, верхняя половина культурных напластований Намазга-тепе, вскрытая раскопом и шурфом, соответствует в целом культуре Анау III и может быть ориентировочно датирована середине III тысячелетия — первой половиной II тысячелетия до н. э. Сопоставление с Намазга-тепе позволяет хоть отчасти разобраться в результатах хищнических раскопок, проведенных американской экспедицией Анау — разобраться в анауском жилище, керамике и т. д., а также наметить этапы в развитии керамики (в том числе расписной) южно-Туркмении эпохи бронзы, выявить общие закономерности в развитии материальной культуры и небольшие локальные отличия в ней. Вместе с тем только теперь становится ясным, на каком высоком уровне материальной и духовной культуры стояло древнее население юга Туркмении в III—II тысячелетиях до н. э.

В настоящее время бесспорно установлен факт существования большого доахеменидского политического объединения с центром в Хорезме²⁸, аналогичное объединение могло иметь место и в Бактрии. Предыдущее изложение показывает, что уже к середине II тысячелетия до н. э. на юге Средней Азии уровень развития производительных сил общества был очень высок, что, в частности, нашло отражение в исключительном развитом строительном искусстве и ремеслах (гончарном, металлическом в обработке камня и др.). Начался и проходил процесс отделения ремесел от земледелия. Однако характер общественной жизни той эпохи остается, в силу еще малой изученности памятников типа Намазга-тепе, в целом недостаточно ясным. Чрезвычайно показательно вместе с тем, что памятники Мисерианского плато, которые автор имел случай обследовать и снять на план в 1948 г. (тип Тангсикильджа, Чиалык-тепе Мадау-тепе — примерно конца II — начала I тысячелетия до н. э.), своей планировке уже ясно отражают классовую структуру общества. Они имеют цитадель, кварталы ремесленников — гончаров и металлистов, их жители создают грандиозную систему ирригационных сооружений. К этим поселениям можно в известной степени отнести слова Энгельса: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию»²⁹.

²⁸ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 341.

²⁹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1951, стр. 170.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Н. И. ВОРОБЬЕВ

КРАТКИЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧУВАШЕЙ

Материальная культура чувашей изучена относительно мало и очень неравномерно по отдельным группам этого народа. Больше изучена материальная культура верховых чувашей (виряял), очень слабо — низовых (анатри) и еще меньше средненизовых (анат-енчи). Многие исследователи вообще не признавали даже наличия этой последней группы.

Первые описания быта чувашей относятся к XVIII в. Некоторые данные о технике хозяйства, о жилище, одежде, питании чувашей имеются в трудах Г. Ф. Миллера¹, И. И. Лепехина², П. С. Палласа³. Эти авторы, путешествуя в Поволжье и знакомясь с обитающими здесь народами, сделали многочисленные наблюдения и добросовестно изложили их в своих сочинениях, отметив различные стороны быта, существенно отличающиеся от быта русских. Некоторые интересные данные сообщены в небольшом очерке уездного землемера Симбирской губернии Мильковича⁴, первого местного автора, писавшего о чувашах в конце XVIII в. Очерк этот был издан несколько раз уже в XIX в.

В XIX в., особенно в пореформенный период, когда в России начал бурно развиваться капитализм, появляется много работ о чувашах.⁵ Большинство этих книг и статей написано духовенством и посвящено «духовно-нравственному» положению чувашского народа. Много работ о чувашском языке, но имеются работы, в которых даны интересные сведения и о материальной культуре народа. К последним относятся книги А. А. Фукс⁶ и В. Сбоева⁷, словарь Н. И. Золотницкого⁸, статьи С. Ми-

¹ Г. Ф. Миллер, Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, СПб., 1791.

² И. Лепехин, Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, СПб., 1771—1805.

³ П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российской империи, СПб., 1773.

⁴ Милькович, О чувашах, «Северный архив», 1827, кн. 9, 10, 11; то же, Казань, 1888 и «Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те» (далее цит. ИОАИЭ), т. XXI, 1905.

⁵ А. А. Фукс, Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии, Казань, 1840.

⁶ В. Сбоев, Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах, Казань, 1856.

⁷ Н. И. Золотницкий, Корневой чувашско-русский словарь, Казань, 1887.

хайлова⁸ (первого этнографа-чуваша), В. И. Лебедева⁹, В. К. Магницкого¹⁰, И. Н. Смирнова¹¹ и некоторых других авторов.

В начале XX в. появляются работы Н. В. Никольского¹² и Г. И. Комиссарова¹³. Работа Г. И. Комиссарова содержит довольно ценные материалы по внешнему оформлению быта, особенно по одежде. Автор впервые на солидном материале рассматривает разделение чувашей на основные группы и частично даже на подгруппы. Кроме названных работ, специально посвященных чувашам, некоторые сведения о материальной культуре чувашей имеются в сводных работах А. Ф. Риттиха¹⁴, М. Лаптева¹⁵ и А. Н. Спасского¹⁶.

Большинство авторов рассматривает чувашей и их культуру с великоледжавных позиций. На этом фоне резко выделяются статьи Спиридона Михайлова, который как в названной работе, так и во многих других, стремится показать истинную картину жизни родного народа, задавленного эксплуатацией и издевательством власть имущих.

В течение первого десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции вышло несколько работ, посвященных материальной культуре чувашей. Из них наиболее полная принадлежит Н. В. Никольскому¹⁷. Он приводит многочисленные фактические данные, но излагает их бессистемно и не дает четкого представления о распределении отдельных бытовых комплексов среди различных групп чувашей, что значительно обесценивает материал. Другие работы посвящены специально одежде чувашей (но не Чувашской АССР), в них добросовестно описывается материал и дается его локализация¹⁸. Позднее работ, касающихся в той или иной степени материальной культуры чувашей и содержащих новые фактические данные, не выходило. С 1928 по 1948 г. печатается толковый словарь чувашского языка Н. И. Ашмарина¹⁹, в котором имеются отдельные данные по материальной культуре чувашей.

Все названные работы содержат в той или иной степени ценный фактический материал по быту чувашей феодального и капиталистического периода. Этот материал имеет значение для познания истории быта, для выяснения времени появления или исчезновения отдельных предметов и комплексов, и в этом ценность указанных работ. Но данные, приведенные упомянутыми авторами, необходимо заново пересмотреть, проверить, чтобы можно было на них опираться при создании истории чувашского быта.

Быт чувашского колхозного крестьянства, быт эпохи социализма пока еще сколько-нибудь подробно не описывался. О нем имеются лишь от-

⁸ С. Михайлов, Краткое этнографическое описание чуваш, Казанские губернские ведомости, 1853, № 10—13, 15—20, 22, 24, 25, 27 и 29.

⁹ В. И. Лебедев. Симбирские чуваши, Журнал Министерства внутренних дел, 1850, часть 30, № 6.

¹⁰ В. К. Магницкий, Материалы к объяснению старой чувашской веры, Казань, 1881.

¹¹ И. Н. Смирнов, Чуваши. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. 38, СПб., 1903.

¹² Н. В. Никольский, Краткий конспект по этнографии чуваш, ИОАИЭ, т. XXVI, вып. 6, 1910.

¹³ Г. И. Комиссаров, Чувashi Казанского заволжья, ИОАИЭ, т. XXVII, вып. 5, 1911.

¹⁴ А. Ф. Риттих, Материалы для этнографии России, Казанская губерния, Казань, 1870.

¹⁵ М. Лаптев, Материалы для географии и статистики России, Казанская губерния, СПб., 1861.

¹⁶ А. Н. Спасский, Очерки по родиноведению, Казанская губерния. Казань, 1913.

¹⁷ Н. В. Никольский, Краткий курс по этнографии чуваш, вып. 1, Чебоксары, 1929.

¹⁸ Т. М. Акимова, Женские головные уборы саратовских чуваш, Труды Нижневолжского краевого музея, вып. 1, Саратов, 1929; ее же, Эволюция женского костюма у саратовских чуваш.

¹⁹ Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка (17 выпусков).

дельные мелкие замечания, разбросанные преимущественно в газетных статьях, в которых дается описание отдельных достижений социалистической культуры чувашей.

В 1949—1951 гг. в Чувашской АССР работала этнографическая экспедиция, организованная Казанским филиалом Академии Наук СССР совместно с Чувашским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории и Чувашским краеведческим музеем. Основной задачей экспедиции было изучение современного быта чувашского колхозного крестьянства, а затем сбор материалов по истории быта чувашей в связи с исследованиями по этногенезу народности.

В итоге трехлетней работы экспедиции зафиксирован значительный фактический материал по строительству современного быта колхозного крестьянства Чувашии. Настоящая статья посвящена рассмотрению формирования внешнего быта чувашей. Материалы, собранные экспедицией, показывают, что строительство социалистического быта у чувашей, как и у других народов СССР, идет менее быстро, чем перестройка всей культуры в целом. Хозяйство чувашей после коллективизации настолько резко изменилось, что от прежнего его типа фактически почти ничего не осталось, кроме некоторых незначительных пережитков. Неизвестно изменился и быт чувашей. Но все же изменения в быту происходили и происходят более медленно, путем мало заметной, но упорной борьбы нового со старым, причем не все старое отбрасывается, а многое переосмысливается, принимает иные формы и входит в новый быт. Народ не порвал со своим старым бытом, как порвал со старой организацией хозяйства, а начал перестраивать его, приспосабливая к новым социальным отношениям, к новым культурным требованиям.

С ростом материального благосостояния колхозников и повышением их культурного уровня темпы изменения быта все усиливаются. Если в первые годы после коллективизации все внимание было обращено на перестройку хозяйства и поднятие общей культуры, а пути изменения быта как бы только нащупывались, то теперь эти пути в основном намечены и колхозные массы смело идут по ним.

* * *

Колхозы в Чувашии весьма разнообразны по размерам — от нескольких сот до 2 тыс. га и даже больше. В северной части республики больше мелких колхозов. Это объясняется тем, что здесь много мелких селений. В прошлом эти селения объединялись в сложные земельные общини, но после Великой Октябрьской социалистической революции все они выделились в самостоятельные единицы, а затем каждое создало свой колхоз. В более крупных поселках образовалось даже по два-три колхоза, так как каждый конец (в деревне) стремился создать свой колхоз. При укрупнении прежде всего были объединены колхозы одного селения, а затем соединялись колхозы нескольких соседних мелких деревень, но все же особенно больших колхозов здесь нет и в настоящее время. В южной части республики колхозы преимущественно крупные.

Главное место в хозяйстве колхозов Чувашской АССР, имеющих в основном полеводческое направление, занимают зерновые культуры, далее идут картофель и технические культуры. Большинство колхозов имеет плодовые сады и ягодники. В северо-восточной части республики видное место в хозяйстве колхозов занимают крупные и хорошо организованные хмельники.

Все чувашские колхозы имеют животноводческие фермы, но развитие животноводства затрудняется недостатком пастбищных угодий. Однако передовые колхозы, внедрившие травопольные севообороты, засевающие много картофеля и корнеплодов и заготовляющие большое количество сilage, справляются с кормовой проблемой достаточно удовлетворительно.

Скот в колхозах значительно изменился по сравнению с прежним крестьянским. Колхозы вывели улучшенные породы всех видов скота. Продуктивность скота стала значительно выше прежней, а в передовых колхозах не отстает от всесоюзных рекордов.

Многие колхозы имеют большие стада гусей. Разведение водоплавающей птицы широко развито в Чувашской АССР, так как в поселках много прудов. За последние годы число прудов еще больше возросло. В связи с этим получает развитие рыболовство.

Для борьбы с засухой и эрозией почв колхозы Чувашии создали на полях и по склонам оврагов защитные лесные полосы.

Сельскохозяйственное производство в колхозах Чувашской АССР обеспечено машинной техникой. Значительная часть механизированных работ выполняется инвентарем многочисленных машинотракторных станций. Различные сельскохозяйственные машины имеет и большинство колхозов.

В послевоенные годы особенно усилилась электрификация чувашских деревень. На многих реках построены гидроэлектростанции. В колхозах, удаленных от рек, созданы электростанции с различного типа двигателями. Эти станции обеспечивают электроэнергией сельскохозяйственные работы, а также бытовые и культурные нужды населения. Электрическое освещение прочно вошло в быт колхозников, начинают входить в обиход и электрические приборы различного назначения. Значительно улучшился транспорт. Помимо того, что теперь колхозы имеют достаточное количество хороших лошадей, почти в каждом из них имеется хотя бы одна автомашина. С развитием автотранспорта значительно повысилась забота колхозов о дорогах. Колхозники охотно принимают участие в строительстве дорог районного и республиканского значения, строят подъездные пути к своим поселкам, мосты и иные дорожные сооружения.

Организация труда в колхозах с каждым годом совершенствуется. Твердый состав бригад, закрепление за ними определенных участков, повышение агрономических знаний бригадиров и самих колхозников, укрепление трудовой дисциплины, развитие социалистического соревнования, усиливающаяся активность рядовых колхозников, особенно молодежи, — все это повышает качество работы в колхозах, помогает поднимать урожайность полей и увеличивать продуктивность общественного скота, усиливает хозяйственную мощь колхозов. С ростом экономической мощи колхозов поднимается материальное благосостояние колхозников, повышается цена трудодня. Все чаще встречаются колхозные семьи, получающие ежегодно по нескольку тонн хлеба, большое количество картофеля и овощей и по нескольку тысяч рублей деньгами, заработанными преимущественно на выращивании технических культур — кок-сагыза, махорки, хмеля и т. д.

В процессе коллективного труда, сопровождающегося неуклонным ростом материального благосостояния, крепнет социалистическое сознание колхозников, повышается их общая культура. Все это, наряду с проведением культурных мероприятий, облегчает борьбу с пережитками старого в быту колхозников. Чувашин-колхозник уже не хочет жить по-старому в полутемной, маленькой и грязной избе, его не удовлетворяет прежняя одежда, он заботится о том, чтобы питание его было не только обильным, но и более качественным. Коренным образом перестраиваются отношения в семье. Особенно резко изменилось положение женщины, прежде забитой, обремененной непосильным трудом и заботами о благополучии семьи. Теперь основная забота родителей — дать образование своим детям. Почти в каждой семье имеются лица со средним, а иногда и с высшим образованием. Так растет местная интеллигенция, которая пополняет колхозные кадры. Среди колхозных агрономов и животноводов много местных уроженцев. Председатели колхозов, а нередко и бригадиры имеют высшее или среднее сельскохозяйственное образование.

Неизмеримо выросла культурность и старшего поколения. Пожилые колхозники и даже старики выписывают газеты, журналы, часто посещают библиотеки и избы-читальни.

Конечно, многое еще надо сделать для улучшения постановки колхозного хозяйства и для поднятия культуры колхозников. Но уже имеющиеся достижения являются залогом дальнейшего улучшения материального благосостояния и подъема культурного уровня населения, роста его социалистического сознания, рационального изменения быта, создания новой культуры, достойной быстро приближающейся эпохи коммунизма.

* * *

Чувашские поселки в северной части республики расположены очень густо. Нередко расстояние между ними не превышает 1—2 км, а иногда даже и нескольких сотен метров. В северо-западной части поселки обычно размещены гнездами. Иногда вокруг одного более крупного поселка расположено до десятка деревень. Расстояние между подобными гнездами значительно больше. Нередко гнездо от гнезда отделяется лесным массивом. Такое размещение поселков несомненно является наследием глубокой старины, когда предки чувашей селились среди сплошных лесов на значительном расстоянии друг от друга. Позднее наиболее старые поселки обрастили располагавшимися вблизи них выселками, население которых расширяло прежде расчищенное пространство. Существование в прошлом такого типа расселения подтверждается и тем, что окружающие центральное поселение деревни часто носят названия с приставкой *касы* (выселок, конец). Правда, в настоящее время такая приставка встречается иногда в названии крупного, центрального поселка в гнезде. Однако это скорее результат перемещения центра, так как почти всегда proximity имеется небольшая деревня, в названии которой нет приставки «*касы*». Вероятно, некогда она и была центром гнезда.

В северо-восточной части Чувашской АССР такие гнезда более редки, а в южной они почти не встречаются. Юг республики заселялся позднее, поселки здесь возникали чаще среди степи и располагались они более редко. Выселки также отстоят несколько дальше от основного поселка. Большинство выселков на юге образовалось из северных деревень, а не из местных. Поэтому в названиях реже встречается приставка *касы*, а чаще повторяются названия северных деревень с прибавлением «*новое*», «*полевое*», «*подлесное*» и т. п. Таким образом, сами названия населенных пунктов говорят о характере заселения южных земель Чувашии. В советский период новые поселки возникали главным образом в крупных лесных массивах, преимущественно в Сурских лесах, близ лесоразработок.

В северной части республики, рельеф которой рассечен многочисленными оврагами, поселки чаще всего размещаются в местах пересечения оврагов, на дне которых имеются ключи и протекает ручеек или небольшая речка. Обычно эти поселки расположены отдельными участками на межовражных пространствах, составляя как бы отдельные концы. В таких поселках параллельных улиц почти нет, все они расходятся лучами из одного центра. На ровных местах подобная планировка встречается реже, и поселки состоят из нескольких параллельных улиц, тянущихся вдоль берега речки. Авторы XVIII в. отмечали, что в северной части чувашских земель поселки имели очень запутанную планировку, усадьбы располагались скученно, а иногда огромные усадьбы, принадлежавшие большими семьям, составляли целые концы деревни.

Скученное расположение усадеб, отделенных кривыми узкими уличками, кое-где сохранилось и до нашего времени. В южной части республики больше поселков с правильной планировкой.

Улицы северных поселков густо обсажены деревьями, которые

рядами тянутся вдоль домов, а затем еще в один или два ряда посередине улицы. Деревьями засаживаются и все незастроенные пространства внутри деревни: склоны и дно оврагов, пустыри и т. п. Нередко устраиваются палисаднички перед домами и небольшие садики внутри усадеб. Сажают деревья также по границам усадеб на задних, а иногда и на передних дворах.

В южных районах зелени относительно меньше. В степных поселках на улицах чаще растут молодые деревья, посаженные уже в советское время. Зелень в чувашских поселках тщательно оберегают. Чуваши охотно сажают деревья и внимательно за ними ухаживают. Благодаря такой любви населения к зелени чувашские деревни, особенно северные, похожи на густые рощи, среди зелени которых почти совершенно не видно домов.

Усадьбы в чувашских поселках обычно имеют вид вытянутых четырехугольников, обращенных узкой стороной к улице. Размер усадеб в среднем 0,25—0,40 га. Иногда, в связи с рельефом, усадьбы получают своеобразную форму, вплоть до многоугольников, по-разному ориентированных по отношению к улице. В районных центрах встречаются совершенно новые улицы, с правильно спланированными кварталами и усадьбами.

Усадьба у чувашей резко делится на переднюю и заднюю части. На передней расположены дом и все основные надворные постройки. На задней раньше находились ток, мякинница, иногда сарай для хранения сельскохозяйственного инвентаря, амбар, а также баня. В настоящее время задние части усадеб обычно заняты огородами, а иногда фруктовыми садами.

Для размещения построек на передней части усадьбы характерно, что они не соединены под одной крышей. В северных районах часто дом соединяется с клетью, к которой в свою очередь примыкает навес, соединяющий ее с помещениями для скота. Последние располагаются уже поперек усадьбы. Вдоль стороны, противоположной дому, на усадьбе расположены отдельно друг от друга лась, амбар, погребища. Пространства между ними иногда заняты небольшими садиками или огородиками. Нередко дом и клеть совершенно отделены от остальных надворных построек. Реже дом не соединяется и с клетью.

В южных районах передняя часть усадьбы застраивается слабее и разбросаннее. Здесь, как правило, жилой дом и клеть стоят отдельно друг от друга. Помещения для скота всегда расположены поперек усадьбы. Они часто составляются из двух частей, между которыми устраивается навес, а под ним ворота в задний двор. Амбары, особенно двухэтажные, здесь редки. Их и раньше обычно ставили на окраине поселка для лучшей охраны от пожара.

В новых усадьбах постройки чаще всего располагаются поперек двора, отделяя переднюю часть от задней, а пространство за домом и вдоль стороны, противоположной дому, занимают садики или небольшие огороды.

Жилые дома старой постройки обычно обращены к улице узкой стороной — фасадом. Но нередко на улицу выходит глухая стена дома и примыкающая к нему клеть. От соседней усадьбы дом почти всегда отделяется узким пространством, где устраивается садик или огород. В южных районах большие пятистенные дома часто ставят к улице боком, но не глухой, а светлой стеной. Вообще постановка домов по отношению к улице весьма разнообразна. Почти не встречается только домов, расположенных внутри усадьбы, хотя такое расположение исследователи XVIII в. отмечали как характерное для чувашских поселков. Обычай ставить дома внутри усадьбы стал исчезать еще в капиталистическое время.

С каждым годом строится все больше новых домов, являющихся как бы образцом будущего жилища колхозников. Дома эти обычно пятистенные; одна половина их планируется и обставляется подобно старой избе, а другая состоит из нескольких комнат (чаще из трех), отделы-

ется и обставляется наподобие городских квартир. Среди новых домов встречаются и такие, где планировка совершенно городская. Подобные дома обычно принадлежат сельской интеллигенции.

Эти дома чаще ставят узкой стороной с тремя окнами к улице и покрывают на два ската тесом или железом. В юго-восточных районах их иногда ставят к улице длинной стороной и перекрывают на четыре ската (шатром). Новые дома ставятся на значительном расстоянии от соседней усадьбы и отделены от нее садиком, который проходит и сзади дома. Окна устраивают во всех стенах, где это удобнее по внутренней планировке, так что традиционной в сельском жилище глухой стены новые дома не имеют.

Много строится также новых четырехстенных домов, обычных для крестьянских изб размеров, но более высоких и с большими окнами. В некоторых из них сохранена прежняя планировка с выделением перегородкой помещения для кухни. В других печь повернута отверстием к боковой стене; по линии печи поставлена перегородка, отделяющая переднюю половину избы, которая в свою очередь иногда делится на две части. Получается помещение, состоящее из кухни, которая служит и столовой, и одной или двух чистых комнат, отделанных и обставленных по-городски. Так перепланированы и некоторые дома прежней постройки. Но и при старой планировке внутренний вид домов колхозников сильно преобразился, появились кровати, стулья, занавески на окнах, комнатные растения, портреты и плакаты на стенах и т. д.

Старые дома в большинстве случаев четырехстенные, почти квадратной формы, с тремя, двумя и реже одним окном в фасадной и одним-двумя окнами в боковой стене. Печь, расположенная у глухой и задней стен, иногда прилегает к ним вплотную, но чаще несколько отделяется от задней стены (здесь обычно устраивается постель), а иногда и от глухой. От угла печи по направлению к передней стене в некоторых домах устроена перегородка со входом, но без двери. В большинстве же домов такой перегородки нет, и изба состоит из одной комнаты. В углу между передней и светлой боковой стенами стоит стол, а по стенам тянутся лавки. Это передний угол. У задней стены в сторону от входа, противоположную печи, находится кровать. В некоторых домах кровать поставлена в том же углу, но вдоль боковой стены. Иногда к обстановке добавляются табуреты или самодельные стулья, но чаще, когда требуются дополнительные места для сиденья, в избу вносят короткие (не длиннее 2 м) лавки, которые обычно стоят в сенях. Лавки эти подставляют к столу, ставят вдоль печи, а на ночь их приставляют к лавкам, прибитым вдоль стен и устраивают на них постель. С этой целью приставные лавки всегда делают такой же высоты, что и основные. В редких домах у задней стены вместо кровати устроены неширокие нары, типа русского конника, а также полати, как в русских избах.

Стены в старых домах обычно строганые и ничем не оклеенные и не окрашенные. Для вешания одежды и других вещей в стены вделаны деревянные костили. Под потолком устроены полицы. На стенах висят небольшое зеркальце и часто фотографии, обычно собранные в большие рамы. Полы, как правило, не окрашиваются.

В домах такого типа, построенных еще в капиталистическое время, сказалось сильное влияние русских. Чуваши, уходя на заработки, знакомились с русскими деревенскими домами и возводили свои по тому же образцу. Иногда такие дома строили русские плотники, приходившие на заработки к чувашам.

Кое-где сохранились старинные чувашские дома, которые описаны исследователями XVIII в. Такие дома имели обычно только два небольших окна: одно в фасадной и другое в боковой стене. Печь занимала то же место, что и теперь, но топилась обычно по-черному. Вдоль передней стены устраивались широкие нары. Меньших размеров нары имелись вдоль

стены у входа; эти нары иногда вытягивались на некоторое расстояние и вдоль боковой стены. Стол, если он был, ставился у боковой стены. Передние нары начали исчезать после принятия христианства, когда появился передний угол в русском понимании этого названия. Нары или укорачивали, освобождая передний угол, или совсем снимали, а оставляли только меньшие нары, находившиеся против печи. Такие нары изредка встречаются и в настоящее время в обставленных по-старинному домах.

Печь по устройству близка к русской, но имеет некоторые конструктивные особенности. Так, с одной стороны шестка обязательно имеется ниша с дымоходом. В нишу опускается сверху железный крюк, на который вешают котел для варки пищи. Иногда ниша отделена от шестка узкой колонкой и открывается в сторону передней части печи, но топка ее всегда производится со стороны шестка. Такое приспособление для подвешивания котла имеется у всех чувашей, кроме живущих в юго-восточной части Чувашской АССР, где к печи пристраивается сбоку самостоятельный очаг с вмазанным в него котлом, совершенно так же, как и у соседних татар. Повсеместно, кроме самого северо-западного угла республики, печи в той или иной мере облицовывают с боковой стороны; нередко печь со стороны большей части избы получает вид голландки, в таких случаях уменьшается лежанка. Для усиления отопления иногда устраивают еще небольшие подтопки. «Чистые» половины в пятистенных домах обычно отопляют голландскими печами. Топливом служат дрова, а в местах, удаленных от лесных массивов, солома.

Дома, построенные еще в дореволюционное время, перекрывались чаще на два ската, обычно соломой. Наиболее же старые дома, по преданиям, совершенно не имели стропил, а только накат потолка, засыпанный землей, который перекрывался соломой с небольшими скатами в стороны. Так иногда в настоящее время покрывают старинные бани. В южных районах широко распространено перекрытие на четыре ската.

С конца XIX в., особенно на юге, получили распространение длинные четырехстенные дома, поставленные к улице длинной стороной, в которой устраивалось четыре или пять окон. В таких домах печь обычного типа ставилась посередине помещения, отверстием в сторону улицы. По обе стороны от печи получались как бы две комнаты, обычно одна больше, другая меньше, но полностью они друг от друга не отделялись, проход за печью не перегораживался. Обстановка в обеих комнатах была обычна для четырехстенной избы. Чувашские богачи и раньше ставили большие пятистенные дома, но обе половины их обычно обставлялись одинаково, близко к обстановке четырехстенных. Имелись и другие варианты изб, но на них останавливаться не будем.

Пол в старых домах устраивался на различной высоте над землей, но сруб всегда начинался от земли. Дома с поднятым на столбах срубом и с завалинкой редки. Подъизбье, если оно было высоким, использовалось для содержания мелких животных или для хранения инвентаря. Если подъизбье было низкое, то в нем устраивалось подполье с входом из избы через творило, обычно находившееся перед печью. Новые дома строят чаще на кирпичных или каменных фундаментах. Пол их поднимается от земли обычно на 70—80 см.

Чувашские усадьбы всегда тщательно огорожены с улицы различного типа заборами. Часто встречаются передние изгороди, похожие на ворота покрытые сверху на два ската. Боковые части усадьбы также обычно огораживаются различного типа частоколами, и только редко задние дворы остаются неогороженными. Надворные постройки, кроме клетей, амбаров и лась, схожи с постройками других народов края. У клети и амбаров крыша всегда шире сруба и нависает над одной стороной, где расположен вход, приблизительно на 1 м. Внизу под этим навесом устраивается такой же ширины крыльце, доски которого положены на выступающие концы балок, идущих под полом. На крыльце под навесом обычно хра-

нятся различные хозяйствственные предметы. В северных районах часто встречаются двухэтажные амбары такого же типа, но с балконом на уровне пола второго этажа, куда ведет устроенная сбоку лестница. Лась — специфическая хозяйственная постройка чувашей — чаще встречается в северных районах республики. Это легкий бревенчатый сарай без окон, в котором устроен примитивный очаг для варки пива. Летом в лесе готовят и пищу. В настоящее время эта своеобразная постройка, возможно, являющаяся пережитком древнего жилища предков чувашей, встречается все реже и реже, особенно в южных районах республики.

В целом жилые дома и надворные постройки верховых и низовых чувашей мало отличаются друг от друга. Только в южных районах наблюдается большая разбросанность надворных построек и амбары часто вынесены из усадьбы, но это делается скорее в противопожарных целях, чем характеризует национальные особенности. Кроме того, на юге чаще встречаются дома, перекрытые на четыре ската, но и это едва ли национальная особенность, так как и у русского населения в южных частях края дома обычно перекрыты шатром. Вообще планировка двора, его постройки, а также тип дома у всех народов края близки друг к другу, ибо создавались исстари в условиях постоянного взаимного общения этих народов.

Дома, построенные до проведения колхозизации, пока еще составляют большинство, но в настоящее время уже выявился тип нового дома и новой усадьбы колхозника. Это пятистенные дома с многокомнатной планировкой, отделанные и обставленные по типу городских квартир, с электрическим освещением, радио и другими достижениями современной бытовой культуры. Таких пятистенных домов пока еще мало, но они нравятся колхозникам, и последние стремятся их строить, поскольку позволяют экономические возможности. Проектные и архитектурные организации республики должны помочь улучшить данный тип дома, сделать его еще удобнее.

Также определенно наметилась и планировка новых усадеб колхозников с их небольшими надворными постройками, соответствующими нуждам приусадебного хозяйства, и значительным садом и огородом для выращивания наиболее редких овощей и других растений. Намечается определенная тенденция отказаться от использования большей части индивидуальной усадьбы под посадку картофеля. В наиболее передовых колхозах в значительной степени решена проблема полного снабжения колхозников картофелем и распространенными овощами, поэтому колхозники разводят на своих усадьбах фруктовые и декоративные деревья и кусты, близ домов устраивают цветники и т. п., отводя под собственно огород лишь незначительную часть усадьбы. Среди колхозников замечается стремление засадить усадьбы мичуринскими сортами растений, вести самостоятельно опыты по акклиматизации новых сортов и т. д. Некоторые колхозники уже создали на своих усадьбах мичуринские уголки. Такие люди пользуются большим уважением. Следует поддержать это твердо наметившееся течение, дать ему возможность получить массовое распространение.

Необходимо отметить заботу колхозников о благоустройстве своих поселков, стремление увеличить озеленение улиц и незастроенных мест, особенно в южных районах, где прежде озеленение было незначительным. Колхозники охотно строят пруды в деревнях, обсаживают их деревьями, создавая новые водоемы, имеющие серьезное экономическое значение и одновременно придающие поселку более красивый вид. В некоторых колхозах поставлен вопрос об устройстве водопровода не только для хозяйственных, но и для бытовых нужд. В поселках начинают строить тротуары, замачивать улицы. Все эти стремления колхозников благоустраивать не только свои усадьбы, но и поселки, необходимо всемерно поддерживать.

* * *

Мужская одежда чувашей за советский период подверглась большому изменению и все более начинает приближаться к русской городской. Этот процесс начался еще в капиталистическое время, когда под влиянием отходничества одежда мужчин стала приближаться к костюму трудовых масс города, с которыми отходники близко общались. Домотканые материалы для нижнего и верхнего мужского платья даже белья почти совершенно вышли из употребления. В последнее время получил широкое распространение полувоенный костюм.

Почти все колхозники носят белье городского образца. Старинное чувашское белье (рубахи и штаны) можно встретить теперь только на некоторых стариках и ребятах. Из верхнего платья еще сохраняются у старииков и отчасти у людей среднего возраста различного типа кафтаны и шубы, сшитые из овчин или покрытые сукном, обязательно с борами сзади. Молодежь носит пальто городского типа, а зимой русский полушубок, легкий и удобный в работе.

Несколько иное положение с женской одеждой. Городскую одежду носит только интеллигенция. Основная же масса колхозниц продолжает ходить в национальной одежде. Многие девушки стараются ее перестроить, сделать удобнее, но от основного национального типа не отходят. Вирьялы и анатри, у которых различия в мужской одежде исчезли еще в капиталистический период, в женской одежде продолжают их сохранять, и даже изменение ее идет у обеих групп по-разному.

Основная часть вирьяльской женской одежды — широкая и длинная холщевая рубаха, туго подпоясанная и поддернутая вверх до колен, вследствие чего выше пояса спереди образуется широкая пазуха, а сзади напуск, — сохраняется в массе и до настоящего времени. Правда, ее чаще начинают шить из белых фабричных тканей, но покрой остается прежний. Некоторые девушки-колхозницы, чтобы избавиться от туго и неудобного пояса, поддерживающего рубаху в поддернутом виде, в задней половине и клиньях рубахи застрачивают глубокую складку. Благодаря этой складке внешне создается впечатление напуска, характерного для вирьяльской рубахи. Некоторые шьют юбку с кофтой, причем кофту собирают у пояса и ниже пояса выпускают широкую складку. Этот костюм внешне похож на цельную рубаху, с напуском сзади. Более богато начинают украшать подол рубахи вышивкой и кружевами, даже фабричного производства, но тип старинной рубахи, существовавшей с давних времен, все же продолжает сохраняться.

У низовых чувашей женщины носят пестрядинную рубаху с оборками на подоле, которая еще в капиталистическое время заменила старинную белую анатрийскую рубаху с вышивками или нашитыми красными полосками на швах и на груди. Эту рубаху в настоящее время часто шьют из фабричных тканей, но преимущественно полосатых и клетчатых, реже с цветочками. Покрой же ее почти не меняется. Анатрийская рубаха при дальнейших изменениях, когда с нее снимают обязательные оборки на подоле, незаметно переходит в обычное женское платье городского типа.

Фартук, чаще с нагрудником, продолжает служить обязательной частью чувашской национальной одежды. Широко входит в быт колхозниц белье городского образца, в частности женская сорочка, которую раньше заменяла обычная рубаха, носимая в качестве платья.

Верхние одежды верховых и низовых чувашек, имевшие значительно больше общего в прошлом, в известной части сохраняются и в настоящее время. Так, многие девушки-вирьяльки, особенно в северо-западных районах Чувашии, продолжают носить старинные белые шуборы и черные кафтанчики, сшитые из фабричных тканей. Но некоторые

холхозницы уже носят вместо них жакетки и вязаные кофточки. У низовых чувашей прежняя легкая верхняя одежда почти не применяется, большинство женщин ходят в жакетах и вязаных кофточках, а старинные шафтаны носят только старухи. Зимняя верхняя одежда старинного образца, близкая по покрою к мужской, сохраняется устойчивее. Только молодежь, особенно у низовых чувашей, начинает заменять ее зимними пальто городского образца, приобретаемыми в магазинах.

В целом женская одежда чувашей, конечно, изменяется, но все же национальный колорит продолжает сохраняться, и женщины, одевающиеся полностью по-городски, встречаются сравнительно редко.

Обувь чувашей в настоящее время значительно изменилась. Большинство колхозников, как мужчин, так и женщин, носит сапоги или иную обувь городского образца. Старинная обувь — лапти употребляется преимущественно только во время летних сельскохозяйственных работ. Но некоторые женщины, особенно среднего и пожилого возраста, продолжают носить их постоянно, причем в форме лаптей и способе их укрепления сохраняются не только национальный колорит, но и территориальные особенности, имеющие весьма древнее происхождение. Так, чувашки северо-западных районов, надевая своеобразные лапти с маленькой головкой, обязательно оберывают ноги до колен черными суконными онучами, как можно толще. Оборы лаптей густо оплетают ногу до самых колен. Верховые же чувашки, но более южных районов, вместо онучей применяют черные суконные портнянки, которыми закрывают ногу только до середины голени, а оборы лаптей завязывают выше щиколотки. Верх голени и колени они закрывают чулками или специальными наголенниками из толстых хлопчатобумажных ниток, которые закрывают ногу от щиколотки и заканчиваются выше колен. Низовые чувашки носят белые портнянки, холщевые летом и суконные зимой, оберывая ими ноги до середины голени, а выше закрывая их чулками. Нередко с лаптями портнянок совершенно не носят, а надевают чулки и толстые шерстяные носки белого цвета.

Мужчины почти во всех районах надевают лапти с портнянками, а иногда и с онучами, закручивая их несколько выше середины голени. Только в юго-восточных районах носят преимущественно суконные белые чулки, близкие к широко распространенным у татар. Оборы лаптей крепят около щиколотки. Как уже отмечалось, мужчины в лаптях встречаются очень редко.

Старинные женские сапожки «гармошкой» совершенно исчезли из обихода. Их заменили щегольские сапожки на высоком каблуке, которые носят многие колхозницы-девушки, особенно в северо-западных районах. С обувью городского образца женщины надевают фабричные чулки, причем в силу старинной традиции выбирают определенные цвета чулок. Так, вирялки из северо-западных районов, носившие черные онучи до колен, предпочитают черные чулки, надевая поверх чулок легкие, преимущественно белые, носки. Низовые чувашки носят чулки разных цветов, но не черные, они также надевают носки, но чаще цветные. Мужчины с сапогами — а это наиболее распространенная в насторожнее время обувь — носят преимущественно портнянки, а с ботинками — фабричные носки. Брюки на выпуск, как в городе, носит преимущественно интеллигенция, а рядовые колхозники, если нет сапог с короткими мягкими голенищами (любимые сапоги молодежи), низ брюк заправляют с небольшим напуском в носки.

Среди головных уборов у мужчин доминируют летом кепи и фуражки военного образца, а зимой шапки-ушанки. Старинные меховые шапки и войлочные шляпы с маленькими полями совершенно исчезли из употребления, разве только иногда их надевают глубокие старики. У женщин основной головной убор — свернутый на угол платок. Платки встречаются самого различного качества — от простого белого ситцевого и до

большого шелкового и тонкого шерстяного с длинными кистями. Цвета платков по районам несколько различаются. Вирьялки чаще носят белые или палевые платки, реже красные и зеленые разных оттенков. Низовые чувашки чаще употребляют яркие цветные платки: красные, желтые, голубые, зеленые и реже белые и палевые. Зимой сверх легкого платка покрываются шалью или пуховым платком, обматывая один конец вокруг шеи. Некоторые носят тяжелые шали, закалывая их под подбородком. На молодежи нередко можно встретить летом различные береты а зимой шапочки.

Старинные головные уборы — сурбаны, хушпу и девичьи тухи у низовых чувашек совершенно не встречаются. Их надевают, и то не обязательно, лишь во время свадьбы. Причем по-старинному в сурбан и хушпу наряжают чаще всего только новобрачную, реже по-старинному одеваются свахи, а еще реже — другие женщины, присутствующие на свадьбе. Применение старинных головных уборов на свадьбе шире распространено у верховых чувашей. В деревнях низовых чувашей трудно найти несколько старинных головных уборов. Имеющиеся чаще используются как реквизит для художественной самодеятельности.

Старинный женский головной убор, особенно сурбан, раньше был одним из важных предметов, отличающих не только основные группы чувашей, но и подгруппы внутри их. Вирьяльские сурбаны были короткие, они закрывали шею и удерживались на голове посредством длинного масмака — расшитой ленты. Анат-еңчи носили сурбаны средней длины, они закрывали перед шеи и затылок и поддерживались коротким масмаком. У низовых чувашек были длинные сурбаны, которыми они окутывали всю голову и шею, спуская расшитые концы по спине ниже талии и закрепляя их на голове особыми короткими полотенцами или хушпу.

Почти исчезли из употребления и старинные чувашские украшения также различные у отдельных групп. Продолжают носить только серьги, кольца и браслеты, и то чаще фабричного изделия, да у девушек всех групп довольно часто можно встретить специальное шейное украшение չуха, в виде полоски ткани слегка полуулунной формы, на которую нашиты серебряные монеты. Остальные, многочисленные и весьма сложные украшения с густо нашитыми на них серебряными монетами, надевавшиеся на шею, грудь, голову и даже спину, можно изредка встретить только на свадьбах, когда надевается полный старинный костюм. Да и то теперь обычно надевают только некоторые украшения из того комплекса их, который сложился в старину. Полностью исчезли и поясные украшения. Только старинные цветные пояса из широкой тесьмы, украшенные богатыми кистями, иногда надевают с праздничными рубашками.

По поводу все усиливающегося процесса изменения одежды колхозников необходимо заметить, что если в мужском костюме все более начинают преобладать русские городские формы, то женский костюм изменяется, сохраняя все же свои национальные формы. Так, женская рубаха — основной нижний костюм чувашки, при всех попытках изменения, не теряет своих национальных форм и даже особенностей, специфичных для отдельных групп чувашей. Общий тон рубашек верховых чувашек остается белым или частично кремовым и светлосерым, а у низовых он продолжает сохранять яркость, которая увеличивается при употреблении тканей с цветами вместо прежних исключительно полосатых и клетчатых. Таким образом, переход основной массы колхозниц на городской костюм не является основным путем изменения женского костюма чувашей. Он, повидимому, надолго сохранит свои национальные, выработанные веками формы, которые удобны и нисколько не противоречат новой социалистической культуре.

Соответствующим организациям республики, ведающим изготовлением платья, вышивок и других предметов одежды и домашнего обихода, не-

обходимо серьезно изучать пути изменения одежды колхозников и, учитывая их вкусы и требования, помочь им создавать новый костюм. Возьмем, например, вышивку чувашей, отличающуюся сложным орнаментом и оригинальной техникой. Хотя она и не применяется теперь там, где ее использовали раньше, но все же не исчезает. Колхозницы стремятся украсить ею свои одежды и предметы бытовой обстановки. Надо помочь им в поисках лучших способов ее применения.

* * *

Значительный подъем материального благосостояния колхозников отразился и на их питании. Оно стало не только обильным, но и разнообразным. Прежде пища чувашского крестьянина даже у зажиточных была бедна набором продуктов и кушаний. О примитивности старой чувашской кухни свидетельствует уже самый инвентарь, применяющийся для приготовления пищи. Он состоял из универсального котла и приспособлений для изготовления хлеба и ряда незатейливых печений. Приготовление кушаний ограничивалось печением и варкой. Поджаривания продуктов старая чувашская кухня почти не знала и не имела для этого инвентаря. Измученная бесконечной работой и нуждой, чувашка не умела готовить разнообразную и вкусную пищу, важно было хоть чем-нибудь накормить семью. Поэтому яшка (суп) с приправой из картофеля, овощей, а летом и из дикорастущих трав, сдобренная небольшим количеством масла или уйрана (сыворотка из-под масла), ржаной хлеб, да сваренная с кожурой картошка с тем же уйраном, реже — каша, составляли главное питание большинства чувашских крестьян. Только в праздники варили мясную яшку, пекли пирожки и ватрушки с творогом или другой какой-либо начинкой, поджаривали на масле кусочки сыра и изредка лакомились особой колбасой из кусочков мяса и полбеной крупы (шартан). Для особенно дорогих гостей делалась яичница или поджаривались в масле половинки круто сваренных яиц. Все это в праздники запивалось самодельным пивом и реже медом.

В настоящее время подобное питание даже в лучших его формах не удовлетворяет колхозника, особенно мужчину, часто бывающего в городах, побывавшего в армии и познакомившегося с более разнообразной и вкусной пищей. Не удовлетворяются старыми методами приготовления кушаний и женщины. Через колхосные столовые, где пища приготовляется специалистами, они познакомились с разными новыми кушаниями. Кухонный инвентарь пополнился различными жаровнями для тушения мяса и овощей. У многих появились мясорубки и другое оборудование городского обихода. Теперь только жидкие блюда приготовляются в котле, но и они стали значительно разнообразнее и вкуснее.

Благодаря возросшей материальной обеспеченности расширился ассортимент продуктов питания. Помимо продуктов, добываемых в своем хозяйстве, колхозники приобретают в магазинах соленую рыбу, рис, макароны, различные сладости. В числе напитков появился чай, которого раньше чуваш почти совершенно не пили. Много стали употреблять сахара, который из-за дороговизны прежде покупали очень редко.

Изменились не только приготовление кушаний, но и сервировка. Теперь в редкой семье едят из одной чашки. В каждом доме имеются тарелки, вилки, стаканы и другие предметы сервировки. Деревянные ложки заменяются более гигиеничными металлическими. Благодаря повышению общей культуры колхозников, стала проявляться большая забота о чистоте при приготовлении и приеме пищи.

Большим достижением является то, что колхозники перестали мириться с прежним примитивным питанием. В этом залог его дальнейшего улучшения. Необходимо колхозам шире развертывать общественное питание, сделать его хорошим и в то же время дешевым, привлечь к из-

готовлению пищи лучших мастеров и одновременно через общественные организации знакомить колхозниц с кулинарным делом, научить их готовить вкусные и питательные кушанья из продуктов, получаемых в колхозе и приобретаемых через торговую сеть. Торговые организации должны изучать вкусы колхозников и одновременно внедрять в их питание новые продукты, подобно тому как это делается в отношении предметов обстановки, одежды и разных других товаров, рассчитанных на удовлетворение возросших культурно-бытовых потребностей.

Наши выводы, конечно, не претендуют на абсолютную точность и полноту. Для этого надо вести более длительные наблюдения. Но же мы надеемся, что собранный материал, отражающий изменения, происходящие во внешнем оформлении быта чувашских колхозников, представляет некоторый практический интерес для государственных, партийных и общественных организаций, которые всемерно заботятся о уклонном поднятии материального благосостояния и культурного уровня советского народа и особенно прежде угнетенных и отсталых народностей, к которым в прошлом принадлежали и чуваши. Только такое значение мы придаем нашим выводам, как результату некоторой работы по изучению быта современного чувашского колхозного крестьянства.

В. С. МАМОНОВ

СТАРИННЫЕ ОРУДИЯ ДЛЯ ОБРАБОТКИ ПОЧВЫ ИЗ с. СТАРОСЕЛЬЕ НА ДНЕПРЕ

Введение

Село Староселье Высше-Дубечанского района Киевской области расположено на левобережье Днепра в 18 км на север от Киева. До Великой Октябрьской социалистической революции оно входило в состав Жукинской волости Островского уезда Черниговской губернии.

От берега Днепра Староселье удалено почти на 1,5 км. Оно расположено на песчаных холмах. Близ села на расстоянии 0,2—0,3 км к югу и западу от него имеется несколько небольших невысыхающих озер — Малое Аврамово, Великое Аврамово, Староселье, Лебединка. В 3—5 км на восток, в лесу, расположены более крупные озера — Великий Глядин, Кривой Глядин и др. С юга и запада к селу примыкают заливные луга. Одно небольшое урочище среди них называется «Дворище». На север от села расположен пахотный участок, называемый «Сваромщина». На восток тянутся вековые сосновые леса с дубовыми березовыми и ольховыми перелесками. Недалеко от села в лесах расположены два небольших пахотных клина «Майдан» и «Останній ріг» (Последний рог). До Великой Октябрьской социалистической революции небольшая часть леса принадлежала сельскому обществу, большая же часть входила в дачи казенного лесничества.

Весеннее половодье на Днепре обычно захватывает на 1—1,5 месяца луг и часть Сваромщины. В особенно полноводные годы вода проникает на восточную, лесную, территорию и частично заливает там обрабатываемые участки.

В период разлива старосельчане бывают почти совершенно отрезаны от Киева и окружающих сел. Полые воды и западные ветры наносят песок на поля, отсюда местные названия почв: «піскувато-сіра» (Сваромщина), «піскувато-чорна» (Майдан) «піскувато-глейова» (луг).

Около 100 лет тому назад (1859 г.) с. Староселье состояло из 15 дворов казенных крестьян (помещичьих владений в этом районе не было), населения было 135 душ, из них 57 мужчин¹. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции в селе было около 100 хозяйств и населения около 500 человек.

По объяснению стариков-крестьян, название произошло от слов «стара селя» (старое поселение). Исторические сведения подтверждают, что в начале XVI в. часть Днепровско-Деснянского клина принадлежала Межигорскому монастырю². Некоторые из стариков вспоминают рас-

¹ «Черниговская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г.», Изд Центр. Стат. Ком., СПб., 1886.

² Н. Закревский, Описание Киева, М., 1868, т. I, стр. 263; т. II, стр. 461 и прил. лист XIII — План окрестностей Киева.

сказы дедов о жилищах на урочище Дворище. О других топонимических названиях, как Лебединка (кстати, никто из крестьян не помнил чтобы в их районе бывали лебеди), Аврамово озеро, Майдан (у украинцев майданом называется место выгонки дегтя, а также рыночная площадь), крестьяне ничего не могут припомнить. Интересно отметить что небольшой участок близ озера Великое Аврамово называется «Ольгина купальня», по имени киевской княгини Ольги, как говорят крестьяне.

Несмотря на близость к Киеву, Староселье в условиях царского строительства было глухим, бедным селом. Только со временем установления советской власти началось его хозяйственное и культурное развитие. В Староселье организован животноводческий колхоз, создана рыболовецкая артель, работает потребительская кооперация. В селе построена школа, имеется радиофицированная хата-читальня. Благодаря развитию социалистических форм хозяйства жизнь крестьян в корне изменилась: Староселье превратилось в зажиточное, культурное советское село.

* * *

По официальным статистическим материалам 1916 г. средняя площадь полевого посева одного хозяйства в Жукинской волости составляла 0,99 десятины, из них на рожь падало около половины (47%), а вместе с картофелем и гречихою четыре пятых (79%). На 100 десятин засева в среднем было: коров 130, волов 106,8, рабочих лошадей 21,7 и свиней 238,5³.

Понятно, что такие «объективные» статистические материалы, со своим нивелированием, дают затемненную картину экономического положения крестьянских хозяйств. Со слов старосельчан она вырисовывается в более жизненных чертах. По их рассказам, в Староселье одно хозяйство имело около 10 десятин засева, 4—5 хозяйств от 2 до 4 десятин, около половины — 1 десятину или немного более, многие сеяли до 0,5 десятины, а 3 хозяйства совсем не имели полевого посева. Наиболее состоятельные имели 2—3 пары волов, а то и пару лошадей, 5—8 коров, 5—12 свиней и 15—25 овец; средние — пару плохоньких волов (некоторые вместо того одного коня), одну, редко две коровы и телку, 2—5 свиней, 3—10 овец; бедняки рабочего скота не имели, а иногда имели корову, свинью да 2—3 овцы. У всех скот был самой простой низкокачественной породы.

Сеяли старосельчане, помимо названных культур, еще ячмень, овес, горох, просо. Гречиха имела исключительное значение, так как ее сеяли обязательно после того, как выяснялось, что вымокла рожь на урочище Сваромщина. А это случалось нередко. Почти у всех были небольшие «клапти» (клошки) конопли, а у некоторых и льна; волокно этих культур домашним способом перерабатывали на грубое полотно, холст рядна.

На заливных лугах все имели небольшие огороды, на которых выращивали капусту, огурцы, свеклу, морковь, бобовые растения, кукурузу, тыкву, лук, чеснок. Такие же огороды имелись и на усадебных участках, где, кроме того, иногда было по 2—5, а то и до 10 фруктовых деревьев (шелковица, вишня, яблони, груши, сливы) и несколько кустов ягод. Возделывание огородов и садов доставалось тяжелым упорным трудом, так как повсюду вокруг села, на улице и в проулках был сыпучий песок. Почва на усадебных участках удобрялась большим количеством навоза, а иногда приходилось привозить землю с луга или Майдана.

³ «Сборник статистических материалов по вопросам организации крестьянского хозяйства Украины», Изд. НКЗ УССР, Одесса, 1921, стр. 58.

Хлебопашество и скотоводство, за очень незначительным исключением, не обеспечивали крестьян. Почти у всех собственного хлеба хватало только на треть года. Поэтому наряду с сельским хозяйством крестьяне занимались рыболовством, пчеловодством, плетением корзин из лозы, бондарничеством, выполняли временные работы в лесничестве и ходили на заработки в Киев и в степные губернии Украины. Но все же основным их занятием было хлебопашество, и ему они уделяли все свое внимание. Старики-крестьяне, рассказывая о своей хлебопашеской деятельности, вспоминают, как велось «з дідів прадідів». Эти рассказы скорее похожи на легенды, но характерно, что лейтмотив многих из них — это вред песта для хозяйства и борьба с ним.

Сравнительно многочисленный скот старосельчане держали главным образом для получения навоза, т. е. тоже в интересах поддержания производительности почвы.

Обработка полевых участков производилась весьма разнообразно в зависимости от многих обстоятельств. Главным из них был ожидаемый весенний разлив Днепра. Крестьяне всегда пытались угадать высоту его по бесчисленным приметам и наблюдениям. Если разлив ожидался высокий, то озимых посевов не производили из опасения, что вода вымоет удобрение, а посевы вымокнут. Если предполагали, что разлив будет низкий, то от осенней пахоты и посевов воздерживались только на западной полосе Сваромщины (на низу).

Обработку почвы каждый хозяин производил по-разному. Схематично ее можно представить в следующем виде. Для озимых более тяжелые почвы Майдана и Останнного рогу поднимали плугом, затем «ломали скибу» — проходили поперек ралом или тройчаком, далее им же проходили вдоль пахоты, после чего «скородили», т. е. бороной извлекали корни сорняков и размельчали комья. Семена заделявали бороной. Легкую почву Сваромщины пахали сохой-рогочом, редко плугом, иногда поперек проходили ралом и скородили. Сеяли под борону.

Для яровых посевов тяжелые почвы с осени пахали плугом, обрабатывали ралом, а весною вновь проходили ралом и тройчаком, скородили бороной и сеяли под борону. На Сваромщине весной пахали сохой-рогочом и проходили поперек ралом (некоторые крестьяне тройчаком). Сеяли под борону, а картофель сажали под лопату. Участки, бывшие под картофелем, обрабатывали только ралом и бороной.

На огородных луговых землях, если удавалось объединить 2—3—4 участка вместе (участки родственников), пахали сохой-рогочом, а чаще только проходили ралом и дальнейшую обработку производили вручную, подготавливая гряды для отдельных культур.

Постоянное тяжелое материальное положение крестьян не давало им возможности приобретать фабричные орудия. В Староселье не было ни одного заводского плуга, на все село имелось лишь 50—60 фабричных железных лопат. Каждый крестьянин с. Староселья, руководствуясь понятиями и представлениями, полученными от «батьків і дідів», и собственным опытом, сам изготавлял деревянные части орудий для обработки почвы. Железные части заказывали местному кузнецу — такому же хлеборобу, как и все.

В каждом хозяйстве всегда сохранялись куски дерева различных форм, которые носили особое название «надібок», т. е. то, что «знадобиться», пригодится. По мере надобности из них изготавливали те или другие части орудий⁴. В некоторых хозяйствах одни и те же самодельные

⁴ Подобный способ приобретения материала для орудий наблюдался в недалеком прошлом не только у украинцев. М. Я. Феноменов отмечал его и у крестьян бывшей Новгородской губернии. (М. Я. Феноменов. Современная деревня, ч. I, Л.—М., 1925, стр. 90).

орудия имелись в разных видах. Нередко можно было услышать: «Я не можу працювати тою сапкою [или заступом] — вона не зручна». Бывали случаи, что рало или борона в одном хозяйстве были двух видов — «це батькове, а це я зробив — воно зручніше», говорил хозяин. Следует отметить, что это «зручніше» рало было копией орудия, имевшегося в каком-либо другом хозяйстве Староселья или соседнего села.

Комплекс инвентаря, которым пользовались старосельчане для обработки почвы, составляли: ручные орудия — «крюк для гною», «мач» и «сохір», «сапка», «заступ», грабли и тяговые — рало, «трийчак», «сохарогач», плуг обыкновенный, плуг одноколесный и борона⁵.

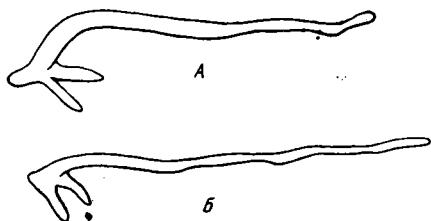

Рис. 1. «Крюк для гною»: А — с. Староселье (№ 31035/258); Б — с. Ново-Петровцы (№ 31028/555 1/30 н/в). Цифры здесь и дальше обозначают номера экспонатов Исторического музея в Киеве.

Ручные орудия для обработки почвы

«Крюк для гною» (навоза). В большинстве случаев крюк (рис. 1) представляет собой дубовый отросток от корня (длина 140—160 см, толщина 3—4 см) с небольшими боковыми тоже прикорневыми отростками (длина 15—22 см, толщина 2—3 см), расположеннымными под углом 50°—90°. Отдельные части крюка — «ріжки» (рожки) и «держало» (ручка). Крюк изготавлялся очень просто. Важно было найти кусок дерева необходимой формы. У него обрубали концы, сдирали кожуру и обжигали («засмаживали») рожки.

Крюк употреблялся для разгребания слежавшегося навоза. Держа крюк обеими руками, ударяли им по куче навоза, чтобы рожки углубились в массу, затем крюк тянули к себе и отрывали куски навоза. Если рожки у крюка были расположены под острым углом, то удара не требовалось. Крюк тянули к себе с нажимом к земле: рожки углублялись в массу и отрывали слои ее. На поле крюком сгребали навоз с воза, а позднее, перед пахотой, им же растаскивали его по полю и разбивали на мелкие части.

Крюком работали и мужчины и женщины.

Рабочая функция крюка — разрывание, разгребание. Нам не приходилось слышать от старосельчан, чтобы они употребляли крюк для обработки почвы. Однако не может быть сомнения в том, что когда-то им пользовались и для такой работы. Это предположение основано на том, что такое применение находили подобные крюки в XIX в. у белоруссов и у русских.

«Мач» и «сохір». Мач имеет лопатообразную форму (длина 110—160 см, толщина у начала ручки 6—7 см). Лопатообразная часть его, очень удлиненная и широкая (длина 58—70 см, ширина 20 см), вытесана в виде неглубокого (4—5 см) ковша (рис. 2). Части мача: лопата, «ніс» (нос), ручка. Мач вытесывали топором из дубового кругляка или пластины.

⁵ Большинство орудий для обработки почвы, описанных в нашей работе под наименованием старосельских, было собрано в 1920—1928 гг. в селах Староселье, Сваромье, Жукине, Хотяновке, Высшей и Низшей Дубечнях.

Уже в то время некоторые из этих орудий вышли из употребления, тогда как в предреволюционные годы они входили в состав основного сельскохозяйственного инвентаря старосельчан. В настоящее время некоторые из собранных тогда орудий хранятся в фондах Исторического музея в Киеве. При собирании орудий были сделаны записи о их применении. Но в период Великой Отечественной войны записи погибли, а многие экспонаты были разграблены немецкими захватчиками. В 1944—1946 гг. были сделаны новые записи и составлено описание орудий.

«Сохір» употребляли двух видов: лопатообразный и вилообразный (рис. 3). Первый весьма напоминает мач, только лопатообразная часть у него наполовину уже и не имеет углубления (длина 154 см, ширина 10 см, толщина 3—4 см, длина лопатообразной части 54 см). У вилообразного сохири в лопатообразной части вырублена середина так, что эта часть превращена в два длинных толстых плоских рожка (длина

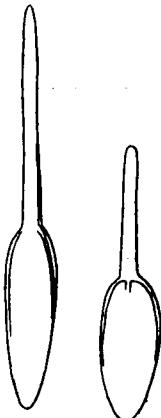

Рис. 2. «Мач»; с. Староселье (№ 31027/276, 31033/275, 1/30 н/в)

Рис. 3. «Сохір»; с. Жукін (№ 31037/923, 31038/924, 1/30 н/в)

каждого 44 см, ширина 4 см, толщина 3 см). Части лопатообразного сохири носят такие же названия, как и у мача; у вилообразного сохири рабочая часть называется рожками.

Сохир, вытесывали топором из дубовой пластины; затем его парили, чтобы немного выгнуть ручку. Как у мача, так и у сохири обжигали (засмаживали) нос и рожки.

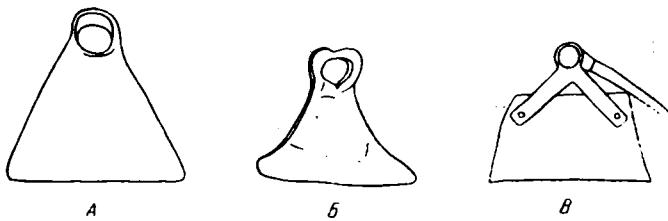

Рис. 4. «Сапка»: А, Б — старинная, В — новая; с. Староселье (№ 32174/556, 1518, 1/8 н/в)

Мачем и сохиром поднимали пластины навоза, накладывали их на воз, сбрасывали в поле, разбрасывали и раздробляли. «Раніш не було (не работали.— В. М.) вилами, тоді гній набирати було мач, вузький, гострий, наче лопата», — говорили крестьяне.

Работали этими орудиями мужчины и очень редко женщины.

Функция мача и сохири — поднимание, разбрасывание и раздробление навоза.

Об употреблении этих орудий для обработки почвы прямых свидетельств нет. Тем не менее крестьяне часто говорили: «Накопай мачем (або сохіром) гною». Следовательно, с мачем и сохири у них было связано представление о копании.

«Сапка». Старосельская сапка (рис. 4) состоит из треугольно-железной пластинки (длина основания 16—18 см, боковых сторон — 13—17 см) с короткой трубкой вверху, загнутой под прямым углом для насаживания на палку. Нижний край пластинки — «лезо» (лезвие, хорошо заострен). Иногда для удлинения трубы приваривали кольцо соответствующего размера. Длина трубы 3 см, внутренний диаметр 3 см, толщина 0,3 см. Орудие в целом называется сапкой, то же название носит и сама пластинка, трубка называется шейкой (шия), а палка — ручкой (держало, держак). Сапку изготавливали местный кузнец. Крестьяне требовали, чтобы основа шейки была выкована из верхнего края пластинки, а не приварена или приклепана (рис. 4, В). «Оце стара сапка, не зломиться» — говорили они.

Сапкой обрабатывали раненую вскопанную или вспаханную почву в огороде и на поле. Ею «сапали» т. е. отрывали комья земли, раздробляли их и подгребали к растению одновременно ею же подрезывали корешки, а при необходимости подсекали и наземную часть растений.

Сапкой работали женщины и подростки.

Функция сапки — подгребание, разгребание, раздробление комьев почвы. Не может быть сомнения, что в прошлом ею пользовались для вскапывания почвы.

Заступ. Заступ (рис. 5) имеет форму обычной лопаты (длина 100—120 см), вытесанной из дубового бруска. На рабочую часть заступа (длина 19 см, ширина в плечах 17 см, толщина 3 см) насажена железная окова.

Название частей: «заступило» (рабочая часть), «окова», «держак», а у заступила — «плечи» и «ніс». Окова (ширина 4—6 см) употреблялась с ушами («вухаста»). В обоих

случаях ее внутренний край обращен в желобок (ширина 1,5—2,5 см), в который плотно загонялось заступило. Окова без ушей закреплялась на заступиле пригибанием бортов желобка, а иногда еще и прибивалась несколькими гвоздями. Окова с ушами закреплялась гвоздями. Старики-крестьяне рассказывали об употреблении заступа и без оковы.

Рис. 5. Заступ: А — заступ. Б — заступило с оковой, В, Г, Д — оковы; А, В, Г — с. Староселье (№ 31026/266, 30983/542, 30985/1550); Б — с. Новопетровцы (№ 30982/540); Д — с. Жуккин (№ 30984/904, 1/15 н/в);

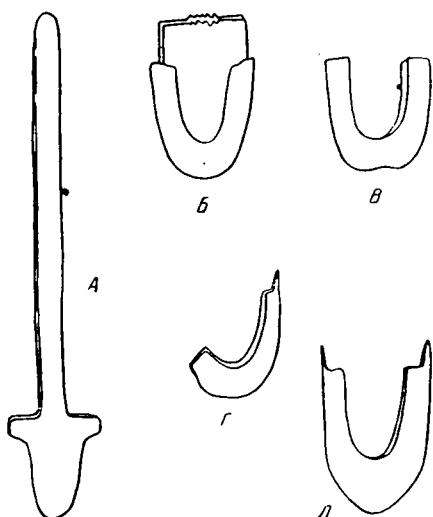
лялась двух видов: без ушей и с ушами ее внутренний край обращен в желобок (ширина 1,5—2,5 см), в который плотно загонялось заступило. Окова без ушей закреплялась на заступиле пригибанием бортов желобка, а иногда еще и прибивалась несколькими гвоздями. Окова с ушами закреплялась гвоздями. Старики-крестьяне рассказывали об употреблении заступа и без оковы.

Заступом производили операции трех видов:

1) копали, рыли, т. е. правой или левой ногой вдавливали в почву заступило, наклоненное под углом 60°—70°; затем, поддерживая левой рукой рукоять почти на середине ее, а правой, притягивая верхний конец ее к себе, вырывали ком земли и отворачивали его на сторону, перевернув нижней стороной вверх; затем ударив по этому кому заступилом плашмя или ребром, раздробляли его на мелкие части;

2) расчищали, подрезали — располагая заступ под очень острым углом к поверхности земли, руками загоняли его в почву и отрывали довольно тонкий слой ее;

3) рубили — при вертикальном положении орудия, поднимая и опуская его, загоняли заступ в почву, а затем, наклоняя к себе, выворачивали ком земли.

Таким образом рабочие функции заступа были довольно разнообразны. Главнейшая из них — копанье, рытье и дробление комьев.

Работа заступом у старосельчан считалась женской, но иногда выполнялась и мужчинами. Следует отметить, что, идя на работу в поле и возвращаясь домой, мужчины никогда не несли сапку, заступ и грабли; это делали женщины и подростки.

Гра б ли. Грабли (рис. 6) представляют собой березовый брускок (длина 68 см, ширина 2,5 см, толщина 3,5 см) с выдолбленными отверстиями, в которые забиты дубовые зубки. Брускок укреплен на развилине длинной березовой палки (длина 190 см). Названия частей: «валок» (брускок), «держак» и «зубки». Для держака выбирается слегка изогнутая палка, более толстая с одного конца (4 см); утолщенную часть раскалывают на длине 30—35 см на две половины и концы разводят в стороны на 15 см. Чтобы палка не раскалывалась далее, в месте расхождения забивают гвоздь и загибают его вокруг держака. Нередко для держака подбирали палку с естественной развилиной. Концы развилины снизу слегка стесывают и пропускают через валок. Изгиб в держаке начинается почти с половины его длины. Отклонение от начальной части должно составлять 20°. По уверениям крестьян, это отклонение необходимо для того, чтобы, когда руками тянут грабли к себе, хвост держака проходил под правой рукой мимо тела работника, а валок сохранял прямое положение.

Зубки изготавливают из дубовых прикорневых отростков. Длина каждого 11 см, а диаметр вверху 1,7 см, снизу — 1 см.

Граблями разбивают комья земли после вскапывания заступом или разрывания сапкой (в некоторых случаях на небольших пространствах и после тяговых орудий), но, главное, ими извлекают ветки, палки, камни и всякий сор. Обработку почвы граблями старосельчане считали важной операцией, так как при помощи их хорошо размельчалась плотная почва на урочище Майдан и на огородных луговых участках.

Те же самые грабли употребляли для сгребания сена и вообще скосенных растений. Работа граблями у старосельчан считалась женской.

Тяговые орудия для обработки почвы

Р а л о. Рало представляет собой толстый дрючок, на рабочем конце которого снизу укреплен под острым углом брускок (ральник), служащий для разрывания почвы, а сверху приделана деревянная ручка. К другому концу дрючка припрягают волов или лошадь.

В Староселье и окружающих селах употреблялись рала разных конструкций [рис. 7, 8, 9, 10, 11], но все они имели следующие части: «ральник» (рабочая часть — «копысть», рис. 7, А), «грядиль» (тяговая часть — «стебло», рис. 7, В), управления — «правилна» (руковатка — «держак», рис. 7, Г) и поперечина (скрепляющая часть — «сноза», рис. 7, Г). Наименование частей сохранялось и в тех случаях, когда две части представляли собой одно целое, как, например, копысть и держак

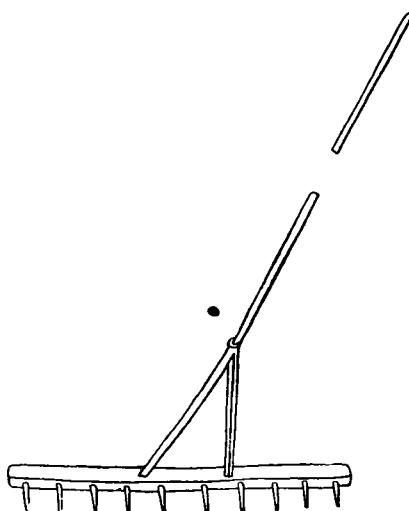

Рис. 6. Грабли; с. Староселье (1/15 н/в)

у рала, на рис. 7, стебло и держак у рала на рис. 8. Это говорит о том, что наименование частей связывалось с их назначением.

В зависимости от тяговой силы орудие называлось или «волове рало» или «кіньске рало». Первое отличалось большей мощностью и крепостью.

Ральник (копысть) представляет собой обтесанный дубовый брусок (длина от 55 до 112 см, ширина 9,5—11 см, толщина 6,5—8 см). На

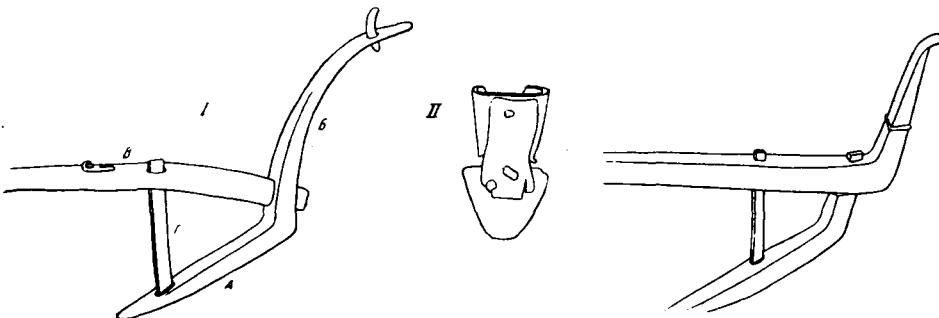

Рис. 7. I — воловье рало; A — копысть; B — держак; C — стебло; D — сноза; с. Жукин (№ 32185/770, 1/20 н/в); II — наральник (1/10 н/в)

Рис. 8. Воловье рало, употреблявшееся без наральника; с. Жукин (№ 32182/768, 1/20 н/в)

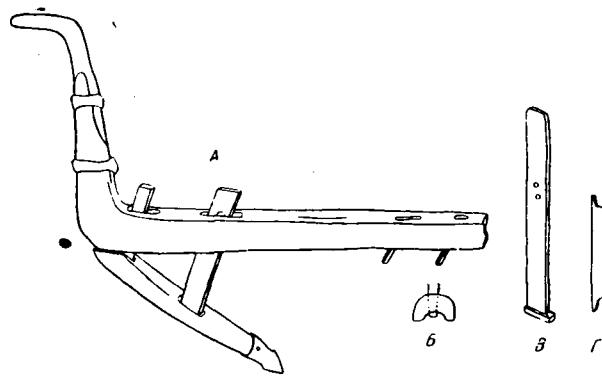

Рис. 9. Рало воловье с приставной копыстю: A — рало; B — сечение копысти; C — передняя сноза; Г — жабка; с. Староселье (№ 32184/267, 1/20 н/в)

заостренный конец его иногда насаживался «накописник» (железный наральник). В некоторых конструкциях ральник составлял одно целое с держаком (рис. 7) и был вытесан из цельного дуба соответствующей формы. Копысть прикреплялась к стеблю в разных ралах различно. Так, у рала, изображенного на рис. 8, копысть обтесанным концом загнана в пробоину в стебле и закреплена клинками. В других ралах (рис. 9, 10, 11) копысть скреплялась со стеблем при помощи задней и передней сноз. Обычно угол между копыстю и стеблем (рабочий угол) составлял 30°—50°; у некоторых рал он оставался постоянным, а у других его можно было увеличивать до 60°.

В ральнике были выдолблены одно или два отверстия для сноз, а в подошве или имелся желобок по линии этих отверстий (рис. 11, Б), или края их были стесаны, чтобы снозы не выступали за плоскость подошвы и не мешали ральнику скользить по земле.

Носовая часть копысти изготавлялась различной формы. Если применялся наральник, то копысть имела в поперечном сечении овальную

Эллипсовидную форму (рис. 7, 9). Копысть без наральника была или плоской (в сечении — половина эллипса с едва-едва выгнутой поверхностью подошвы), или горбообразной (в сечении — треугольник с малой высотой). Лезвиями служили ее боковые грани. Нос копысти обжигали («асмаживали»). По словам крестьян, плоская копысть могла производительно работать только на мягкой почве, не насыщенной корнями, а горбообразная была пригодна для почвы с корнями, а иногда и для достаточно твердой. Копыстю с наральником можно было обрабатывать любую почву.

Стебло представляет собой обтесанный березовый дрюк, длинный у клювого рала (длина от 330 до 385 см, ширина 8—10 см, толщина 8 см) и короткий у конного (длина от 116 до 135 см, ширина 7—10 см, толщина 6—8 см). К первому привязали волов при помощи ярма, а ко второму — лошадь при помощи оглобель, которые прикреплялись к бруски (длина 73 см, ширина 5 см, толщина 11 см), надетому на переднюю часть стебла (рис. 10).

У некоторых рал хвостовая часть стебла была затесана и загонялась в пробину в копысти-держаке (рис. 7). Необходимо отметить, что хвостовая часть стебла не закреплялась ни клиньями, ни колками, т. е. стебло держалось вследствие действия сил натяжения и надавливания, возникающих во время работы, и благодаря сопротивлению снозы. У

других рал хвостовая часть стебла постепенно переходила в держак. Для таких рал подбирали березовый ствол с корневищем и соответственно обтесывали его. Если корневище было коротким, то его удлиняли кривой веткой — «надточчивали кривуляку», либо путем прикладывания ее к корневищу и стягивания веревкой (рис. 10) или скобками (рис. 9), либо путем «сшивания» — пробивали отверстия и забивали в них колки.

Держак представляет собой кривую палку (длина 50—60 см), у которой верхний конец тоньше нижнего и обязательно отклонен назад для удобства удерживания рала в надлежащем положении (иначе, как говорили крестьяне, — «рало падает на бік»). Если естественная кривизна держака не удовлетворяла, то его парили и дополнительно выгибали.

Снозы — дубовые обтесанные пластиинки, из которых передняя длиннее (длина 37—55 см, ширина 4,5—7 см, толщина 1,5—3 см), а задняя короче (длина 23—26 см, ширина 3,5—6 см, толщина 1,5—2,5). Нижний конец снозы — «голівка» (головка) обтесывался так, чтобы оставалось либо утолщение, либо рубчик (рис. 9, В), на которые могла бы опираться копысть во время работы. В отверстия копысти снозы вгоняются

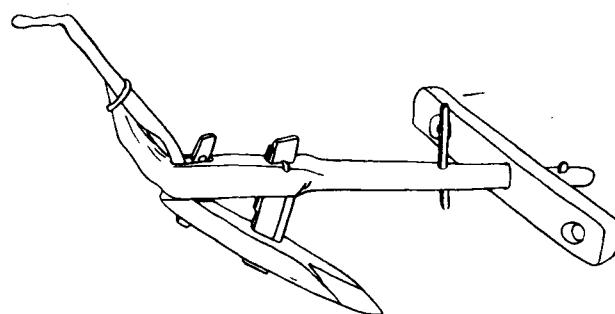

Рис. 10. Рало конное; с. Новоселки н/Десне (№32139/547, 1/20 н/в)

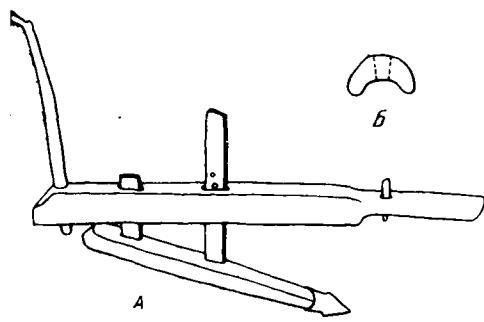

Рис. 11. Рало конное: А — рало (1/24 н/в); Б — попечерное сечение жабки (1/14 н/в); с. Староселье (№ 32140/279)

плотно, а в отверстиях стебла они передвигаются свободно. Для того чтобы они не выпадали, в них выше стебла забивают колки в специальные сделанные отверстия и, кроме того, их иногда еще укрепляют кликами. Такие приспособления чаще всего делались в передней снозе, помощью которой до некоторой степени можно увеличивать размер рабочего угла.

Жабка (рис. 9, Г) — небольшой сосновый брускок (длина 24—32 см, ширина 2,5 см, толщина 2 см), который затесанными концами закладывается впереди передней снозы в отверстия стебла и копысти. Она позволяет устанавливать постоянный рабочий угол для данного случая. Жабка имеется не у всех рал.

Наральник выкован в виде треугольной равнобедренной пластинки у которой основание удлинено и переходит в неполную трубку, называемую шейкой. Длина его 15—19 см, из них на шейку падает 5—9 см ширина шейки 7,5—10 см, толщина в месте перехода пластинки в шейку, т. е. там, где требуется наибольшая крепость, 0,5—1 см. Боковые грани пластинки служат лезвиями. Шейка в поперечном сечении имеет неполную эллипсовидную форму. Толщина стенок ее превышает толщины самой пластинки.

Наральник насаживали на копысть так, чтобы пластинка частично опиралась на нос копысти. Это в некоторой степени предохраняло его от переламывания.

Из описания рал, употреблявшихся в районе с. Староселья, нетрудно видеть, что по своей конструкции они разделяются на четыре вида, которые соответствуют определенным производственным условиям и заданиям и которые, повидимому, иллюстрируют некоторые этапы развития этого орудия.

Первый вид — рало воловье (рис. 7) состоит из трех отдельных частей: копысть-держак, стебло и сноза. Рабочий угол у него неизменного размера, около 40° , так как копысть неподвижна по отношению к стеблу. В таком рале нажим работающего на держак если не полностью, то в значительной мере передается на копысть, и к этому присоединяется еще часть силы тяги. Поэтому копысть хорошо углубляется даже в твердую почву — «глубоко ралить», роет и рвет ее. Однако работающему чрезвычайно трудно удерживать правильное направление движения рала по прямой линии. Вследствие колебаний из стороны в сторону тяговой силы (волы шагают не в ногу) борозда получается несколько извилистой и между двух борозд часто остаются непрорызанные узкие полоски. По словам крестьян, пахарю очень тяжело работать таким орудием, но твердую почву (иногда даже целину) им обрабатывать хорошо⁶.

Второй вид — рало воловье (рис. 8) тоже состоит из трех отдельных частей: копысть, стебло-держак, сноза. Установка копысти дает рабочий угол постоянного размера. В этом рале нажим работающего на держак передается на копысть в меньшей мере, ее действие больше зависит от силы тяги. Борозда получается ровнее, но мельче, так как пахарю легче противодействовать колебаниям орудия, но ему труднее делать борозды глубокой. По мнению крестьян, такое рало пригодно для неглубокого раления на более или менее твердой почве и для глубокого на мягкой.

⁶ К этому же виду следует отнести и рало, состоящее из двух отдельных частей стебло-копысть и держак. О нем в 1870-х гг. П. Парфенов писал: «Для этого (изготовления рала — В. М.) выбирается довольно тонкое дерево, вершина 2,5—3 верхнем отрубе, и притом такое, у которого один из корней шел бы по возможнос под прямым углом к стволу. Его срубают на сажень в длину ствола и на аршин длину корня, вколячивают палку в сторону, противоположную направлению корня для ручки — и орудие готово». (П. Парфенов, Письма о сельском хозяйстве Юго-Зап. России, «Русский Вестник», 1873, VIII, стр. 640). К сожалению, автор не дает изображения этого орудия.

Третий вид — рало воловье (рис. 9) состоит из четырех отдельных частей: подвижная копысть, стебло-держак, задняя и передняя снозы. Установка передней снозы, регулируемая при помощи жабки, позволяет проводить рабочий угол до 60° . Нажим на держак передается на стебло, потом частично на копысть. Действие копысти в еще большей мере находится в зависимости от силы тяги. Для глубокого раления необходимо увеличить давление на стебло. Пахарь иногда становится на него. По сообщению крестьян, таким ралом удается хорошо ралить мягкую почву, а твердую можно только «пошкрябать» даже при увеличении давления.

Четвертый вид — рало конное (рис. 10 и 11) состоит из пяти отдельных частей: подвижная копысть, стебло, держак, задняя и передняя снозы. Последняя позволяет изменять рабочий угол. Нажим на держак целиком передается на хвостовую часть стебла. Копысть действует под влиянием силы тяги. Так как стебло по существу имеет разрыв, то рабо-

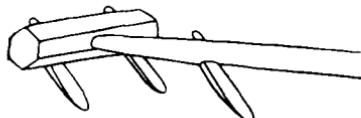

Рис. 12. «Трийчак»; с. Жукин
(№ 32156/767, 1/40 н/в)

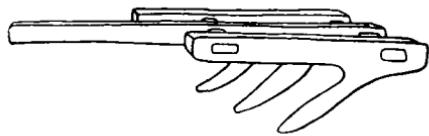

Рис. 13. «Трийчак»; с. Жукин (32158/786,
1/30 н/в)

тающему легко сохранять правильность направления борозды, но ему необходимо тратить больше силы на получение глубокой вспашки. Этого достигали путем периодического надавливания ногой на хвостовую часть стебла (рис. 11). Таким ралом, по сообщению крестьян, легко работать на мягкой почве, а на твердой им можно только «почеркать».

В предреволюционные годы рало имело уже ограниченное применение. Крестьяне говорили: «Ралом ралили перек після сохи-рогача, пуга», «ралили ралом на картоплиці», «ралили так на півчверть», т. е. на глубину 9 см. Про раление целины сообщали только старики и то по рассказам их отцов и дедов. На их памяти вошли в широкое употребление наральники. «Зразу так было, а то вже повелося із залізним наральником», — говорил старосельчанин М. Кашка (в 1945 г. ему было 71 год).

В рало запрягали пару волов или одну лошадь, а некоторые одного вола с «ярмом на бовкуна».

Таким образом, в предреволюционное время рало применялось для раздробления и разграбления, а еще раньше им пользовались для пахоты.

Т р о й ч а к. В предреволюционное время в районе с. Староселья применяли тройчаки двух конструкций (см. рис. 12 и 13).

Первый состоит из дубовой «колоды», «стебла» и трех «зубів» (зубьев). Колода представляет собой шестигранно обтесанный брус (длина 115 см, толщина 20 см), в который на расстоянии 15 см от концов загнаны в специально проделанные отверстия два зуба под углом $50-55^\circ$. Посредине колоды сделано отверстие для стебла. Последнее представляет собой обычный, слегка обтесанный березовый дрюк (длина 225 см, поперечное сечение 10×9 см). На расстоянии 65 см от хвостовой части в стебло загнан зуб (дл. 48 см, сечение $9 \times 5,5$ см) под углом 60° . Этот зуб называется передним, а зубья в колоде задними. Все зубья сделаны из дубовых брусков, заостренных с одного конца. Заостренный конец называется «ніс» (нос).

Другой тройчак имеет несколько иное устройство. Он состоит из трех одинаковых зубьев (длина 54 см, сечение 8×9 см), из которых каждый представляет одно целое с бруском (длина 94 см, сечение 9×9 см); иначе говоря, каждый из них является большим крепким

дубовым крюком с рабочим углом до 40° . Все три зуба расположены параллельно (расстояние между соседними зубьями около 50 см) скреплены двумя дубовыми или березовыми поперечинами, продеты через брусковую часть каждого зуба. У среднего из них брусковая часть длиннее (140 см), чем у крайних, и называется стеблем. Ее соединяют при помощи особой жерди — «війце» — с ярмом.

Тройчак тащила пара волов, проходили поперек пахоты после плуга или сохи-рогача. Для углубления захвата почвы пахарь время от времени становился на тройчак.

Функция тройчака — дробление поднятой почвы и разгребание ее.

Соха-рогач. Старосельская соха-рогач (рис. 14) состоит из «стебля» с «рогачами», «плахи» и подплашника, двух «сошников», двух «припилков» и «теліжки».

Стебло представляет собой большой березовый ствол (длина 240 см, сечение 9×10 см) с двумя длинными корневыми отростками, которые

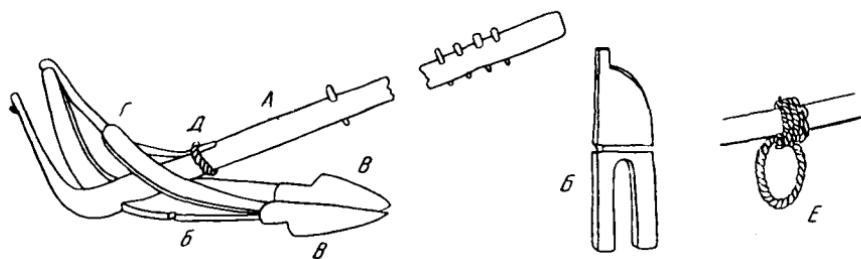

Рис. 14. «Соха-рогач» (неполная, 1/30 н/в): А — стебло с рогачами, с. Староселье (№ 31129/553); Б — плаха, с. Жукин (№ 31127/766); В — сошники; Г — «припилок»; Д — каблучка; Е — каблучка для ярма (1/25 н/в)

называются рогачами. Из них левый по ходу сохи толще и длиннее правого. К концу этого рогача прикреплена кривая палка, другой конец которой неподвижно закреплен на стебле при помощи веревки или «каблучки» (плетеного кольца из лозы). В хвостовой части стебля снизу сделана зарубка и в ней продолблено отверстие, в которое загоняется палец плахи так, чтобы тело ее упиралось в зарубку. В передней части стебля сделано несколько отверстий, для колышков, предназначенных для закрепления на тележке, такой же, как и плужная.

Плаха (рис. 14, Б) изготавливается из березового пня — «окоренка» или из толстой дубовой доски. Длина плахи без пальца 70 см, ширина 24 см, толщина 7 см.

Передняя часть ее вытесывается в виде рожков, которые служат для насаживания железных сошников. Правый рожок плахи называется пахотным («орним»), второй — полевым («напильным»). Длина рожков 38 см, ширина: полевого 6,5 см, пахотного 8 см. В задней части плахи вытесан палец (длина 10 см, ширина 6 см, толщина 7 см). На середине поперек плахи снизу и с боков выдолблен неглубокий желобок (ширина 3 см, глубина 1,5 см), в который закладывается узкая, соответственно согнутая железная пластинка — «підплашник» (подплашник). Подплашник лозовой обкруткой, вроде каблучки, привязывается к стеблю.

Сошники у сохи-рогача оба одинакового размера: длина по обуху 41—45 см, (из них шейка 13 см), ширина 16—20 см, толщина по обуху 2 см; у пахотного сошника лезвие обращено вправо от обуха, а у полевого — влево. Пахотный сошник насажен на рожок горизонтально, лезвием в сторону пахоты, а полевой с отклонением в сторону невспаханного поля («руба на обух»). Поэтому во время работы первый подрезывает слой почвы, а второй отрезает его с невспаханной стороны.

Во время пахоты соха-рогач отклоняется в сторону невспаханного поля, что приводит к вырезыванию в почве борозды треугольного профиля. Крепкий левый рогач позволяет удерживать соху так, что пахотный сошник занимает горизонтальное положение и вырез в почве получается в виде четырехугольника, в котором правая вертикальная грань образуется в результате предшествующего пропахивания, а нижняя и левая — в результате подрезания и отрывания слоя почвы.

Шейки (ширина 10—12 см) сошников имеют не совсем правильное ~~мелипсовидное~~ сечение, что дает возможность, насаживая их на рожки и закладывая припилки, придавать одному горизонтальное положение — «плашмя», а другому почти вертикальное — «руба».

Припилок изготавливается из дугообразного березового полена, слегка обтесанного. Левый припилок (полевой) немного короче правого (орного). Установка их довольно сложная. Полевой припилок должен быть установлен немного выше орного. Поэтому подрезанная масса почвы, надвигаясь на полевой припилок, занимает наклонное положение и легко перемещается на пахотный, который подталкивает и сдвигает ее в сторону пахоты. Перемещение массы почвы с одного припилка на другой и сваливание ее с последнего содействуют разламыванию массы на комья.

Работа сохою-рогачом заключается в следующем. Когда волы тянут стебло, а пахарь удерживает орудие за рогачи в правильном положении, сошники входят в почву и отрезают слой, который надвигается на припилки и отваливается в виде комьев в сторону. Соха-рогач никогда не переворачивает отрезанного слоя, в лучшем случае он ставит его на ребро, а обычно он рассыпается рядом и частично засыпает сделанное углубление. Работа сохою-рогачом была тяжелая и хлопотливая. Старики-крестьяне говорили: «В старину 2 пары (олов). — В. М.) як потягнуть соху-рогач, так трещить вся снасть». Во время работы требовалось постоянно что-либо поправлять, забивая клинья для удержания в правильном положении то плахи, то сошников, то припилков. Характерно, что когда пахарь с сохою-рогачом собирался выезжать в поле и его спрашивали: «А все узяв?», он отвечал: «Повна пазуха клинків».

Соха-рогач образует борозду, как правило, шириной около 20 см. Увеличивать ширину можно очень незначительно, так как стебло не позволяет ставить плаху слишком косо по отношению к линии движения. Глубину же борозды можно делать различную, в зависимости главным образом от установки угла между плахой и стеблом. После пахоты сохой-рогачом было необходимо еще поперечноерыхление поля для раздробления, а главное для выравнивания поверхности и переворачивания комьев.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции соха-рогач в Староселье уже утратила первенствующее положение среди пахотных орудий. Старики говорили: «Тепер плуг, а я змалку плугом не орав, все сохою пахал».

Функция сохи-рогача — подрезывание с отрезыванием и отваливанием слоя почвы.

Плуг. Плуг (рис. 15) — самое сложное из старосельских орудий для обработки почвы. Он состоит из четырех частей, соединенных довольно изобретательно. К рабочей части относятся «плаха» с «лемішем» (лемехом), «полиця» (отвал) и «черессло» (резец). Тяговую часть составляет грядиль с приспособлением для припрягания волов и тележка. Для управления служат «чепіги» (ручки), а скрепляющей частью является «ствоба» (стойка).

Плаха состоит из двух частей: левой полевой («напільной») и правой пахотной («орной»). Полевая часть плахи с соответствующей ручкой (чепигой) вытесана из цельного, специально подобранных куска дуба и

имеет вид доски (длина 56 см, ширина 8 см, толщина 4,5 см) с крепким длинным естественным отростком (длина 120 см, диаметр у плахи 11 см, вверху — 5 см), расположенным под углом 60°—70° и искривленным влево. Этот отросток называется «напільна чепіга» (полевая рука). В ней близко к плахе продолблена дыра, в которой закреплен грядиль. Пахотная часть плахи (длина 48 см, ширина 8 см, толщина 4,5 см) тоже вытесана из куска дуба, у которого отросток искривлен вправо

Этот отросток называется «корна чепіга» (пахотная ручка). Если естественная кривизна отростков была недостаточной, то их парили и дополнительно выгибали. Следует отметить, что старосельчане знали устройство плуга, в котором плаха и чепига были отдельными, искусственно соединенными частями, однако таких плугов не делали. Они считали цельную плаху-чепигу качественной особенностью. По их соображениям в таком плуге легче управлять работой плахи и лемеха.

Между пахотной и полевой частями плахи закладывали определенного размера брусы чтобы плаха имела обычную ширину (20 см). Спереди на плаху насаживали железные лемеха. Его выковывали из целого куска железа и затем наваривали полосу для образования лезвия. Длина лемеха по обуху 43 см. (из них на шейке приходилось 13 см), ширина в самой широкой части 29 см

Рис. 15. Плуг: А — плаха; Б — «чепіги»; В — «леміш»; Г — «гряділь»; Д — «чересло»; Е — «стовб»; Ж — «полиця»; с. Староселье (№ 31098/1557, 1/45 н/в)

толщина по обуху 2 см, длина лезвия 40 см.

Резец имеет вид длинного железного ножа (длина 45—50 см, ширина — 6,5 см, толщина 2—3 см, длина лезвия 22—25 см). Его закрепляли в пробоину грядиля с небольшим отклонением назад, так что нос резца находился почти против носа лемеха, но немного (4—5 см) выше него.

«Полиця» (отвал) состоит из двух сосновых досок (длина 77 см, ширина каждой 26 см, толщина 2,5—3 см), прикрепленных к пахотной ручке и стойке. По отношению к плахе они укреплены на ребро, а по отношению к грядилю под острым углом по ходу (до 30°).

Грядиль представляет собой березовый крепкий дрюк (длина 186 см, диаметр 10 см) особенной природной извилистости: на небольшом расстоянии от хвостовой части он выгнут вверх, а немного далее — в сторону поля. Такую изогнутость грядиля крестьяне очень ценили. По их утверждению, выгиб вверх содействует подниманию пятки плахи во время работы, что помогает врезанию лемеха в почву, а выгиб в сторону поля обеспечивает расположение резца в вертикальной плоскости параллельно обуху лемеха⁷, что увеличивает ширину захвата.

Если естественная выгнутость дрюка бывает недостаточной, то его парят и дополнительно выгибают, пока он не приобретает необходимую форму. В передней части грядиля имеются отверстия для колков, за которые прицепляют тележку.

Тележка состоит из обыкновенной оси с двумя колесами, из которых правое по ходу немного большего диаметра для удобства хода по борозде. От установки тележки ближе или дальше зависит глубина

⁷ Между прочим, в XIX в. в Западной Европе некоторые конструкторы плуга находили искривленный грядиль более пригодным, чем выпрямленный, и делали их такими (см. С. Усов. Основания земледелия, СПб., 1862. стр. 269).

вспашки, а от укрепления грядиля ближе или дальше по отношению к правому колесу — ширина борозды. Глубина вспашки регулируется также подниманием или опусканием переднего конца грядиля, для чего забивают клинья в дыру в полевой чепиге выше или ниже хвостовой части грядиля.

Стойка представляет собой небольшой вытесанный дубовый брускок. Нижний конец ее укреплен в полевой части плахи с едва заметным наклоном вперед. Верхний конец проходит через грядиль. В стойке имеется 2—3 дыры для забивания колка, не позволяющего грядилю подниматься выше определенного положения.

Вся система скрепления в плуге очень простая, но в то же время очень прочная: при движении грядиль не может соскочить со стойки — не пускает колок, хвостовая часть грядиля не может вырваться из профилей в чепиге — не пускает стойку, последняя же не может вырваться из пробоин в плахе, так

как хвостовая часть стойки упирается в заднюю стенку пробоин в плахе. Прототип такой системы скрепления наблюдается в але первого вида (рис. 7).

Старосельчане знали еще одноколесный плуг: «одним колесом плуг був раніш, а на телюжку вели пізніш» — говорил

Яков Шевченко (77 л.). По его словам, такой плуг похож на обыкновенный двухколесный, только немного легче. Старинный одноколесный плуг нам не попадался. В 1945 г. мы видели одноколесный плуг, который крестьяне считали уже несколько усовершенствованным (рис. 16). У него только три части были дубовые: грядиль в виде простого бруска, полевая чепига и стойка. Все прочие части были железные или стальные. Этот плуг меньше обычного (длина лемеха 27 см, ширина 24 см, длина лезвия 35 см). В такой плуг запрягали одну лошадь или вола.

Пахали (орали) плугом на мягкой почве одной парою волов, а на пердой, особенно дерновой, двумя и тремя парами. Работали обязательно двое: пахарь (орач), который непосредственно управлял плугом, и погонщик (погонич), часто женщина или мальчик. Орач, придавая плугу определенное положение, следил, чтобы борозда получалась ровная и была достаточной глубины и ширины. Время от времени он покрикивал на волов: «гей, гей, гей», «соб, соб», «цабе, цабе», что означало «вперед», «влево», «вправо». Иногда погонщик повторял это, и приученные волы понимали и двигались в нужном направлении.

Когда волы тянули грядиль, через слой почвы, лемех подрезал его и он надвигался на плаху, упирался в отвал, наклонялся в сторону вспаханной части поля и переворачивался подрезанной поверхностью вверх, заваливая целым пластом, а иногда большими комьями, борозду, ранее сделанную. Если процесс отваливания тормозился, пахарь при помощи «істика» (палка с плоским железным наконечником шириной 3—4 см) подталкивал надвигавшуюся массу почвы. Ширина борозды зависела от угла установки грядиля по отношению к линии движения. Вспаханная поверхность имела вид чередующихся полос горбов и впадин. Прокладывая борозды, шли у одного края участка, а в обратном направлении — у противоположного края.

Как видно из описания процесса пахоты, функция плуга состоит в подрезании, отрезывании и переворачивании слоя почвы. Само собой по-

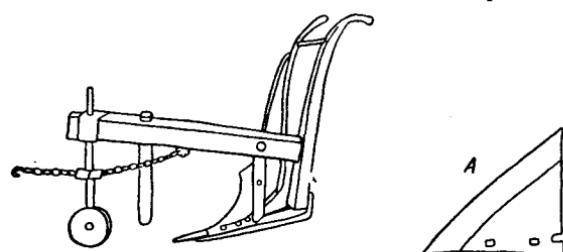

Рис. 16. Одноколесный плуг (1/30 н/в): А — лемех (1/15 н/в); с. Староселье (№ 1501)

нятно, что вспаханная масса перед посевом семян нуждалась в раздроблении.

Из описания сохи-рогача и плуга нетрудно видеть, что эти орудия принципиально отличны от рала и тройчака.

Б о р о н а. Борона состоит из пяти продольных дрючков («бильця дробини»), двух перекладин («снози», «глиці») и 42 зубьев (рис. 17).

Боковые бильцы несколько толще средних, их передние концы загнуты к середине бороны. Если они были достаточной длины и сходились, то скрепляли колками, если же были коротки, то соединяли специальными бруском. Все пять дробин установлены несколько радиально. Скрепление их перекладинами сделано очень остроумно: задняя перекладина прошла через специальные дыры у всех пяти дробин, а передняя проходит только через боковые дробины; средние же три дробины проходят через дыры в перекладине. Такая система скрепления, по мнению механиков, придает упругость орудию и увеличивает его крепость.

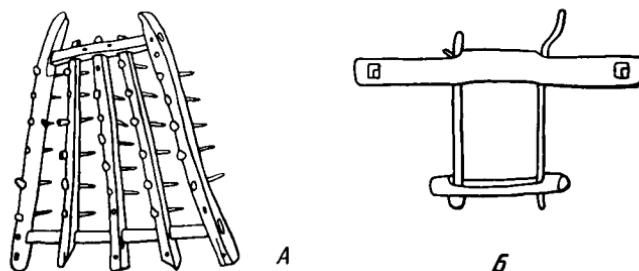

Рис. 17. Борона и «ярмо на бовкуна»: A — с. Староселье (№ 32143/539); B — с. Староселье (Н. Заглида, Ярмо, Материалы до этнографии, II, 1929, табл. III, рис. 11)

В бильцах проделано по 7—8 отверстий для зубьев. Зубья имеют вид колков, затесанных книзу. Верхняя часть их, называемая «головка» (головка) часто заканчивается шишкой (гугля), иногда направленной сторону. Почти всегда зубья делались из специально подобранных отростков

дуба, редко из бересты. Крестьяне полагают, что лучшие зубья получаются из прикорневых отростков. Зубья забиваются в гнезда очень плотно. Вследствие несколько радиального положения дробин получается, что зубья каждой дробины, кроме центральной, расположены параллельно линии движения бороны. Чтобы по бокам центральной дробины не оставалось участков, не обработанных зубьями, в передней перекладине между тремя соседними дробинами вставлено еще два зуба. Благодаря такому устройству, на боронуемой площади зубья прореживают ряд параллельных бороздок и дробят комья. Таким образом, на всей площади, проходимой орудием, обеспечивается более или менее рыхление и выравнивание поверхности. Для более глубокого захвата работающий становился на борону.

В Староселье применялась также борона в виде прямоугольника с параллельным расположением дробин. У такой бороной тяговая часть укреплялась не на середине перекладины, а ближе к одному углу. Поэтому она шла под углом к линии движения, и зубья проходили по ряду параллельных линий.

В борону запрягали или пару волов или одну лошадь, а бедняки — одного вола с «ярмом на бовкуна». Работа бороной считалась легкой, ее выполняли женщины и подростки.

Функция бороны — раздробление и разгребание.

Архаика старосельских орудий для обработки почвы

Для истории материальной культуры и, в частности, для истории орудий труда некоторые особенности описанных старосельских орудий для обработки почвы представляют несомненный интерес. Основным материалом для изготовления сельскохозяйственных орудий у старосельца

ючи вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции служило дерево. Металл применялся очень ограниченно. Такие орудия, как тюк, мач, сохир, тройчак и борона, были целиком деревянными. Сапка, коступ, рало, соха-рогач и плуг тоже состояли из деревянных частей, металл в них встречался главным образом только в виде наконечников на рабочих органах и, как исключение, в виде какой-либо скрепы. Все металлические части орудия изготавлял местный кузнец обычно из разного тягла, добытого старосельчанами в Киеве.

Ограниченнное применение металла в значительной степени было обусловлено социально-экономической обстановкой, в которой находились тогда крестьяне. Одновременно в этом проявлялась традиция бережного отношения к металлу, сохранившаяся с тех далеких времен, когда металл ценился очень дорого. «За кусок заліза дам собі зуба винять» — говорит старинная украинская пословица.

Описанные орудия изготавливались очень просто. Требовалось главным образом найти кусок дерева подходящей формы. Но это как раз и составляло затруднение, так как старосельчане не имели права пользоваться лесом, им лишь изредка разрешалась покупка деревьев на корню в казенном лесничестве. Срубить без разрешения в казенном лесу какую-нибудь пригодную ветку или ствол было небезопасно. Использование естественных форм дерева для изготовления частей орудий в существовавших в предреволюционное время социально-экономических условиях указывает на сохранение навыков глубочайшей старины.

Изготовление орудий сводилось к обрубанию, обтесыванию, пробиванию дыр прямым или дуговым долотом и обжиганию на огне. Ни опиливания, ни остругивания, ни сверления не производилось. Старосельчане знали эти способы, но не применяли их, ссылаясь на то, что «так не рождается».

Заслуживают внимания способы соединения отдельных частей. В одних случаях соединение производилось путем прикладывания одной части к другой и скрепления каблучкой, веревкой и очень редко железной скобой. В других — сшиванием, «сточуванием»: прикладывали обтесанные части одна к другой и сшивали колышками. В третьих — насаживанием: пробивали дыру в какой-либо части и загоняли в нее присоединяемую часть (рис. 7 — стебло рала соединено с держаком-копыстю; рис. 15 — придиль плуга соединен с чепигой-плакхой). Даже соединение металлических частей с деревянными было основано на насаживании, т. е. на принципе клиновидного закрепления. В этих способах соединения частей отражались традиционные принципы.

Анализ различных вариантов орудий показывает, что в этом многообразии вариантов проявляется стремление сохранить те или иные традиционные формы далекого прошлого. Возьмем, например, рало. Некоторые варианты его встречались и в других районах Украины. Особенно разнообразно оно было в Полесье, и в частности в Днепровско-Деснянском краине. Интересно отметить, как сами крестьяне поясняли разнообразие вариантов. Когда их спрашивали, почему в одном рале что-либо сделано так, а в другом иначе, крестьяне всегда начинали доказывать целесообразность того или другого варианта, а если это ставилось под сомнение, они, в конце концов, ссылались: «Не за нас це стало, не за нас и перестане». Очевидно, это разнообразие вариантов имеет глубокие корни, которые невозможно проследить на материале одного только села Староселья.

Не менее показательно применение конструктивной формы одного орудия к другому, особенно в случаях, когда производственное назначение этих форм совсем не совпадает. Сравним, например, цельную копыстю-держак у рала (рис. 7) и цельную плаху-чепигу у плуга (рис. 15). Нажим на держак у рала такого вида содействует углублению копысти, что увеличивает глубину раления. При нажиме же на чепигу плуга, т. е. на

пяту плахи, поднимается нос лемеха, что ведет к мелкой пахоте. Перенесение конструктивной формы из одного орудия в другое — явление не случайное и не только старосельское. Достаточно взглянуть на плуг из Каневского района Киевской области (рис. 18), плуг с Подолии (рис. 19), а также на татарский сабан (рис. 20), как станет понятным, что эта конструктивная особенность возникла на какой-то очень отдаленной ступени развития как закономерное явление, когда вновь возникшая конструктивная форма орудия базировалась на хорошо известной прежней конструктивной форме. Тем же объясняется и однотипность соединения стебла с копыстью-чепигой у плуга (рис. 15). К такому же ряду явлений относятся суки на плечах заступила у заступа, изгибы держака у рала и плуга, использование корневища в качестве держака и т. п.

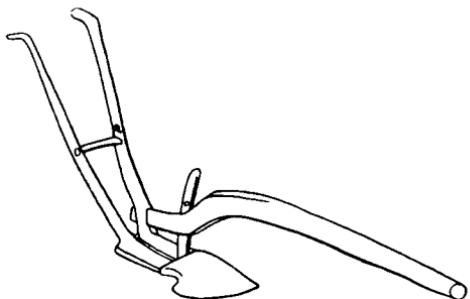

Рис. 18. Плуг (неполный) из Каневского района, Киевской обл. (№ 31101/557)

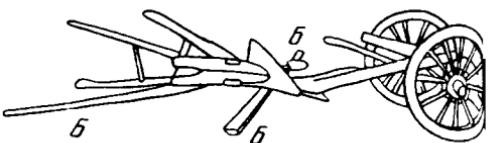

Рис. 19. Украинский плуг с «підволоскою» (б) (Ф. Волков, Этнографические особенности украинского народа, «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II, Птг. 1916, стр. 469)

Рис. 20. Сабан крымских татар (Н. Ю. Зограф, Русские народы, ч. I, М., табл. XI)

Все эти навыки и традиции возникли, понятно, чрезвычайно давно, в соответствующих условиях общественно-производственной деятельности, в предреволюционное же время они сохранялись потому, что крестьяне в существовавших тогда социально-экономических условиях не в силах были преодолеть отсталую технику и продолжали пользоваться прадедовскими способами обработки земли.

Изложенное достаточно ясно показывает, что орудия, которыми пользовались старосельчане для обработки почвы в предреволюционный период, сильно устарели; большинство из них утратило свою целесообразность и употреблялось только потому, что условия, в которых находились крестьяне при капиталистической системе, принуждали их к сохранению традиций седой старины.

Сходство украинских орудий для обработки почвы с некоторыми русскими и белорусскими

Орудия для обработки почвы, описанные под названием старосельских, применяли не только в Староселье и окружающих его селах, но и во многих других уголках Украины, если не перед Великой Октябрьской социалистической революцией, то за 20—50 лет до нее.

Совершенно тождественные крюк, сохир и заступ были известны в Черниговщине, на Волыни и в Подолии. Мач применяли кое-где в Полесье. Сапку с выкованной шейкой можно было встретить у крестьян северной Украины, а с приклепанной шейкой разных видов — по всей Украине. То же можно сказать о граблях. Из тяговых орудий рало почти

кес описанных видов употребляли в Полесье, а некоторые виды — в районах лесостепи и в степи (рис. 21)⁸. Притом, чем ближе к степным районам, тем чаще встречалось конное рало. По свидетельству многих авторов, описывавших состояние сельского хозяйства Украины в XX в., *посюду* рало применялось после пахоты плугом или сохой. Такое же применение этого орудия было лет 100 и более назад⁹.

Тройчак в XIX—XX вв. употреблялся в полосе лесостепи и прилегающих районах Полесья. Его же применяли и в степных районах. Нельзя не отметить, что в литературе упоминаются рала с 2—3—5 и даже 9 зубьями¹⁰. К сожалению, авторы не составили описания этого орудия и не

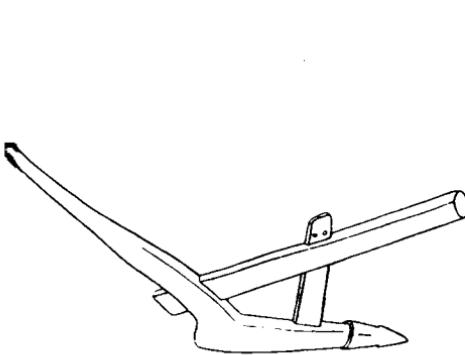

Рис. 21. Рало воловье из с. Бубновки на Подолии (№ 32186/1501)

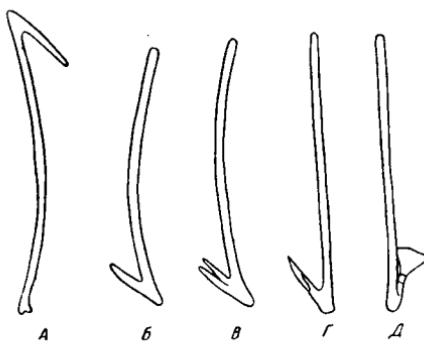

Рис. 22. А — белорусский «крук»; Б, В, Г, Д — белорусские «матыки». Белорусское Полесье (А. К. Сержуповский, Земледельческие орудия белорусского Полесья, Материалы по этнографии России, т. I, СПб, 1910, рис. 1, 10)

дали его изображения, но отметили, что оно употреблялось для поперечного раления. В специальную сельскохозяйственную литературу тройчак, конструктивно мало отличающийся от старосельского, попал под названием «малорусское рало»¹¹.

Соха-рогач в предреволюционные годы применялась в районах, соприкасающихся с Белоруссией, а на Киевщине встречалась «соха без колішні», которая в рабочей части имеет некоторое сходство с сохой-рогачом.

Плуг описанного вида применялся в Полесье, в полосе лесостепи, а также кое-где в степных районах, значительно охваченных уже к тому времени орудиями фабричного изготовления. Там же местами употреблялся и так называемый колонистский плуг.

Из приведенного видно, что орудия типа старосельских в предреволюционное время применялись во многих уголках Украины. Это показывает, что старосельский комплекс самодельных орудий для обработки почвы нельзя рассматривать как нечто самостоятельное, возникшее в условиях именно этого уголка Украины. Он хотя и не охватывает с исчерпывающей полнотой всего разнообразия украинского комплекса орудий для обработки почвы, но тем не менее представляет его значи-

⁸ В русской и иностранной литературе широко известно «украинское рало», которое в конце XVIII в. зафиксировал Гильденштедт. Повидимому, это очень схематическое изображение. В нем расстояние по стеблю от держака до ральника равно расстоянию от ральника до снозы, чего не бывает в действительности. Когда это изображение мы показывали крестьянам, то они категорически возражали против такой конструкции, уверяя, что таким орудием было бы очень трудно работать.

⁹ В. Б. Буман, Несколько заметок о хозяйстве в степях Южной России, «Журнал минист. гос. имущ.», 1849, кн. X.

¹⁰ В. Г. Постников, Южно-русское крестьянское хозяйство, М., 1891, стр. 237.

¹¹ С. Усов, Указ. соч., стр. 277.

тельную часть и имеет все основания называться украинским комплексом.

Немало тождественных орудий бытовало в то же самое время у белоруссов и у русских. Рассмотрим ручные орудия. В конце XIX и в начале XX в. у белоруссов кое-где применяли «крук», «матыку» или «капаницу» (рис. 22) «сахор» (рис. 23), заступ без оковы и заступ с оковкой, который назывался залезняк и рыдаль (рис. 24), и грабли. Сходство этих орудий, за исключением железной мотыки, с аналогичными украинскими не вызывает сомнений.

В XIX в. русские крестьяне в районе Верхнего Поволжья применяли железный крюк¹², царапку (деревянный двурогий крюк, рис. 25) и повсюду

Рис. 23

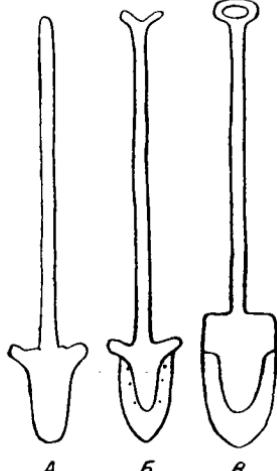

Рис. 24

Рис. 25

Рис. 23. Белорусский «сахор» (А. К. Сержпутовский, Указ. раб., рис. 10)

Рис. 24. А—белорусский заступ; Б, В—залезняк (А. К. Сержпутовский, Указ. раб., рис. 2)

Рис. 25. Царапка с Верхнего Поволжья (П. Н. Третьяков, Подсечное земледелие в Восточной Европе, Изв. ГАИМК, т. XIV, в. 1, 1932, рис. 4)

тятку, заступ, грабли. У всех этих орудий было несомненное сходство с украинскими ручными орудиями для обработки почвы. На Ярославщине употребляли вилы для наметывания навоза, судя по описанию¹³, похожие на сохир.

В сообщениях исследователей, описывавших белорусские и русские орудия, функциональные признаки старосельских ручных орудий не только подтверждаются, но даже существенно дополняются. Так, описывая белорусскую крюкообразную мотыку, А. К. Сержпутовский говорит, что ее употребляли в основном для обработки почвы, работа же с навозом была второстепенной. Более того, он уточняет, указывая, что ее обрабатывали огородную почву, если же она имела железный наконечник, то и «подлесную землю»¹⁴, когда нельзя было применить соху. Нечто подобное сообщает и Л. И. Казаринов. Описывая царапку без железных наконечников, он отмечает, что на «огнищах, приготовляемых к посеву пшеницы, в тех местах, где пеньки мешают обрабатывать землю

¹² А. Преображенский, Волость Покров-Сицкая [Ярославск. губ., Молжск. у.]. Этногр. сборн. РГО, вып. 1, 1853, стр. 81.

¹³ Там же, стр. 82.

¹⁴ А. К. Сержпутовский, Земледельческие орудия белорусского Полесья. «Материалы по этнографии России», т. 1, стр. 2.

бороню, это делается ручным способом — царапками»¹⁵. Форма царапки показывает, что работа ею сводилась к удару, отрыванию и разгребанию земли. Эти сведения подтверждают, что крюк применялся для разрыва и разгребания почвы.

О тождественности функций украинской сапки, русской тяпки и белорусской матыки и говорить не приходится. То же самое нужно сказать и о застуле украинском, русском и белорусском, а также о граблях.

Из ручных орудий только для мача мы не нашли похожего орудия у русских и белоруссов. Возможно, это следует отнести за счет недостаточной нашей осведомленности, обусловленной отсутствием в литературе описаний комплексов крестьянских орудий для обработки почвы.

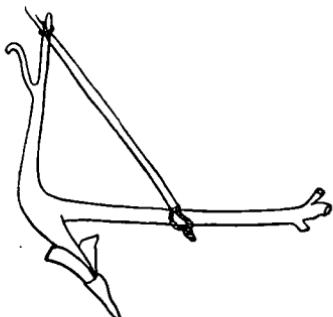

Рис. 26. Белорусская сошка. Белорусское Полесье (А. К. Сержпутовский, Указ. раб., рис. 4)

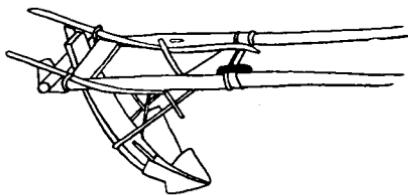

Рис. 27. Русская соха (В. Горячkin, Очерки сельскохозяйственных машин и орудий, т. II, СПб., 1906, рис. 4)

Обратимся к тяговым орудиям. Возьмем рало и тройчак. Белорусская сошка (рис. 26) по виду и производственному назначению схожа с украинским ралом. О ней А. К. Сережпутовский писал: «Сошка... употребляется для окучивания рядов картофеля, для проложения сточных борозд на поле, засеянном рожью и т. п.»¹⁶, т. е. функция ее та же, что у рала.

У русских, по утверждению Д. Зеленина, на украинское рало была похожа однозубая черкуша. Зеленин писал «...она совершенно тождественна с малорусским ралом не только по своей работе и употреблению, но также и по своему устройству» и «Как рало употребляется почти исключительно для второй (поперечной) вспашки и для заделки семян — точно так же и черкушой «черкают» почву, уже взметанную косулей, чтобы только разбить пласти и комья и взрыхлить вспаханную землю; черкушой же запахивают посевные семена, равно как окучивают и выпахивают картофель»¹⁷.

Однозубая черкуша применялась в Костромской, Ярославской и частично Нижегородской, Вологодской и Вятской губерниях.

Двузубую черкушую Д. Зеленин приравнивал к обычной двухсошниковской русской сохе (рис. 27) и, как отличие, отмечал: 1) отсутствие полицы, 2) более вертикальную установку рассохи, под углом 67°, 3) очень близкое расположение ральников один к другому и 4) малую глубину вспашки — ральники черкуши «черкают» землю не глубже 2—3 вершков¹⁸.

К сожалению, Д. Зеленин не дал изображения ни того, ни другого орудия.

¹⁵ Л. И. Казаринов, Изделия из копани в Чухломском у. Цитировано по П. Н. Третьякову, Подсечное земледелие в Вост. Европе, «Изв. ГАИМК», т. XIV, в. 1, 1932, стр. 24.

¹⁶ А. К. Сережпутовский, Указ. соч., стр. 3.

¹⁷ Д. Зеленин, Русская соха, Вятка, 1907, стр. 23 и 25—26

¹⁸ Там же, стр. 26.

У некоторых русских сох с двумя сошниками рабочая часть весьма напоминает удвоенную рабочую часть рала. Таким орудием, повидиму, была двуральная цапулька из Тихвинского уезда, Новгородской губернии, которая никогда не имела полицы. О ней Д. Зеленин писал: «Оба омеша совершенно тупые, и в этом — полное сходство цапульки с малорусским ралом, сходство, доказывающее и историческую близость этих двух первобытных орудий»¹⁹.

Среди двусошниковых сох с полицами имеется такая, рабочая часть которой напоминает удвоенную рабочую часть рала. Это так называемая коловая соха. О ней Д. Зеленин писал: «На песчаных и особенно на каменистых почвах употребляются ральники узкие и длинные, напоминающие своим видом долота или «колы». По своему сходству с колом, в народе такие ральники известны под именем «коловых» ральников, а сохи с ними — под именем «коловых» сох. У таких сошников нет совсем пера (т. е. верхнего, смотрящего в «поле» угла): ральник вверху непосредственно переходит в трубицу, ширина его и ширина трубы однаковы. Такие ральники очень удобны, даже незаменимы, на каменистых почвах в том смысле, что они не ломаются и не загибаются от напора камней»²⁰. Коловая соха встречалась у владимирских, псковских, москов-

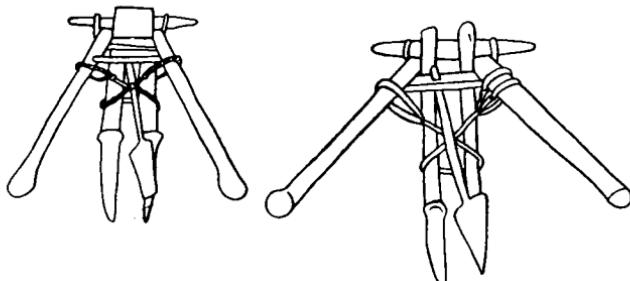

Рис. 28. Новгородская коловая соха (М. Я. Феноменов, Современная деревня, ч. I, М.—Л., 1925, рис. 54, 55)

ских и вологодских крестьян. В 1925 г. такую соху (рис. 28) зафиксировал М. Я. Феноменов в Новгородской губ. (Валдайский уезд): «Пашут здесь деревянной сохой с длинными, узкими и железными лемешами на подобие толстого шила, без всяких крыльев или отводов»²¹. Один из видов ее, применявшийся в Олонецкой губ., интересен тем, что укрепление рассохи в стебле идентично укреплению копысти в стебле рала (рис. 29). По поводу ее сошников еще в половине XVIII в. Лаксман заметил: «...они сделаны не столько для разрезывания дерна, как для выворачивания малых камней и для взорания рыхлой пашни или перекопанного поля»²².

Таким образом, белорусская сошка и русская черкуша как конструктивно, так и функционально несомненно схожи с украинским ралом. Помимо того, отдельные особенности украинского рала наблюдаются и в некоторых других видах русских сох.

Орудие, схожее с украинским тройчаком, Д. Зеленин усматривал в новгородской насоске, к которой он приравнивал костромскую тройную соху (рис. 30)²³, хотя последняя конструктивно значительно отличается от тройчака.

¹⁹ Д. Зеленин, Указ. соч., стр. 22.

²⁰ Там же, стр. 31—32.

²¹ М. Я. Феноменов, Указ. соч., стр. 79.

²² Лаксман, Эконом. ответы, касающиеся до хлебопаш. «Труды Вол. Эк. О-ва», 1769, ч. XIII, стр. 17.

²³ Д. Зеленин, Указ. соч., стр. 19.

Если не придерживаться полного формального сходства, то к украинскому тройчаку следует приравнять архангельскую соху «о трех широких талах», употреблявшуюся «для нагорных запашек»²⁴, а также двуральную цапульку или цапугу, о которой упоминалось выше.

Украинской сохе-рогачу подобна белорусская «саха».

У русских мы не находим орудия, формально похожего на соху-рогач. Функционально же некоторое сходство с ней имеет соха — односторонка, т. е. соха с неподвижной полицей, применявшаяся в XIX в. в Московской губ.²⁵ Между прочим, как отмечал А. А. Русов, подобная соха с особым приспособлением, соответствующим припилку у сохи-рогача, применялась на Черниговщине и Харьковщине²⁶.

Что касается установления сходства украинского плуга с плугом русских земледельцев, то дело усложняется тем, что до настоящего времени еще не проводилось изучения плуга, применявшегося у русских, да и украинский плуг фактически не изучен. Более того, в досоветской этнографической литературе было высказано предположение, что применявшаяся у русских земледельцев плуг был заимствован или от немцев или от татар (сабан). А некоторые утверждали, что украинцы заимствовали

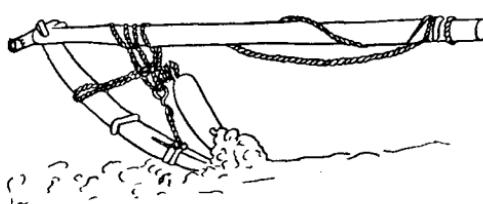

Рис. 29. Соха из Олонецкой губ. (К. Вейле, Первоначальное общество и его хозяйство, М.-П., 1923, стр. 100)

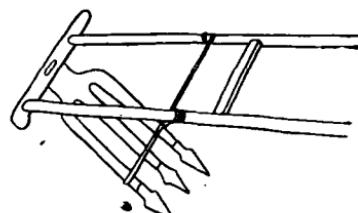

Рис. 30. Комстромская тройная соха (J. Falkowsky, Narzędzia rolnicze typu rycowego, Lwow, 1931, рис. 73)

свой плуг от немцев, а татары свой сабан от русских. Таким образом, получалось, что все хлебопашеское население Восточной Европы пользовалось плугом, заимствованным от немцев.

Эти псевдонаучные концепции ждут всестороннего разоблачения.

Уже в то время, когда эти концепции выдвигались, некоторые археологические находки и бесспорные факты из истории немцев, восточных славян и предшественников последних ясно указывали, что хлебопашечная деятельность людей на определенной территории России, и в частности Украины, началась несравненно ранее, чем на землях германцев. В свете этих данных постановка вопроса о заимствовании плуга украинскими и русскими хлебопашцами или их предшественниками у немцев была в достаточной мере необоснованной. В настоящее же время богатые находки советских археологов на территории СССР и многочисленные исторические факты, вскрытые советскими учеными, дают вполне достаточное основание для выявления неправильности такой постановки вопроса и псевдонаучного характера этих концепций.

Отсутствие необходимых данных по изучению плуга не дает пока возможности проводить сравнение русского плуга с украинским. Вполне вероятно, что украинский плуг одновременно есть и русский. Но этот вопрос требует специального исследования.

Приведенные материалы не являются достаточными для решения вопроса о сходстве украинских орудий для обработки почвы с орудиями русских и белорусских земледельцев. Однако они указывают, что имеют-

²⁴ Д. Зеленин, Указ. соч., стр. 138.

²⁵ Там же, стр. 53.

²⁶ А. А. Русов, Описание Черниговской губ., т. I, 1898, стр. 347.

ся серьезные основания для постановки такого вопроса и решения е на более обширном материале.

Помимо того, приведенные материалы в связи с выявленными археическими особенностями описанных украинских орудий позволяют сделать некоторые заключения, относящиеся к этим орудиям. Так, значительное сходство некоторых украинских орудий для обработки почвы некоторыми русскими и белорусскими нельзя считать случайным.

У нас нет оснований и для установления заимствования одним народом у другого. Вопрос надо ставить иначе: описанные украинские орудия для обработки почвы следует рассматривать как пережиточные элементы как остатки материальной культуры, существовавшей ранее на данной территории, как определенные звенья в цепи развития орудий труда той нации, из которой выкристаллизовались и сформировались восточнославянские народы

3. А. НИКОЛЬСКАЯ, Е. М. ШИЛЛИНГ

ГОРНОЕ ПАХОТНОЕ ОРУДИЕ ТЕРРАСОВЫХ ПОЛЕЙ ДАГЕСТАНА

История земледелия народов нашей родины не написана и мало изучена. В то время как в социально-экономическом разрезе это изучение проводилось и проводится достаточно широко, изучение производительных сил сельского хозяйства ведется крайне недостаточно. Наиболее слабо изучены орудия труда, составляющие, как известно, основу такого способа производства. Изучение орудий труда должно занять в ближайшее время ведущее место в разработке истории земледелия. Выявление этнической или зональной специфики орудий труда, специфики производственного опыта и трудовых навыков различных народов, несомненно, является одной из задач советской этнографии.

Настоящая статья имеет целью ввести в научный оборот материалы о горном пахотном орудии террасовых полей Дагестана. Эти материалы, как мы полагаем, наряду с выявлением лучших хозяйственных традиций и навыков народа, помогут изучению истории производительных сил у народов Дагестана.

В связи с неизученностью вопроса о горном земледелии в Дагестане вынуждены свое исследование ограничить только теми районами, в которых авторам этой работы удалось провести экспедиционный сбор материалов¹, а именно в Дахадаевском, Цудахарском и Акушинском Киринских районах, а также Хунзахском, Кахибском, Тляратинском, Аваринском, Гунибском, Ботлихском, Ахвахском, Цумадинском аварских районах. Перечисленные районы занимают компактную территорию Нагорного Дагестана, простирающуюся от верхней части бассейна Клу-чай на востоке до верхней части бассейна Андийское Койсу на западе и от северной границы Хунзахского плато на севере до горных прогорлов, граничащих с Закавказьем на юге. Очерченная территория имеет сильно пересеченный горный рельеф, для которого характерно наличие большого числа горных склонов, речных долин (бассейны рек Андийское Койсу, Аварское Койсу, Кара-Койсу, Казикумухское Койсу и их притоков), горных плато и т. д. Этнический состав населения исследуемой территории представлен двумя крупнейшими народностями Дагестана — аварцами и даргинцами. Даргинцы, включая кайтаков и дабачинцев, занимают восточную часть территории, аварцы вместе с подящими в их состав андо-дидойцами² — западную.

* * *

Истории занятием даргинцев и аварцев в Дагестане было земледелие. Согласно археологическим данным, уже в первой половине II тысячелетия до н. э. основой хозяйства предков современных аварцев и даргинцев являлось земледелие. Подтверждением этого могут служить

¹ Полевые работы велись в районе даргинцев в 1940 и 1949 гг., в районе аваров — в 1944, 1945, 1946, а также в 1948, 1950, 1951 гг.

² Андийцы, ботлихцы, годоберинцы, чамалалы, тиндалы, багулалы, ахвахцы, кара-бекинцы.

найденные в раскопках поселения около современного селения Каяк каменные зернотерки, песты, кремневые вкладыши серпов, остатки рен — пшеницы³. В последующий период (второй половине II тысячелетия до н. э.) земледелие продолжает в этих районах играть такую крупную роль. Согласно данным А. П. Круглова⁴, в раскопках поселения у современного селения Джемикент, относящегося к указанному периоду, найдены, наряду с зернотерками, вкладышами серпа, болты куполообразные ямы, использовавшиеся для хранения зерна. Наличие земледелия устанавливается данными археологии и для более позднего времени. Об этом свидетельствуют памятники так называемой каякской-корочеевской культуры, датируемые началом I тысячелетия до н. э. Памятники каякентской-корочеевской культуры обнаружены во многих частях Дагестана, в том числе и в горных селениях — Урма, Маджан, Джентгутай, Гагатль, Хорочой и др. Археологические исследования различных периодов бронзы обнаруживают непрерывность развития земледельческого хозяйства, что свидетельствует о закономерной преемственности исторического процесса на данной территории.

Следует отметить крайнюю недостаточность археологических исследований в Дагестане, не позволяющую подробно осветить как специфику горного земледелия, так и установить время его происхождения в Дагестане. Древность дагестанского горного земледелия подтверждается данными лингвистики, а его специфика и сущность — этнографическими материалами. Так, например, несмотря на многоязычие Дагестана, наруживается, как мы увидим ниже, единство наименования земледельческих орудий. По свидетельству А. Н. Генко, специально занимавшегося этим вопросом, такое единство говорит о значительной давности возникновения термина, а следовательно, и о давности происхождения земледельческих орудий⁵. Древность возникновения земледелия подтверждается также и этнографическими материалами, свидетельствующими о длительном опыте и больших навыках народных масс в хозяйстве в горах. Подтверждением древности возникновения земледелия в горах может служить наличие развитых аграрных культов. Аграрный обряд «оц-бай» (запряжка быка) или «карас-шун» (выход пуры) был распространен в горах у всех народов Дагестана. Во время наших полевых работ мы зафиксировали существование обряда в тех же селениях, где было встречено и характеризуемое далее горное пахотное орудие «пурец». В качестве примера приведем описание оц-бая, записанного у андийцев.

Праздник «запряжки быка» устраивался целым аулом. К этому дню крестьяне собирали зерно, резали скот и готовили обильное угощение. Один из мужчин считался «хозяином праздника». Он играл большую общественную роль и часть угощения устраивал за свой счет. Обряд запряжки быка происходил на каком-либо пахотном участке аула. Быков, запряженных в пахотное орудие, покрывали шелковыми попонами, на рога вешали кольцеобразное печение. Роль пахаря вынужнял обычно наиболее удачливый хозяин. Он проводил несколько борьб. Присутствующие мальчишки бросали в него комки земли, камни, щебни; считалось, что это может вызвать обильный урожай. После обряды пахоты здесь же на поле происходили скачки, разыгрывались призы, одаривались победители. Заключительным моментом праздника было пиршество, в устройстве которых проявлялись коллективные традиции складчины и которые организовывались в надежде умилостивить силы природы.

³ А. П. Круглов, Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. «Краткие сообщения о докладах и полевых сообщениях ИИМК», вып. XIII, М.—1946, стр. 130—134.

⁴ Там же.

⁵ А. Н. Генко, О названиях плуга в северо-кавказских языках, «Доклады Академии Наук СССР», 1930, стр. 128—135.

* * *

Характерной чертой горного земледелия Дагестана является рациональное использование под пашню и фруктовые насаждения каждого места или менее пригодного клочка пахотноспособной земли, в том числе и склонов гор. Наиболее самобытным для Дагестана видом разработки горных склонов служит их террасирование, т. е. превращение южной поверхности склона в уступы или террасы, формы и размер которых зависели от рельефа местности.

Аварцы различают три вида террас: 1) террасы, на которые дополнительно нанесена почва, удобренная навозом и золой; 2) террасы без южной почвы, но также окультуренные золой и навозом, и 3) естественные речные террасы, которые также в той или иной степени удобряются. Иногда почва для увеличения глубины культурного слоя террасы привозилась издалека в хурджинах, на выночных животных. В 1935 г. подобный способ создания пахотных участков мы наблюдали в селе Кичкуль одноименного района Дагестанской АССР. Искусственные террасы устраиваются следующим образом. Покатая поверхность склона горы разрабатывается в виде горизонтальных площадок, придающих склону ступенчатую форму. Эти площадки укрепляются вертикальными стенками, сложенными обычно из речного камня. Стенки возводятся либо на сухой кладке, иногда в качестве скрепляющего вещества применяется раствор местной почвы. Высота стенки колеблется от 50 см до 1 м в зависимости от рельефа местности. Размеры террас составляют в среднем от 0,05 до 0,2 га. Реже площадь террасированных участков достигает 1,5—2 га. Террасирование горных склонов позволяет увеличивать обрабатываемую площадь, наиболее эффективно применять орошение, предохраняет обрабатываемые участки от оползней, увеличивает глубину культурного слоя почвы, создает для растений более удобные условия роста. Специфика террасовых полей соответствует и специфика применяемого на них орошения. Вода на террасовые поля подается при помощи мелких каналов, подводящих воду от головного канала непосредственно к орошаемому участку. При этом эти каналы прорываются только на время полива. После его окончания каналы уничтожаются и на их месте также производится посев. Этим самым достигается большая экономия обрабатываемой площади, что чрезвычайно важно в условиях малоземелья в горах. Применение временных каналов рассчитано, кроме того, на горизонтальное пропитывание водой пространства между двумя каналами. Этот способ орошения противопоставляется верхностному орошению, менее эффективному и до некоторой степени вредному, как приводящему к растрескиванию почвы. Способ орошения при помощи мелких каналов создает рыхлую почву, которая способствует проникновению необходимого корням растений воздуха. Описанный народный способ орошения, рассчитанный на горизонтальную фильтрацию воды, вошел и в практику колхозного строительства.

К лучшим хозяйственным традициям народов Дагестана следует отнести так называемое трехъярусное одновременное использование террас. С одной террасы снимается в один сезон (почти одновременно) урожай фруктов, кукурузы, овощей, бобовых и картофеля. Первый — верхний ярус террасы составляют кроны плодовых деревьев, второй — в междуядьях деревьев — початки кукурузы; наконец, третий ярус — нижний — овощи, бобовые растения, картофель и т. д. По подсчетам экспедиции СОПС⁶ коэффициент использования таких земель в горном Дагестане составляет от 1,2 до 3, т. е. с единицы площади снимается от одного до трех урожаев, но не одной, а разных культур.

⁶ Совет по изучению производительных сил при Академии Наук СССР.

Террасирование склонов получило наибольшее распространение в частях Дагестана, где по условиям климата и почвы возможно культивирование не только пшеницы, ячменя и пр., но также кукурузы фруктов (абрикосы, персики, яблоки, груши и т. д.). Иными словами там, где возможно трехъярусное использование обрабатываемых участков, и, наоборот, там, где произрастание кукурузы и фруктов нево возможно, террасирование не получило значительного развития. В ряде горных селений террасирование, в силу сказанного, не применяется. Так, например, террасовых полей нет в окрестностях высокогорного селения Тинди, в западной части Цумадинского района, в сел. Гиндиб и других селениях Тляратинского района. Террасовых полей нет также возле селений, расположенных на горных плато,— сел. Тукита, Ахва ского района, Хунзах, Тануси, Генечутль, Батлаич, Хунзахского района. Особенное развитие террасовые поля получили в Унцукульском (сел. Унцукуль) и Гергебильском районах (сел. Гергебиль), в Гунибском районе (селения Ругуджа, Чох, Гуниб), в Кахибском (селения Гидат и Келеба), в Болихском районе (селения Ботлих, Годобери, Муни), Цумадинском районе (сел. Агвали), в Чародинском районе (селения Дусрака и Тленсеруха) и др. В большинстве перечисленных селений наряду с зерновым хозяйством, большое значение имеет фруктоводство, что и объясняет, как отмечалось, в значительной мере террасированье участков.

* * *

Применительно к характеру и условиям горного земледелия народный опыт выработал своеобразные типы земледельческих орудий.

Рассмотрение земледельческих орудий, характерных для горного земледелия в Дагестане, мы ограничим в основном характеристикой наиболее важного из них — пахотного орудия. Происхождение пахотного орудия в Дагестане, согласно данным лингвистики, восходит глубокой древности. В XIX и начале XX в., к которым в основном относится наше исследование, оно широко бытовало по всей территории Дагестана. Согласно нашим полевым материалам, уточняющим данные А. Н. Генко⁷, орудие, которое мы ниже будем характеризовать, имеет сходное для рассматриваемой нами территории Дагестана наименование. Так, у аварцев Хунзахского, Кахибского, Гунибского, Тляратинского районов оно называется пурец, у аварцев Чародинского района — берец, буруц, у андийцев (Ботлихский район) — реббцу, у городберинцев (Ботлихский район) — рецци, у тиндалов (Цумадинский район) — берцци, у багулалов (Цумадинский район) — перец, у ахвахов (Ахвахский район) — Гебеце, у бежтин (Тляратинский район) — борос, у даргинцев (Дахадаевский район) — дурац. Согласно данным А. Н. Генко, то же наименование имеет пахотное орудие других народов Дагестана. Так, у лаков — карас, у табасаранцев — уруц, у лезгин — цюрец и т. д. Примечательно, что у южных кумыков в горных селениях (Маджалис, Туменлер, Алходжакент) до революции было известно пахотное орудие, именовавшееся аварским термином «пурец». Таким образом, представляется несомненным, что единство наименования описанного пахотного орудия охватывает весь нагорный Дагестан в целом.

Интересующее нас пахотное горное орудие состоит из следующих пяти основных частей: 1) дышла, 2) ручки-стойки с особым сучком (рукояткой), служащим для опоры руки пахаря, 3) «пяты» или полоза, 4) железного лемеха, надетого на переднюю часть пяты, 5) особых деревянных «ушей», служащих для расширения борозды, разрыхления комьев и других целей. Помимо перечисленных основных частей, наше орудие в ряде конкретных случаев на местах имело те или иные до-

⁷ А. Н. Генко, Указ. раб., стр. 128—135.

исполнительные части, не имевшие конструктивного значения и потомуими особо не перечисляемые (например, добавочный сучок для опоры руки пахаря, добавочная жердь для образования удлиненного дышла и т. п.). Перейдем к характеристике местных подтипов пахотного орудия.

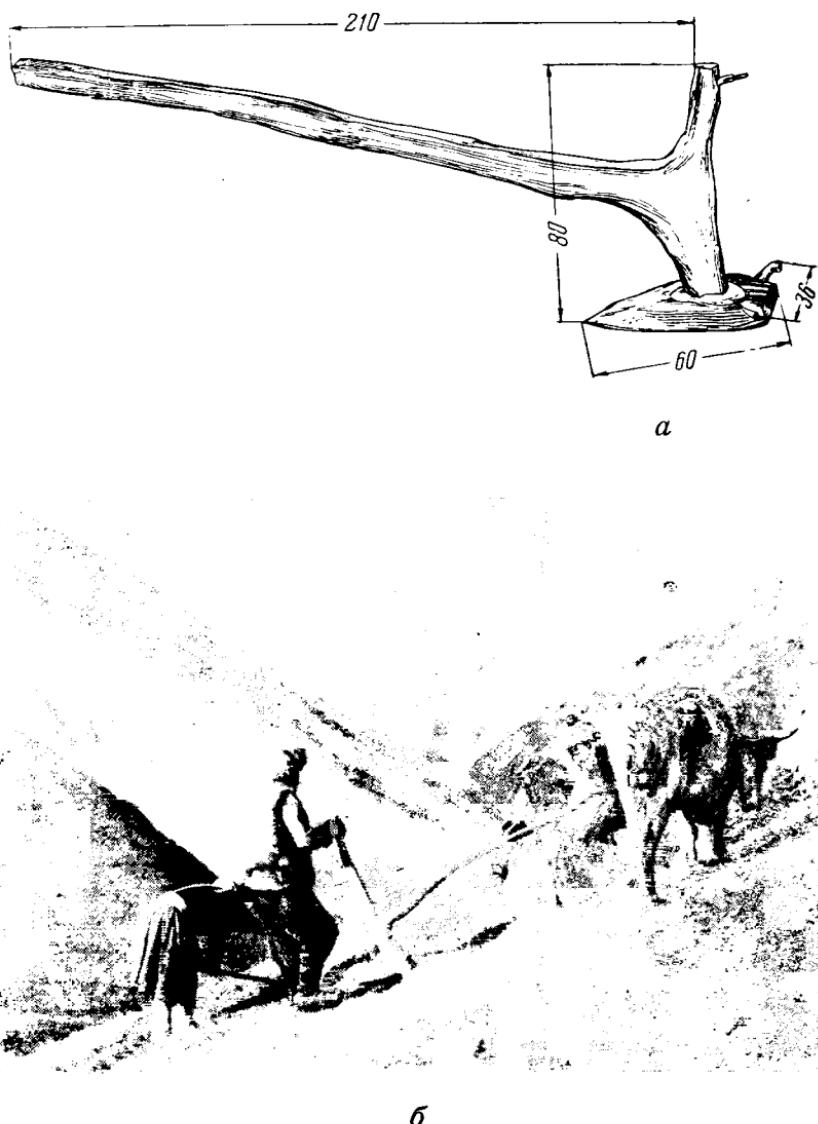

Рис. 1. *а* — пахотное орудие, подтип второй, сел. Хуштада; *б* — то же, сел. Гиндиб

Подтип первый, наиболее примитивный и наиболее, повидимому, близкий к прототипу, — это аварский пурец из одного куска дерева, встреченный нами в 1946 г. в горном ауле Мачада общества Гидатль Кахибского района. Характерной его чертой является то, что в нем дышло, ручка-стойка и пята составляют одно целое. Некоторой разновидностью рассматриваемого подтипа служит даргинский дурац, встреченный в горном Дагестане в ауле Акуша, в верхней части бассейна р. Казикумухское Койсу, летом 1882 г. Д. Н. Анучиным и описанный им так: «Местная соха — весьма примитивного устройства. Это просто согнутый крючком довольно длинный сук, более толстый в своей загну-

той части, на переднем конце которого укреплена небольшая железная лопаточка (лемех); к суку приделаны сзади две рукоятки, соединены на верхнем конце перекладиной, держа которую и управляют сохой⁸. Перед нами, по сути дела, тот же пурец, но усложненный лишь приделанным к нему приспособлением для опоры рук пахаря и управлением орудием.

Подтип второй наиболее широко распространен на обследуемой территории и отличается тем, что в нем дышло и ручка-стойк⁹ представляют собой один кусок дерева, вставленный нижним концом ручки-стойки в пяту. Этот подтип по сравнению с первым представляя собой следующую ступень развития: в нем отделена пятя, и орудие становится уже предметом, сделанным из двух кусков дерева (рис. 1, б). В связи с характером конструкции дышло большей частью имеет в этом подтипе более или менее изогнутый вид. Данный подтип был зафиксирован нами в следующих местностях: а) в верховьях р. Андийско¹⁰ Койсу — в аулах Тинди (Тиндальское общество) и Хуштада (Багулальское общество) Цумадинского района; б) в верховьях р. Аварско¹¹ Койсу — в аулах Тидиб и Гента (аварское общество Гидатль) и Ру¹² гельда (аварское общество Келеб) Кахибского района, также в аулах Гиндиг¹³ (аварское общество Богнада), Тляраты (аварское общество Анцросо) и Тлядал (Бежтинское общество) Тляратинского района в) в верховьях р. Кара-Койсу — в ауле Арчи (Арчинское общество) Чародинского района. Из приведенного перечня видно, что ареал распространения второго подтипа пурца охватывает сплошь наиболее высокую горную зону аваро-андо-дидойской территории, расположенную в верхних течениях трех Койсу. Мы безусловно можем характеризовать рассматриваемый подтип как особенно характерный и широко распространенный в XIX в. для нагорий Дагестана.

Подтип третий можно закономерно рассматривать как следующую ступень эволюционного развития данного орудия: в нем по существу мы имеем орудие, сделанное в основе своей из трех кусков дерева — изогнутого дышла, ручки-стойки и пяты; в пяту вставлены вертикальные ручка-стойка и вплотную к ней изогнутое дышло (рис. 2). Этот подтип мы наблюдали главным образом в крупных горных селениях. А именно: у аварцев в их центральном селении Хунзах Хунзахского района; у ахвахцев — их основном селении Кудияб-росо Ахвахского района; у даргинцев — селения Кубачи и в некоторых других пунктах Дахадаевского района.

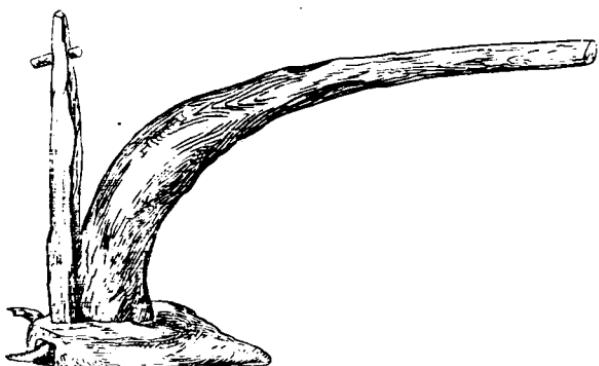

Рис. 2. Пахотное орудие, подтип третий, сел. Кудияб-росо

Очерченный ареал распространения третьего подтипа охватывает, следовательно, часть той же нагорной территории.

Подтип четвертый является наиболее сложным, для него характерно скрепление прямого дышла с ручкой-стойкой. Скрепление, как правило, делается при помощи врезки ручки-стойки в дышло: дышло с двух сторон как бы клещами охватывает врезанную в него ручку-стойку. В це-

⁸ Д. Н. Анучин, Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, «Изв. Русской геогр. об-ва», т. XX, 1884, стр. 392.

ому орудие в своей основе, как и орудие предшествующего третьего подтипа, состоит из трех основных кусков дерева: дышла, ручки-стойки, скрепленной с дышлом и своим нижним концом вставленной под прямым углом в пяту, и пяты (рис. 3). Этот подтип мы зафиксировали: а) в верховьях р. Аварское Койсу — в аулах Тидиб и Гента (аварское общество Гидатль) Кахибского района; б) в верховьях р. Кара-Койсу — в аулах Ругуджа (аварское общество Андалал) Гунибского района и Юоб (аварское общество Карах) Чародинского района. Ареал распро-

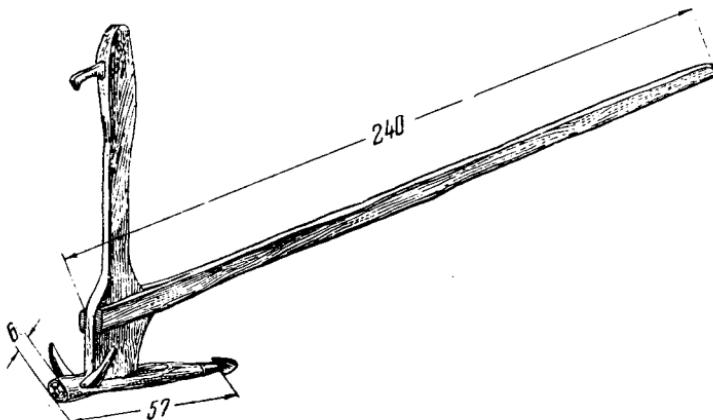

Рис. 3. Пахотное орудие, подтип четвертый, сел. Ругуджа

странения четвертого подтипа в значительной мере совпадает с ареалом распространения второго подтипа и в общем тоже охватывает горную югу верховьев рек Аварское Койсу и Кара-Койсу.

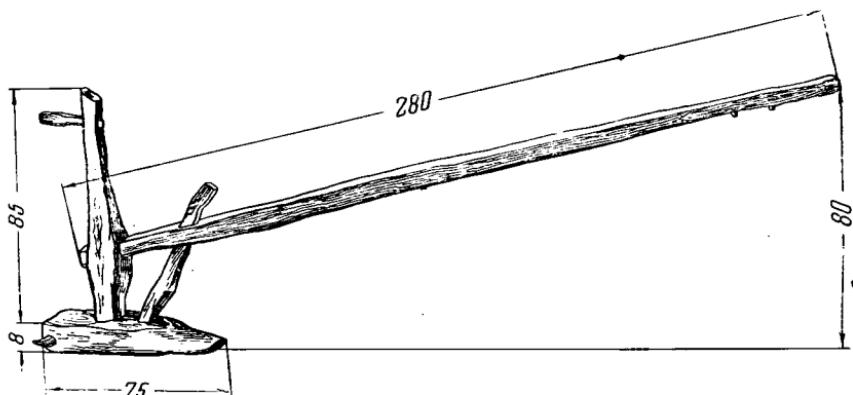

Рис. 4. Пахотное орудие, подтип пятый, сел. Кудияб-роско

Подтип пятый значительно отличается от предыдущих. Для него характерна структура четырехугольника, которая создается наличием второй стойки и прямого дышла. Пуруц-дурац пятого подтипа может быть назван орудием, состоящим в основе из четырех кусков дерева (рис. 4). По форме дышла (прямое) этот подтип сходен с предыдущим, четвертым, однако скрепление дышла со стойками в нем совершенно иное: дышло вставлено в ручку-стойку, будучи врезанным или продетым через нее насеквоздь, тогда как вторая стойка в свою очередь вставлена в дышло, будучи врезанной или продетой через это последнее насеквоздь. Обе стойки вместе с тем вертикально вставлены в пяту. Сочетание пяты, двух стоек и дышла образует структуру четырехугольника. Подтип пятый нами был зафиксирован в следующих селениях:

а) в верхней части р. Андийское Койсу — в селении Кудиябр (Ахвахское общество) Ахвахского района; б) в верхней части р. Ава ское Койсу в ауле Кашиб одноименного района; в) в верхней час р. Кара-Койсу в селениях Ириб (аварское общество Тленсерух) и Цу да (аварское общество Караб) Чародинского района; г) в даргинск селении Цудахар одноименного района и в даргинском селении Бак Дахадаевского района. Ареал распространения пятого подтипа частич совпадает с ареалами распространения всех предыдущих подтипов, но большинстве случаев пахотное орудие пятого подтипа встречается селениях, имеющих центральное положение, являющихся культурны центрами горного Дагестана.

Таковы пять разновидностей, на которые типологически можно разбить рассматриваемые орудия. Наиболее примитивным из них является первый подтип, наиболее совершенным — последний. Однако в условиях горного Дагестана XIX — начала XX в., с его малоземельем и м ломошными каменистыми почвами, этот последний подтип как наиболее тяжелый не получил широкого распространения. Не случайно, что пятый подтип найден был нами в большинстве случаев лишь в центральных селениях нагорного Дагестана.

Ареалы распространения описанных пяти подтипов, как это вытекает из сказанного выше, по сути дела представляют собой единый и целостный район нагорий внутреннего Дагестана.

Дагестанское легкое пахотное орудие — пурец-дурац — резко отличается своими деталями от легких пахотных орудий других областей Кавказа (Закавказья, Северной Осетии и областей обитания адыгейских народов).

Характерной особенностью всех разновидностей дагестанского горного пахотного орудия является то, что это орудие всегда легкое, «чиркающее», не отваливающее землю, имеющее узкую пяту и «ушки», замыкающие собой борону. Подтверждением этого могут служить приводимые ниже размеры отдельных частей пахотного орудия⁹.

Из приведенной нами ниже таблицы можно установить средние размеры отдельных частей пахотного орудия, общие для всех его подтипов.

Аул: подтип	Район	Длина лыща в см	Высота стойки в см	Длина пяты в см	Ширина «ушей» в см
Тинди; 2	Цумадинский . .	210	67	50	30
Тинди; 2	»	191	71	57	32
Хуштада; 2	»	210	80	60	30
Кудиябр-росо; 5 .	Ахвахский	280	85	75	40
Хунзах; 3	Хунзахский	230	90	62	38
Хунзах; 3	»	270	85	70	45
Хунзах; 3	»	280	80	70	50
Тидиб; 2	Кашибский	240	70	67	—
Тидиб; 4	»	240	75	70	40
Гента; 4	»	239	81	61	36
Ругельда; 4	»	241	71	53	31
Тлярат; 2	Тляратинский . . .	160	85	—	—
Тлярат; 2	»	190	70	45	—
Тлярат; 2	»	185	85	30	—
Тлядал; 2	»	207	70	—	—
Ругуджа; 4	Гунибский	240	70	57	38
Арчи; 2	Чародинский	210	70	—	—
Цулда; 5	»	255	70	60	30
Гочоб; 4	»	280	60	60	—
Бакни; 5	Дахадаевский . . .	280	66	74	—

⁹ Приводимая таблица составлена на основании обмера в аулах 20 экз. изученного орудия.

Средняя длина дышла колеблется от 210 до 240 см (исключение составляет дышло пахотного орудия пятого подтипа, достигающее иногда 280 см). Средняя высота стойки — 70 см, длина «пяты» — 60—70 см, ширина «ушей» — 30—40 см и т. д. Согласно нашим дополнительным материалам, пятя в среднем имеет в ширину 10 см и в высоту 10 см. Стабильный размер отдельных частей пахотного орудия свидетельствует о большом земледельческом опыте народа, о его глубоких эмпирических знаниях. Указанные размеры обеспечивали необходимую в условиях горного Дагестана легкость пахотного орудия¹⁰. Примечательно, что несмотря на то, что пахотное орудие делалось в различных районах и не специалистами-мастерами, а местными крестьянами, его отдельные части имеют, как мы видим, устойчивые размеры. Это обстоятельство является лишним свидетельством соответствия этих размеров требованиям, предъявляемым к пахотному орудию в горах.

Народный опыт выработал не только наиболее устойчивые размеры пахотного орудия, но и наиболее целесообразные его формы и способы применения. Так, форма пяты представляет собой четырехугольный или круглый брускок, ширина и высота которого обычно не превышают 10 см. Указанной формой и незначительными пропорциями достигаются наименьшее сопротивление почвы и необходимая в горных условиях легкость пяты. Наличие же пяты в качестве непременного конструктивного элемента пахотного орудия создает нужную в этих условиях устойчивость.

Отмеченным выше форме и размерам пяты соответствует и лемех, имеющий большей частью размеры — 13 см ширины, 12,5 длины и 9 см ширины шейки. Специфической чертой исследуемого орудия служат так называемые «ушки», представляющие собой изогнутую деревянную планку, продетую через квадратное отверстие в «пяту». «Уши» пурца служат для расширения борозды, разрыхления земли, боронования и даже для выдергивания сорняков.

Отдельные части орудия делались, как правило, из различных пород дерева. Ручка-стойка — из легких пород, чаще березы; пятя, напротив, — из твердых пород дерева — груши, абрикоса и т. д.

Описанная выше конструкция пахотного орудия вполне отвечает условиям работы в горах. Пахарю в повседневной работе прежде всего приходится учитывать глубину культурного слоя пахотного участка. На горных склонах, где культурный слой незначителен, от пахаря требовалось взбороэдить только верхний пласт почвы. Это достигалось легким, верхностным скольжением орудия. При поворотах или обходе каменистого грунта пахарь слегка приподнимал орудие и переносил его на другое место. Ввиду легкости орудия это не представляло трудности. Там, где культурный слой почвы, напротив, был глубок, пахарь, нажимая на ручки и опуская дышло, достигал желаемой глубины вспашки.

¹⁰ Примечательно, что в случаях, когда пурец-дурец употребляли на равнине, его приходилось искусственно утяжелять, как об этом рассказывает Сулейман Стальский: «Пахарь становится обеими ногами на лемех, надев шубу с длинными, до земли, рукавами. В рукава эти набиваются камни. Камни накладываются и запазуху и в карманы шубы..., чтобы во время пахоты побольше было тяжести на лемехе, и лемех поглубже бы брал борозду» (см. Э. Капиев, Поэт, М., 1948, стр. 256—257).

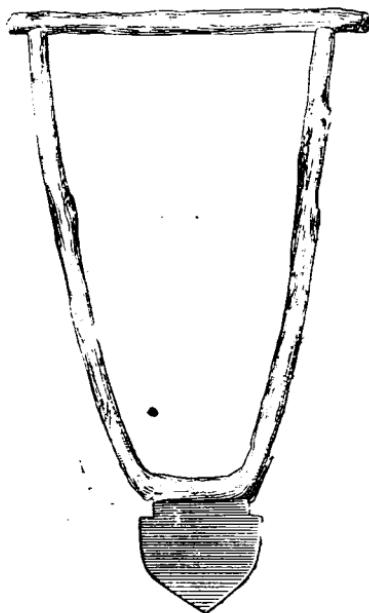

Рис. 5. Орудие для ручной вспашки земли, сел. Гимры

В ряде мест, где невозможно было применение даже легкого пурца, применялось орудие ручной вспашки земли. Это орудие представляло собой легкую деревянную рукоятку (длиной до 1 м), служащую опорой для обеих рук, на нижний конец которой был надет железный лемех¹¹ (рис. 5).

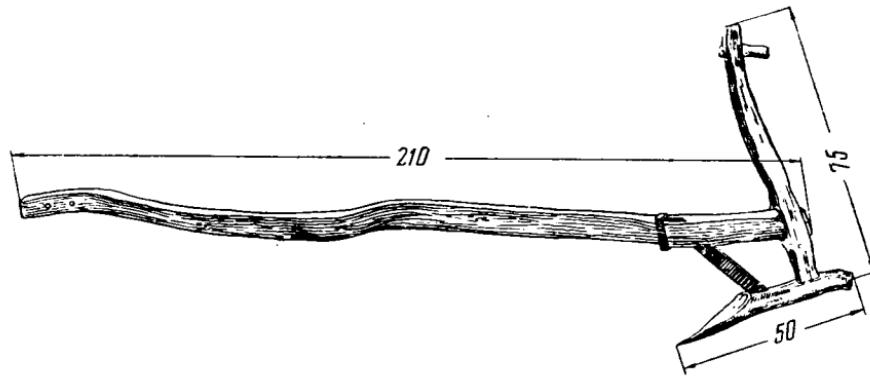

Рис. 6. Пахотное орудие с металлическими креплениями, сел. Цудахар

Предназначенные для посева семена разбрасывались на поверхности еще не вспаханного поля. Затем происходила запашка этого участка. Функцию боронования при этом выполняли «ушки», которые и заделяли семена в землю¹².

* * *

Итак, земледелие в горах Дагестана составляет древнейшее занятие населения. На протяжении многих веков народ вырабатывал наиболее целесообразные в горных условиях способы обработки почвы, наиболее эффективные приемы труда.

Кроме Дагестана, полозовые орудия на Северном Кавказе встречаются в Осетии. Однако осетинское пахотное орудие отличается более массивной и широкой пятой, что связано с иными условиями пахоты.

Дагестанское пахотное орудие, как это видно из приведенного выше описания, прошло определенный путь своего развития и усовершенствования (см. выше: 5 типов). В настоящее время это орудие также употребляется еще в высокогорных колхозах республики. При этом колхозники продолжают совершенствовать опыт предыдущих поколений, изменяя и улучшая конструкцию пурца. В качестве примера такого усовершенствования можно указать на наличие в пахотном орудии металлического крепления, придающего прочность всей конструкции (сел. Урхучи-Махи Акушинского района), или дополнительной металлической стойки (сел. Цудахар Цудахарского района) и др. (рис. 6).

¹¹ Такое орудие под названием «махх», что значит «железо» и «лемех», мы зафиксировали в аварском селении Гимры Унцукульского района в 1934 г.

¹² Заметим, что горные пахотные орудия Северного Кавказа в целом в XIX–XX вв. делились на две большие группы: а) орудия без полоза — тип турецкого кавасапана, характерный для западных причерноморских частей Северного Кавказа. Таково, например, адыгейское пахотное орудие пхъэ Іэшэ, зафиксированное нами в Шапсугии Причерноморья в 1930 г., приспособленное для глубоких почв (рис. 8); б) орудия полозовые — тип, к которому относится и охарактеризованный в настоящей статье дагестанский, приспособленный для легких почв, горный пурец-дуррац. Заметим также, что для всего плоскостного Дагестана одновременно было характерно, в противовес легкому, требующему лишь одной пары волов горному орудию, пахотное орудие другого типа — тяжелый, требующий 4–5 пар волов и более, плуг «кутан», «кютен». По словам автора арифметического задачника на лезгинском языке А. Алкадарского (Махачкала, 1928), приводимым А. Н. Генко, «теперь цюрец остается только в гористых местностях, а на равнине землю обрабатывают или кютеном или трактором».

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

3. И. ГОРБАЧЕВА

НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНАХ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Введение

Три года существует Китайская Народная Республика. Три года в напряженной борьбе и труде ведется во всех областях жизни строительство нового свободного государства.

Создается новая экономика, растет и ширится индустриальная база, которая должна превратить Китай в мощную в промышленном отношении страну. В результате земельной реформы, заканчивающейся в основном в 1952 г. на всей территории Китая (кроме районов расселения национальных меньшинств), ликвидируются остатки феодализма в деревне. Широко развернулось культурное строительство, захватывающее в сферу своего действия все большее количество населения, все более отдаленные уголки страны; идет государственное строительство — на местах создаются органы управления, отражающие интересы широких масс трудящихся Китая и служащие им.

Одно из важных мест в этой созидающей работе занимает национальное строительство, играющее большую роль в деле сплочения всех народов, населяющих обширную Китайскую Народную Республику, в их борьбе против империализма, за создание независимой, экономически мощной, высоко культурной страны.

Революция пробудила к политической жизни все народы Республики. В этом отношении к Китаю полностью применимы слова И. В. Сталина: «Революция,... встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд новых национальностей, ранее неизвестных или мало известных»¹.

На политическую арену в Китае выдвинулись ранее угнетенные и разобщенные народности и племена². Десятки некитайских народностей сейчас пробудились к активной деятельности и дают о себе знать в ходе строительства государства народной демократии. Народная революция в Китае не только принесла новую, не виданную ими прежде жизнь, она

¹ И. В. Стalin, Соч., т. 7, стр. 139.

² Термин «племя» правомерен для Китая лишь условно. В Китае нет народов, стоящих на уровне первобытно-общинного строя. Однако ряд этнических групп, относительно недавно прошедших период его разложения и становления классового общества сохранил как живой пережиток деление на «роды» и «племена».

привела эти ранее разобщенные народы к сплочению в борьбе против сил империализма и намеренно консервировавшегося им феодализма, за свое светлое будущее. Своёобразие развития этих народов, о котором мы будем говорить ниже, то обстоятельство, что здесь предстояла борьба не только против пережитков феодализма, но против самого феодализма, — накладывают определенный отпечаток на всю работу среди народностей и племен юго-западного Китая, требуют особо внимательного подхода к разрешению целого ряда вопросов, связанных с экономическим, политическим и культурным строительством в этих краях.

В этом отношении Центральное народное правительство ведет большую работу, оказывая национальным меньшинствам повседневную помощь во всех областях жизни.

Данная статья ставит своей задачей на конкретном материале показать, как проводится национальное строительство, как многочисленные, ранее угнетенные народности и племена юго-запада страны приобщаются к новой жизни в братской семье дружественных народов Китайской Народной Республики.

Юго-западные районы Китайской Народной Республики

Китай — страна многонациональная. Согласно публикуемым в китайской прессе данным, в Республике, кроме китайского населения, проживает до ста различных народностей и «племен», не считая мелких этнографических единиц, с учетом которых эта цифра соответственно возрастет³. Наука еще очень мало знает об историческом происхождении, об этнографии этих народностей и племен. Сведения зачастую ограничиваются общими, а иногда и устаревшими данными, а о некоторых племенах не имеется даже и этого.

Некитайское население Республики составляет значительную часть — до 10% всех жителей страны, т. е. в абсолютных цифрах это — около 50 млн. человек. Юго-западные районы являются в этом отношении наиболее характерными, так как здесь преобладает некитайское население (свыше 20 млн. человек).

Юго-запад Китая, к которому обычно относят провинции Юньнань, Гуанси, Гуйчжоу, Сычуань, западную часть провинции Сикан и юго-восток страны, включающий север провинции Гуандун, юго-запад Хунани, запад Гуанси и остров Хайнань⁴, по своему национальному составу наиболее разнообразен. Территориальное переплетение этнических групп создает местами чрезвычайную мозаичность. Буржуазные исследователи юго-запада Китая еще издавна цинично называли его «этнографическим музеем», «антропо-садом». Здесь на некитайское население по данным конца XIX в. приходилось: в провинции Юньнань 5 млн. и 8 млн. жителей, в провинции Гуйчжоу — более 4 млн. из 7 млн., в провинции Сычуань — 7 млн. из 45 млн., в провинции Гуанси — 5 млн из 7 млн. жителей⁵; некитайское население преобладает и в провинции Сикан. Большая часть некитайского населения по числу отдельных народностей и племен приходится именно на юго-запад Китая. По некоторым данным, в одной только провинции Юньнань насчитывается около 90, в Гуйчжоу — свыше 70 ранее разобщенных, а ныне консолидирующихся в народности этнических групп.

Однако среди большого числа разнообразных народностей, племен

³ Газета «Жэньминьжибао» от 26 октября 1951 г.; журн. «Народный Китай», т. IV 1950, № 7—8, стр. 35. Китайская этническая статистика часто не учитывает консолидирующихся народностей и перечисляет десятки «племен», входящих в их состав.

⁴ В статье берется материал по тем районам провинций, которые населены некитайским населением и где особенно интенсивно проводится национальное строительство.

⁵ «La Mission Lyonnaise d'Exploration Commerciale en Chine, 1895—1897», Lyon 1898, стр. 386.

■ других этнографических единиц можно наметить большие, устойчивые и компактные группы, основанные на общем происхождении и общности языка. Таких групп три: мон, тибето-бирманцы и тай (китайская современная лингвистическая и социально-политическая литература выделяет по ряду признаков из мон в отдельную группу мяо-яо; из тибето-бирманцев — ицзу, т. е. носу-лоло).

К группе мон, насчитывающей свыше 4 млн.⁶, относятся: мяо, охва-ывающие много племен, затем яо, миньцзя, ва, ла, пумань, палаун, каму и др.⁷ Главными районами их сосредоточения являются провинции Гуйчжоу, Сычуань, Юньнань, северо-запад Гуандуна, юго-восток Хунани, остров Хайнань; за пределами Республики они расселены в северном Вьетнаме. Из этой группы наиболее многочисленной, кроме самих мяо, является народность яо (до 2 млн.). Они живут довольно компактной массой на северо-западе Гуандуна, юго-востоке Хунани и северо-востоке Гуандуна⁸.

К группе тибето-бирманцев могут быть отнесены по тем же признакам ицзу (т. е. носу, или лоло), лаху, вони, махэй, като, пута, ака, саньсу, фуцзун⁹, аchan, ласи, мала, аси, кацинь¹⁰. Они обитают в основном в провинциях Юньнань, Сычуань, Сикан, на северо-западе Гуандуна и юго-востоке Хунани. В провинции Юньнань они занимают особую территорию, населенную только этими племенами (округ Далян-шань).

Всего тибето-бирманские племена и народности насчитывают более 2 млн. чел.¹¹ Родственное им население живет отдельными селениями в Китае и севернее, в провинции Синин, а также в Лаосе и Бирме.

Наконец, третья, самая многочисленная группа — тай; в Гуйчжоу — чжуцзя, в Гуандуне — тужэнь и ряд других менее крупных народов. Они расселены в провинциях Юньнань, Гуйчжоу, на западе Гуандуна, где их насчитывается по 2 млн. в каждой, в провинции Гуандун до 0,5 млн. чел. и на острове Хайнань до 0,3 млн. В общей сложности в пределах Республики их насчитывается свыше 7 млн. К этой группе относится основное население соседнего Сиама (где проживает до 10 млн. чел. тай), а также Лаоса. В Бирме к группе тай относятся шань (около 1,5 млн.) и в восточном Индо-Китае (до 2 млн.). Группа тай — важный составной элемент населения не только юго-западного Китая, но и всей юго-восточной Азии.

Такова этнографическая картина юго-западных и юго-восточных районов Китайской Народной Республики.

Что касается уровня общественно-экономического развития народностей и племен юга Китая, то и здесь наблюдается чрезвычайное разнообразие форм и ступеней. Но при всем этом до победы революции характерными для них были значительная экономическая и культурная отсталость и преобладание феодального способа производства, переплетенного с пережитками родового строя.

Среди многих народностей и племен сохраняются сильные пережитки общинно-родовых отношений. Большинство народностей делится на племена, племена на роды или кланы. У мяо, по данным некоторых исследователей, их насчитывается до 70. Племена и роды возглавляются выборными старшинами, на что указывали М. Savina¹², проживший среди

⁶ M. Savina, *Histoire des Miao*, Hongkong, 1930, стр. 76.

⁷ H. R. Davies, *Yunnan. The Link between India and Yangtze*, Cambridge, 1909, стр. 327; Лю Чжэнь-юй, *Краткая история китайской нации*, Шанхай, 1951, (на кит. яз.), стр. 170—180.

⁸ Иакинф Бичурин, *Статистическое описание Китайской империи*, СПб., 1842, стр. 230—241; M. Savina, Указ. соч., стр. 77.

⁹ H. R. Davies, Указ. соч., стр. 182

¹⁰ Журнал «Синь Чжунхуа», т. XII, № 1, 1950, стр. 3, (на кит. яз.).

¹¹ M. Savina, Указ. соч., стр. 78.

¹² Там же, стр. 182.

мяо долгое время, М. М. Монингер, побывавшая у мяо на острове Хайнань в 1921 г.¹³, и др.

Пережитки родового строя наблюдаются также и в других явлениях общественной жизни. У многих племен жива еще родовая община и частная собственность на землю¹⁴. На многих обычаях, традициях, религии, обрядах также лежит явный отпечаток следов родоплеменной организации (кровная месть, войны между отдельными племенами разных групп и др.)¹⁵.

По существу же за внешней оболочкой родо-племенной организации скрывались классовые феодальные отношения — эксплуатация верхушки родовой знати всех остальных членов племени или рода.

Классовая дифференциация базировалась на земельной собственности, и существование общинных земель являлось на самом деле функцией, прикрывавшей феодальную эксплуатацию и способствовавшей ей.

Общественную землю захватывали прежде всего старшины либо отдельные влиятельные члены племен. У племен яо, например, общественная земля обрабатывалась членами рода для старшины, который являлся в то же самое время жрецом, судьей и знахарем. Фактически владели землей и эксплуатировали феодальными и полуфеодальными методами своих соплеменников старейшина рода или племени и окружавшая его прежняя родовая знать, используя живучесть родоплеменных пережитков и консервируя их. Однако эти социальные взаимоотношения в силу своеобразия условий были чрезвычайно пестры и различны и определялись они не родовыми или племенными, а экономическими связями.

Основным занятием народов юго-западного Китая является земледелие и лишь частично скотоводство (некоторые племена лоло), причем земледелие в большинстве случаев носит примитивный характер — подсечно-переложное, багарное. Орудия производства также весьма примитивны, и лишь племена тай применяют искусственное орошение. «Мужчины пашут, женщины ткут» — так обычно характеризовали китайские исследователи форму хозяйства народов юго-западного Китая. И если прежде натуральное хозяйство господствовало, чем и объяснялась живучесть отдельных элементов доклассового общества, то с проникновением товарно-денежных отношений основы натурального хозяйства подрываются. Появляются арендные отношения, оплата налогов и податей в денежной форме и т. п. Это вызывает частичный переход к посеву товарных культур¹⁶ и развитие промыслов.

Иностранный империализм, проникая в эти отдаленные уголки страны, использовал существовавшие там формы производства, консервируя и приспособляя их к своим интересам.

Особенно это характерно для своеобразного и присущего только юго-западному Китаю института тузы. Буквально тузы — смотрители за землей, управители.

Исторически тузы вышли из недр родового строя, и несомненно, что когда-то они являлись родоначальниками или старшинами рода. Колонизируя юго-западные окраины, китайские власти создали институт тузы, приспособив родовых старшин к методам феодальной эксплуатации населения, наделив их административными полномочиями. Позднее институт тузы использовался и иностранным империализмом. Постепенно должность тузы перестала быть наследственной, а превратилась в

¹³ M. M. Moninger, The Hainanese miao, «North China Branch Royal Asiatic Society» (далее цит. NCBRAS), 1921, № 52, стр. 43.

¹⁴ NCBRAS, 1900—1901, № 33, стр. 87.

¹⁵ A. Hosie, Three years in Western China, London, 1890, стр. 168; Э. Реклю Всеобщая география, т. VII, СПб., 1885, стр. 423.

¹⁶ «China Yearbook», 1931, стр. 593.

должность по назначению вышестоящих властей, причем тусы назначались не только из местного населения. Часты были случаи назначения на эту должность китайских чиновников¹⁷. Обычно это назначение сопровождалось наделением землей. Тусы являлись связующим звеном между центральной властью и населением. В их обязанности входили сбор податей, судопроизводство и пр.

Тусы являлись крупными владельцами земель. Они обладали большими участками, которые для них обрабатывали крестьяне.

«Древние тусы были колонизаторами земель. Они ежегодно собирали разных видов натуральные поземельные подати. Кроме того они имели и юридическую власть. Тусы могли передавать право на обработку земли, но не могли уступать ее в собственность. Каждая деревня должна была давать определенное число людей на службу к тусы»¹⁸.

По существу тусы являлись помещиками и обладали всей полнотой власти на вверенной им территории. Посредством института тусы насилиственно, в своеобразных формах, насаждался феодализм среди народов и племен юго-западного Китая. Характерно, что в районах, где некитайское местное население уходило в горы, переселялось, — исчезали и тусы. Тусы — один из мощных элементов феодализма в юго-западных окраинах Китая, основа феодальной и колониальной эксплуатации.

Для всех народов юго-западного Китая характерным являлся также низкий уровень культуры, умышленно поддерживавшийся иностранными колонизаторами и местной феодальной знатью. Из всех племен и народностей только лоло имеют свою письменность. Остальные народы либо все бесписьменны, либо, как некоторые племена мяо, обладают лишь зачатками письменности. В районах, граничащих с местностью, заселенной китайцами, распространена китайская письменность. В длительном процессе смешения с китайцами победу одерживали в большинстве случаев язык и культура китайского народа.

Таким образом, для всех народностей и племен юго-западного Китая были характерны: экономическая отсталость, наличие пережитков родового строя как в экономике, так и в культуре, господство феодального способа производства, являвшегося оплотом империалистической колонизации, и разлагающее воздействие торгово-ростовщического капитала, в форме которого в хозяйство проникал иностранный капитал, подчиняя себе производство этих народов.

Превращение Китая в полуколонию означало для народов юго-запада Китая усиление феодального гнета и колониальной эксплуатации. Их ожидала участь колониальных рабов империализма.

За последние десятилетия господства в Китае гоминьдановской клики, действовавшей в сговоре с иностранным империализмом, бедственное положение этих народов еще ухудшилось. Реакционная политика правящих классов тормозила развитие малых народов страны, обрекала их на вечную нужду, порабощение и отсталость. Прикрываясь популярным именем Сунь Ят-сэна, гоминьдановская клика раздувала реакционные черты его учения и пропагандировала политически вредную шовинистическую идеологию панкитаизма. Эта идеология имела своим конкретным проявлением политику китайизации судопроизводства, просвещения. Идеологи панкитаизма пропагандировали взгляды о том, что отсталые малые народы обречены на вымирание и не могут иметь своего будущего. Все это сопровождалось беззастенчивой политикой национальной дискриминации. Проводилась политика крайнего национального угнетения. Превращая в своих покорных слуг верхушку гос-

¹⁷ А. Ивановский, Материалы для истории инородцев юго-западного Китая. т. I, вып. 2, Спб., 1887.

¹⁸ «La Mission Lyonnaise d'Exploration commerciale en Chine», стр. 359.

подствующих классов малых народностей, гоминьдановские предатели совершенно обезличивали местное некитайское население, уничтожая и подавляя всякие проблески его национального самосознания, насаждая везде свою реакционную «культуру».

Народы и племена юго-запада Китая в ответ на закабаление, усиление эксплуатации, национальное угнетение не раз восставали¹⁹. Особенно широко распространялись эти восстания в период великой крестьянской войны тайпинов во второй половине XIX в. Некоторые исследователи отмечают, что некитайские народности и племена одними из первых поднимались против угнетателей при приближении к их районам революционной армии крестьян.

Теперь, с победой народной революции, началась новая жизнь для всех этих народов, входящих в состав Китайской Народной Республики. Началась эра раскрепощения этих народов, изнывавших под гнетом китайских и «своих» помещиков и богачей, под гнетом империалистов, обрекавших их на медленное вымирание. Но культурная и экономическая отсталость их не может быть ликвидирована сразу. В процессе национального строительства эти факторы пока дают себя знать.

Основы национальной политики Коммунистической партии Китая

Сложность национального состава Китайской Народной Республики, различный уровень экономического и культурного развития окраин Республики, где в основном проживают национальные меньшинства, требуют от Коммунистической партии Китая чрезвычайно осторожного подхода к постановке и разрешению национальной проблемы.

На современном этапе в области национального вопроса в Китае стоят следующие основные задачи:

1) объединение всех народностей и племен для укрепления единого мощного государства народно-демократической Китайской Народной Республики, для совместной борьбы против империализма, стремящегося к восстановлению своего бывшего господства в Китае;

2) уничтожение феодальных отношений на территории с некитайским населением;

3) предоставление отсталым народностям и племенам равных прав с китайским населением;

4) повышение экономического и культурного уровня национальных меньшинств страны.

Режим народной демократии в Китае способствует разрешению этих важнейших задач.

Принципы национальной политики и права всех национальных меньшинств определены Общей программой Народного политического консультативного совета, принятой на его первой сессии, в конце сентября 1949 г.

«Все национальности в пределах Китайской Народной Республики равны в своих правах и обязанностях», — гласит § 9 «Общих принципов».

Раздел VI (ст. ст. 50—53) Общей программы Народного политического консультативного совета специально посвящен политике правительства в области национального вопроса. Эти статьи являются определяющими. Они направлены на то, «чтобы Китайская Народная Республика стала большой семьей, в которой все национальности живут в духе любви, дружбы и сотрудничества, ... воспрещается всякая национальная

¹⁹ За последние 150 лет отмечено 12 крупных восстаний отдельных народностей и племен.

искриминация, гнет или действия, направленные против сплочения национальностей»²⁰.

Центральное народное правительство признает за всеми народами, населяющими страну, право национальной автономии и учреждения органов национального самоуправления. Претворяя в жизнь провозглашенное равенство всех национальностей, правительство в своей программе фиксировало такие важнейшие принципы, как автономия, право вступать в Народно-освободительную армию и организовывать местные народные войска общественной безопасности²¹. Эти права реализуют провозглашенное равенство всех народов Китайской Народной Республики. Статья 51 Общей программы Народного политического консультативного совета закрепляет это право за национальными меньшинствами.

«В районах,— указывается в этой статье,— где большинство населения составляют национальные меньшинства, необходимо осуществить истинную национальную автономию и, в зависимости от количества населения и величины района, учредить органы национального самоуправления». Этим облегчается также установление и укрепление связи между центром Республики и ее окраинами.

Перед Китайской Народной Республикой стоит задача ликвидировать пруженность и замкнутость этих окраин и народов, их населяющих, повысить уровень экономического развития и культуры; положить конец доверию к китайскому народу со стороны национальных меньшинств, которое осталось наследием Цинской монархии и гоминьдановского правительства, проводившего политику панкитаизма; уничтожить ультимировавшуюся ранее разобщенность между национальностями, блекчавшую правящим классам их эксплуатацию и борьбу с классовым амосознанием этих народов, наладить дружественное сотрудничество этих народов в рамках единого государства.

Чтобы ликвидировать это тяжелое наследие, чтобы приобщить малые народы к общему строительству новой жизни, нового государства, Коммунистическая партия Китая широко применяет принцип создания национальных автономий как формы, наиболее отвечающей современным задачам строительства нового народного государства.

Областная национальная автономия на данном этапе обеспечивает вязь и сотрудничество Центрального народного правительства с отдельными окраинами. Устанавливаются дружеские отношения, основанные на полном доверии и взаимопомощи между китайским и другими народами. Областная национальная автономия дает возможность воспитать широкие массы в духе интернационализма и в корне подорвать местный национализм и враждебную новому Китаю идеологию панкитаизма, которая насаждалась годами и была непреодолимым препятствием на пути создания нормальных, братских отношений между китайскими народом и национальными меньшинствами.

Дело упрочения народной власти на окраинах усложняется целым рядом моментов — таких, как бытовые и языковые отличия, культурная и экономическая отсталость. Для преодоления отсталости и изолированности окраин и достижения братского союза и постоянного сотрудничества народов Китая на базе взаимного доверия проводится ряд мероприятий, как-то: организация местных школ, суда, органов власти, общественно-политических и культурных учреждений на основе использования местного, родного для широких масс данной окраинной области языка во всех сферах общественно-политической работы.

²⁰ «Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы», Госполитиздат, 1950, стр. 47.

²¹ Там же, статьи 51—52 Общей программы.

Однако национальная автономия не единственная форма государственного устройства национальных меньшинств страны. Общая программа Народного политического консультативного совета, учитывая разнообразие национального состава Республики, различный уровнем экономического и культурного развития входящих в нее народов, предусматривает и другие формы, о чем говорит ст. 51 Общей программы «...Во всех местностях, где совместно проживают разные национальности, а также в районах местной национальной автономии, каждая национальность будет иметь в местных органах государственной власти соответствующее число своих представителей».

Этим обеспечивается пропорциональное число представителей национальных меньшинств в местных объединенных правительствах (т. е. органах национального самоуправления). Однако Центральное народное правительство, учитывая сложность и разнообразие условий, разрешает изменять принцип пропорционального представительства в пользу мелких народностей и племен с тем, чтобы и они имели своих представителей в органах местной власти.

В настоящее время в управлении страной как в центральных, так и местных органах власти принимают активное участие представители национальных меньшинств. Четыре члена Государственного администрацииного совета являются представителями национальных меньшинств. В четырех районных Военно-административных комитетах и Северо-Восточном народном правительственном совете — 33 представителя национальностей. В провинциальных и городских народных правительствах советах — 134 делегата из малых народностей. Многочисленные национальные кадры работают в уездных, городских и районных органах народной власти.

Так втягиваются в общую государственную работу ранее угнетенные и бесправные народы Китайской Народной Республики.

Важное значение национального вопроса, удельный вес его в политической жизни страны, в строительстве нового демократического государства, на базе диктатуры народной демократии, требовали создания специального органа в системе государственного аппарата Китайской Народной Республики.

Таким органом явилась Комиссия по делам национальностей, работой которой направляет Политико-юридический комитет Центрального народного правительства.

В задачи Комиссии входит повседневное проведение в жизнь принципов национального строительства, провозглашенных в Общей программе реализация их в конкретных условиях той или иной народности, племени, изучение опыта работы по национальному строительству в различных окраинах страны.

Некоторые итоги национального строительства в юго-западных районах Китайской Народной Республики

Исторически сравнительно небольшой опыт в области национального строительства в Китайской Народной Республике свидетельствует о его больших успехах. Они особенно заметны в юго-западных районах страны. Эти успехи являются свидетельством того, как разрешает национальный вопрос Коммунистическая партия Китая.

Уже в декабре 1950 г. в провинции Сикан состоялась первая конференция народных представителей Тибетского автономного округа этой провинции; на конференции было создано местное народное правительство. В настоящее время по другим провинциям также созданы как автономные

ионы, так и местные правительства с широким участием в них представителей разных национальностей. В одной только провинции Гуйчжоу, где проходили конференции представителей населения всех слоев национальностей, создано уже 5 самоуправляющихся районов и избрано на местах 30 объединенных национальных правительств, где пропорционально количеству проживающих там национальных меньшинств избраны их представители²². По всему Юго-Западному Китаю уже к концу 1950 г. существовало 150 самоуправляющихся округов²³.

По решению Юго-западного бюро ЦК Коммунистической партии Китая и 4-й сессии Военно-административного комитета Юго-Западного, Китая, вынесенному в конце 1951 г., в текущем году будет установлена национальная автономия в провинции Гуанси в округе Даяошань, где проживает народность яоцзу. Кроме того, намечено образовать местные объединенные правительства в районах Силинь, Силун, Саньцзян и других, где большинство населения составляют яоцзу, дунцзу, тунцзу, яоцзу и др.

Одним из важных вопросов является проведение мероприятий по подготовке к реализации земельной реформы на территории, населенной национальными меньшинствами. В силу специфики обстановки в этих кругах проведение земельной реформы требует особого подхода и большой предварительной работы. В настоящее время проводится только снижение арендной платы и ростовщического процента.

Увеличивается товарооборот в районах, населенных национальными меньшинствами, и принимаются меры к развитию местного производства и особенно той продукции, которая идет в обмен на товары первой необходимости — соль, мануфактуру и т. д.²⁴ Впервые в истории этих ярдов, служивших прежде лишь объектом жестокой эксплуатации, национализируется справедливый обмен.

Примером могут служить цифры: раньше за 1 дань²⁵ тунгового масла можно было получить 1 дань соли. Теперь тот же дань масла оценивается в 3 даня соли. В прошлом 2 даня 5 доу риса обменивались на 1 кусок мануфактуры. Теперь обмен производится на 3 куска мануфактуры²⁶.

Большую помощь оказывают Центральное народное правительство и местные органы власти кооперированием населения и выдачей ссуд на натурой и деньгами.

Важное значение в деле ликвидации существовавшего испокон веков разобщения как отдельных народностей между собой, так и с китайским населением, имеет переселение их из неудобных высокогорных мест или, наоборот, гнилых ущелий на равнинную полосу среднего пояса. Мяоцзу спускаются с гор, куда они были загнаны колонизацией; таи переходят из болотистых сырых районов в более удобные и здоровые. Как пример можно привести племена яоцзу в Хунани. В уезде Юсянь переселились из неудобных горных мест более 400 человек, в уезде Чжицзян — 60 семей²⁷ (т. е. около 300 чел.).

Принимаются меры к повышению культурного уровня национальных меньшинств. Открываются школы, библиотеки, дома культуры. В большинстве школ обучение ведется на местном языке. В области здравоохранения тоже имеются большие успехи. Организуются медицинские пункты, больницы и т. п.

²² Газета «Гуанминжибао» от 16 ноября 1950 г.

²³ Газета «Гуанминжибао» от 7 декабря 1951 г., доклад Дэн Сяо-пина «О состоянии и перспективах работы в Юго-Западном Китае».

²⁴ Газета «Гуанминжибао» от 8 декабря 1951 г.

²⁵ Дань равен 10,5 кг.

²⁶ Газета «Гуанминжибао» от 8 декабря 1951 г.

²⁷ Там же.

Чтобы показать, как конкретно на местах реализуется национальная политика, возьмем для примера округ главного города провинции Сикан — Кандина. Всего в округе 20 уездов. В основном, кроме 3 уездов, где живут китайцы и другие нетибетские народности, округ населяют тибетцы, составляющие 90% всех его жителей. Так как в округе распространен буддизм, в нем велико число лам — около 5000; например, в уезде Ганьмоу $\frac{1}{3}$ всех жителей — ламы. Институт тусы здесь существовал до самого недавнего времени. В этом округе была сильна разница между китайцами и тибетцами, которая постоянно подогревалась помещиками-феодалами, контрреволюционным гоминьданом и иностранными империалистами и способствовала еще большему угнетению народа. Даже названия уездов отражали угнетенное положение основного населения. Таковы, например, Ба-ань, Ли-хуа, Шань-хуа. Широкое распространение имели презрительные названия «мань цзы» — «варвары» для некитайских народов, имели хождение поговорки, унижающие их, например: «Если варвар просит 1 цунь земли, то не лучше ли ему дать один раз палкой» и другие. Экономически население было также угнетаемо. Например, было запрещено разведение чая, который ввозился для обмена на местные продукты производства по произвольным, непомерно высоким ценам.

После освобождения Народно-освободительной армией этого района страны положение здесь резко изменилось.

17 ноября 1950 г. была созвана конференция народных представителей. Главными задачами конференции были обсуждение вопросов улучшения условий жизни, урегулирование отношений между национальностями и выборы органов самоуправления автономной области. В работе этой конференции участвовали представители всех национальностей, населяющих Сикан, хотя тибетцы были в наибольшем числе (180 чел., китайцев — 74, ицзу — 12, прочих — 5).

Состав конференции был разнообразен как по национальному признаку, так и по представительству в ней самых различных слоев населения и организаций. Здесь были представители местных коммунистических организаций, Народно-освободительной армии, органов самоуправления, рабочие, крестьяне, скотоводы, предприниматели, торговцы, люди свободных профессий, родовые старшины, служители культа — последних было 89 человек, в основном лам. Однако конференция прошла под знаком дружбы и сотрудничества всех народностей, населяющих Сикан.

Та рознь между национальностями, которую долгие годы культивировалась гоминьдановская реакция, изживается. Китайская пресса приводит ряд примеров, показывающих этот процесс. На конференции присутствовали представители двух родов — Кун Са и Ма Шу, которые вели непримиримую борьбу в течение долгих лет. В период господства гоминьдановской реакции, в 1938 г., Кун Са бежал в Цинхай, а его земли были переданы гоминьдановским правителем Ма Шу, который поставил во главе местной власти. Первое время после освобождения Сикана Народно-освободительной армией представители родов Кун Са и Ма Шу, боясь возникновения конфликтов, не ходили вместе ни на собрания, ни в органы местной власти.

Однако на конференции 17 ноября 1950 г. представители этих родов сидели за одним и тем же столом; на заседаниях один из них переводил речь другого.

Второй факт: делегатка конференции Дин Цзэн не решилась прибыть одна на конференцию, боясь давнишней мести со стороны другого рода. Она была привезена в Кандин на машине в сопровождении нескольких военных. В Кандине, опасаясь встречи с теми, кто ей мстил, она даже не выходила на улицу. Однако по прошествии нескольких дней Дин Цзэн

згуливалась одна по улицам города и чувствовала себя совершенно спокойно на заседаниях конференции. Такие факты, конечно, не единичны, и свидетельствуют о том, что рознь между национальностями, межрасовая вражда, культивировавшиеся гоминьдановскими реакционерами, теперь теряют под собой почву благодаря упорной и кропотливой, каждодневной работе представителей Народного правительства и Коммунистической партии.

Установление автономии в провинции Сикан, граничащей с Тибетом, играло большую роль в деле освобождения самого Тибета. Тибетский народ воочию убедился, к каким результатам можно прийти, будучи в бщей дружной семье народов, населяющих Китайскую Народную Республику.

Мирное воссоединение Тибета с Китайской Народной Республикой стало торжеством национальной политики Коммунистической партии Китая.

Одной из основных форм работы Комиссии по делам национальностей является посылка делегаций (фан-вэнь туань) в разные окраины республик. Цель этих делегаций в установлении связи с местным населением, учете его запросов, нужд, доведении до мест решений правительственные организаций по национальному вопросу, в повседневной помощи в экономическом, политическом, национальном и культурном строительстве этих окраин страны. Решение о создании таких делегаций было вынесено Политико-юридическим комитетом в июне 1950 г. В июле были скомплектованы и отправлены делегации в северо-западный и юго-западный Китай. Позднее делегации выехали в центральные и южные районы страны.

Итоги работы этих делегаций подведены в январе 1951 г., на 69-м заседании Государственного административного совета, где был заслушан отчет председателя Политико-юридического комитета Чэнь Цзюнь-жу о итогах работы делегации, посланной в северо-западный Китай. На февральском заседании Политико-юридического комитета стояли доклады комиссии по делам национальностей: Ли Вэй-хая «Об участии национальных меньшинств в национальном празднике годовщины провозглашения Китайской Народной Республики», Чэнь Цзюнь-жу «Об итогах работы делегации в северо-западном Китае» и Лю Гэ-пина «Об итогах работы делегации в юго-западном Китае».

Мы располагаем лишь решениями этого совещания. Они были направлены на улучшение работы по национальному строительству и расширение связанных с ним мероприятий.

Согласно этим решениям, всем Военно-административным комитетам в местах было вменено в обязанность, при обязательном учете местных конкретных особенностей и условий, расширить создание национальных администраций или объединенных народных правительств и вести неослабный контроль за деятельностью в этом отношении местных органов управления.

Тогда же был намечен созыв, совместно с соответствующими министерствами, трех конференций по вопросам здравоохранения, образования и развития торговли в национальных районах. Много внимания былоделено в решениях созданию и воспитанию национальных кадров, в которых ощущается недостаток как на местах, так и в центральных учреждениях, в то время как вопрос о национальных кадрах является одним из важнейших в области национального строительства. С этой целью было поручено всем Военно-административным комитетам взять под свое наблюдение подготовку национальных кадров и каждые полгода читаться перед Политико-юридическим комитетом. Было вынесено также решение о необходимости открытия специальных университетов, лабораторий и даже краткосрочных курсов для подготовки таких кадров. В июне 1951 г. были, согласно этому решению, открыты универ-

ситеты национальностей в Пекине, Гуйяне, Чэнду, где обучаются представители многонационального Китая²⁸.

Особое внимание Политико-юридического комитета было обращено на повышение культурного уровня и, в частности, на создание письменности среди бесписьменных народностей и племен. В этом отношении был полный контакт с министерствами культуры и образования.

Наконец, важное значение имело решение созвать в 1951 г. всекитайскую конференцию по вопросам работы среди национальных меньшинств, с тем, чтобы подвести итоги национального строительства и наметить перспективы дальнейшей работы²⁹.

Интересны материалы 3-й сессии Военно-административного комитета Юго-Западного Китая, посвященные итогам и перспективам работы среди национальных меньшинств этого района Республики.

На сессии был заслушан доклад председателя Комитета Дэн Сяо-пина, в котором он коснулся также вопросов национального строительства в Юго-Западном Китае. В своем докладе Дэн Сяо-пин отметил громадное значение в деле сплочения всех национальностей и народностей Юго-Западного Китая широко развернувшейся борьбы за мир. Национальные меньшинства приняли в этой большой политической работе активное участие.

Дэн Сяо-пин указал на то, что в области экономической также достигнуты успехи. Здесь центральное место занимает вопрос о подготовке к проведению в районах, населенных нацменьшинствами, земельной реформы, которая по всем остальным районам Юго-Западного Китая заканчивается в 1952 г. Много сделано, как говорил Дэн Сяо-пин, для повышения культурного уровня национальных меньшинств и подготовки национальных кадров. Более 100 000 человек активно участвует в общей работе по укреплению и развитию народного государства. Ведется активная борьба против политически враждебной идеологии панкитаизма и местного национализма. В результате этих успехов уничтожается вековая рознь между местным и китайским населением, ликвидируется разобщенность и вражда, народы разных национальностей сплачиваются в единой борьбе и работе и горячо отзываются на все мероприятия Центрального народного правительства³⁰.

По докладу Дэн Сяо-пина были приняты решения, в которых подчеркивалась необходимость расширения работы среди национальных меньшинств.

Так народности и племена Юго-Западного Китая становятся не только полноправными гражданами государства народной демократии, но и являются для народов колоний, ныне угнетенных и эксплуатируемых, примером, показывающим, чего может добиться свободный народ.

Заключение

Национальное строительство в масштабе всего Китая ведется все три года, но за этот период достигнуты большие результаты. В процессе народной революции на политической арене появилось огромное число народностей и племен, которые ранее подвергались эксплуатации, угнетению и национальной дискриминации. Сейчас они, получая повседневную поддержку со стороны Центрального народного правительства, чув-

²⁸ Например, в университете Чэнду обучалось в 1951 г. 500 человек 34 национальностей.

²⁹ «Цзефанжибао» от 13 марта 1951 г.

³⁰ Газета «Гуанминжибао» от 17 ноября 1951 г., доклад Дэн Сяо-пина «Об итогах и перспективах работы в Юго-Западном Китае».

твую заботу о себе Коммунистической партии Китая, обрели новую жизнь, новое развитие, стали активными борцами за будущее своей юдины.

Национальные меньшинства приобщаются к общей работе и встали одну шеренгу с великим китайским народом.

Народы, населяющие Китайскую Народную Республику, стали дружной семьей, идущей к общей цели.

Н. Г. ШПРИНЦИН

ИНДЕЙЦЫ ГУАЯКИ

После открытия Южной Америки колонизаторы уничтожили сотни тысяч коренных жителей материка — индейцев и поработили ту часть населения, которая достигла сравнительно высокого уровня развития культуры. Что касается племен первобытных собирателей и охотников, то они были либо полностью истреблены завоевателями, либо принудительно поселены в резервациях, или же вытеснены с удобных для колонизации земель в трудно доступные тропические леса. К числу таких племен относятся и гуаяки, некогда населявшие значительное пространство покрытого лесом плоскогорья восточного Парагвая, в области, ограниченной опушкой леса на юге и юго-западе, рекой Парана на востоке и рекой Мондай на севере.

В результате колонизации гуаяки были изгнаны из наиболее пригодных для жизни участков леса. Систематическое истребление этих индейцев, а также тяжелые условия жизни в тропических дебрях привели к значительному уменьшению их численности. Вместе с тем, гуаяки лишились возможности развития своей материальной и духовной культуры и ныне, не зная оседлости, бродят в поисках пищи, так же как делали это до захвата Южной Америки европейцами.

«Область Парагвая между Альто Парана и водораздельной линией бассейна рр. Параны и Парагвай, — пишет участник русской экспедиции в Южную Америку в 1914—1915 гг. И. Д. Стрельников, — получила от индейцев выразительное название Саá-гуасу, что значит «великий лес». Этот тропический, всегда влажный, очень густой и трудно проницаемый лес покрывает 97% области. Естественные условия внутри страны спасали индейцев от охотников за рабами; они благоприятствовали также сохранению старого этнического типа гуарани, как авá-мбінá и таких примитивных индейцев, как гуаяки. В этой же области Каагуасу нашли убежище и другие группы гуарани после разрушения иезуитских миссий»¹.

В ранних известиях об индейцах Южной Америки почти отсутствуют даже краткие упоминания о гуаяки. В течение многих лет сведения об этих индейцах ограничивались случайными, очень неточными, а подчас и фантастическими данными, как, например, о том, что их кожа, как шерсть, густо покрыта волосами, что они не знают членораздельной речи, и т. п. До сравнительно недавнего времени литература о гуаяки ограничивалась небольшими статьями или косвенными замечаниями путешественников, лично их не наблюдавших.

Ничтожное количество сведений о гуаяки в течение почти всего колониального периода, повидимому, объясняется тем, что основной поток испанских завоевателей и колонизаторов в поисках путей в «страну зо-

¹ И. Д. Стрельников, Религиозные представления индейцев гуарани бассейна р. Верхней Параны (Парагвай и Бразилия), Сборник Музея антропологии и этнографии, т. IX, Л., 1930, стр. 298.

юта» сначала направлялся в горные районы южной части материка Южной Америки, а позднее — в бассейн Ла Платы. Иезуиты, создавшие на территории Парагвая теократическое, по существу независимое от Испании, государство, существовавшее с конца XVI в. до 1769 г.², не раз пытались насильно переселить гуаяки в свои миссии. Попытки эти успеха не имели. По сведениям миссионера Педро Лосано, которому принадлежит одно из первых описаний гуаяки, в середине XVIII в. в миссиях находилось всего 30 этих индейцев.

С освоением восточных районов Парагвайской республики усилилось преследование индейцев, населявших эту часть страны. Гуаяки вынуждены были укрыться в еще недоступных лесных дебрях. Лишь изредка, гонимые голодом, они осмеливаются появляться вблизи скотоводческих ферм и плантаций.

Первые публикации, специально посвященные этнографическому и антропологическому (точнее — антропометрическому) описанию гуаяки, появились в 90-годах прошлого века. Материалы, собранные Ш. де Ла Гиттом и Г. Тен Кате, несмотря на их неполноту, вызвали большой интерес среди этнографов и антропологов³. В последующих годах было опубликовано несколько небольших заметок и статей, содержащих отрывочные сведения об этих индейцах. Достоверность части этих материалов, особенно о южных группах гуаяки, вызывает большие сомнения, а некоторые из них заведомо недоброкачественны. В первую очередь это относится к противоречивым и путанным статьям Ф. Майнцхузена⁴, большая часть которых посвящена общественным отношениям и религии южных гуаяки. Так, например, его утверждение о том, что гуаяки «не имеют никакой религии», находится в полном противоречии с опубликованными им же материалами об обычаях и обрядах, не оставляющих сомнения в их религиозно-магическом значении. Его настойчивые утверждения о наличии каннибализма и, в частности, эндоканнибализма и приводимые им «факты» мало чем отличаются от фантастических измышлений испанских конкистадоров и первых хронистов⁵.

Ничего не зная о подлинном характере «деятельности» автора этих работ, можно было бы предполагать, что Майнцхузен принадлежит к числу прогрессивных деятелей, активно выступающих против преследований и истребления индейцев. Так, он сетует на то, что «парагвайское правительство ничего не делает для защиты гуаяки». Описание современного положения гуаяки он заканчивает словами: «...это очень печальная глава в истории распространения европейской цивилизации», не смущаясь тем, что и он вписал не менее печальную страницу в эту главу.

Майнцхузен, в прошлом немецкий эмигрант, приобретя поместье в Парагвае, был заинтересован в получении даровой рабочей силы. Такой

² Ко времени расцвета деятельности иезуитов в Парагвае индейское население в их миссиях составляло приблизительно 150 000 человек. Руками порабощенных индейцев были созданы огромные богатства ордена Иисуса. «Христианская республика» прекратила свое существование вскоре после опубликования в 1767 г. королевского указа об изгнании иезуитов из испанских колоний в Южной Америке.

³ Charles de la Hitte, *Notes ethnographiques sur les Indiens Guayaquis, et Dr. H. Tén Kate, Description de leurs caractères physiques, Anales del Museo de La Plata, La Plata, 1897.*

⁴ См., например, F. Mayntzhusen, *Die Stellung der Guayaki-Indianer in der Völkerfamilie der Guarani, Verhandl. der Schweizerischen Naturforschenden Gesellschaft, т. II, Zürich, 1918; его же: Guayaki-Forschungen, Ztschr. für Ethnologie, 1925, В. LXVII (Verhandl.).*

⁵ Даже в статье о гуаяки, помещенной в «Справочнике по южно-американским индейцам», являющейся некритической сводкой как достоверных, так и заведомо лживых, незаслуженно порочащих гуаяки данных, авторы считают, что «эндоканнибализм, описанный Майнцхузеном, является сомнительным и еще подлежит проверке» (*Handbook of South American Indians, т. I, Washington, 1946, стр. 441*).

рабочей силой, в частности, были и несколько гуаяки, захваченных «собирательными экспедициями». Не ограничиваясь эксплуатацией рабского труда уже имевшихся индейских пленников, Майнцхузен явился инициатором и активным участником одного из разбойнических нападений на гуаяки. Этот «ученый» рабовладелец в одной из своих статей объясняет, что нападение было вызвано «необходимостью» взять в плен хотя бы одного гуаяки для изучения языка и проверки данных других авторов в связи с быстрым вымиранием этого племени.

Из публикаций последних лет наибольшего внимания заслуживаю работы французского этнографа И. Велляра, представляющие в большей части результаты наблюдений автора, собранных во время пребывания в Парагвае в 1932 г.⁶ Не имея возможности непосредственного контакта с гуаяки, которые при первых признаках появления «белых» в паническом страхе покидали свои стойбища, он, тайком следуя за ними, наблюдал их издали. Несмотря на такие, очень неблагоприятные условия, Велляру все же удалось собрать сравнительно много сведений по технике и хозяйству гуаяки, живущих в местности Ахос-Каагуасу, и, разумеется, значительно меньше данных об их социальном строе и религиозных воззрениях. Со слов захваченного парагвайцами мальчика Велляр записал данные по его родному языку. На основании этих записей он составил единственный доныне очерк фонетики и грамматики языка гуаяки, а также словарь (более 600 слов и фраз). Несмотря на неполноту собраных таким образом материалов, они все же являются наиболее полными из всех до сих пор опубликованных⁷.

При такой неполноте, а подчас и заведомой порочности материалов (в особенности по религии) важное значение приобретают при изучении гуаяки этнографические коллекции и, в частности, две небольшие по числу предметов, но достаточно полные по составу коллекции, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде.

* * *

Название гуаяки является собирательным термином для нескольких групп этих индейцев, каждая из которых имеет свое самоназвание. Число этих групп точно неизвестно. Установлены лишь места обитания некоторых из них. Язык гуаяки относится к числу языков тупи-гуарани.

Определить точно численность гуаяки, разумеется, невозможно. На основании сопоставления различных данных можно предполагать, что общее число их не превышает нескольких сот человек. Гуаяки особенно резко уменьшились в числе в 1920 г. в результате большой смертности от эпидемических заболеваний.

Основные отрасли хозяйства гуаяки — охота и собирательство. В противоположность большинству индейских племен, у которых собирательство в настоящее время является подсобным видом хозяйства, у них оно имеет очень важное, почти равное охоте значение. Рыбная ловля самостоятельной роли не играет. Земледелия гуаяки не знают.

Примитивность хозяйства естественно связана с чрезвычайной отсталостью техники. Самым важным и необходимым орудием труда гуаяки является каменный топор (рис. 1). Деревянная рукоятка длиной в среднем от 60 до 70 см изготавливается из легкого по весу, но достаточно прочного дерева (большей частью используется апельсиновое дерево). Топорище на одном из концов резко утолщено. В этом утолщении просверлено

⁶ J. Vellard, *Les Indiens Guayaki*, *Journal de la Société des Américanistes*, Paris, N. S., t. XXVI, (fasc. 2), 1934; его же: *Une civilisation du miel; les Indiens Guayaki du Paraguay*, Paris, 1939.

⁷ Подробная аннотированная библиография работ о гуаяки имеется в Отделе Америки Института этнографии АН СССР.

углубление, служащее гнездом для обуха топора. Топор (максимальная длина 20 см) обычно изготавливается из диабаза или диорита. Нередко гуаяки используют окатанную гальку, находимую в горных ручьях, скегка утончая шлифовкой рабочий край. Отличительной особенностью топоров гуаяки, не имеющей аналогий в каменных орудиях других индейских племен Южной Америки, является довольно глубокая борозда у основания рабочего края. Топор без каких бы то ни было склеивающих веществ плотно вставлен в гнездо, просверленное в топорище, приблизительно на $\frac{1}{4}$ своей длины. Индейцы мбвиá (^т Bwihá), также обитающие в лесах восточного Парагвая, сообщили Велляру о том, каким

Рис. 1. Топор (колл. МАЭ 2232—3); длина топорища 67,5 см, окружность утолщенной части 284 см, длина наружной части топора 12 см, наибольшая окружность 18,6 см

образом гуаяки укрепляют топор в топорище. Топор втыкается в расщепленный ствол молодого дерева. Через некоторое время, когда древесные волокна крепко охватят камень, ствол срубается, после чего из него другим топором и скребком из раковины изготавливается рукоятка. Возможно, что это косвенное сведение вполне соответствует действительности, так как аналогичный способ укрепления топора имеется и у других первобытных народов, как, например, у океанийцев.

Рабочий край топора настолько туп, что им нельзя рубить деревья. Последовательно ударяя топором о ствол дерева, гуаяки расщепляют золота, которые затем срывают руками до тех пор, пока лишенное опоры дерево не упадет.

Реже встречаются у гуаяки топоры такой же формы, но приблизительно вдвое меньшего размера. Их употребляют для раскрытия ульев тесных пчел в стволах деревьев и для добывания из-под коры съедобных личинок.

Кроме топоров, гуаяки изготавливают скребки из зубов животных (рис. 2). Резец агути (*Dasyprocta aguti*) или клык пекари (дикой свиньи, *Dicotyles torquatus*) плотно вставляется в бедренную кость обезьяны, косули или пекари. Один из концов кости предварительно обламывается, и вставленные в мозговой канал зубы укрепляются воском или смесью смолы и воска. Для большей прочности место скрепления обычно плотно обматывается тонкими полосами луба филодендрона или расщепленными волокнами крапивы. В нижнем конце рукоятки просверливается отверстие, сквозь которое продевается шнурок. На шнурок обычно наизывается несколько таких скребков. Эти орудия служат, главным образом, для обработки наконечников стрел.

Для обтесывания дерева, и в частности рукояток топоров, луков, дрекков стрел, используются раковины моллюсков. Особенного внимания заслуживают скребки из спиральных раковин. В два расположенных друг против друга отверстия просовывается древко стрелы и сильно трется в продольном направлении, так что цилиндрическая поверхность бамбука или тонкой палки слаживается и полируется. В коллекции, собранной Велляром, имеется такой скребок с четырьмя отверстиями (рис. 3). По объяснению Велляра, отверстия второго ряда делаются,

когда первые становятся тупыми, и таким образом каждая раковина максимально используется.

Скребки из зубов животных, из створчатых и спиральных раковин имеются у многих индейских племен Южной Америки (несколько таких орудий хранятся в Отделе Америки МАЭ.). Наличие скребков из раковин в археологических раскопках, в особенности в самбаках (так называемых кухонных ку-

Рис. 2. Скребки (колл. МАЭ 2232-7/1-3); наибольшая длина 14 см

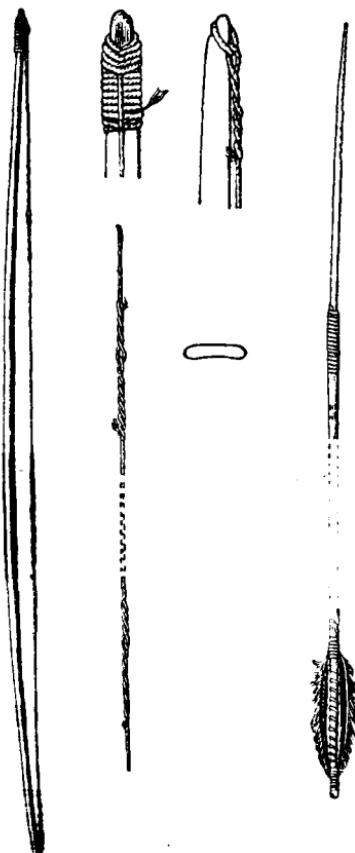

Рис. 4. Лук (колл. МАЭ 2232-4); длина древка 157 см, наибольшая окружность 46 см. Стрела (колл. МАЭ 2232-5/2), длина древка 97,5 см, окружность 4,6 см, длина наружной части наконечника 36 см, наибольшая окружность 3,7 см

чах) в Бразилии, также указывает на древность и широкое распространение этого орудия в Южной Америке.

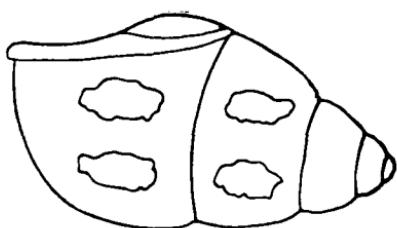

Рис. 3. Скребок из спиральной раковины (по Велляру)

ды обработки костяным орудием для укрепления тетивы. Почти необработанные, они сохранили тот

Большое значение для гуаяки имеют луки и стрелы. Их луки, достигающие сравнительно больших размеров (до двух и более метров длиной), изготавливаются из твердых пород деревьев, в частности из пальмы *Acogitia toati* и реже из пальмы *пиндо* (*Cocos Romanzoffiana*). По своему типу они относятся к так называемым простым лукам. На древке лука из коллекции МАЭ (рис. 4), в особенности на обоих концах его, ясно видны сле-

вид, который имели при отсекании и обламывании ненужных частей ствола или ствола молодого дерева. На шероховатой части наружной поверхности (около середины древка) сохранились следы того, что при изготовлении лука сдирались волокна. Тетива сплетена из растительных волокон. Она состоит из трех отрезков бечевок, соединенных при помощи нитьи и склеенных смолой с воском (?) (способ прикрепления тетивы к древку см. на рис. 4).

Стрелы сделаны более тщательно. По формам деревянных наконечников их можно разделить на три типа: 1) с зазубренным наконечником; 2) с ножевидной плоской пластинкой; 3) с тупым наконечником. Различие в формах наконечников зависит от того, для какой цели предназначается стрела. Наиболее распространены стрелы первого типа. Их употребляют для охоты на мелкого и крупного зверя, на птиц, для ловли рыбы и в качестве боевого оружия. Стрелы второго, сравнительно редко встречающегося типа, служат для охоты на крупного зверя, и, наконец, стрелы третьего типа применяют при охоте на птиц. Древки изготавливают из стволов бамбука. Обмазанный слоем воска наконечник приблизительно на $\frac{1}{4}$ его длины плотно вставляется в верхний конец древка. Для большей прочности место скрепления плотно обвито завязкой из полосы луба филодендрона. Оперены стрелы очень простым, сравнительно редко встречающимся способом. Два больших цельных пера яку (*Penelope*, *какаду*, *краксов*) или ястреба-перепелятника при помощи воска и обмотки из полос луба филодендрона прикреплены только своими концами к древку⁸. На нижнем конце древка имеется обычное углубление для укрепления стрелы на тетиве. В коллекциях МАЭ имеются стрелы первого типа (рис. 4). Длина их от 133,5 до 158 см, длина наружных частей наконечников — от 36 до 46 см. Характерной особенностью наконечников древков стрел является то, что обычно они зазубрены только с одной стороны. На грубо сделанных, слабо выступающих зубцах ясно видны следы тупого орудия (костяной резец), которым они вырезались.

Для выкапывания из земли съедобных растений и добычи личинок из стволов сгнивших деревьев иногда употребляют землекопалки, уплощенные и закругленные с одного конца палки, длиной от $\frac{1}{2}$ до 1 м; для резания употребляют заостренные с двух сторон пластинки бамбука. Маленькими деревянными лопаточками обмазывают воском корзины.

Описанными предметами в сущности ограничивается очень несложный ассортимент орудий и оружия гуаяки, необходимый для удовлетворения их жизненных потребностей и, в частности, для добывания растительной и животной пищи.

Важными объектами собирательства служат различного рода съедобные растения, в особенности плоды дикорастущих деревьев и кустов. Не меньшее значение имеет добывание лесного меда и личинок жука *Calandria palmarum* в сгнивших ствалах пальмы пиндо. Сами пальмы служат источником довольно разнообразного питания. Так, из верхушки ствола добывают сердцевину, так называемую «пальмовую капусту», которую едят в сыром или жареном виде. Из ствала этой пальмы приготавливается также древесная мука. Содранные с дерева при помощи топора волокна расщепляют и толкуют, просеивая полученную таким образом муку через сито. Из муки, замешанной на воде, делают лепешки, которые подсушивают у огня костра. Реже эти лепешки едят в сыром виде⁹. Из сердцевины пальмы пиндо выжимают также сладкий, аромат-

⁸ На некоторых стрелах перья со стороны, прилегающей к древку, подрезаны.

⁹ Разнообразное использование деревьев в пищу известно многим первобытным народам тропических стран, в числе которых индейцы Южной Америки не составляют исключения. В частности, мука из древесины пиндо служит пищей не только гуаяки и соседним с ними племенам, но и парагвайцам — безземельным и малоземельным крестьянам, сельскохозяйственным рабочим и беднейшим слоям городского населения.

ный сок, служащий напитком. Пальма пиндо имеет большое значение в пищевом бюджете гуаяки. В определенное время года эти индейцы совершают переходы по лесу в места, где имеется в достаточном количестве этот важный источник питания. Из других видов растительной пищи употребляются ягоды и дикие или одичавшие фрукты, например, плоды дынного дерева (*Carica papaaya*) и апельсины. Объектами собирательства служат также мелкие животные — лягушки, ящерицы и другие.

Собирательством занимаются как женщины, так и мужчины. Исчерпывающих сведений о разделении труда в этой области хозяйства не имеется. Известно, что добыванием меда лесных пчел в дуплах деревьев занимаются мужчины. В этнографических работах о гуаяки имеются подробные описания способов добывания меда, являющегося одним из основных источников питания. Добыванием личинок занимаются мужчины и женщины.

У племен, в хозяйстве которых сохранилось собирательство, им обычно занимаются женщины. Возможно, что занятие собирательством и мужчин и женщин является одним из наиболее интересных фактов, указывающих на значительную отсталость гуаяки.

Предметами охоты служат обезьяны, коати (*Nasua sp.*), пекари, агути, броненосцы и птицы разных пород. Охота на крупных животных является исключением. Орудиями охоты служат почти исключительно луки и стрелы. В литературе имеются указания на наличие у гуаяки ям для поимки крупных животных и даже специальных западней, что, впрочем, категорически отрицается наиболее заслуживающими доверия авторами.

Методы охоты почти неизвестны, так как никто из изучавших гуаяки, не имел возможности участвовать в охотничьих походах.

«На охоту гуаяки выходят небольшими группами с незначительным числом людей, часто в два или три человека. Охотники идут по следам животных или подстерегают их в месте, где они бывают наиболее часто. Таковы некоторые берега ручьев, маленькие болота, скрытые в лесу, и в особенности *baggeos* — наполненные грязью ямы, которые животные очень любят»¹⁰.

Во время рыбной ловли, имеющей подсобное значение в хозяйстве, гуаяки также употребляют лук и стрелы. Некоторые авторы утверждают, что для ловли рыбы гуаяки сооружают запруды, к которым прикрепляют конические корзины. Эти сведения, не подтверждаемые рядом исследователей, требуют проверки.

Больше доверия заслуживают данные о том, что, кроме ловли рыбы, гуаяки также применяют широко распространенный у многих индейских племен Южной Америки способ отравления ручьев и мелких рек ядовитыми растениями.

Гуаяки знакомы с употреблением некоторых видов культурных растений — бататом, кукурузой, а также сладкой маниокой, которые они добывают на плантациях парагвайцев, находящихся возле опушки леса.

С культурными растениями гуаяки познакомились, повидимому, сравнительно недавно. Интересно отметить, что употребляемые этими индейцами культурные растения и домашние животные в их языке имеют лишь описательные названия. Так, батат обозначается как «корень, который кушается»; маниока — «чужая пища», «круглая пища», «пища со сладкой кожурой»; бык — «тот, который имеет пару рогов и хорош для еды»; осел или мул — «желтое животное, хорошее для еды». Исключе-

¹⁰ J. Vellard, Les Indiens Guayaki, стр. 238.

ие составляет кукуруза, которая называется близким к языку гуарани термином, собственным, а не описательным названием этого злака. Следует, впрочем, указать на то, что описательные термины в языке гуаяки, повидимому, не являются исключением. Так, например, пекари называется «желтая грудь, хорошая для еды». Такие названия имеются в различных языках тупи-гуарани. И все же определение маниоки, столь важного у многих индейских племен съедобного растения, как «чужой пищи», может свидетельствовать о недавнем знакомстве с этим корнеплодом.

Мы не имеем сведений о том, как проводится между племенами группы распределение растительной и животной пищи. По аналогии с другими индейскими племенами (например, многими племенами Центральной Бразилии и др.), находящимися на несколько более высоком уровне культурного развития, можно с большой долей вероятности предполагать, что у гуаяки также сохранился коллективный способ потребления, в особенности в отношении продуктов охоты.

Способы приготовления пищи также свидетельствуют о слабом развитии техники. В значительной степени пища поедается в сыром виде, хотя жаренье над огнем, а также варка известны. Так, мясо жарят над костром, на деревянных вертелах, горизонтально положенных на две развилики. Иногда на вертеле поджаривают пальмовую капусту. Маниоку и бататы пекут в золе. Птицы и мелких животных жарят целиком у огня костра. Варка пищи в сосудах из тыкв или в глиняных горшках гуаяки известна, но не имеет широкого применения, что, вероятно, зависит от неприспособленности утвари и, в частности, от низкого качества глиняных изделий, не выдерживающих длительного нагрева на огне.

Что касается способов добывания огня, то, повидимому, почти все гуаяки применяют наиболее распространенный среди южноамериканских индейцев способ сверления. В коллекциях МАЭ имеется прибор для добывания огня таким способом (рис. 5). Он состоит из двух палочек. Меньшая из них (сверло) вставляется в одно из углублений второй палочки и вращается между ладонями. Каждое из отверстий имеет боковой желобок, из которого при сверлении высывается часть древесной муки. Наличие нескольких ямок и их изношенность указывают на то, что этот прибор неоднократно был в употреблении. Такие приборы обычно изготавливают из древесины пальмы пиндо. Гуаяки, которых наблюдал Велляр, добывали огонь высеканием искр из двух кусков тонко-зернистого кварцита. Трутом служила высушенная пыльца самуги (*Ceiba pubiflora*). Судя по наблюдениям Велляра, гуаяки не умеют сохранять огонь во время переходов, как это делают другие индейцы-сборщики.

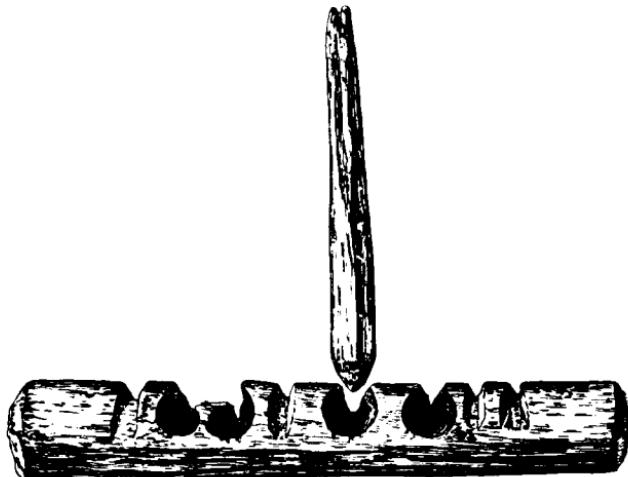

Рис. 5. Прибор для добывания огня (колл. МАЭ 2232—11/а—б). Длина основания 15,6 см.; длина сверла 10 см

Как указывалось выше, глиняная утварь гуаяки очень несовершенна! О гончарстве как таковом говорить в сущности не приходится. Очень несовершенные по форме, небольшие, грубо обожженные сосуды по внешнему виду напоминают лесные плоды. Они шаровидны, дно неустойчивое (рис. 6). Изготавляются они из неочищенной глины, добываемой в лесных болотах. О способе их изготовления сведений нет. Единственное известное нам орудие — маленькая деревянная лопатка для сглаживаия наружной поверхности. Сосуды не орнаментированы. В некоторых сравнительно редких случаях на них имеются несколько неправильных рядов небольших углублений. В покинутых стойбищах были найдены сосуды миниатюрных размеров. Вероятно, это были детские игрушки.

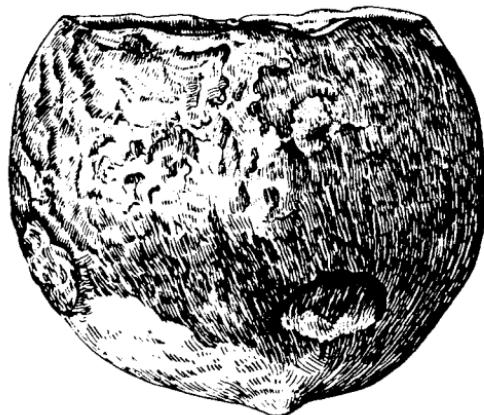

Рис. 6. Глиняный сосуд (колл. МАЭ 2232-9); высота 13 см, наибольший диаметр 13 см, диаметр отверстия 10,5 см

Рис. 7. Футляр, в котором хранятся перья для стрел (колл. МАЭ 2232-6); наибольшая длина 45 см, ширина у основания 18,5 см

Глиняный сосуд из коллекций МАЭ (рис. 6) очень грубой работы с толстыми стенками, неустойчивым дном и совершенно лишенный орнамента, дает представление о несовершенстве техники гончарства у гуаяки.

Из предметов домашнего инвентаря следует отметить предметы плетения: заплечные корзины, футляры, в которых хранят перья для стрел (рис. 7), небольшие цыновки (рис. 8), решета, опахала для раздувания огня и, в особенности, водонепроницаемые корзины. Основным материалом служат листья пальмы пиндо, а также луб различных растений. Большинство перечисленных предметов изготавливают наименее сложным широко распространенным у индейцев Южной Америки способом плетения из одного отрезка листа, не оторванного от черешка. Наиболее сложны по технике изготовления сумки, корзины для переноски тяжестей, в особенности, водонепроницаемые, обмазанные воском корзины. Эти корзины — яйцеобразной формы, с круглым отверстием наверху, сплетены очень плотно из соломы различных видов *Cyperus*. Снаружи они покрываются слоем воска толщиной от 1 до 2 см. По размерам они довольно велики (в среднем в 30 см высотой при наибольшем диаметре 125 см с диаметром отверстия в 15,5 см). Такие корзины употребляются для хранения воды и меда.

Решета для просеивания пальмовой муки сделаны иной техникой. Это большие квадраты, состоящие из перекрещивающихся пластинок бамбука.

Веревки, в зависимости от их назначения, плетут из различных волнистых растений, к которым иногда прибавляют человеческие или иные волосы¹¹. При помощи толстых веревок взбираются на деревья.

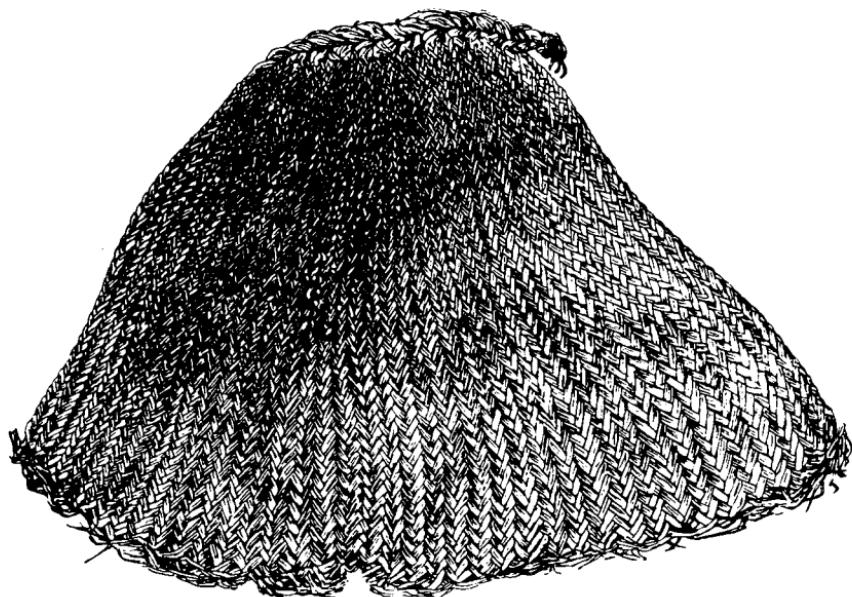

Рис. 8. Цыновка (колл. МАЭ 2232—). Наиб. диаметр 74 см.

Тонкие шнурки служат для различных надобностей: для тетивы лука, для прикрепления наконечников стрел к древкам и т. д. Из них изготавливаются также плетеные цыновки. Плетением занимаются женщины.

Волокна различных растений используются и для плетения браслетов, шнурков для ожерелий. Браслетами, надеваемыми на предплечье, и шейными ожерельями из нанизанных на шнурок просверленных зубов (рис. 9), реже отрезков костей животных, в сущности, ограничиваются украшения гуаяки. К украшениям можно отнести также головные уборы из небольших кусков невыделанных шкур животных с прикрепленными к ним султаном из волос, зубами коати и других животных. По сведениям почти всех исследователей, изучавших гуаяки, в каждом селении имеется только один такой головной убор. Он принадлежит вождю и служит единственным знаком его отличия.

Одежды гуаяки не употребляют. Они не имеют и столь распространенных у индейцев перьевых украшений. Краткие сведения о том, что с наступлением половой зрелости юноши продырявливают нижнюю губу, в которую вставляется косточка или деревянный шип, а девушке на груди и на животе наносится татуировка рубцами в виде перпендикулярных линий, вряд ли заслуживают доверия, или украшение тела такими способами не имеет широкого распространения у гуаяки. Так, Велляр, один из немногих исследователей, видевших индейцев во время их передвижений по лесу, категорически отрицает это.

¹¹ Такая веревка из пальмовых волокон и волос имеется в коллекциях Музея антропологии и этнографии АН СССР (№ 2232—10).

«Они,— пишет он,— не продырявливают ни носа, ни губ, ни уш и не имеют татуировки. Они употребляют очень клейкую коричневу или черноватую краску, повидимому, приготовленную из воска, смешанного со смолой и с растительными соками, нанося ее не вполне пр

вильным образом на лоб, виски и щеки. Мужчины и женщины часто рисуют лбу поперечную полосу, которая перекаётся простирающейся до кончики носа вертикальной полосой. С каждой стороны лица от виска до угла верхней челюсти спускается по одной полосе. Многие мужчины еще имеют под пахой маленькую нарисованную полоску. Это знак у мбвия означает возмужалость. Я не знаю каково его назначение у гуаяки, но я не видел его у детей»¹².

Приведенными нами данными сущности исчерпываются основные материалы по хозяйству и технике одного из наименее культурных, если не самого отсталого из еще сохранившихся в настоящее время индейских племен Южной Америки. Нельзя не обратить внимания на довольно редкий факт: обработка камня у гуаяки достигла большого совершенства, примером чего служат шлифованные каменные топоры. В то же время техника гончарства находится в зачаточном состоянии. Земледелие, даже в самых его примитивных формах, отсутствует.

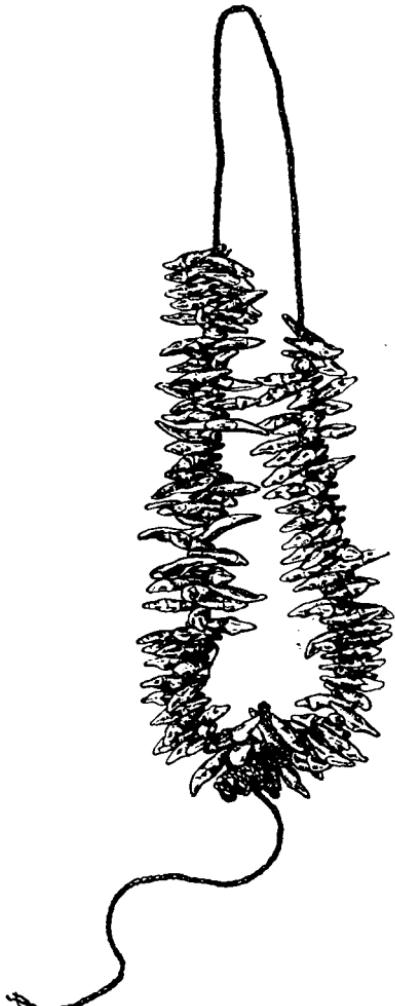
Переходя к описанию общественного строя и религиозных воззрений гуаяки, следует отметить совершенную недостаточность и нередко явную недоброкачественность материалов. Почти полностью отсутствие данных, особенно по северным гуаяки, в значительной мере объясняется специфическими условиями изучения этих индейцев. Наблюдения производились не путем непосредственного контакта с какой-либо из групп гуаяки и без предварительного знания их языка.

Рис. 9. Ожерелье из зубов животных (колл. МАЭ 2232—8).

ка. Исследователи оставались в лучшем случае пассивными наблюдателями. Они обследовали покинутые стойбища или тайком следовали за гуаяки во время их переходов и наблюдали их жизнь, прячась в лесу. В большой мере использовались сведения, полученные от захваченных парагвайцами гуаяки, от соседних с гуаяки индейских племен и от парагвайцев.

Поэтому нам приходится ограничиться лишь немногими фактами и также некоторыми косвенными указаниями, оставляя в стороне досужие вымыслы таких «полевых этнографов», как Майнцхузен и ему подобные, и лишенные какого бы то ни было основания сообщения «очевидцев».

«Социальная организация гуаяки,— сообщает Велляр,— строго семейная (*strictement familiale*). Они живут маленькими группами от 8 до

¹² J. Vellard, *Les Indiens Guayaki*, стр. 264—265.

индивидуумов в среднем, под управлением вождя, обычно человека средних лет»¹³. Более точного определения того, что же собственно представляют такие «семьи» — нет. Почти отсутствуют также данные о характере взаимоотношений внутри группы. Однако все писавшие о гуаяки единодушно утверждают, что у них существуют вожди. Но кроме сообщений о том, что «вождь орды является проводником и советником», удачливым охотником и физически сильным человеком, — общепринятые положения, применимого к вождю любого из индейских племен, — не по существу, никаких заслуживающих внимания фактов.

Проф. В. К. Никольский, неоднократно использовавший в своих работах данные о гуаяки, пришел к следующим выводам относительно их общественного строя.

«Многоженство было у них редким явлением, но единобрачие еще прочнее. Мужчины при вступлении в брак входят в общественную группу невесты. ... Из этого факта следует, что племя гуаяков распадалось же не на первоначальные роды («орды»), а на материнские роды»¹⁴.

Каждая группа гуаяки имеет свою территорию охоты и собирательства, в пределах которой происходят перекочевки. Эти переходы связанны с поисками охотничьей добычи, для использования пальмы пиндо и, в частности, для собирания личинок жуков. Отдельные группы, по мере необходимости, например, для совместной охоты, соединяются вместе на короткое время.

Естественно, не приходится говорить о наличии более или менее постоянных селений. Местами недолговременного жительства служат лишь стойбища, стоянки.

Для гуаяки характерны два типа стойбищ: с навесом и без навеса. Последние представляют собой лесную поляну в несколько метров в ширине, ограниченную кострами. Костры расположены на приблизительно равном друг от друга расстоянии, так, чтобы дать возможность максимально использовать их тепло. Размер стойбищ, как и число костров, варьируют в зависимости от численности населения каждого стойбища. В среднем стойбище занимает площадь в 6—7 м в диаметре три 6—7 очагах.

Для стойбищ первого типа характерно наличие от 1 до 3 навесов из ветвей или пальмовых листьев. Чрезвычайно примитивные по конструкции навесы по своим размерам очень невелики.

Так как гуаяки не умеют заготовлять пищу впрок, то в случае удачной охоты зверей и птиц оставляют живыми, поедая их по мере надобности. Во время переходов по лесу живые коати, агути, птицы переносятся женщинами в заплечных корзинах, как переносят детей и несложный домашний инвентарь. Во время стоянок животных держат на привязи, либо нередко помещают, как и птиц, в небольших клетках из гибких прутьев, вбитых в землю по кругу и скрепленных вместе в верхних юнцах. Возле этих клеток, находящихся несколько в стороне от навесов, также разводят костры, служащие, повидимому, для охраны животных от хищников.

Стойбища гуаяки следует отнести к числу самых примитивных типов поселений. По своей конструкции они отчасти сходны с селениями ботокудов (Бразилия), будучи все же значительно более простыми и менее заселенными¹⁵. Не лишено основания предположение о том, что разница

¹³ J. Vellard, Там же, стр. 260.

¹⁴ В. К. Никольский, История первобытного общества. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников педагогических и учительских институтов, Учпедгиз, М., 1951, стр. 51.

¹⁵ См. Г. Г. Манизер, Ботокуды (борун) по наблюдениям во время пребывания среди них в 1915 году, Ежегодник Русск. антрополог. об-ва при Петроградском ун-те, Птг., 1916.

в типах стойбищ связана с временем года (сооружение навесов особо необходимо в период дождей).

Стойбища гуаяки обычно находятся глубоко в лесу. Стоянки отдельных групп нередко расположены на близком друг от друга расстоянии. Как указывалось выше, иногда на короткое время жители нескольких стойбищ объединяются, повидимому, для совместной охоты.

Религиозные воззрения гуаяки еще менее исследованы, чем общественные отношения, ибо конкретных фактов в литературе имеется очень мало, причем большинство этих данных относится к южным группам.

Так, известно, что акт родов и послеродовой период сопровождаются специальными запретами. Женщина перед наступлением родов изолируется от окружающих. Она и ее постель с момента родов считаются «нечистыми». Нечистым считается и отец ребенка. В течение трех дней с момента появления ребенка на свет родителям запрещается есть определенные виды пищи (мед, мясо и др.). Гуаяки производят заклинания для того, чтобы разогнать ветер или прекратить дождь, которых считают живыми существами.

Сделать какие бы то ни было обобщающие выводы о характере религиозных воззрений гуаяки, конечно, не представляется возможным. Надо полагать, что в них преобладают анимистические представления, нет чекко установившихся форм культа, а также профессиональных шаманов.

Этим кратким описанием ограничиваются основные, заслуживающие доверия этнографические материалы о гуаяки. Нами были использованы главным образом, данные, относящиеся к северным гуаяки, обитающим в области Ахос Каагусу. Южные гуаяки, в результате соприкосновения с другими индейскими племенами и с парагвайцами, в настоящее время отличаются от северных. В частности, эти отличия довольно значительны в области языка. Как явствует из анализа словарного состава языка гуаяки, произведенного Велляром, в языке южных групп их встречается довольно большое число слов, заимствованных из современного языка гуарани, и много испанских, отсутствующих у северных групп.

Отличия можно отметить и в области материальной культуры (наличие жилищ более совершенной конструкции, довольно сложных ловушек, заимствованных у парагвайцев металлических предметов и т. д.) а также, повидимому, в более сложных общественных отношениях и религиозных воззрениях.

Не исключена возможность того, что в лесах восточного Парагвая скрываются еще и другие группы гуаяки. Весьма неточные сведения о них недостаточны, для того чтобы признать эти сведения вполне заслуживающими доверия. Неясным остается также вопрос об этнической принадлежности соседних с гуаяки индейцев, в частности мбвия. Предположение об их принадлежности к гуаяки продолжает оставаться лишь весьма близкой к истине гипотезой, ввиду недостаточности этнографических и в особенности лингвистических материалов и трудности сопирания их у скрывающихся от преследований индейцев.

Гуаяки испытывают зверское отношение со стороны господствующих в Парагвае классов. Вооруженные нападения на них, захват в плен, использование пленных в качестве рабочих (точнее, рабов), купля и продажа детей — обычные явления в современном Парагвае. Так, Велляр пишет о том, что его проводники захватили в селении гуаяки «сосуд с медом, стрелы, одну живую коати и ребенка приблизительно двух с половиной лет, которого намеревались продать в Ахос. Многие люди таким образом покупают маленьких гуаяки»¹⁶. Более подробные сведения вероятно, основанные на личной практике, сообщает Майнцхузен. «...Дети

¹⁶ Expedition du D-r Vellard au Paraguay, Journal de la Société des Américanistes Paris, N. S., t. XXIV (Fasc. 1), 1932, стр. 217.

гуаяки, — пишет он в одной из своих статей, — продаются парагвайцами в города, где они, за немногими исключениями, в критическом возрасте 12—15 лет умирают от легочных заболеваний. Стоимость такого несчастного обычно оценивается в 1 корову с теленком или в 1000 парагвайских фунтов стерлингов»¹⁷.

Эксплуатация детей индейцев широко распространена в странах Латинской Америки. Так, например, в Андских республиках практикуется система принудительного труда, называемая хуасиками. Одна из ее изновидностей заключается в том, что хозяин под видом усыновления детей индейцев «легализует право на эксплуатацию их труда и, кроме того, закабаляет и ставит в полную зависимость родителей. Эта система практикуется в богатых домах, где часто видишь детей, оторванных юзевами от родного дома и вынужденных влечь подневольную жизнь ябов. Такая система ведет к росту детской преступности». «...Туземцы частую носят фамилию своего помещика и находятся в полной зависимости от него. Как правило, при продаже крупного поместья в купчую включают скот и семьи проживающих там туземцев»¹⁸.

Печальную судьбу гуаяки разделяют и другие индейские племена Парагвая, которые по конституции республики являются полноправными гражданами страны¹⁹, фактически же этот пункт конституции на индейцев не распространяется. Одни из них, как гуаяки, подвергаются вооруженным нападениям, другие, выселяемые из исконных мест их обитания и лишенные источников существования, вынуждены работать в качестве батраков в поместьях или наниматься на работу по сбору и переработке парагвайского чая — матэ, на лесоразработки, испытывая же ужасы долгового рабства. Часть индейцев — это малоземельные престыяне или издольщики, находящиеся в кабальной зависимости от групповых землевладельцев.

Тяжелое положение индейцев, конечно, ни в какой мере не улучшается от того, что в Парагвае, как и в других странах Латинской Америки, имеются организации, которые якобы «взяли на себя труд направлять туземцев к будущему, достойному лучших традиций Парагвая». Если под лучшими традициями подразумеваются порабощение и уничтожение индейцев, то «Национальный патронат над туземцами», «Ассоциация делам туземцев» (Asociación Indigenista) и подобные им организации блестяще справляются со своими задачами. Прикрываясь красивыми фразами о том, что следует «искоренить и уничтожить известные предрассудки креолов, которые породили столько преступлений и бедствий», «друзья парагвайских индейцев» всячески расхваливают организуемые ими резервации — тюрьмы на открытом воздухе, именуемые туземными школами-колониями, и фактически поощряют организацию блев на индейцев, куплю-продажу их, обращение в рабство и другие проявления «заботы» о коренном населении страны.

Осуществить освобождение индейцев призваны широкие народные массы страны, которые под руководством коммунистической партии и конфедерации трудящихся в обстановке полицейского террора ведут борьбу против «своих» господствующих классов, а также против империализма США, стремящегося к безраздельному господству в Парагвае.

¹⁷ F. C. Mauntzhausen, Guayaki-Forschungen, стр. 316.

¹⁸ Доклад Всемирной федерации профсоюзов на 12-й сессии экономического социального советов ООН о принудительном труде. Приложение к журналу «Всемирное профсоюзное движение», № 10, май, 1951, стр. 8.

¹⁹ Правами гражданства в Парагвае, согласно конституции, пользуются все родившиеся на территории страны, а также натурализовавшиеся иностранцы.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. О. КОСВЕН

ИЗ ИСТОРИИ РАННЕЙ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ

(XII—XVI вв.)

Начало русской этнографии датируется одним из первых памятников русской науки и письменности — «Начальной летописью», или «Повестью временных лет» (около 1112 г.). «Повесть» представляет собою наряду со всем ее многообразным значением, замечательный этнографический памятник, и Нестор может быть по праву назван отцом русской этнографии.

Прежде всего, Начальная летопись обнаруживает исключительный широкий этнографический горизонт¹. Для народов древнего мира Востока, вместе с некоторыми этнографическими о них сведениями Нестор имел своим источником поздне-греческую традицию. Но для современной ему Западной Европы автор «Повести» пользовался, видимо, вполне самостоятельными источниками. Довольно широко известны ему неславянские народы Западной Европы, из числа которых он называет англян, варягов, волохов, готов, греков, немцев, норманов, угро (венгров), фрягов и др. Хорошо знает он народы балтийской группы голянь, зимиголу, корсь, летголу, либь (ливов), литву, пруссов, ятвягов. Весьма основательным образом знаком летописец со славянскими народами Запада и Юга: он говорит о болгарах дунайских, ляхах, мазовшанах, моравах, норцах, поморянах, сербах, хорватах, чехах.

Отлично знает Нестор восточных славян, племена которых представлены в летописи довольно полным образом. Мы находим здесь бужан, волынян, вятичей, древлян, дреговичей, дулебов, кривичей, лутичей (или лютичей), новгородцев, полочан, полян, радимичей, словен (ветвей кривичей), смолян, северян, тиверцев, улучей и др.

Но летописец прекрасно знаком со всем вообще современным ему населением Восточной Европы, в частности с ближайшими северными восточными и южными соседями Руси. Летопись знает ряд народов финно-угорской и самодийской групп: емь, весь, чудь, печору, пермяки, югру, самоядь («югра же людь есть язык нем и седят с самоядью и полуночными странах» — под 1096 г.), мерю, мурому, мордву, черемисов, ряд тюркских народов: болгар волжских, татар, печенегов, половцев, куманов, торков, берендеев, торкменов; ряд иных народов, обитавших в южных пределах Восточной Европы: козаров, аваров (обров), хвалисов.

¹ Обращаясь к Начальной летописи, мы следуем в основном Лаврентьевскому списку и лишь в отдельных случаях принимаем варианты из других списков. Ползумеся изданием: Полное собрание русских летописей, т. I, Лаврентьевская летопись вып. 1, Повесть временных лет, изд. 2, Л., 1929.

арматов, тавриан и др. Из народов Кавказа Начальная летопись знает только яссов — древних осетин и касогов — древних адыго-черкесов. Наконец, известны летописи арабы под их тогдашним названием сары и евреи (или жидове)².

Нестор не ограничивается перечислением либо упоминанием отдельных народов или племен, с их локализацией. Ему понятна и идея этнографического своеобразия. «Имяху,— пишет он о восточно-славянских племенах,— обычай свои и закон отец своих и преданья, ко ж до ввой и раб». Он устанавливает и отмечает этнографические различия отдельных племен. Правда, тут иногда сказывается субъективный подход. «Поляне,— к этому племени принадлежал сам Нестор,— своих ёць обычай имуть кроток и тих», — пишет он,— а «древляне живяху яериинским образом, живуще скотьски, убиваху друг друга, ядаху все чисто»; точно так же радимичи, вятичи и север (северяне) «один бычай имяху, живяху в лесех, якоже всякий зверь, ядуще все нечисто». Езко отрицательными чертами характеризует летописец и половцев. Половци,— пишет он,— закон держат отец своих, кровь проливати и вяляще о сем, ядуще мертьвчину и всю нечистоту, хомеки и сусолы».

Мы находим в Начальной летописи ряд данных из области общественных форм и отношений. Здесь прежде всего надо отметить первое в яуской литературе выражение понятия р о д а как общественной группы, вместе с указанием на раздельность родовых поселений. «Живяху,— пишет Нестор о полянах,— каждо с своим родом и на своих местех».

Ряд показаний летописца относится к браку. Говоря о древлянах, он пишет: «брата у них не бываше, но умыкиваху у воды девица». Радимичах, вятичах и северянах летописец сообщает: «браци не бываху них, но игрища межу селы; схожахуся на игрища, на плясанье и а вся бесовьская игрища и ту умыкаху жены собе, с нею же кто звещащеся»; у тех же племен отмечает летописец наличие многоженства: «имяху же по две и по три жены». Иной брачный порядок существовал, по летописцу, у полян: «брачный обычай имяху: не хожаше ять по невесту, но приводяху вечёр, а заутра приношаху по ней что вадуче». И в свою очередь низменные брачные обычай отмечает Нестор половцев; продолжая вышеприведенную их характеристику, он пишет: «и поимают мачехи своя и ятрови (невесток) и ины обычая отец своих творять».

Летопись описывает,— в данном случае впервые в мировой литературе,— один особый обычай, представляющий собой, повидимому, то, что ныне хорошо известно этнографии под названием «избегания». Сказав, что поляне «обычай имуть кроток и тих», Нестор продолжает: «и стыренье к снохам своим и к сестрам, к материам и к родителем своим, к свекровем и к деверем велико стыдение имеху». Противопоставляя и здесь полянам радимичей, вятичей и северян, летописец говорит: «срамословье в них пред отьци и пред снохами».

Замечательна следующая характеристика быта дружины Святослава: «воз по себе не возяше, ни котла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину, на углех испек, ядаху; ни шатра имяше, но подоклад послав и седло в головах».

Мы находим в «Повести» и следующее описание обряда погребения радимичей, вятичей, северян и кривичей. «Аще кто умряше, творяху ризну над ним и посем творяху кладу (костер) велику и возложахуть на кладу мертвца, сожъжаху, и посем собравше кости, вложаху в сунину малу и поставяху на столпе на путех».

² Список народов, называемых Начальной летописью, как и русскими летописями вообще, еще ожидает специального исследования. Единственная широко трактуемая этот предмет работа — Н. П. Барсов, Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи, изд. 2, испр. и доп., Варшава, 1885,— и неполна, и устарела.

Наконец, любопытнейшую этнографическую картинку рисует летописец, описывая сцену мытья в бане, преподносимую в нескромном юмористическом тоне, в качестве рассказа св. Андрея о посещении Новгорода: «дивно видех Словенскую землю, идущу ми семо; дех бани древяны, и истопят зноино и пережгут их велми и разоются нази и облеются квасом усиянным и возмутъ на ся прутье и дое и бъуть ся сами и того ся добъуть, егда слезуть ли живы, и обются водою студеною и тако оживуть; и тако творять по вся дни, мучимы никимже, но сами ся мучать; и тако творять не мытву собе, мученье».

Отличительную черту и вместе с тем замечательное качество этнографии Начальной летописи составляет реализм. Некоторое отступление от реалистического начала можно видеть в следующем сообщении летописца. Под 1096 г. помещен рассказ летописцу новгородскому Гюраты Роговича. Он говорит, что, по словам югры, «суть горы здучи луку моря, им же высота ако до небесе, и в горах тех клевелик и говор, и секут гору, хотяще высечися (или: просечися); горе той просечено оконце мало, и туде молвять, и есть не разу, языку их, но кажуть на железо и помавают рукою, просяще желе и аще кто дастъ им ножъ ли, ли секириу, дают скорою противу. Еже путь до гор тех непроходим пропастьми, снегом и лесом...» Речь здесь, следовательно, идет о том, что за морским заливом находятся высокие до небес горы; в этих горах слышатся крики и некие люди рубят гору, желая прорубиться; в этой горе прорублено небольшое окошко, в которое те люди говорят на непонятном языке: они показывают на железо и делают знаки рукой, прося железа; и если им дадут нож или секириу, то они дают в обмен пушнину. Путь же до этих гор непроходим вследствие пропастьей, снегов и лесов. Выслушав этот рассказ, летописец заметил Гюрате, что это — люди, «заклеплени» Александром Македонским: Александр, быв в восточных странах, встретился с «нечистыми» народами и, чтобы воспрепятствовать им осквернить землю, загнал их в высокие горы и запер там медными воротами.

Основной мотив рассказа новгородца — немой торг, который ведет между двумя сторонами, обменивающимися железными изделиями и пушнину, явление, бывшее, очевидно, широко распространенным в истории Сибири, причем описание этого торга снабжено здесь некоторыми фантастическими чертами. Реплика летописца представляет собой заимствование из знаменитой апокрифической повести об Александре Македонском, составленной во II в. в Александре и получившей исключительно широкое распространение в особенности на Востоке, позже и в Европе. Здесь, в одной из арабских версий этой повести, сообщается, что Александр построил стену и запер варварские племена яджуджей и мауджуджей (вариант библейских Гога и Магога). Таким образом, содержащиеся в приведенном летописном рассказе элементы фантастики составляют преимущественно заимствование из иноземных источников.

Легендарный характер приписывают некоторые исследователи одному летописному рассказу — об обрах, воевавших со славянами особенно угнетавших дулей, жен которых они запрягали в свиньи повозки. Рассказ этот летописец заключает словами: «Быша бо обрах велици, а умомъ горди, и бог потреби я и помъроща въси, и остался ни един обрин; и есть притча в Руси до сего дне: погибоща обри, ихже несть ни племене, ни наследка». Указание здесь на высокий рост и на полное исчезновение обров толкуется как отражение легенды о вымершем народе великанов — гигантов. Если даже это так, то и здесь мы имеем не что иное, как реминисценцию общезвестной, получившей универсальное распространение, древней легенды.

Все это дает основание еще раз подчеркнуть сугубый этнографический реализм Начальной летописи.

Закончим нашу характеристику «Повести временных лет» как этнографического памятника тем, что отметим отраженную в ней, как и вообще в древне-русских памятниках письменности, черту терминологии: понятие «народы» обозначается словом «языцы», означающим не столько «языки», сколько именно — «народы». Такое словоупотребление, очевидно, отражает то этнографическое представление, по которому язык считается главным признаком народа.

Дополнительно к Начальной летописи об этнографическом горизонте Руси XII в. свидетельствует великая героическая поэма — «Слово о полку Игореве»³. Мы находим здесь упоминания ряда народов. Таковы, не говоря о половцах, «немцы и венедици», «греки и морава», готы («готьская красная девы»), венгерцы, шельбиры, топчаки, ревуги, вльберы (спорные этнические названия) и литовско-латышские племена: хинова, литва, ятвязи, деремела.

Еще более расширяет список народов, известных Руси, памятник XIII в. (датируемый 1238 г.) «Слово о погибели Русская земли»⁴. Здесь названы: угры, ляхи, чахи (чехи), ятвязи, литва, немцы, корелы, ятойчицы, болгары, буртасы, черемисы, мордва, половцы, «вяды» (водь).

В 1223 г. на юго-восточных границах Руси появились совершенно неведомые до того русским людям монголо-татары. Затем они исчезли и появились вновь в 1237 г. уже с востока. В течение короткого времени была опустошена значительная часть северо-востока и юга Руси. Монгольское нашествие вызвало в России ряд литературных произведений. Одним из них является сейчас упоминавшееся «Слово о погибели». Сохранившиеся другие такие сказания имеют преимущественно характер воинских повестей, но должны были несомненно существовать и произведения, говорившие о самих татарах, содержащие их характеристику, рассказывающие об их быте и нравах. Таких сказаний, однако, до нас не дошло.

Любопытным образом небольшая этнографическая характеристика татар, принадлежащая русскому человеку той эпохи, сохранилась у одного иностранного автора. Сколько бы условным ни считать такой источник, нельзя не использовать его для характеристики представлений русских людей того времени о татарах.

Автор, о котором мы говорим, — английский историк, бенедиктинский монах монастыря в Сент-Альбансе, Матвей Парижский (ок. 1200—1259). В своем сочинении, вернее, летописи, озаглавленной «Historia major»⁵, он поместил под 1244 г. следующее неизвестно каким путем дошедшее до него сообщение.

Русский архиепископ по имени Петр, «муж честный, умный и достойный доверия», изгнанный татарами и потерявший свое архиепископство, бежал в Западную Европу и здесь в беседах, на расспросы об этих татарах рассказал следующее. Петр начал с вопроса о происхождении татар, сообщив генеалогическую легенду, согласно которой они произошли от 12 царей, старший из которых назывался «Тартар-хан», откуда и они именуются «тартарами» и пр. Перейдя затем к характеристике этих «тартар», Петр об их образе жизни и нравах сказал: «едят мясо лошадей, собак и прочее отвратительное, в крайности даже человеческое, не только сырое, но и вареное. Пьют кровь, воду, молоко. Сурово наказывают преступления, блудодеяние, кражу, обман и убийство — высшей мерой наказания. Многоженства не гнушаются, кто хочет, имеет одну или несколько жен. В свою семейную среду, или к обсуждению своих дел, или к своим секретным советам чужестранцев не

³ См. А. С. Орлов, Слово о полку Игореве, 2-е доп. изд., М.—Л., 1946.

⁴ Слово о погибели Русская земли. Вновь найденный памятник литературы XIII века, Сообщение Х. Лопарева, «Памятники древней письменности», 84, 1892.

⁵ Matthei Pagi, monachi Albanensis Angli, Historia major; впервые издана в 1640 г.; пользуемся изданием: Londini, 1686, см. стр. 570.

допускают. Иноzemца, осмелившегося войти в их лагерь, немедленно убивают. Об их религии и суевериях он сказал: поклоняясь создателю в любом месте поутру подымают руки к небу. При еде первый кусок бросают на воздух. Когда пьют, то сначала выливают на землю в честь создателя. Говорят, что их вождем является Иоанн Креститель. В ноги луне веселятся и празднуют. Они сильнее и подвижнее нас и лучше умеют переносить тяготы: точно так же и лошади их и скот. Женщины их очень воинственны и в особенности отлично стреляют из лука. Они имеют прекрасное оружие, едва проницаемое — оборонительное, железное и отравленное — наступательное. Имеют многочисленные машины метко и сильно бросающие. Спят под открытым небом, невзирая на соровость климата». В заключение Петр сказал, что татары имеют намерение подчинить себе весь свет, что их боги сказали им, что они должны в течение 30 лет истребить весь мир, и т. д.

Ценнейшим этнографическим памятником, относящимся к XIV в., является помещенное под 1398 г. сообщение Софийской летописи, касающейся Пермской земли. Говоря о деятельности Стефана Пермского летопись сообщает: «живяще посреде неверных человек, ни бога знакящих, ни закона ведящих, молящиеся идолом, огню и воде и каменю, Золотой бабе и кудесником и волхвом, и древью. А се живущим окон Перми имена местом и странам и землям иноязычным: двиняне, устяжане, велыжане, вычегжане, пенежане, южане, сирнане (в других летописях серьяне, т. е. зыряне), галичане, вятчане, лопь, корела, югра, чера, вогуличи, самоедь, пертасы, пермь великая, гамаль чюсовая». Приведенный текст дает нам, наряду с специфической для автора духовного звания общей характеристикой «неверных», свидетельство и образец существовавших в XIV в. замечательно детальных этнографических данных о населении Пермской земли.

Если Начальная летопись еще не называет ни одного из народов Сибири, то позднейшие памятники, как видим, уже свидетельствуют о значительном распространении этнографических сведений на страны, лежащие в восточном направлении.

Весьма своеобразное собрание соответствующих сведений представлено в оригинальнейшем русском этнографическом памятнике — новгородском сказании «О человеках незнаемых в восточней стране и о языческих розных». Памятник этот в его дошедшей до нас редакции датируется XV веком, сложился же он, вероятно, гораздо раньше, представляя собой отражение тех сведений, которые собирались в Новгороде благодаря походам новгородцев на Север и на Восток⁷.

Кратко охарактеризовать этот весьма своеобразный памятник не сложно, поэтому приводим его почти целиком⁸.

«На восточной стране, за Югорьскою землею, над морем, живу-

⁶ Полное собрание русских летописей, т. V, Псковские и Софийские летописи СПб., 1851.

⁷ Напечатано впервые Н. А. Фирсовым в его труде: Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве, Казань, 1866, стр. 30—31, прим. 47; перепечатано: А. В. Оксенов, Слухи и вести о Сибири до Ермака, «Сибирский сборник», Приложение к «Восточному обозрению», 1886 г., кн. IV, СПб. 1887, стр. 113—114. Сказание «О человеках незнаемых» было подвергнуто пристальному и основательному исследованию, вместе с новой публикацией самого памятника, Д. Н. Аничином, К истории ознакомления с Сибирью до Ермака, Древнее русское сказание «О человеках незнаемых в Восточной стране», «Древности, Труды Московского Археологического общества», т. XIV, 1890; отдельно: М., 1890; немецкий перевод с некоторыми исправлениями и дополнениями и предисловием автора Zur Geschichte der Bekanntheit mit Sibirien vor Jermak, Alte russische Erzählungen «Über die unbekannte Völker der Ostgegend», Nach dem Russischen des Prof. Dr. A. nuttchin, von Dr. H. Michow im Hamburg (Mit 14 Abb. und 2 Karten), «Mitteilungen der Anthropol. Gesellschaft in Wien», 1910, 1/2. Наконец, еще раз новгородское сказание было напечатано (по другому списку) А. А. Титовым, Сибирь в XVII веке, М., 1890.

⁸ Цитируем по тексту Титова.

пода Самоедь, зовомы Малгонзеи. Ядь их мясо оленье да рыба да межи собою друг друга ядять. А гость к ним откуду приидеть, и они дети свои закалают на гостей да кормять; а который у них гость умреть, и они того снедают, а в землю не хоронять, а своих також. Сии ж люди не великий возрастом, плосковиды, носы малы, но резвы велмы и стрелцы скоры и горазди. А ездят на оленех и на собаках; а платье носять соболие и оленье, а товар их соболи.

В той же стране, за теми людми, над морем, живут иная Самоедь такова: Линная словет; лете месяц живут в море, а на сухе не живут того деля: того месяца понеже тело на них трескается, и они тот месяц в воде лежат, а на берег не могут вылезти.

В той же стране, за теми людми, над морем, есть иная Самоедь: по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа вверх — как и прочии человечи. А ядь их рыба и мясо; а торг их соболи, да песцы, да пыжи, да оленьи кожи.

В той же стране, за теми людми, над тем же морем, иная Самоедь такова: вверху рты, рот на темени, а не говорят; а видение в пошлину человечи; а коли едят, и они крошат мясо или рыбу да кладут под колпаки или под шапку, и как почнут ясти, и они плечима движут вверх и вниз.

В той же стране, за теми людми, есть иная Самоядь такова, как и прочии человечи; по зиме умирают на два месяца, умирают же тако: как где застанет которого в те месяцы, то туто и сядет, а у него из носа вода изойдет, как от потока, да вымерзнет к земли; и кто человечек иные земли неведанием то только отразит, у него спхнет с места, то той оживет и познает и речет ему: «О чём мя еси, брате, поуродовал?» А оживают, как солнце на лето поворотится. Такоже на всяк год оживают и умирают...

В той же стране есть такова Самоедь: в пошлину аки человечи, но без головы; рты у них меж плечима, а очи в грудех. А ядь их головы сырье оленьи; и коли им ясти, и они головы оленьи взметывают себе в рот на плечи и на другой день измешут из себя туда же. А не говорят. А стрелба ж у них такова: трубка железна, да стрелку ту вкладывает в трубку да бьет молотком в трубку ту. А товару у них никото-рого нет...

А верх тоя ж реки Оби великиа, в той же стране, есть иная Самоядь: ходят по подземелью иною рекою день да нощь с огни и выходят на езеро...

В восточной же стране есть иная Самоядь, зовома Каменская.. А живут по горам по высоким, а ездят на оленях и на собаках, а пла-тие носят соболие и оленье; и ядь их мясо оленье да собачину и бобровину сырьу ядят, а кровь пьют человечю и всякую. Да есть у них таковы люди лекари: у которово человека внутри нездорово, и они брюхо режут да нутрь вымают...»

При всем своем своеобразии и бросающихся в глаза обильных элементах фантастики, приведенное сказание представляет собой совершенно оригинальное произведение, содержащее ранние сведения о народах Сибири. Под общим наименованием «самоядь», являющимся здесь собирательным или нарицательным термином, обозначающим все вообще народы Севера, за исключением югры, сказание пытается дать раздельную характеристику ряда народностей района р. Оби. Как правильно пишет Анучин, сказание это «носит вполне характер простого, беспритязательного рассказа человека, которому пришло на мысль записать все известное ему и слышанное относительно народов, живущих далеко на севере и востоке, за Югорскую землю,— относительно их вида, быта и имеющегося у них товара»⁹.

⁹ Д. Н. Анучин, Указ. соч., стр. 244.

Совершенно очевидно, что ряд показаний, здесь содержащихся вполне реален, отражая те действительные конкретные сведения, которые собирались в Новгороде. Иногда эти сведения приобретали фантическую окраску. Наряду с тем, некоторые сообщения представляли собой явную и чистую фантастику. Мы имеем здесь вновь отражение традиционной фантастической этнографии, еще более к тому времени распространившейся на Руси под влиянием переводной литературы. Таковы, между прочим, ходившие в Руси фольклорные рассказы о «дивых людях» или «дивовищах», приурочившиеся преимущественно к далекой Сибири. В некоторой мере это новгородское сказание да и элементы самостоятельного фантазирования и легковерия. Таким образом, надо считать ошибочной позицию Анучина, который в своем общем весьма ценном исследовании данного памятника совершил отрицание зависимости новгородского сказания от традиционной этнографической фантастики и настолько, иногда не без некоторых оснований, но иногда с большими настяжками, пытается найти для всех соображений сказания какие-то реальные основания.

Нет никакого сомнения, и тому имеются прямые свидетельства, что уже очень рано и в Москве стали собираться сведения о народах Севера и Сибири, что сведения эти облекались в письменную форму и распространялись. Соответствующие материалы собирались и хранились в частности, в московских Приказах. Все эти памятники ранней московской этнографии не сохранились и до нас не дошли, но в свое время они использовались приезжавшими в Москву иностранцами при составлении ими описаний своих путешествий.

Один такой документ сохранился в передаче Герберштейна. Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн побывал в России дважды, в 1516—1518 и 1526—1527 гг., и составил сделавшееся широким известным описание Московского государства¹⁰.

Книга Герберштейна содержит особый экскурс под заголовком: «Указатель пути к Печоре, Югре и к реке Оби» (стр. 127—132 русского перевода). Экскурс этот начинается словами: «Владения московского государя простираются далеко на восток и несколько к северу до тех мест, перечисление которых следует ниже. Об этом мне была доставлена некая рукопись на русском языке, содержащая обозрение этого пути, которую я перевел и сюда с полным основанием присоединил»¹¹. Заканчивается это извлечение так: «Все то, что я сообщил доселе, дословно переведено мною из доставленного мне русского Дорожника».

Итак, перед нами перевод не сохранившегося в оригинале русского географического памятника — так называемого «Дорожника» (в латинском тексте — «Itinerarium»), который, поскольку он был в руках Герберштейна в первой четверти XVI в., может быть с полным основанием датирован XV в., его концом хотя бы. Заметим еще, что хотя Герберштейн слышал хорошо владевшим русским языком, за точность его перевода ручаться нельзя.

¹⁰ S. H e r b e r s t e i n, Rerum moscoviticarum commentarii; впервые издано в 1549 г.; русский перевод: С. Герберштейн, Записки о московских делах, Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1908. О Герберштейне см. Е. Замысловский, Герберштейн и его историко-географические известия о России, СПб. 1884; тоже: М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, Введение, тексты и комментарий, XIII—XVII вв., 2-е изд., Иркутск, 1941, стр. 99—104.

¹¹ Мы исправляем здесь весьма неудачный в данном случае перевод А. И. Малеина: «Об этом доставлено было мне некое описание на русском языке, содержащее расчет этого пути. Я и перевел его и прибавил здесь с верным расчетом». Оригинал гласит: «Super qua re scriptum quoddam, quo eius itineris ratio continebatur, lingua ruthenica mihi oblatum fuit, quod et transtulit et hic certa ratione subiunxi» (пользуемся изданием Герберштейна: Antverpiae, 1557; см. стр. 86).

Этнографическое содержание этого русского Дорожника XV в. состоит в следующих сообщениях.

«За реками Печерой и Щугром у горы Каменный пояс, точно также моря, на соседних островах и около крепости Пустозерска живут изообразные и безчисленные народы, которые называются одним общим именем самояди (т. е., так сказать, сами себя ядущие). У них имеется великое множество птиц и разных животных... Эти племена приходят в Московию, ибо они дики и избегают сообщества и сожительства с другими людьми». Ниже отмечается, что по р. Сосве живут югуличи, а по р. Оби — югуличи и югричи.

Далее идет следующий рассказ. Река Обь берет начало из «Китайского озера». «От этого озера приходят в весьма большом количестве ерные люди, не владеющие общепонятной речью, и приносят с собою изообразные товары, прежде всего жемчуга и драгоценные камни, которые покупают народы грустинцы и серпоновцы. Эти последние получили имя от крепости Серпонова, лежащей в Лукоморье на горах рекою Обью. С людьми же Лукоморья, как говорят, случается нечто удивительное, невероятное и весьма похожее на басню; именно, говорят, будто каждый год, и притом в определенный день XXVII ноября, который у русских посвящен св. Георгию, они умирают, а на следующую весну, чаще всего к XXIII апреля, на подобие лягушек, оживают снова. Народы грустинцы и серпоновцы ведут с ними необыкновенную и неизвестную в других странах торговлю. Именно, когда наступает установленное время для их умирания или засыпания, они складывают товары на определенном месте; грустинцы и серпоновцы уносят их, оставив меж тем и свои товары по справедливому обмену; если те, возвращаясь опять к жизни, увидят, что их товары увезены по слишком неправедливой оценке, то требуют их снова. От этого между ними возникают весьма частые споры и войны».

Упоминание, далее, о «Золотой старухе» сопровождается следующим объяснением. «Золотая баба, т. е. Золотая старуха, есть идол, находящийся при устье Оби, в области Обдоре, на более дальнем берегу... Рассказывают, или, выражаясь вернее, баснословят, что этот идол «Золотая старуха» есть статуя в виде некоей старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден еще ребенок, про которого говорят, что он ее внук. Кроме того, будто бы она там поставила некие инструменты, которые издают постоянный звук на подобие труб. Если это так, то я думаю, что это происходит от сильного и непрерывного дуновения ветров в эти инструменты». Отметим еще упоминание на р. Оби народа «каламы» и сообщение, что за р. Тахнин, «как говорят, живут люди чудовищной формы; у одних из них, на подобие зверей, все тело обросло шерстью, другие имеют собачьи головы, третьи совершенно лишены шеи и вместо головы имеют грудь».

Нельзя не признать, что приведенные этнографические сообщения русского Дорожника, представляя собой иногда соединение реальных фактических сведений с фантастическими, порой воспроизводят и ходящие вымыслы¹². На чем-то реальном основана несомненно легенда о «Золотой бабе», упоминание о которой мы уже видели в Софийской летописи под 1398 г. (это упоминание надо, повидимому, считать самым ранним известием о данном, ставшем весьма популярным, сюжете). Кое-что из сообщений Дорожника является аналогом мотивов новгородского сказания, однако в общем этот Дорожник представляет собой вполне оригинальное произведение¹³. Мы имеем, таким образом, еще один образец

¹² Подробный обзор существующих толкований этого документа дает М. П. Алексеев, Указ. соч., стр. 107—124.

¹³ М. П. Алексеев (Указ. соч., стр. 124) высказывает предположение, что автор Дорожника воспользовался новгородским сказанием. Мы не видим основания к такому предположению.

русской этнографии XV в., испытавшей сильное влияние этнографии ской фантастики. Но надо отметить, что фантастические сообщения даются здесь не без явного скептицизма («как говорят», «похоже басню», «рассказывают, или, выражаясь вернее, баснословят»), каково поскольку Герберштейн говорит о «дословном переводе», мы имеем основание приписать самому автору Дорожника. Таким образом, и еще раз можем видеть в данном образце русской фантастической этнографии зарубежное влияние, которое, хотя и распространялось в России однако воспринималось скептически.

Герберштейн сохранил еще одно весьма ценное для нас сообщение. Он пишет, что в бытность свою в Москве он познакомился с царским толмачем Григорием Истомой, которого он называет человеком дельным, научившимся латинскому языку при дворе датского короля Иоанна. В 1496 г. Истома входил в состав русского посольства в Данию, и Герберштейн передает рассказ Истомы о его путешествии¹⁴. Выйдя из устья р. Двины, путешественники обогнули по морю Сканди навский полуостров, а затем через Швецию и Норвегию добрались в Данию. Истома рассказал, что они проезжали через страну народа «Финляндии», которые «хотя живут разбросано вдоль моря в низких хижинах и ведут почти зверинную жизнь, однако гораздо более кротки, чем дикие лопарии». Упомянув далее о «каянцах» и «диких лопарях», Истома сообщил ряд сведений о лопарях: об использовании ими оленей для транспорта, их пище, одежде, жилище, способах охоты, семьяных обычаях. Мы имеем здесь, таким образом, одно из самых ранних в литературе известий о лопарях, сообщенное русским человеком — Григорием Истомой.

Этнографические сведения, складывавшиеся в древней Руси, ограничивались данными о народах, которые были соседями Руси или с которыми она так или иначе непосредственно сталкивалась. Сведения эти добывались и путем тех путешествий, которые русские люди уже очень рано стали совершать в далекие страны.

Самое раннее известное и оставившее литературный след путешествие такого рода — паломничество в Иерусалим современника Нестора игумена Даниила, совершенное в 1106—1107 гг. Описание этого паломничества — «Житие и хожение Даниила, Руськыя земли игумена»¹⁵ — содержит краткие показания о «срачинах». Несколько большее этнографических сообщений содержится в описании более позднего паломничества, совершенного в 1465—1466 гг. неким купцом Василем побывавшим в Малой Азии, Египте и Иерусалиме. Это описание — «Хожение гостя Василия»¹⁶ — называет следующие народы: арапы, арmen (тоже: ормен), туркмен, турок, срачинов. «Хожение» Василия дает описание ряда городов, причем автор особое внимание обращает на устройство водоснабжения. Весьма примечательны следующие на блюдения Василия. Об одном малоазийском городе он сообщает: «А и улицы в улицу хода несть, каяждо улица имать вход свой». Точно так же о Каире сообщается: «в нем 14 тысячи улиц... а улица с улицей не знается, опроче великих людей».

Наиболее замечательным, поистине выдающимся, из ранних русских путешествий в далекие восточные страны является путешествие в Индию Никитина.

¹⁴ С. Герберштейн, Указ. соч., стр. 184—190.

¹⁵ Впервые издано И. П. Сахаровым в 1837 г.; существует ряд изданий; наилучшее: Житие и хожение Даниила, Руськыя земли игумена, 1106—1107 гг., под ред. М. А. Веневитинова, 2 чч., «Православный Палестинский сборник», вып. 3 и 4 (т. I, вып. 3 и т. III, вып. 3), 1883—1885.

¹⁶ Хожение гостя Василия, под ред. арх. Леонида, «Православный Палестинский сборник», вып. 6 (т. II, вып. 3), 1884.

В 1466 г. образованный тверской купец, Афанасий Никитин, проехав через Дагестан, где он побывал в Дербенте, и Азербайджан, где побывал в Баку, а затем через Персию и Аравийское море, добрался до Индии, пробыв здесь свыше трех лет (1469—1472), причем совершил ряд поездок по стране. Возвращаясь на родину, Никитин в 1472 г., не доехав до Смоленска, умер. Спутники его сохранили найденную при нем рукопись, содержащую описание его путешествия, которая затем была доставлена в Москву. Свое описание Никитин назвал «Хожение за три моря», т. е. Каспийское, Аравийское и — на обратном пути — Черное. Не говоря об иных сторонах этого замечательного произведения, «Хожение» Никитина представляет собой выдающееся не только в русской, но и в мировой литературе этнографическое сочинение¹⁷.

Описание путешествия Никитина имеет богатое и разнообразное этнографическое содержание. Что касается Кавказа, то здесь можно отметить лишь упоминание кайтаков. В основном «Хожение» Никитина представляет собой описание Индии. Мы находим здесь замечания на различные темы. Крайне поражен был, конечно, русский путешественник внешним видом индусов, в особенности женщин. «А люди ходят, — пишет он, — наги все, а голова не покрыта, а труди голы, а волосы в одну косу плетены, а все ходят брюхаты, дети родять на всякий год, а детей у них много, а мужы и жёны все черны; яз хожу куды, ино за мною людей много, дивятся белому человеку... А жонки ходят голова не покрыта, а груди голы; а паропки да девочки ходят наги до 7 лет, а сором не покрыт». Никитин описывает подробно одежду разных слоев населения, способы передвижения: на носилках, на слонах, сельскохозяйственные работы, торговлю и разные товары, религиозные обычай, похороны, несколько раз и подробно описывает церемониальные выезды султанов. Обстоятельно рассказывает Никитин о пище индусов и порядках ее принятия: «Индеяне же не ядят никоторого мяса, ни яловичины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, а свиней же у них велми много; а ядят же днем дважды, а ночи не ядять, а вина не пиють, ни съты... А ества же их плоха, а один с одним не пить, не яст, ни с женою;... [едят] все рукою правою, а левою не приемется ни за что; а ножа не держать, а ложици не знают,... а ядять иные, покрываются платом, чтобы никто не видел его...»

Любопытнейшую деталь сообщает Никитин из области семейных порядков: «а имя сыну дает отец, а дочери мати». Это — в настоящее время хорошо известная этнографии одна из форм так называемой билатеральной филиации — наименования детей и по материнской, и по отцовской линии, но по времени свидетельства об этой форме Никитин является первым, ее отметившим, и мы имеем здесь еще один факт приоритета русской этнографии¹⁸.

Разительную черту всего вообще «Хожения» Никитина, в частности его этнографических сообщений, составляет реализм. Никитин совершенно чужд той фантастики, которая неизменно была в особенностях связана с Индией, еще в античности слывшей «страной чудес». Лишь один единственный раз Никитин поддался легковерию, усвоив услышанную в Индии легенду об обезьянах, имеющих своего царя и пр.

В заключение нашего обзора, относящегося к периоду XII—XV вв.,

¹⁷ «Хожение» Никитина было открыто в рукописи Н. М. Карамзиным; издавалось несколько раз по разным спискам; новейшее превосходное издание: Хожение за три моря Афанасия Никитина, 1466—1472, под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1948.

¹⁸ К сожалению, данное сообщение Никитина нами было упущено из вида в нашей работе «Матриархат, История проблемы», М.—Л., 1948.

укажем, что ценнейшим этнографическим памятником конца данного периода является знаменитый русский «Домострой». Его ранние — новгородские редакции относятся к XV в., особо известна московская редакция, принадлежащая воспитателю Ивана IV, священнику Сильвестру, который и дал этому произведению название «Домостроя»¹⁹.

«Домострой» раскрывает перед нами широкую, насыщенную разнообразным содержанием, картину семейного и хозяйственного быта богатого торгового сословия, с его патриархальщиной, неограниченной властью главы семьи и пр. Мы находим здесь подробное описание убранства жилища, вместе с правилами его содержания в порядке и чистоте, обычая гостеприимства, порядок воспитания детей и выдачи замуж дочерей, характеристику отношений между родителями и детьми, отношений супругов, власти мужа, правила поведения замужней женщины, детальные сведения о пище и напитках, о домоводстве вообще, о хозяйственных запасах, об одежде, подробные наставления о содержании слуг и т. д. Чрезвычайно интересный документ представляет собой включенный в некоторые списки «Домостроя» «Указ свадебному чину» — краткое изложение порядка действия богатой русской свадьбы — первое в русской литературе описание свадьбы.

История этнографических знаний на Руси в период до XV в. включительно, которую мы просмотрели, освещается, как видим, все же весьма скучно. Столь же слабо освещен в интересующем нас отношении и XVI век. При таких обстоятельствах нельзя не использовать еще раз посредничество иностранного автора — итальянского ученого Павла Иовия, передающего свои беседы с русским человеком — Дмитрием Герасимовым.

Дмитрий Герасимов (род. около 1466 г.), один из образованнейших русских людей своего времени, в молодости жил в Ливонии, где изучил латинский и немецкий языки. Сделавшись впоследствии видным русским дипломатом, он принимал участие в ряде посольств: в Швецию, Данию, Пруссии и Рим. Герасимов известен и как писатель-переводчик, сотрудничавший с Максимом Греком, автором переводов с латинского и немецкого языков²⁰. В 1525 г. Герасимов был в Риме (уже вторично) в качестве посла к папе и здесь познакомился с видным итальянским литератором Павлом Иовием Новокамским. В беседах с Герасимовым Иовий собрал разнообразные и довольно подробные сведения о России, которые послужили ему материалом для написания специальной книги о России, изданной им в том же 1525 г. под заглавием «Книга о Московском посольстве»²¹. По всей видимости рассказы Герасимова явились единственным источником Иовия, причем переданы они были довольно аутентично. Говоря, что он имеет в виду рассказать «об обычаях народа, его богатствах, религии и воинских уставах», Иовий пишет: «Мы сохранили почти ту же простоту изложения, с какой сообщал нам про это на досуге сам Дмитрий». В некоторой мере Иовий присоединил сюда кое-что извлеченное им из античной литературы.

Обращаясь к этнографическому содержанию рассказа Герасимова, находим, что основное внимание удалено здесь татарам. Герасимов

¹⁹ Издан впервые Д. П. Голохвастовым в 1849 г. Мы пользовались изданиями А. Орлов, «Домострой по Коншинскому списку и подобным», «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1908, 2; «Домострой Сильвестрова извода, Текст объяснительные статьи и словарь» (Русская классная библиотека, под ред. А. Н. Чудинова, вып. 2), 3-е испр. изд., СПб., 1911.

²⁰ См. о нем «Русский биографический словарь» (1914).

²¹ Русский перевод: Павел Иовий Новокамский, «Книга о Московском посольстве», Перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1908; о книге Иовия см. Е. Замысловский, Указ. соч., стр. 378—390.

ает характеристики ряда ветвей тюркской группы народов. «С восто-
ком,— говорится здесь,— соседями Московии являются скифы²², ныне
именуемые татарами, народ кочевой и во все времена славный своей
юношественностью. В качестве домов татарам служат повозки, крытые
шкурами и кожами... В замен городов и замков у них есть неизмери-
мой величины лагери, окруженные не рвами или деревянными укреп-
лениями, а беспредельным количеством конных стрелков... Татары
разделяются на орды... Число орд почти бесконечно, так как татары
имеют весьма широкие и пустынные местности вплоть до Китая...»
Далее говорится о живущих в Херсонесе Таврическом «прекопитах»,
татарах, населяющих обширные равнины в Азии между Танаидом и
рекой Волгой, о крымских татарах, о живущих за Волгой казанских
татарах, и выше их, к северу, живущих «шибанских», «могущественных
мужеством стад и людей». За этими последними «живут ногайские
татары, которые имеют ныне наивысшее значение по своему богатству
и воинской славе...» За «ногаями, если свернуть немного к югу, в на-
правлении к Гирканскому морю, живут самые знаменитые из татар —
татайские. Они населяют города, выстроенные из камня, и имеют
крепостной город Самарканд, выдающийся по своей величине и славе...»

Далее следует пространная характеристика лапландцев, о которых
Москве, повидимому, существовали довольно основательные сведения.
Некоторые свидетели выдающейся достоверности сообщили,—говорит-
ся ниже,— что за лапландцами, в стране, обвеваемой дуновением Кора
и Аквилона и окутанной глубоким мраком, живут пигмеи. Когда они
достигают полного развития, то своими размерами едва превосходят
ищего десятилетнего мальчика. Эти люди от природы боязливые; свою
часть они выражают щебетанием; они повидимому настолько же близки
обезьяне, насколько по своему росту и чувствованиям далеки от чело-
века надлежащего развития. Переходя к народам северо-востока, рас-
каз называет «жителей Пермии, Печоры, Югрии, Богулии и пинежан». Наконец, «выше только что названных мною народов,— пишет Иовий,—
которые платят дань московитским царям, есть другие отдаленные пле-
мена людей, неизвестные московитам из какого-либо определенного
путешествия, так как никто не доходит до океана; об них знают толь-
ко по слухам, да еще из баснословных по большей части рассказов
купцов».

Таков, принимаемый нами, надо заметить, лишь условно, этнографический кругозор образованного русского общества XVI в. Заметим, что распространенный еще в античности домысел о пребывании на крайнем Севере пигмеев, возможно, Иовий прибавил от себя, но возможно, что домысел этот, опять-таки заимствованный из античных источников, имел хождение и в Московской Руси.

XVI век дает и новые, правда, попрежнему весьма небольшие сведения по Ближнему Востоку. Они содержатся в «Хождении» уроженца Смоленска, московского купца Василия Познякова, побывавшего с посольством 1558—1561 гг. в Египте, Палестине и Турции²³. При

²² В античной и ранне-средневековой литературе все население, обитающее к востоку от России, именовалось «скифами».

²³ Издано дважды: 1) Хождение купца Вас. Познякова в Иерусалим и по святым местам в 1558 г., с предисловием И. Е. Забелина, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1884, 1; отдельно: М., 1884; 2) Хождение купца Василия Познякова по святым местам Востока, под ред. Х. М. Лопарева, «Православный Палестинский сборник», вып. 18 (т. VI, вып. 3), 1887. Переделка этого «Хождения» была издана еще в 1602 г. с неправильной атрибуцией ездившему в 1582 г. в Царьград и в 1593 г. в Иерусалим Трифону Коробейникову; новое изд.: Т. Коробейников, «Путешествие в Иерусалим, Египет и к Синайской горе в 1583 г.», М., 1854; лишь в 1884 г. Забелин установил подлинного автора.—На этнографическое значение «Хождений» недавно обратил внимание А. И. Першиц, «Этнографические сведения об арабах в русских «хождениях» XII—XVII вв.», «Советская этнография», 1951, 4.

отправлении посольства, имевшего специальные цели, ему поручало и «обычей во странах тех писати». Из этнографических сюжетов Познков отмечает езду на верблюдах, способы водоснабжения и сохранения дождевой воды, обувь арабов Синая из рыбьей кожи и пр. У Познкова — первое в русской литературе упоминание об арабах-бедуинах которых он называет «разбойницы пустынни».

* * *

Вышеизложенный обзор составляет первую часть предпринятой нами работы по истории ранней русской этнографии и содержит преимущественно только материал по самому начальному периоду этой истории. Относясь все же к ряду веков, материал этот крайне разнообразен по своему характеру и содержанию. Обобщить его, охарактеризовать его в целом и сделать из него все надлежащие историографические выводы — весьма трудно. Мы ограничиваемся лишь некоторыми итоговыми замечаниями.

Прежде всего, — и это необходимо особо подчеркнуть, — приведенный нами материал лишь в самой незначительной мере отражает состояния этнографических познаний, существовавших в Руси на протяжении взятого нами периода. Совершенно очевидно, что многое и многое постигла судьба русского Дорожника XV в. Некоторые памятники мы восстанавливаем только благодаря случайности. Уместно здесь отметить, что тогда как в условиях феодальной России вообще мало каких документы публиковались, а многие хранились в секрете, некоторые русские этнографические материалы различными путями заимствовались иностранцами и публиковались за рубежом, нередко без всяких указаний на русский источник. Так, уже в XVI в. в Англии было переведено и в выдержках опубликовано новгородское сказание, так Герберштейном был переведен и опубликован русский Дорожник.

Как нами указывалось по отдельным поводам, русская этнография описанного периода характеризуется по общему правилу замечательным реализмом. Элементы этнографической фантастики, имеющиеся в Начальной летописи, новгородском сказании и Дорожнике, являются преимущественно заимствованием из иноzemных источников. Конечно, известное место занимает здесь соответственно эпохе и отечественное фантазирование и легковерие. И все же, в XII в., который в западноевропейской литературе того времени характеризуется расцветом этнографической фантастики, русская летопись сохраняет в общем подлинную жизненность и строгий реализм своих этнографических сообщений.

Крупнейшее значение для истории всей русской этнографии имело выраженное Нестором положение о том, что всякий народ, всякое племя имеет «обычаи свои и законы отец своих и преданья, ко ж до своих нарав». Этим началом руководствуется и вся последующая русская этнография. Отправляясь от этого начала, русская этнография остается всегда глубоко чуждой обезличенного отношения к чужим народам в частности — неизменно свойственного зарубежной этнографии обезличенного и притом уничижительного отношения к отсталым народам как к «дикарям». Вся последующая русская этнография строится в неизменном и твердом признании, что всякий народ и даже всякое племя имеет свои обычаи, законы и предания, свою культурную специфику. Отсюда навсегда усвоенный русской этнографией основной предмет ее исследования: не космополитически обезличенная культура вообще, история и культура каждого народа в ее конкретном этническом своеобразии. Уже новгородское сказание XV в. пытается по своему дифференцировать и охарактеризовать различные группы «самояди».

Выдающееся значение для дальнейшего развития русской общественно-исторической науки, этнографии в частности, имело указание Нестора на род как общественную форму. С этого времени, очевидно, юд является привычным для русской науки представлением, когда ёчь идет о ранних общественных формах, и это представление становится началом той замечательной главы в истории русской науки, которая посвящена исследованию рода.

Просмотренный нами самый ранний период истории русской этнографии является периодом лишь начального ее становления, периодом преимущественно первых опытов собирания материала. Однако уже самое начало русской этнографии открывается таким замечательным ее памятником, каким является Летопись Нестора. Вместе с тем, в этом начале заложено то реалистическое ядро конкретного народоописания, которое развивается затем в отличительную черту всей русской этнографической науки.

В. Е. ГУСЕВ

Г. В. ПЛЕХАНОВ О ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ И ЕГО КУЛЬТУРЕ

Вожди коммунистической партии В. И. Ленин и И. В. Сталин высок оценили теоретические работы Г. В. Плеханова, особенно работы раннего периода. «За 20 лет, 1883—1903,— писал В. И. Ленин,—он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, машистов, народников»¹. И. В. Сталин в своем труде «История ВКП(б) Краткий курс» отметил выдающуюся роль Плеханова в деле пропаганды марксизма в России и в борьбе русских марксистов против народников. Вместе с тем, Ленин и Сталин неоднократно указывали на ошибочные взгляды Плеханова, которые были зародышем его будущего меньшевистских взглядов. Изучая богатейшее наследие Плеханова, следует забывать о его эволюции от марксизма к меньшевизму, о его политических и теоретических ошибках после 1903 г., о зародышах этих ошибок еще до 1903 г., определивших отступления Плеханова от марксизма в его научных трудах.

В истории этнографической науки Г. В. Плеханов занимает видное место. Вслед за Марксом и Энгельсом, опираясь на лучшие достижения зарубежной и русской этнографии, Плеханов разоблачал идеалистический характер буржуазной этнографии конца XIX—начала XX в. разрабатывал диалектико-материалистический метод в исследовании этнографического материала. Он поставил и решил ряд проблем в свете исторического материализма.

К проблеме первобытного общества и его культуры Плеханов обратился в 1890-х годах. Как известно, в буржуазной этнографии эпохи империализма доминируют идеалистические и метафизические теории. Особенно ожесточенно реакционная наука выступает против марксизма, в частности, против трудов Энгельса. Господствующей становится «культурно-историческая школа» Ратцеля, Гребнера, Фробениуса, Шмидта, выдвинувшая пресловутую теорию «культурных кругов», отрицавшая закономерность развития человеческого общества, рассматривавшая культуру как самостоятельную область, не зависимую от развития производительных сил и экономической структуры общества. Буржуазные ученые особенно настойчиво отрицают существование родового строя как первоначальной ступени в развитии человеческого общества, общинной собственности в период первобытно-общинного строя, матриархата, как первоначальной формы родового строя. Плеханов писал по этому поводу в 1900 г.: «...в настоящее время теория «первобытного коммунизма» начинает подвергаться спортиванию»².

¹ В. И. Ленин, Об авантюризме, Соч., т. 20, стр. 333.

² Г. В. Плеханов, Письма без адреса, сборник «Искусство и литература» М., 1948, стр. 75.

Русская буржуазная наука не избежала общей судьбы буржуазной идеологии. Реакционные взгляды на первобытное общество высказывал А. Н. Максимов, Н. Н. Харузин и другие этнографы. Идеалистические взгляды на историю проповедуют русские субъективные социологи-народники Н. К. Михайловский, Н. И. Кареев и др. Даже лучшие представители буржуазной этнографии как в России, так и на Западе не идут дальше эволюционизма.

Кризис буржуазной исторической науки и, в частности, этнографии в конце XIX—начале XX в. обуславливался обострением классовой борьбы, победоносным распространением марксизма, общим кризисом буржуазной идеологии, страхом буржуазии перед надвигавшейся пролетарской революцией, стремлением «опровергнуть» открытые Марксом и Энгельсом закономерности развития человеческого общества, стремлением доказать извечность частной собственности и якобы присущего человеку «индивидуализма», стремлением увековечить капиталистический строй и его мораль, как якобы наиболее соответствующие «природе» человека.

Вместе с тем, после выхода в свет труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» появилось немало новых данных, добытых полевой этнографией, подтверждающих справедливость марксистской теории исторического материализма. В 1905 г. Плеханов писал: «...достаточно ознакомиться хотя бы только с этнологической литературой последнего времени, чтобы убедиться в справедливости *нашего объяснения истории*»³.

В 1890-х годах Г. В. Плеханов пишет ряд общефилософских работ, в которых излагает сущность марксизма, особенно обстоятельно обосновывает материалистический взгляд на историю. При этом он подвергает сокрушительной критике идеалистическую философию истории и дуализм во взглядах на историю. Особое значение имеет работа Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895 г.), «на которой воспиталось целое поколение русских марксистов»⁴.

В этой работе Плеханов разбил основные ошибочные взгляды народников и их предтеч и единомышленников в западноевропейской науке, а также подробно развел основные положения исторического материализма. Обращение Плеханова к истории и культуре первобытного общества в этой книге, а также в «Письмах без адреса» (1899—1900 гг.) и других работах 1890-х—1900-х годов⁵ было продиктовано общей задачей — доказать истинность исторического материализма, разоблачить несостоятельность идеалистического толкования истории. Вместе с тем, заслуга Г. В. Плеханова состояла в том, что он подтвердил новыми данными справедливость марксистского понимания социальной структуры и культуры первобытного общества, отстоял лучшие традиции классической русской этнографии и доказал теоретическую беспомощность современной ему буржуазной этнографии. Однако в ряде случаев Плеханов допускал непоследовательность или совершил ошибки (на них будет указано ниже), а также не конкретизировал своей критики буржуазной этнографии, не направил ее против определенных течений — культурно-исторической и экономической школ, а иногда даже некритически ссылался на Ратцеля и Кунова⁶.

³ Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Предисловие к третьему изданию. Госполитиздат, 1949, стр. 7.

⁴ В. И. Ленин, О фракции «впередовцев», Соч., т. 16, стр. 243.

⁵ См. «Материалистическое понимание истории» (1901); «Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории» (Два цикла лекций, прочитанных в Берне в 1903 г.); «Об искусстве» (две лекции из цикла, прочитанного за границей в 1904 г.).

⁶ См. Г. В. Плеханов, Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории, сб. «Искусство и литература», стр. 328; Письма без адреса, стр. 114.

* * *

В своих взглядах на первобытное общество Г. В. Плеханов исходил из трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, основываясь на классических исследованиях Л. Г. Моргана, Н. И. Зибера и М. М. Ковалевского. Плеханов не ставил задачи дать цельное и последовательное изложение истории первобытного общества. Он останавливался только на таких моментах, которые были ему необходимы в качестве полемического оружия в его борьбе с идеалистической буржуазной историографией. Но Плеханов не ограничивался пересказом соответствующих положений, а обстоятельно аргументировал их многочисленными фактами, почерпнутыми из первоисточников, преимущественно из «этнологической литературы последнего времени»⁷.

Высоко оценивая труд Моргана, Плеханов в то же время решительно отвергал клеветнические заявления буржуазной науки о том что будто открытия Моргана совершили переворот во взглядах Маркса и Энгельса. Он утверждал, что эти открытия явились только новым убедительным доказательством правильности марксизма.

Возражая Н. К. Михайловскому, Г. В. Плеханов полемически воскликнул: «...что ж за беда, если теория Маркса и Энгельса были «много лет спустя» подтверждена открытиями Моргана? Мы убеждены, что еще очень много будет открытых, подтверждающих эту теорию»⁸. Плеханов едко высмеивал «аргументы» Михайловского, который тщился доказать, будто «вся теория «экономического материализма», возникшая именно в сороковых годах, была построена на недостаточных основаниях»⁹. Плеханов опровергал также утверждение Михайловского о том, что будто бы вплоть до появления книги Моргана для Маркса и Энгельса «древняя греческая и германская история оставались неразрешенными загадками»¹⁰. Однако необходимо отметить, что при этом Плеханов сделал неправильную оговорку, заявив что «неразрешимыми загадками для Маркса и Энгельса, равно как и для всех людей науки, оставались вопросы, касавшиеся форм доисторического быта Греции, Рима и германских племен»¹¹. Ошибочность этой оговорки легко обнаруживается при вдумчивом изучении труда Маркса и Энгельса, как это показали исследования советских ученых в том числе С. П. Толстова и М. О. Косвена¹². (Это, разумеется, не снимает вопроса о заслугах Моргана и значении его труда в истории науки).

Плеханов резко выступал против попыток буржуазной науки приписать Энгельсу на основании его неточного выражения в предисловии к первому изданию книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» убеждение в равном значении для развития первобытного общества производственных отношений и семейных отношений. Возражая Вейзенгрюну, Карееву и Михайловскому, Плеханов пишет: «...весь вопрос в том, изменились ли взгляды Энгельса в силу вносимых в них «дополнений»; был ли он действительно вынужден признать рядом с развитием «производства» действие другого фактора, будто бы «равносильного» первому? Легко ответить на этот вопрос всякому, у кого есть хоть маленькая охота отнестись к нему

⁷ Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Предисловие к третьему изданию, стр. 7.

⁸ Там же, стр. 231.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 232.

¹¹ Там же.

¹² См. С. П. Толстов, К. Маркс и Л. Г. Морган, «Советская этнография», 1948 № 1, стр. 232; М. О. Косвен, «Матриархат», М.—Л., 1948 (раздел «От Маркса и Энгельса до наших дней»).

нимательно и серьезно»¹³. Плеханов показывает несостоятельность и преднамеренность измышлений буржуазных идеалистов об изменениях в взглядах Энгельса, доказывает, что Энгельс в своем исследовании и на шаг не отступил от материалистического принципа, что Энгельс в действительности показал зависимость семейных отношений в человеческом обществе от уровня производительных сил и характера производственных отношений¹⁴.

Так Плеханов давал отповедь тем, кто пытался усомниться в цельности и последовательности марксизма.

Возникновение общественного человека Плеханов связывал с возникновением орудий труда и с самим процессом труда. При этом он провергал ошибочную позицию Дарвина, обходившего вопрос о роли орудий труда в образовании человека¹⁵. Плеханов подчеркивал принципиальную разницу между животным и человеком, вышедшим из царства животных: «В орудиях труда человек приобретает как бы новые органы, изменяющие его анатомическое строение. С того времени, как возвысился до их употребления, он придает совершенно новый вид истории своего развития: прежде она, как у всех остальных животных, сводилась к видоизменениям его естественных органов; теперь она становится прежде всего *историей усовершенствования его искусственных органов, роста его производительных сил*»¹⁶.

Ту же мысль Плеханов развивает в цикле лекций «Материалистическое понимание истории»: «Рука вместе с предплечием является первым инструментом, первым орудием, которым человек пользуется для своей борьбы за существование. Но мало-помалу машина отделяется от организма человека... Рука, первое орудие человека, служит ему... для производства других орудий, служит приспособлению материи к борьбе с природою, т. е. со всей остальной независимой материей. ...Уже не органы его тела меняются,— его инструменты и вещи... Телесная трансформация человека прекращается (или становится незначительной), чтобы уступить место технической эволюции. Техническая же эволюция — это эволюция производительных сил»¹⁷. Однако в приведенном отрывке Плеханов, отождествляя руку с орудием, инструментом, объективно смазывает границу между предком человека и собственно человеком, которого сам же он ниже называет «животным, производящим инструменты»¹⁸. Следует помнить указание Энгельса о том, что «труд начинается с изготовления орудий»¹⁹. В связи с этой ошибкой Плеханова необходимо также сказать, что он проявляет непоследовательность, когда в отдельных случаях сближает труд человека с «утилитарной деятельностью» животного²⁰.

Эволюцию первобытного общества Плеханов объясняет развитием производительных сил: «...с тех пор, как искусственные органы человека стали играть решающую роль в его существовании, сама общественная жизнь его стала видоизменяться в зависимости от хода развития его производительных сил»²¹. Прежде всего Плеханов указывает на не-

¹³ Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 145.

¹⁴ См. там же, стр. 145—147.

¹⁵ Там же, стр. 132—133.

¹⁶ Там же, стр. 134.

¹⁷ Г. В. Плеханов, Материалистическое понимание истории, сб. «Искусство и литература», стр. 32.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, в его кн. «Диалектика природы», Госполитиздат, 1949, стр. 137.

²⁰ См. Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 98.

²¹ Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 134.

посредственную зависимость производственных отношений от состояния производительных сил. Распространяя на первобытное общество мысль Маркса о формациях классового общества, изложенные в книге «Новый труд и капитал», Плеханов пишет: «...не менее своеобразные совокупности отношений производства представляют собою и более ранние ступени человеческого развития... на этих более ранних ступенях состояние производительных сил имело решающее влияние на общественные отношения людей»²². Эту непосредственную зависимость общественных отношений от производительных сил Плеханов объясняет тем, что «искусственные органы, орудия труда, оказываются, таким образом, органами не столько индивидуального, сколько общественного человека» поскольку труд человека является с самого начала общественным.

Однако, неоднократно подчеркивая решающую роль развития производительных сил в развитии общества, Плеханов допускал грубую ошибку, когда в некоторых случаях переоценивал значение географической среды. Он правильно указывал на значение географической среды в процессе превращения человекообразного предка в человека. Антропологические данные свидетельствуют о том, что человек возник в определенной географической области, в особо благоприятных географических условиях. Но Плеханов неправ в том, что развитие самой способности производить орудия труда он ставит только в зависимость от окружающих внешних условий²⁴. Сам же он несколькими строками ниже указывает, что «в каждое данное время мера этой способности определяется мерой уже достигнутого развития производительных сил» Переоценка роли географической среды особенно обнаруживается в следующем утверждении Плеханова: «Развитие производительных сил определяется свойствами окружающей людей географической среды»

В основу периодизации первобытного общества Плеханов брал состояние производительных сил. Он принимал периодизацию Моргана-Энгельса, хотя замечал, что границу между варварством и цивилизацией нельзя принять «без весьма существенных оговорок»²⁷. Различное состояние производительных сил и, следовательно, различный тип хозяйственной, экономической деятельности Плеханов брал в основу классификации первобытных племен: «Состояние производительных сил главнейший признак классификации»²⁸. Плехановы были хорошо известны споры ученых относительно последовательности типов экономической деятельности. Онставил вопрос о том, «насколько соответствует современному состоянию наших этнологических знаний старая, общеизвестная схема, подразделяющая народы на охотничьи, пастушеские и земледельческие»²⁹.

Плеханов рассматривает высказывания ряда ученых, которые полагали, что первоначальной формой хозяйственной деятельности было собирательство (К. Бюхер, А. Фиркандт), а также мнение Г. Панкова, который отрицал существование «чистых» типов хозяйства и утверждал, что «охота совмещается... с земледелием, земледелие идет рука об руку со скотоводством»³⁰. Плеханов склонен считать собирательство наименее ранней формой хозяйственной деятельности человека, однако он же

²² Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю стр. 135.

²³ Там же, стр. 134.

²⁴ См. там же, стр. 140.

²⁵ Там же, стр. 141.

²⁶ Там же, стр. 234.

²⁷ Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 111.

²⁸ Г. В. Плеханов, Об искусстве, сб. «Искусство и литература», стр. 337.

²⁹ Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 108.

³⁰ Там же, стр. 109—110.

признает принципиальной разницы между собирательством, охотой и рыболовством, относя их к одной стадии: «Первоначальным видом приобретения благ является собирание готовых даров природы. Это собирание само, конечно, может быть подразделено на некоторые разновидности, к числу которых относится рыбная ловля и охота»³¹. В конечном счете Плеханов признает приемлемость «старой общеизвестной схемы», но указывает на условный характер терминологии в этой схеме, подчеркивает необходимость в каждом конкретном случае рассматривать своеобразный характер сочетания различных видов экономической деятельности у каждого народа (племени) на данной стадии экономического развития³². Поэтому, по Плеханову, «наименьшим развитием производительных сил отличаются так называемые охотничьи племена, существование которых поддерживается рыбной ловлей, охотой и собиранием плодов и корней дикорастущих растений»³³.

С дальнейшим развитием производительных сил человечество от «собирания готовых даров природы» или от охоты переходит к производству: «За собиранием следует производство, иногда — как это мы видим, например, в истории первоначального земледелия — связанного с ним (с собиранием.— В. Г.) рядом почти незаметных переходов»³⁴.

Изложенные нами взгляды Плеханова приобретают особый интерес в связи с тем, что дискуссия об изначальной форме экономической деятельности человека не прекратилась до сих пор³⁵.

Плеханов подчеркивает, что производство в первобытном обществе является общественным, коллективным, но при этом указывает на то, что в первобытном обществе «уже установилось разделение труда между мужчиной и женщиной»³⁶.

Это разделение было «первым постоянным разделением общественного труда»³⁷. Плеханов отмечает различные виды общественного труда у первобытных племен: «общественное искание пищи», «общественные охоты» у американских индейцев, «общественные рыбные ловли» у новозеландцев, «общественную обработку полей» у багобосов³⁸. Привлекая большой фактический материал, Плеханов с большой убедительностью опровергает реакционную теорию «индивидуального искания пищи», выдвинутую Ю. Липпертом, К. Бюхером, П. и Ф. Сарразинами, вскрывает истинный смысл фактов, приводимых этими учеными в «доказательство» своей теории³⁹. Подробно анализируя этнографический материал о жизни народа, стоящих на низкой ступени развития, Плеханов заключает: «Весь относящийся к ним «эмпирический материал», собранный, новейшими исследователями, решительно опровергает теорию «индивидуального искания пищи»⁴⁰. Он отстаивает наследие выдающихся русских этнографов: «Факты с достаточной убедительностью показывают, что у дикарей преобладает не индивидуальное искание пищи, о котором говорит Бюхер, а та борьба за жизнь соединенными силами всего, — более или менее обширного, — кровного союза, о которой говорили писатели, стоявшие на точке зрения Н. И. Зибера или М. М. Ковалевского»⁴¹.

Не менее последовательно Плеханов проводит также мысль о том, что общественному характеру труда в первобытном обществе соответ-

³¹ Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 90.

³² Там же, стр. 138.

³³ Там же, стр. 112.

³⁴ Там же, стр. 90.

³⁵ См., «Советская этнография», 1951, № 3, стр. 148 и сл.

³⁶ Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 98.

³⁷ Там же, стр. 118.

³⁸ См. там же, стр. 89, 83, 94.

³⁹ Там же, стр. 77—80.

⁴⁰ Там же, стр. 81.

⁴¹ Там же, стр. 84.

ствует общественный характер присвоения и собственности. «Стро-
собственности,— пишет Плеханов,— зависит от способа производства
ибо распределение и потребление богатств тесно связаны со способом
их приобретения»⁴². Это теоретическое положение Плеханов доказы-
вает примерами из жизни первобытных племен⁴³. Вместе с тем, он при-
водит данные, свидетельствующие о зарождении в первобытном обще-
стве личной собственности, главным образом на орудия труда: «...пред-
метами личного присвоения раньше всего становятся: оружие, одежда
пища, украшение и т. п.»⁴⁴. Это присвоение не нарушает общего прин-
ципа, оно «подсказывается *самими свойствами вещей*»⁴⁵. «Моментом определяющим принадлежность в собственность,— объясняет Плеха-
нов,— является способ работы, способ производства. Я отточил свои-
ми руками кремневый топор — он мой; ...мы охотились с другими со-
племенниками,— убитые звери принадлежат нам сообща»⁴⁶. Интерес-
ным доказательством соотношения разных видов собственности в пер-
вобытном обществе служат так называемые «знаки собственности» на
вещах; Плеханов замечает: «Знаки индивидуальной собственности редки. Знаки племенной собственности очень часты»⁴⁷.

Накопление материальных благ в первобытном обществе разви-
вается медленно. Низкий уровень производительных сил и хозяйствен-
ной деятельности не способствует сбережению ценностей. Плеханов по-
этому поводу пишет: «Сбережение» действительно незнакомо перво-
бытным народам по той простой причине, что им неудобно, прямо ска-
зать, невозможно практиковать его ... Следовательно, сама экономика
первобытного общества ставит тесные пределы развитию духа «береж-
ливости»⁴⁸. Преобладание общественной собственности и «привычки и
обычаи, выросшие на этой почве, в свою очередь, ставят пределы
производству личного собственника»⁴⁹. Однако Плеханов подчеркивает,
что, поскольку у охотничьих племен нет гарантии в постоянной, бес-
перебойной добыче необходимых материальных благ, то то же состоя-
ние производительных сил заставляет первобытного человека делать
запасы продуктов для общего потребления⁵⁰.

Личная собственность на орудия труда первоначально не способст-
вовала сохранению их в первобытном обществе, что не означает, как
это утверждал Бюхер, будто в первобытном обществе отсутствовала
передача культурных приобретений. Плеханов возражает Бюхеру:
«Хотя вещи, принадлежавшие умершему, действительно очень часто
истребляются на его могиле, но умение производить эти вещи пере-
дается из рода в род, а это гораздо важнее передачи са-
мих в е щ ей»⁵¹. Вместе с тем, он отмечает: «Когда впоследствии, с
развитием техники и общественного богатства, истребление вещей
умершего становится серьезной потерей для его близких, оно мало-
помалу ограничивается или даже совсем прекращается, уступая место
простому символу истребления»⁵².

Рост производительных сил и производительности труда, постепенное накопление богатств в первобытном обществе и расширение круга пред-

⁴² Г. В. Плеханов, Материалистическое понимание истории, стр. 32.

⁴³ См. там же, стр. 32—33, 35; и в «Письмах без адреса», стр. 80, 86, 162.

⁴⁴ Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 157—158.

⁴⁵ Там же, стр. 159.

⁴⁶ Г. В. Плеханов, Материалистическое понимание истории, стр. 33.

⁴⁷ Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 162.

⁴⁸ Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 161.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ См. Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 78—79, 80, 84.

⁵¹ Там же, стр. 101.

⁵² Там же, стр. 102.

етов личного присвоения привели к появлению частной собственности, что является причиной разложения первобытно-общинного строя. Плеханов пишет... «возникнув, частная собственность вступает в противоречие с более древним способом общественного присвоения. Там, где быстрое развитие производительных сил открывает все более и более широкое поле для «единоличных усилий», общественная собственность довольно быстро исчезает или продолжает свое существование в виде, так сказать, *рудиментарного института*»⁵³. Плеханов предупреждает против упрощенческого, схематического представления о процессе разложения первобытно-общинной собственности: «...этот процесс разложения первобытной общинной собственности в разные времена и в разных местах по самой естественной, материальной необходимости должен был отличаться большим разнообразием»⁵⁴.

Последовательная борьба Плеханова против реакционных идеалистических теорий «индивидуального искания пищи» и извечности частной собственности является одной из самых важных сторон его научной деятельности и составляет крупную заслугу его перед этнографией.

Состояние производительных сил, по мысли Плеханова, определяет и социальную структуру общества, и его культуру: «...эволюция производительных сил имеет решительное влияние на группировку людей, на состояние их культуры»⁵⁵. Плеханов считает, что первоначальной формой общежития человека было стадо: «...наши предки стали жить стадами...»⁵⁶. Эту форму Плеханов объясняет самим характером экономической деятельности человека на ранней стадии развития: «Люди первоначально «искали» пищу так же, как «ищут» ее общественные животные: соединенные силы более или менее обширных групп направлялись первоначально на завладение готовыми дарами природы»⁵⁷. Впрочем, можно подумать, что Плеханов выносит стадный период за пределы истории человеческого общества, а в некоторых случаях прямо отождествляет стадо с сообществом животных⁵⁸.

Следующей и всеобщей формой общежития первобытного человека, по твердому убеждению Плеханова, является род, «кровнородственный союз», причем, замечает Плеханов, первоначально «кровные союзы не могут быть велики на той низкой ступени развития производительных сил»⁵⁹. Он опровергал домыслы буржуазных этнографов, отрицавших наличие рода в первобытном обществе или считавших семью изначальной формой человеческого общежития. В частности, Плеханов выражал Сарразинам, которые утверждали, будто при первобытных отношениях у ведлов «вся их охотничья территория была поделена между семьями»⁶⁰. Он рассматривает доводы и факты, приводимые его противниками, и приходит к заключению, что «это совершенно ошибочное мнение», что Сарразины попросту выдали кровный союз за семью⁶¹. Ссылаясь на другие примеры, в частности на жизнь негритосов, Плеханов критически анализирует данные буржуазной этнографии: «...можно было бы подумать, что они живут если не в одиночку, то небольшими семьями. Но и это неверно. «Семья» негритосов есть кровный союз... Члены такого союза бродят вместе под руководством

⁵³ Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 158.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Г. В. Плеханов, Материалистическое понимание истории, стр. 32.

⁵⁶ Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 134.

⁵⁷ Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 89—90

⁵⁸ См. там же, стр. 88—89.

⁵⁹ Там же, стр. 79.

⁶⁰ Там же, стр. 78.

⁶¹ См. там же, стр. 78—79.

начальника»⁶². Он предупреждает против непозволительного смешения рода и семьи: «Клан и отдельная семья — не одно и то же»⁶³.

Плеханов не ограничивался доказательством всеобщности рода, он подчеркивал наличие разнообразных форм родового строя: «Родовой союз есть форма общежития, свойственная всем человеческим обществам на известной ступени их развития. Но влияние исторической среды очень разнообразит судьбы рода у различных племен. Оно придает самому роду тот или другой, так сказать, индивидуальный характер...»⁶⁴. Появление частной собственности приводит к разложению родового строя, причем, замечает Плеханов, это разложение в разных случаях проходит то быстрее, то медленнее и всякий раз приобретает своеобразный характер в зависимости от характера развивающейся частной собственности. «Разнообразие же в процессе разложения рода обуславливает собою разнообразие тех форм общежития, которым родовой быт уступает свое место»⁶⁵. Таким образом, Плеханов сумел диалектически совместить идею универсальности рода с представлением о разнообразии форм этой всеобщей стадии в развитии человеческого общества.

Но здесь необходимо указать на существенную ошибку Плеханова в объяснении им происхождения разнообразных форм рода и разложения родового строя. Это разнообразие и даже самый характер частной собственности Плеханов объясняет только суммой «влияний, испытываемых каждым данным обществом со стороны его соседей»⁶⁶. В данном случае Плеханов становится на ту точку зрения, которую он в других местах сам же опровергает⁶⁷. Разумеется, главной причиной своеобразия формы родового строя и процесса его разложения у разных народов является своеобразие экономической жизни, которое определяется состоянием и характером производительных сил.

Плеханов отстаивал материалистическое, энгельсовское объяснение истории семьи развитием производственных отношений в обществе, опровергал идеалистический взгляд на семью современных буржуазных ученых и народников: «Нельзя объяснить историю семьи историей экономических отношений, говорите вы: это узко, односторонне, не-научно. Мы утверждаем противное и обращаемся к посредничеству специальных исследований»⁶⁸.

Свой материалистический взгляд Плеханов подтверждает многочисленными фактами. Плеханов не отрицает полового чувства во взаимоотношениях мужчин и женщин в первобытном обществе, но отводит решающую роль производительным силам, как своеобразным регуляторам этого чувства. «Взаимные отношения разных полов обуславливаются именно этим чувством. Но на разных ступенях культурного развития людей эти отношения принимают различный вид, в связи с развитием семьи, которое в свою очередь определяется развитием производ[ительных] сил и характером общ[ественно]-экономич[еских] отношений»⁶⁹. Эту мысль он резюмирует так: «Половое чувство создано не экономикой, но ею создан вид половых отношений»⁷⁰. Плеханов не принимает взгляды реакционных ученых на моногамную семью как извечную ячейку человеческого общества, указывая, что моногамная семья является позднейшей формой брачных отношений

⁶² Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 80—81.

⁶³ Там же, стр. 79.

⁶⁴ Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 194.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, стр. 193.

⁶⁷ См. там же, стр. 198.

⁶⁸ Там же, стр. 147.

⁶⁹ Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 117.

⁷⁰ Там же, стр. 160.

рдей: «Законом освящаемая моногамическая семья связана своим происхождением развитию частной собственности и разрешению коммунистической собственности клана»⁷¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что в работах Плеханова не находим указаний на наличие матриархата, как определенной единицы в развитии родового строя. Это молчание тем более странно, но именно в конце XIX в. снова разгораются споры о матриархате. Буржуазная наука объявляет очередной «поход» против матриархата, призывает его всеобщность; от теории матриархата отходят даже И. М. Ковалевский, Тэйлор и другие видные ученые. Это показывает, какое сильное влияние оказывают в этот период реакционные идеи в области этнографии даже на наиболее передовых представителей арбужской и русской буржуазной науки.

Молчание Плеханова по столь важному вопросу нельзя расценивать иначе как потерю им в этом вопросе правильной ориентировки. К сожалению, Плеханов оказался если и не убежденным, то во всяком случае ошибенным с толку крикливой пропагандой теории патриархата, как якобы первоначальной формы родового строя. Доказательством этому может служить черновая запись к «Письмам без адреса». Плеханов пишет: «Чем дальше подвиг[ается] вперед развитие производ[ительных] сил перв[обытного] общ[ества], тем больше хлоп[от] и забот достается на долю женщины, мало-помалу (при благопр[иятных] геогр[афических] условиях) наступает такое время, когда женщина становится производительной силой этого общ[ества]. Благодаря этому она перестает быть рабой мужчины и занимает иногда прямо господствующее полож[ение] в обществе. Так называемый немцами *Mutterherrschaft*»⁷² (матриархат.— В. Г.).

Плеханов не высказал этой мысли ни в одном из окончательных вариантов своих «Писем», почувствовав, очевидно, методологическую и фактическую несостоятельность своего положения, однако показательно уже то, что мысль о смене патриархата матриархатом (при этом происходящая лишь иногда!) все-таки могла появиться у Плеханова, что и помешало ему занять четкую и единственно верную позицию в спорах о матриархате. Уклонение от этих споров и внутренние колебания значительно снижают ценность высказываний Плеханова о роде и семье в первобытном обществе.

* * *

Плеханов неоднократно подчеркивал и разъяснял материалистический принцип «бытие определяет сознание», указывая на зависимость идеологии от состояния материальных условий жизни общественного человека: «На данной экономической основе роковым образом возвышается соответствующая ей идеологическая надстройка»⁷³. При этом Плеханов отмечал, что эта связь не является прямой и устанавливал последовательность связи идеологии с состоянием производительных сил: «Данная степень развития производительных сил; взаимоотношения людей в общественном процессе производства, определяемые этой степенью развития; форма общества, выражаящая эти отношения людей; определенное состояние духа и нравов, соответствующее этой форме общества; религия, философия, литература, искусство, соответствующие способностям, направлениям, вкусам и склонностям, порождаемым этим состоя-

⁷¹ Г. В. Плеханов. Материалистическое понимание истории, стр. 35.

⁷² Г. В. Плеханов. Письма без адреса, стр. 139—140.

⁷³ Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 182.

нием»⁷⁴. В другом месте Плеханов резюмирует свою мысль: «Итак, состояние производит[ельных] сил определяет экономику; экономика определяет социальную структуру. Социальная структура всю вообще психологию общественного человека»⁷⁵. Схематически Плеханов изображает это так:

- 1) состояние производительных сил,
- 2) экономия,
- 3) социальный строй...
- 4) психология,
- 5) идеология»⁷⁶.

Указывая на то, что развитие производительных сил и изменение экономической структуры общества ведут к переворотам в идеологической надстройке, Плеханов подчеркивает:

«Перевороты эти представляют собою сложные процессы, в течение которых интересы отдельных членов общества группируются самым привычным образом»⁷⁷. Здесь, как и во многих других случаях, Плеханов предостерегает от упрощенчества и схематизма. Но, замечает Плеханов каким бы сложным ни был процесс изменения сознания в связи с изменениями в экономике, в базисе,— сознание, психология общества соответствует данному состоянию его материальных сил: «Психология общества всегда целесообразна по отношению к его экономии, всегда соответствует ей, всегда определяется ею»⁷⁸.

Справедливо опровергая клеветнические утверждения буржуазных ученых, будто марксизм отрицает значение психологии человека в развитии идеологии, Плеханов правильно указывал, что само состояние психологии человека определяется материальными условиями его жизни; но при этом он иногда делал уступку своим противникам и преувеличивал в ряде случаев самостоятельное значение психологии в развитии идеологии, преувеличивал значение психологических законов. Так, он писал: «Когда социальный элемент отходит на задний план, действуют психологические законы»⁷⁹. Мы еще вернемся к этой ошибке Плеханова в связи с вопросом об искусстве.

В чем же состоит заслуга Плеханова в решении вопросов о связи идеологии с материальными условиями жизни общества?

Заслуга Плеханова состоит в том, что он отстоял основное положение материализма от идеалистов конца XIX — начала XX в., а также показал несостоятельность и беспомощность эклектических теорий, пытавшихся совместить материализм с идеализмом. Плеханов указывал на заколдованный «порочный круг» так называемой «психологической школы» Тэйлора, Тэна и других буржуазных ученых, у которых «выходит, что психика общественного человека определяется его положением, а его положение определяется его психикой»⁸⁰. Он указывал, что современные буржуазные ученые в этом случае не продвинулись ни на шаг вперед по сравнению с французскими просветителями XVIII в., которые «топтались» в том же «порочном кругу»⁸¹. Эта критика Плехановым

⁷⁴ Г. В. Плеханов, Очерки по истории материализма, Соч., т. VIII, стр. 169.

⁷⁵ Г. В. Плеханов, Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории, в сб. «Искусство и литература», стр. 329.

⁷⁶ Там же, стр. 313.

⁷⁷ Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 177.

⁷⁸ Там же, стр. 178.

⁷⁹ Г. В. Плеханов, Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории, стр. 323.

⁸⁰ Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 192.

⁸¹ Г. В. Плеханов, Материалистическое понимание истории, стр. 25—29..

идеализма и дуализма относилась ко всей буржуазной исторической школе конца XIX — начала XX в. Однако, как уже говорилось, острота конкретность этой критики отчасти ослаблялись тем, что она не направлялась в определенный адрес — против господствовавшей тогда в этнографии «культурно-исторической» школы.

Основываясь на материалистическом принципе, Плеханов обращается к объяснению происхождения и сущности идеологии первобытного общества, которая в свою очередь является для него убедительным средством защиты материалистического взгляда на историю: «Объясняться с нашей материалистической точки зрения развитие искусства, религии, философии и проч[их] идеологии — значит дать новое и сильное подтверждение материализму в его применении к истории»⁸². Необходимо подчеркнуть, что Плеханов по существу был первым русским ученым, давшим состоятельную характеристику идеологии первобытного общества с позиций исторического материализма, — в этом состоит его большая заслуга.

Плеханов четко формулирует свой методологический принцип подхода к идеологии первобытного общества: «...обращаясь к первобытным народам, я должен прежде всего выяснить себе состояние их производительных сил и затем выяснить ту связь, которая существует между этим состоянием, с одной стороны, и искусством — с другой»⁸³. Этот принцип я последовательно применяет к исследованию морали, права, религии и искусства первобытного общества.

Плеханов резко обрушивается на теорию «индивидуализма» и «эгоизма» человека первобытного общества, отстаиваемую К. Бюхером, и скрывает ее методологическую несостоятельность, указывая на общественный характер производства в исследуемую им эпоху: «Так как индивидуальное искание пищи далеко не является господствующим в первобытном обществе, то и неудивительно, что дикарь совсем не такой индивидуалист и эгоист, каким он представляется Бюхеру»⁸⁴. Плеханов подтверждает свой взгляд на коллективистский, общественный характер морали первобытного человека также рядом «самых недвусмысленных свидетельств самых достоверных наблюдателей»⁸⁵. Он опровергает также ошибочное утверждение Бюхера о том, что будто у дикарей отсутствует живая связь между поколениями и родительская любовь к детям⁸⁶. Плеханов правильно объясняет убийства стариков и детей у первобытных народов, что для Бюхера также было «доказательством» индивидуализма: «К убийству стариков, равно как и к детоубийству, приводят не свойства характера первобытного человека, не то мнимый индивидуализм и не отсутствие живой связи между поколениями, а те условия, в которых дикарю приходится вести борьбу за свое существование... истребление непроизводительных членов является нравственною обязанностью перед обществом»⁸⁷.

Борясь против идеалистических теорий права, Плеханов указывает след за Марксом также на «связь правовых понятий людей с их экономическим бытом»⁸⁸, устанавливает зависимость эволюции права от состояния и развития производительных сил: «Вследствие развития производи-

⁸² Г. В. Плеханов, Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории, стр. 314.

⁸³ Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 138.

⁸⁴ Там же, стр. 85.

⁸⁵ Там же, стр. 85—89.

⁸⁶ Там же, стр. 102—104.

⁸⁷ Там же, стр. 104—105.

⁸⁸ Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 161.

водительных сил должны были измениться фактические отношения людей в процессе производства, и эти новые фактические отношения выражались в новых правовых понятиях»⁸⁹. Плеханов разбивает идеалистические теории права, обращаясь к фактам происхождения и развития права в первобытном обществе⁹⁰.

Большой интерес представляют мысли Плеханова о религии в первобытном обществе. Такой религией Плеханов считал анимизм: «Анимизм (одушевление природы) является первой фазой развития религиозной мысли...»⁹¹ Происхождение анимизма Плеханов объяснял особенностями психологии первобытного человека, потребностью «найти причину интересующих его явлений»⁹², но при этом он указывал, что развитие религиозного чувства обуславливается развитием производственных отношений: «...своим происхождением анимистические представления обязаны природе человека, но как их развитие, так и то влияние, которое они приобретают на общественное поведение людей, определяется в последнем счете экономическими отношениями»⁹³. Надо думать, что Плеханов ошибался, когда категорически утверждал, что «анимизм обязан своим происхождением не экономике охотничьего общества»⁹⁴, и сводил происхождение анимизма только к особенностям психологии первобытного человека. Не только развитие, но и происхождение религиозного чувства в последнем счете объясняется состоянием производительных сил и производственными отношениями в первобытном обществе. Дело не только в психологической потребности человека «найти причину интересующих его явлений» (эта потребность существует всегда), сколько в неумении найти правильное реальное объяснение этим явлениям, в сильной зависимости первобытного человека от природы, что составляет прямое следствие низкого уровня его производительных сил.

Плеханов подчеркивает, что не религия определяет общественные отношения людей, а сама является отражением уже сложившихся общественных отношений, которые она освящает: «...религия, — если можно назвать религией] эти [анимистические. — В. Г.] представления, — не имеет влияния на общественное поведение общественного человека... не она определяет собою общественные отношения людей. Необходимо, чтобы эти отношения возникли по какой-нибудь другой причине, и тогда она, на более высокой стадии, — освящает их. Стало быть, религиозные представления, как заповедь, — сами отражают собою данные отношения»⁹⁵. Не случайно в приведенном отрывке сделана оговорка «если можно назвать религией эти представления». Дело в том, что Плеханов указывает на своеобразие первоначальной формы анимизма, заявляя, что он лишен спрятанного морального характера⁹⁶. Поэтому-то анимистические представления сначала вообще никакого влияния на поведение человека не оказывают: «...анимистические представления и, в частности, вера в загробную жизнь первоначально совсем не влияет на взаимные отношения людей, так как она совершенно не связывается с ожиданием наказания злурные и награды за хорошие поступки. Лишь мало-помалу она ассоции-

⁸⁹ Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю стр. 170—171.

⁹⁰ См. там же, стр. 150—164, 171—177.

⁹¹ Г. В. Плеханов, Материалистическое понимание истории, стр. 8.

⁹² Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 117.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же, стр. 160.

⁹⁵ Г. В. Плеханов, Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории, стр. 327.

⁹⁶ Г. В. Плеханов, Материалистическое понимание истории, стр. 36.

ся с практической моралью первобытных людей»⁹⁷. С того момента, как анимизм приобретает моральную силу, он становится «фактором» общественного развития, но все практическое значение этого фактора... шло обуславливается общественными отношениями, возникающими данной экономической основе. Стало быть, если первобытная религия обретает значение фактора общественного развития, то это ее значение целиком коренится в экономике⁹⁸.

Итак, не религия предшествует морали и определяет общественную мораль, а, напротив,— мораль, обусловленная экономическим состоянием общества, закрепляется позже в религиозных представлениях. Понятие бра и зла, подчеркивает Плеханов, появляется прежде, чем религиозные представления приобретают моральную силу⁹⁹. Таким образом, религия возникает на сравнительно поздней стадии развития человеческого общества.

Плеханов последовательно проводит принцип материалистического объяснения истории религиозных представлений. Исследование религии ожидало Плеханову одним из средств обоснования правильности материалистического взгляда на историю¹⁰⁰.

Особый интерес представляют взгляды Плеханова на происхождение эстетичности искусства при первобытно-общинном строе.

Известно, что буржуазная наука выводила искусство из религии. Второй попыткой объяснить происхождение искусства было утверждение филологической школы о том, что искусство возникло из мифов. Это положение мифологической школы основывалось на гегелевской теории эстетики и идеи, на теории возникновения искусства из религии. В своей «Эстетике» Гегель писал: «...начальная стадия искусства находится в теснейшей связи с религией»¹⁰¹. Последующие направления буржуазной науки по существу лишь варьировали идеалистические посылки гегелевской эстетики. Так, например, Тэйлор в своем труде «Первобытная культура» источником искусства считал анимизм, а мифология для него являлась переходной формой от анимизма к искусству.

Плеханов резко выступил против теории религиозного происхождения искусства. «Искусство есть одно из средств общения между людьми. Но есть общение посредством образов. Оно выражает то, что первобытные людям кажется хорошим. Это сознание того, что хорошо, не есть... религиозное сознание»¹⁰². Доказывая, что сознание добра и зла обусловлено общественными, а не религиозными причинами и что мораль первобытного общества складывается до появления религии, Плеханов изыскивает искусство с общественной жизнью и моралью первобытного общества и указывает на то, что искусство возникло до появления религиозных представлений первобытного человека¹⁰³. Общественное значение искусства, по Плеханову, проявляется независимо от религии. Но если сознание того, что дурно и что хорошо, далеко не всегда является религиозным сознанием, то несомненно, что искусство приобретает общественное значение лишь в той мере, в какой оно изображает, изыскивает или передает действия, чувства или события, имеющие важное значение для общества¹⁰⁴. Первобыт-

⁹⁷ Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 117.

⁹⁸ Там же, стр. 118.

⁹⁹ См. там же, стр. 119.

¹⁰⁰ См., например, замечание Плеханова о характере одной и той же религии разных народов, стоящих на различных ступенях экономического развития («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», стр. 8. Предисловие к третьему изданию).

¹⁰¹ Ф. В. Гегель, Лекции по эстетике, Соч., т. XII, М., 1938, стр. 325.

¹⁰² Г. В. Плеханов, Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории, стр. 342.

¹⁰³ См. Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 119.

¹⁰⁴ Там же.

ное искусство первоначально находится «вне всякой связи с первобытной религией»¹⁰⁵.

Теориям религиозного происхождения искусства Плеханов противопоставляет трудовую теорию происхождения искусства. Зародышем искусства в первобытном обществе Плеханов считает игру¹⁰⁶, которая, как он указывает, в первобытном обществе непосредственно связана с производственной деятельностью, обусловлена последней: «...у людей деятельность, преследующая утилитарные цели, иначе сказать, деятельность, необходимая для поддержания жизни отдельных лиц и всего общества, предшествует игре и определяет собой ее содержание»¹⁰⁷. Плеханов резюмирует свою мысль: «Игра есть дитя труда, который необходимо предшествует ей во времени»¹⁰⁸.

С состоянием производительных сил и производственной деятельностью человека непосредственно связано и происхождение эстетического чувства: «Природа человека делает то, что у него могут быть эстетические вкусы и понятия. Окружающие его условия определяют собой переход этой возможности в действительность...»¹⁰⁹. И далее Плеханов конкретизирует свое положение применительно к первобытному обществу: «...психологическая природа первобытного охотника обуславливает собою то, что у него вообще могут быть эстетические вкусы и понятия, а состояние его производительных сил, его охотничий быт ведет тому, что у него складываются именно эти эстетические вкусы и понятия, а не другие. Этот вывод, проливающий яркий свет на искусство охотничьих племен, является в то же время лишним доводом в пользу материалистического взгляда на историю»¹¹⁰. Анализируя многочисленные примеры из жизни первобытного общества, Плеханов приходит к выводу, что «труд старше искусства и что вообще человек сначала смотрит на предметы и явления с точки зрения утилитарной и только впоследствии становится в своем отношении к ним на эстетическую точку зрения»¹¹¹.

Свой материалистический взгляд на происхождение искусства в процессе трудовой деятельности первобытного человека Плеханов направляет против нелепой идеалистической теории К. Бюхера и К. Гросса, полагавших, что игра и искусство предшествовали труду.

Не только возникновение искусства, но и его дальнейшее развитие его сущность и его форму Плеханов определяет состоянием производительных сил и производственными отношениями в первобытном обществе. Особенностью искусства первобытного человека он первоначально считает, что оно «подвергается непосредственному влиянию экономической положения... и состояния производительных сил»¹¹². Однако, анализируя материал и углубляя свой взгляд на искусство в первобытном обществе Плеханов устанавливает, что «даже в первобытном охотничьем обществе техника и экономика не всегда непосредственно определяют оно эстетические вкусы»¹¹³. Это объясняется тем, что «художественная деятельность — одна из самых отдаленных от экономики»¹¹⁴. Но это не опровергает основного материалистического положения

¹⁰⁵ Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 119.

¹⁰⁶ Г. В. Плеханов, Материалистическое понимание истории, стр. 37.

¹⁰⁷ Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 93.

¹⁰⁸ Там же, стр. 94.

¹⁰⁹ Там же, стр. 51.

¹¹⁰ Там же, стр. 64.

¹¹¹ Там же, стр. 108.

¹¹² Г. В. Плеханов, Материалистическое понимание истории, стр. 41.

¹¹³ Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 136.

¹¹⁴ Г. В. Плеханов, Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории, стр. 312.

условленности искусства состоянием производительных сил и производственной деятельностью человека, так как «посредственная причинная связь не перестает быть причинной связью»¹¹⁵.

Подводя итоги своим исследованиям искусства первобытного человека, Плеханов пишет: «Таково первобытное искусство. Оно выражает то, что считает хорошим и важным. Это сознание не есть религиозное сознание. Оно определяется или непосредственно состоянием производительных сил, или посредственно: теми общественными нуждами и склонностями, которые на этой почве вырастают. Искусство не есть только средство общения. В нем выражается также общественный антагонизм»¹¹⁶. Ниже Плеханов конкретизирует характер возможной опосредованной связи искусства с состоянием производительных сил в первобытном обществе: «...посредственно, т. е. через посредство тех общественных отношений, которые существуют при данном состоянии производительных сил, и тех вкусов и способностей, которые развиваются при них общ[ественных] отношениях»¹¹⁷. В той же записи Плеханов подчеркивает бессмысленность предположения, будто искусство в первобытном обществе существует «для себя»; напротив, «оно подчинено общ[ественным] нуждам»¹¹⁸.

Таким образом, Плеханов выступал против теории искусства для искусства, доказывая общественный характер искусства и на самых ранних стадиях его развития.

Поскольку искусство так или иначе определено экономикой, то по произведениям искусства, как неоднократно отмечает Плеханов, можно судить о характере производственной деятельности первобытного человека, и в этом, в частности, значение искусства для этнографии, для исторической науки вообще.

Подчеркивая положительное значение материалистических исходных позиций в вопросе о происхождении искусства (трудовая деятельность обуславливает появление искусства), необходимо оговорить, что Плеханов в решении ряда важных вопросов отступал от последовательного материалистического взгляда на характер искусства в первобытном обществе. Он, борясь с идеалистами и вульгарными материалистами, иногда оказывался вовлеченным ими в круг ошибочных теорий. Это сказалось и на определениях искусства, данных Плехановым. Плеханов, определяя искусство, в одном случае ограничивается указанием на то, что искусство отражает мысли и чувства общественного человека, в другом — сводит искусство к выражению того, что человек считает хорошим. В своих определениях Плеханов, игнорируя ленинскую теорию отражения, умалчивает о том, что искусство является прежде всего отражением самой действительности. Следует также сказать, что Плеханов не всегда подчеркивал, что искусство является специфической формой отражения действительности, и в отдельных случаях вульгаризировал положения материалистической эстетики, ставя искусство в непосредственную зависимость от состояния производительных сил и производственной деятельности. Плеханов в своих работах допустил также ошибки неокантианского порядка. Его критика кантовской теории о незаинтересованном, бескорыстном характере искусства, была непоследовательной; иногда он сам допускал формулировки, близкие к кантовской теории (например: «сущность искусства есть творчество, чуждое утилитарных соображений»¹¹⁹).

¹¹⁵ Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 136.

¹¹⁶ Г. В. Плеханов, Об искусстве, сб. «Искусство и литература», стр. 354.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Г. В. Плеханов, Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории, стр. 324; см. также «Письма без адреса», стр. 120.

В «Письмах без адреса» Плеханов вставал на позиции идеализма, утверждая решающую роль психологических законов антитезы, подражания, симметрии в развитии эстетических чувств и искусства. Оговоря о том, что само направление действия этих психологических законов всегда определяется состоянием производительных сил и общественными отношениями, не уничтожают ошибочности указанных взглядов, генетически связанных с теориями психологического происхождения искусства. Признавая игру лишь зародышем искусства, Плеханов не проводил последовательно разницы между игрой и искусством, неправомерно отождествляя их.

Эти ошибочные положения Плеханова явились следствием его общеполитических и идеологических ошибок. Но допущенные Плехановым ошибки в теории происхождения искусства не должны заслонить главного — борьбы Плеханова в 1890—1900-х годах за материалистическое объяснение искусства.

В своих работах о первобытном искусстве Плеханов останавливается на характеристике различных видов искусства — плясок, живописи, скульптуры, орнаментики, татуировки, поэзии.

Пляски Плеханов считает самым важным искусством у человека первобытного общества¹²⁰. Везде Плеханов подчеркивает, что эти пляски представляют «воспроизведение.... производственной деятельности людей»¹²¹, «простое воспроизведение телодвижений работника»¹²², «простое изображение производительных процессов»¹²³. Наряду с плясками, непосредственно отражающими трудовую деятельность первобытных людей, Плеханов указывает на пляски, «выражающие те и чувства и те их идеалы, которые необходимо и естественно должны были развиться у них при свойственном им образе жизни»¹²⁴ — военные пляски, пляски-заклинания, погребальные пляски, любовные пляски. Ритм плясок первобытного человека в конечном счете «зависит от технологического характера данного производительного процесса, от техники данного производства»¹²⁵.

Таково же происхождение и музыкального искусства — оно возникает из трудовой деятельности человека¹²⁶.

Большое значение Плеханов придает изобразительному искусству жизни первобытного общества, особенно на ранней стадии его развития. «Охотничьи народы,— замечает Плеханов,— хорошие живописцы»¹²⁷. И здесь проявляется близкая связь искусства с производственной деятельностью человека. Обращаясь к народам, стоящим на самой низкой ступени культурного развития, Плеханов утверждает: «Рисование здесь еще не искусство; оно преследует утилитарную цель. Это орудие в борьбе за существование, средство производства»¹²⁸. Таков, например, изображения-указатели на реках и тропинках, рисунок географические карты и пр.

Таким образом, «нужда научила первобытного охотника живописи скульптуре»¹²⁹. Лишь постепенно «у человека развивается потребность

¹²⁰ Г. В. Плеханов, Об искусстве, стр. 351.

¹²¹ Г. В. Плеханов. Материалистическое понимание истории, стр. 38.

¹²² Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 95.

¹²³ Там же, стр. 113.

¹²⁴ Там же, стр. 115—116.

¹²⁵ Там же, стр. 65—67.

¹²⁶ См. там же, стр. 66. Следует указать, что в этих вопросах Г. В. Плеханов вставал на путь вульгарного материализма, связывая происхождение искусства с общественно-полезной трудовой деятельностью человека, а непосредственно с его движениями, мускульным сокращением мышц во время работы и т. д.

¹²⁷ Г. В. Плеханов, Материалистическое понимание истории, стр. 39.

¹²⁸ Г. В. Плеханов, Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории, стр. 311.

¹²⁹ Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 148.

изображать предметы, вид которых доставляет ему наслаждение»¹³⁰. Но и в этом случае развитие живописи определяется производственной деятельностью человека. «...Охотничий быт естественно и необходимо должен был возбуждать, развивать и поддерживать инстинкты и таланты первобытных живописцев»¹³¹. Содержание живописи и скульптуры отражало особенности жизни охотничьих племен: «...они заимствовали мотивы своей художественной деятельности почти исключительно из животного мира»¹³².

Плеханов пытается связать развитие изобразительного искусства на первых стадиях первобытного общества с прогрессом производительных сил и производственных отношений: «Пока первобытный человек остается охотником, его стремление к подражанию делает из него, между прочим, живописца и скульптора. Причина понятна. Что нужно ему как живописцу? Ему нужны наблюдательная способность и ловкость руки. Как из тех же самые свойства необходимы ему и как охотнику. Его художественная деятельность является, следовательно, проявлением тех самых свойств, которые вырабатывает в нем борьба за существование. Когда с переходом к скотоводству и к земледелию изменяются условия борьбы за существование, первобытный человек в значительной степени прививает ту склонность и ту способность к живописи, которые отличают его в охотничьем периоде»¹³³.

С тех же методологических позиций, обобщая многочисленные конкретные факты, Плеханов рассматривает происхождение и развитие орнаментики. Орнаментика первоначально служит исключительно практическим целям и возникает из практики первобытного человека: «Учрежденiem является здесь образ того, что употреблялось прежде с утилитарной целью»¹³⁴. Таково происхождение, например, орнаментики на гребнях, на гончарной посуде, на топорах и пр. Многие орнаменты воссоздают узоры на шкуре животных. Своеобразным видом украшений являются также знаки племенной, реже — частной собственности¹³⁵.

Содержание, мотивы орнаментики отражают окружающую человека природу, те ее явления, с которыми связаны производственная деятельность человека (поэтому «у охотничьих племен растения совершенно не фигурируют в их украшениях»¹³⁶, и, наоборот, с переходом к земледелию в орнаменте преобладают растительные мотивы).

Орнаментика отражает также и технику первобытного человека¹³⁷. Разделение труда между мужчинами и женщинами и различное их общественное положение определяют различие в орнаментике женской и мужской.

Связь орнаментики с производственной деятельностью усложняется, но сохраняется на протяжении всей истории первобытного общества. Так, рассмотрев женскую орнаментику, Плеханов приходит к заключению: «...женская орнаментика развивалась и видоизменялась под влиянием нескольких «факторов», но заметьте, что все они частью сами являлись только как результат данного состояния производительных сил первобытного общества (таким «фактором», было, например, порабощение женщины мужчиной), а частью, составляя постоянную принадлежность че-

¹³⁰ Г. В. Плеханов, Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории, стр. 315.

¹³¹ Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 149.

¹³² Там же, стр. 147.

¹³³ Там же, стр. 150—151.

¹³⁴ Там же, стр. 142.

¹³⁵ См. Г. В. Плеханов, Об искусстве, стр. 338.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же. См. также «Заметки при посещении выставок и музеев» в кн. «Литературное наследство Г. В. Плеханова», т. III, 1936, стр. 302—303.

ловеческой природы, действовали так, а не как либо иначе, благодаря непосредственному влиянию «экономики» ...»¹³⁸.

Свои объяснения первобытной орнаментики, как и в целом объяснения искусства, Плеханов направляет против идеалистов, которых орнаментальные украшения «часто радуют ...своим будто бы совершенно овлеченным характером»¹³⁹. Плеханов на ряде примеров доказывает связь орнаментики с конкретными фактами производственной деятельности первобытного человека и отмечает, что первоначально орнамент представлял собой полные и реалистические изображения предметов и фигур и только потом эти изображения стилизуются. «Тесная причинная связь первобытной орнаментики с условиями охотничьего быта выяснена только в самое недавнее время, — пишет Плеханов, — но зато теперь эта орнаментика должна быть отнесена к числу самых убедительных свидетельств в пользу материалистического взгляда на историю»¹⁴⁰.

То же самое следует сказать и о происхождении и характере татуировок первобытного человека. Как и в орнаментике, изображения в татуировке «сначала являются по возможности точным изображением, но в том они стилизуются»¹⁴¹. Плеханов, как и во всех других случаях опровергает домыслы идеалистов, будто «татуировка возникла как проявление первобытного религиозного чувства»¹⁴². На ряде фактов Плеханов показывает, что татуировка возникла из реальных, бытовых нужд первобытного человека: «Дикарь первоначально увидел пользу татуировки и потом уже, — гораздо позже, — стал испытывать эстетическое наслаждение при виде татуированной кожи»¹⁴³. Татуировка отражает жизнь первобытного охотника, его боевые подвиги, важные события в жизни племени, родственные отношения. Различие в татуировке между мужчинами и женщинами «отражает первое разделение труда»¹⁴⁴.

Итак, рассматривая изобразительное искусство, орнаментику и татуировку, Плеханов, исходя из основного материалистического принципа устанавливает, что первоначально эти виды искусства имели наивно-реалистическую форму, а только впоследствии появляется символическая форма. Этот важный вывод направлен против одного из положений идеалистической эстетики, будто «символ... составляет начальный этап искусства»¹⁴⁵.

Сравнительно меньше внимания Плеханов уделил первобытной поэзии. Это объясняется отчасти тем, что, по мнению Плеханова, «первобытная поэзия очень бедна»¹⁴⁶, отчасти тем, что Плеханов не отнесся достаточно критически к работам некоторых буржуазных исследователей. В частности, Плеханов не заметил порочности вульгарно-материалистических концепций книги К. Бюхера «Работа и ритм», которая получила в его работах незаслуженно высокую оценку.

Некоторые из ошибок Плеханова объясняются именно тем, что он увлеченный материалами и положениями К. Бюхера, пошел за ним в трактовке ряда вопросов и не дал марксистской критики бюхеровской теории происхождения искусства как результата ритмических трудовых движений, мускульных напряжений, фактически, по концепции вульгарных материалистов, отъединенных от разумной общественно-полезной трудовой деятельности людей.

¹³⁸ Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 131.

¹³⁹ Там же, стр. 150.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Г. В. Плеханов, Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории, стр. 315.

¹⁴² Г. В. Плеханов, Письма без адреса, стр. 125.

¹⁴³ Там же, стр. 127.

¹⁴⁴ Г. В. Плеханов, Об искусстве, стр. 339.

¹⁴⁵ Ф. В. Гегель, Указ. соч., стр. 312.

¹⁴⁶ Г. В. Плеханов, Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории, стр. 316.

Плеханов вслед за Бюхером преуменьшает значение слова, текста в первобытной поэзии: «Бедность содержания такова, что часто племя поет плю, слов в которой оно не понимает»¹⁴⁷. Ошибочность этого положения очевидна — оно опровергается теорией И. В. Сталина о связи языка и мышления. В случаях, о которых говорит Плеханов, мы имеем дело не с языком, а с музыкальным искусством, в котором бессмысленные «слова» ужат лишь средством выявления голосовых данных, своеобразным первобытным вокализом». Что же касается собственно первобытной поэзии, то слова здесь в с е г д а осмыслены, и они либо непосредственно выражают производственный процесс, либо выражают мысли и чувства первобытного человека, связанные преимущественно с его производственной деятельностью или обусловленные его общественными отношениями.

Плеханов оспаривает гегелевскую теорию возникновения родов поэзии, получившую почти всеобщее признание в буржуазной идеалистической науке (Каррье, Ваккернагель, Бенлов, Лакомб и др.); он выказывает мысль о зарождении всех родов поэзии в безелигиозном первобытном искусстве: «...в рабочих песнях есть и лирика, и эпос, и зародок драмы (когда поет *Vorsänger*, т. е. певала. — В. Г.), хотя лирика преобладает»¹⁴⁸. Этот взгляд Плеханова противостоял всем идеалистическим теориям истории поэзии, в том числе и взгляду так называемой этнографической школы (Тэйлор, Мюллендорф, фон Лиленкрен, Уланд, Гейер и др.), которая выводила роды поэзии из первобытного хорового синкретизма. Взгляд Плеханова противостоит также теории А. Н. Веселовского о происхождении эпоса и лирики из обрядового лиро-эпического хора, а драмы из культа, — теории, которая, в сущности, восстанавливала старую гегелевскую схему: эпос — лирика — драма¹⁴⁹, — и котопая связывала происхождение искусства не с трудовой деятельностью человека, а с «психо-физическими» и религиозным «катарзисом»¹⁵⁰.

Таковы, в общих чертах, воззрения Плеханова на искусство эпохи первобытно-общинного строя.

В 1890-х — начале 1900-х годов, в марксистский период своей деятельности, Г. В. Плеханов высказал немало важных мыслей о сущности отдельных институтов первобытно-общинного строя, обосновал материалистический взгляд на возникновение и сущность первобытной культуры и искусства. Эти мысли Плеханова, высказанные им в связи с критикой идеалистических социологических теорий эпохи империализма и в связи с борьбой за научное, материалистическое обоснование истории, должны рассматриваться как ценный вклад в марксистскую историческую науку и эстетику. Вместе с тем необходимо помнить, что ошибочные положения в рассмотренных выше работах Плеханова заключают в себе зародыши серьезных ошибок идеалистического, меньшевистского характера в последующий период деятельности Плеханова — объективизма, вульгарного социализма, пресловутой «теории иероглифов», отрицания ленинской теории партийности искусства.

Критически воспринятые работы Плеханова марксистского периода должны быть использованы советской наукой в борьбе против идеалистических взглядов на первобытное общество и его культуру.

¹⁴⁷ Г. В. Плеханов, Об искусстве, стр. 341.

¹⁴⁸ «Литературное наследство Г. В. Плеханова», т. III, Соцэкиз, 1936, стр. 313; см. также Г. В. Плеханов, Об искусстве, стр. 340—342.

¹⁴⁹ См. А. Н. Веселовский, Три главы из исторической поэтики, сб. «Историческая поэтика», М.—Л., 1940, гл. I, разделы VII и VIII.

¹⁵⁰ Там же, стр. 201.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Е. Н. СТУДЕНЕЦКАЯ

О НЕКОТОРЫХ МОМЕНТАХ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Изучение этнографии, культуры и быта колхозного крестьянства проводится в течение многих лет, но особенно много внимания уделяет этой теме в послевоенный период. За такой срок мог быть создан ряд отлыхных трудов. Однако до сих пор мы имеем в основном отдельные журнальные статьи или доклады на научных совещаниях.

Такое положение явно не может удовлетворять этнографов, и журнал «Советская этнография» правильно сделал, предоставив место для высказывания суждений о проделанной работе, ее достоинствах и ошибках, ее методике. Опубликованные работы по быту и культуре колхозного крестьянства имеют характер монографических описаний отдельных колхозов или тематических исследований по отдельным вопросам культуры и быта колхозников. Нам представляется нeliшним остановиться на особенностях той или другой формы. На этнографическом совещании 1951 поднимался вопрос о том, какой вид исследования является наиболее рациональным и дает лучшие результаты.

Нам кажется, что монографический метод, примененный к описанию отдельных колхозов, имеет ряд отрицательных моментов. Монографическое описание колхоза неизбежно должно охватывать все стороны его жизни, в том числе технику производства и экономику. Современный укрупненный колхоз, с его мощной техникой и сложной экономикой, нельзя изучить без глубоких специальных знаний в этих областях. Этнограф-исследователь выступает в таких случаях как неспециалист, дилетант, что не может не отразиться на качестве работы. В связи с этим возникла мысль, осуществляемая уже в ряде экспедиций, а именно — включение в состав экспедиций специалистов по технике и экономике сельского хозяйства и превращение экспедиций в комплексные.

Но нас интересует работа именно этнографов, их место в изучении колхозного крестьянства.

Типичную для монографических работ по колхозам описательность некоторые товарищи объясняют недостаточной углубленностью работы, краткими ее сроками.

Нам кажется, что дело не только в этом. Само требование монографического изучения толкает к описательности, особенно если работа выполняется одним человеком. Ни один исследователь не может быть специалистом по всем сторонам колхозной жизни. Поэтому в большей части монографий автор невольно будет только описателем, и лишь в тех в просах, в которых он является специалистом, он сможет дать большую глубину исследования.

Вторым и еще более существенным моментом является то, что всякая монография, посвященная одному колхозу, не может дать достаточного материала для глубоких выводов и обобщений, для выявления каких-то закономерностей. В лучшем случае исследователь сможет проследить на своем объекте отражение общих и ранее ему известных закономерностей. Правда, при наличии большого числа высококачественных монографических описаний тщательно выбранных объектов, которое может быть результатом планомерной, длительной и тщательной работы, проходящейся по единой программе, можно было бы построить обобщающие глубокие работы, но это дело длительного времени. Да и при этих условиях монографическое исследование отдельных колхозов будет служить лишь материалом для дальнейшей работы.

Вот почему, по нашему мнению, не отрицая возможности и целесообразности монографических работ, необходимо все же уделять значительно больше внимания, чем это наблюдается сейчас, тематическим исследованиям по основным вопросам культуры и быта народа.

Тематические работы могут быть построены в основном на этнографическом, при этом в значительной степени на полевом материале, в котором этнограф является в полной мере «хозяином». Само собой разумеется, что мы не призываем замкнуться в рамках только этого материала и отказаться от использования в своей работе фактических данных и выводов истории, археологии, языкоznания и других наук. Тем более нельзя игнорировать вопросы экономики, так как без понимания экономического строя общества нельзя понять ни одного общественного явления, ни одного элемента культуры и быта. Однако экономика не будет занимать столько места, как в монографическом описании колхоза.

При выборе темы работы каждый исследователь, руководствуясь прежде всего значимостью темы, вместе с тем будет учитывать свои возможности и выступать как специалист в определенной области (материальная культура, народное искусство, семейный быт, социальные отношения и т. п.), где он сможет дать наибольшую глубину изучения. Не будучи ограничен территориальными рамками своего объекта, он сможет привести большое число наблюдений, изучить особенности различных районов и, таким образом, будет иметь обильный материал и возможность широких и обоснованных сравнений, что необходимо для всякого серьезного исследования.

Может быть, именно в силу вышеизложенного и на этнографическом совещании 1951 г. раздавался ряд голосов в пользу усиления тематических исследований наряду с монографическими. Но, конечно, отсюда нельзя сделать вывод, что в сякое тематическое исследование будет требоваться значительное всяко монографического.

В статье П. И. Кушнера, опубликованной в № 1 журнала «Советская этнография» за 1952 г., указывается, что одной из причин недостаточно высокого уровня работ советских этнографов по изучению колхозного крестьянства служит то, что за объект изучения брали колхоз, а не селение в целом. Это суждение вызвало различные отклики в статьях Т. Кислякова, Воробьева, Воздвиженской и Лашук.

Соглашаясь с Н. А. Кисляковым в том, что вряд ли это может являться одной из основных причин недостатков известных нам работ, вместе с тем я думаю, что правильнее изучать селение, аул, кишлак в целом, как прожившееся в течение длительного исторического периода сообщество людей. Сама история сложения и развития данного колхоза будет понятнее и ярче в том случае, если мы будем рассматривать селение в целом, как в дореволюционный, так и в советский период. В прошлом каждое селение имело свою специфику, свой, если можно так выразиться, социально-политический облик, и по-разному в нем могли происходить процессы переустройства хозяйства и быта. На это воздействовала и та часть населения, которая не являлась членами колхозов. Объектом наше-

го изучения является не колхоз, не селение, а народ в пределах (при нографическом описании) колхоза или селения. При исследовании не можем искусственно отделять колхозников от неколхозников (врачебного, рабочие промкомбинатов и т. п.), обитающих в пределах территории колхоза и зачастую являющихся родственниками колхозников живущими общим семейным бытом.

Попутно мне хочется также обратить внимание этнографов на еще одну группу сельского населения, которая до сих пор не привлекала должного внимания. Я говорю о рабочих совхозов. Их быт и культура представляют собой своеобразный интерес. Производство в совхозах также, как и в крупных колхозах, но организация его, система оплаты труда другая, построенная на тех же принципах, что и оплата рабочих служащих города. Это сочетание накладывает свой отпечаток на быта и на сознание работающих в совхозах, обычно бывших крестьян или их детей, и не может не интересовать советских этнографов. В этом нас убедил и наш опыт работы в одном из крупных совхозов РСФСР.

Статья П. И. Кушнера кончается словами о том, что «методы тематического исследования не вызывают пока споров среди советских этнографов, а потому об этом можно в данной статье и не говорить»¹.

Нам кажется, что необходимо говорить еще об одном моменте, равно относящемся как к монографическому, так и к тематическому исследованию. Мы знаем, что специфика этнографического исследования состоит и в его методике — непосредственном наблюдении и сборе сведений из уст живых людей — информаторов. Такими информаторами являются колхозники — они одновременно и источник сведений и объект изучения.

Но колхозное крестьянство качественно отлично от старого деревенского крестьянства, которое изучали тогда этнографы. Новое качество возникло в результате Великой Октябрьской социалистической революции, в результате такого переворота, как коллективизация.

И. В. Сталин писал: «Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года»².

Следовательно, ведя беседы, задавая вопросы, собирая материал, временный этнограф не может слепо копировать работу деревенских ученых, он должен в своей методике учитывать это новое качество.

В старое время между исследователем-этнографом и объектом изучения было большое различие в общественном положении и культурном уровне. Один был угнетенный, в большинстве случаев неграмотный, опутанный суевериями крестьянин (особенно, если говорить о народе бывших колоний царской России), а другой — ученый.

Иное дело сейчас, в нашей советской действительности, где существенные различия между физическим и умственным трудом, между городом и деревней стираются.

В нашей полевой работе в большинстве случаев в лице исследователя и информатора встречаются два равных или почти равных по культуре человека. Отсюда очевидна разница в самом подходе, разговоре, системе вопросов, всей методике работы. Если раньше информатор был пассив и являлся только источником, то современные наши информаторы активны, в той или иной мере они — наши соавторы. Информатор критически подходит к задаваемым ему вопросам, часто сам подсказывает направление работы, высказывает обобщение.

¹ П. И. Кушнер, Об этнографическом изучении колхозного крестьянства, «Советская этнография», 1952, № 1.

² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 291.

При этих условиях особенно повышается наша ответственность перед всеми будущими читателями и перед нашими информаторами не только за передачу фактов, но и за их толкование. Позвольте привести личный пример. В процессе работы над темой «Труд и быт женщины преволюционной и Советской Кабарды» я встречалась с информаторами — рядовыми колхозницами и знатными женщинами Кабардинской ССР. Я писала о их жизни, о жизни их матерей и бабушек. При исследовании материала, собранного из различных источников (личные наблюдения, сведения от информаторов, архивные документы, фольклор и литература), у меня сложилась определенная концепция, трактовка этого материала.

Вполне естественно, что эту основную линию работы, эту концепцию мне захотелось проверить, подтвердить или опровергнуть путем изложения ее моим «соавторам» — информаторам, одновременно героям моего исследования.

С помощью отдела по работе среди женщин при Кабардинском обкоме ВКП(б) было проведено совещание кабардинок — депутатов Верховного Совета КАССР. На этой беседе, где я изложила основные вопросы моей работы, присутствовали колхозницы, сельская интеллигенция и партийные работники. С большой активностью обсуждали они мое сообщение, подтверждая отдельные положения или не соглашались с ними. Эта беседа принесла мне большую пользу, и мне кажется, что при малейшей возможности надо стремиться к такой проверке своих выводов информаторами, помогавшими в работе. Формы могут быть различными — предварительный доклад, индивидуальная беседа, публикация в местной печати краткого сообщения о проделанной работе и т. п.

Говоря о новом в методике, надо учесть и еще один момент, новую для исследователя трудность.

Информаторы дореволюционных этнографов в большинстве случаев жили всю жизнь в одном месте, были неграмотными или полуграмотными, имели более ограниченный кругозор, меньше подвергались воздействиям извне, в частности литературным влияниям, и, следовательно, передавали в большинстве случаев опыт и наблюдения свои личные или небольшого круга людей.

Кругозор современных информаторов очень широк, они читают книги, газеты, смотрят кинокартины и театральные постановки. Иногда, при неправильно построенной беседе, информатор начинает излагать не свой личный материал, служащий для нас источником, а переработанный им из газет, литературы и т. п.

В таких случаях исследователь должен осторожно и умело отделить одно от другого. Выделяя личный материал, необходимо вместе с тем отметить факт привлечения информатором литературного материала, как показатель его уровня. Надо учесть его интерпретацию прочитанного, сравнения, проводимые им с жизнью, так как все это, хотя и не сообщает нам фактов для исследования, но само по себе является показателем того качественно нового, что появилось в результате достижений социалистического строительства в деревне.

При недостаточной же внимательности к этому моменту может получиться так же, как с некоторыми неподготовленными и незадачливыми фольклористами первых лет советского строительства, которые усердно записывали «местные» частушки, напечатанные, как впоследствии оказалось, в отрывном календаре, откуда их и взяли исполнители.

Итак, качественное изменение нашего объекта изучения, основного источника нашей информации, требует изменения нашей методики в сторону большего соавторства с информаторами, более тщательного отбора и проверки данных и самой концепции, более активного нашего вмешательства в жизнь и доведения наших выводов до широких масс.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

Н. Г. ЗАЛКИНД

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТИРАСИСТСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ Д. И. ПИСАРЕВА

Оценивая пути развития естествознания в России в 60-е годы прошлого столетия К. А. Тимирязев писал: «По образованию филолог, дилетант в естествознании, знанием ему только из книг, увлекающийся, но зато и увлекавший, Писарев выступил убежденным защитником культурной задачи естествознания вообще и в современном русском обществе в особенности. Теперь может вызвать улыбку, например, его горячий призыв, обращенный к Салтыкову-Щедрину,—бросить свои побасенки вроде «Губернских очерков» и заняться единственной насущной, по его мнению, задачей — популяризацией естествознания, но, тем не менее, пробегая на расстоянии полуверста эти горячие красноречивые страницы так рано отнятого судьбой у русской литературы талантливого и широко образованного критика-публициста, понимаешь, какие глубокие корни пустило в обществе того времени сознание не узко утилитарного, а общеобразовательного, философского значения того самого естествознания, занятие которых еще так недавно было обыкновенным русскому обывателю представлялось каким-то непонятным барским чудачеством¹. Эта широкая для 60-х годов волна популяризации науки обнаруживает «одно из проявлений духа времени — стремление найти себе опору не в одних представителях просвещенного абсолютизма или меценатах какого бы то ни было вида, а на более прочном фундаменте широкого сочувствия к науке, основанного на более распространенном понимании ее значения и задачи².

Страницы передовых русских журналов 60-х годов действительно изобилуют как оригинальными, так и переводными статьями, обзорами, полемическими рецензиями по всем вопросам естествознания. «Современник», «Русское слово» и другие журналы были в эти годы трибуной, с которой широким кругом читающей русской публике преподносились в популярной форме достижения передовой науки, преимущественно биологической, с явно выраженным стремлением положить данные естествознания в основу философского материалистического мировоззрения.

В эти годы на страницах журнала «Русское слово», сотрудником которого был Д. И. Писарев, можно встретить статьи и заметки выдающихся русских естественноиспытателей — Н. А. Северцева, В. О. Ковалевского и других, а также отклики на работы основоположника русской физиологии И. М. Сеченова, выдающегося ученого и популяризатора науки профессора Московского университета А. П. Богданова.

В связи с выходом в свет книги Дарвина «Происхождение видов» впервые в русском переводе (1864 г.) Писаревым и другими сотрудниками журнала оставлены блестящие страницы, посвященные пропаганде и популяризации эволюционного учения Дарвина. Журнал живо откликся буквально на каждое крупное событие научной жизни.

Популяризация естествознания Писаревым и его современниками являлась продолжением пропаганды материалистического взгляда на природу, проводимой еще в выдающихся трудах Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова.

Популяризируя естествознание, Писарев настойчиво пропагандировал в своих статьях материалистический взгляд на природу. Он утверждал, что «все законы природы, простые и сложные, исследованные и неисследованные, физические и психологические, одинаково непоколебимы, одинаково обширны и одинаково не терпят исключе-

¹ К. А. Тимирязев, Соч., т. VIII, 1939, стр. 175.

² Там же, стр. 168.

й, потому что все они одинаково вытекают из необходимых и вечных свойств беспредельного мирового вещества»³.

Многие статьи Писарева, в которых пропагандируются достижения естествознания, свидетельствуют о том, что их автор придавал большое значение популяризации данной науки о человеке (антропологии). Вопросы популяризации данных антропологии публицистической деятельности Писарева заслуживают большого внимания, так как под влиянием писаревского «реализма» воспитывалось старшее поколение русских пропагандистов. Большое значение для популяризации естествознания имеют работы Писарева «Очерки из истории труда»⁴ и «Прогресс в мире животных и растений»⁵, написанные им в годы пребывания в Петропавловской крепости, куда он был заключен в 1862 г. царским самодержавием за революционную, нелегально напечатанную статью «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти». В этих работах следия попытка удержать за одним человеком право смотреть на другого человека.

«Исследования геологов над различными формациями земной коры и над остатками органических тел, превратившихся в окаменелости, доказывают неопровергимым образом, что человек появился на земле в позднейший период ее образования. Тысячи может быть, миллионы лет прошли над нашей планетой, прежде чем органическая жизнь достигла того разнообразия, той сложности и того совершенства, которые проявляются в высших породах млекопитающих, т. е. в обезьянах и в человеке»⁶.

Сменялись геологические периоды. Одни виды животных и растений сменяли другие. Развивалась органическая природа, развивался и человек. «Природа человека всегда была так же способна к беспредельному развитию, как природа, окружающая человека, всегда была способна к бесконечному разнообразию видоизменений и комбинаций...»⁷.

Положение Писарева, что человек — продукт развития органического мира, что и связан с органическим миром своим происхождением, — несомненно играло огромную прогрессивную роль в борьбе с идеализмом и мистикой в вопросе о происхождении человека. В вопросе о возникновении и развитии человеческой речи Писарев приходит вплотную к правильному, материалистическому пониманию этой сложной проблемы, окончательно разрешенной лишь в трудах классиков марксизма-ленинизма. Писарев придавал огромное значение возникновению языка, как орудия общения между людьми. Первобытный человек, говорит Писарев, был беспомощным и беспомощным существом, дурно владеющим орудием слова, плохоправляющимся спечатлениями внешнего мира, с трудом передающим эти впечатления другому, с трудом понимающим бессвязные звуки и неопределенные желания этого другого⁸.

«Первые успехи людей в практическом ознакомлении с силами и законами природы и в создании языка как могучего и незаменимого орудия сближения между людьми, конечно, медленны и вялы; но зато каждый последующий шаг совершался легче и быстрее предыдущего»⁹.

Здесь отчетливо выступает основное положение о том, что человеческая речь в самом начале, у самых истоков ее возникновения, представляла собою один из могучих двигателей эволюции человека.

Как и другие передовые публицисты 60-х годов, Писарев ставил одной из своих важнейших задач пропаганду эволюционного учения Дарвина. Его работа «Прогресс в мире животных и растений» (1864) представляет собой выдающийся образец пропаганды и популярного изложения учения Дарвина. Подчеркивая, что идеи Дарвина произвели полный переворот в естествознании, Писарев называет антропологию в числе других отраслей естествознания, испытавших на себе плодотворное влияние учения Дарвина. В этой работе Писарев широко привлекает данные палеоантропологии для доказательства эволюции человека, для подтверждения эволюционного учения Дарвина. Писарев показывает, что новые находки ископаемых остатков животных и человека наносят удар антинаучным, идеалистическим взглядам даже таких ученых, как Ж. Кювье.

«Тридцать лет тому назад Кювье говорил, что нет и не может быть ни ископаемых обезьян, ни ископаемых людей, и приводил в пользу этого мнения даже теоретические основания. Эти основания очень хороши и убедительны, но, к сожалению, нашли ископаемые обезьяны и даже ископаемые люди»¹⁰.

Выступления Писарева и других сотрудников «Русского слова» по вопросам, связанным с пропагандой материалистического взгляда на природу человека, имели большое значение. Однако Писарев, как и его предшественники и ближайшие современники в русской научной публицистике, не мог полностью решить вопрос о каче-

³ Д. И. Писарев, Избранные философские и общественно-политические статьи, Госполитиздат, 1949, стр. 321—322.

⁴ Журн. «Русское слово», 1863.

⁵ «Русское слово», 1864.

⁶ Д. И. Писарев, Избранные философские и общественно-политические статьи, 1945, стр. 157.

⁷ Там же, стр. 172.

⁸ См. там же, стр. 158.

⁹ Там же, стр. 160.

¹⁰ Там же, стр. 460.

ственных отличиях человека от животных и о причинах этих отличий. Положительное разрешение этого вопроса было дано лишь Ф. Энгельсом, показавшим решающее значение трудовой деятельности в происхождении и эволюции человека.

Писареву и его ближайшим предшественникам и современникам принадлежит также заслуга в борьбе с расистскими измышлениями современных им буржуазных ученых.

В 1861 г., в библиографической заметке по поводу посмертного издания стихотворений Гейне¹¹, Писарев обращает внимание читателей на стихотворение «Штука человеческого скота». Это стихотворение, в действительности принадлежавшее не Гейне, а одному из поэтов, напечатавшему свои стихи под именем Гейне, рисует тяжелую картину рабства негров в Америке. Писарев цитирует полностью перевод этого стихотворения и предпосыпает ему следующие строки: «В настоящее время, когда внимание образованного мира обращено на последнюю борьбу между защитниками рабства и его врагами, когда в самой демократической стране нашей планеты совершает последнюю попытку удержать за одним человеком право смотреть на другого человека как на выключное животное,— следующий стихотворный рассказ Гейне окажется не менее интересен современного интереса»¹².

Писарев замечает, что сюжет этого стихотворения и даже его заголовок «Ein Stück Menschen Vieh» заставляет читателя «бросить взгляд на отношения между американскими плантаторами и их рабами». Плантатору, говорит Писарев, дозволено все: «спбоя, жестокие телесные наказания, насилие — все это такого рода домашние распоряжения, на которые некуда пожаловаться и в которых никто не станет гребовать у хозяина отчета»¹³. Приводим полностью содержание этого стихотворения в переводе Д. И. Писарева.

«Колокола звонят к обедне и призывают на молитву; толпа стремится в церкви; прекрасное воскресное утро! Молодые матери убаюкивают на коленях своих новорожденных детей; девушки и матроны сидят в прохладной тени веранд. А в это время бедная невольница-негритянка, молодая, цветущая красавица, лежит и стонет на жесткой соломе, одна, всеми оставленная, в тюрьме. Закон благочестивого штата Луизианы определяет смертную казнь тому рабу, который поднимет руку на своего господина. Дина,— так зовут эту девушку, которая по словам закона, принадлежит человеческому скоту и отдается в полное распоряжение владельца,— Дина ударила свою госпожу, чтобы защитить себя от побоев; она совершила дело дозволенное обороны. Но буква закона решает дело: ее тотчас же осудили на смерть, и поэтому она томится в мрачной тюрьме. День ее казни тогда был еще далек, потому что у нее была страшная надежда сделаться матерью. Отец этого ребенка, которого рожденной она ожидала, как приближения своей смерти, был супруг ее строгой госпожи, Дина сделалась жертвой его похотливости и через два месяца родила мальчика, без всякой помощи, в стенах тюрьмы. Из ее рук вырвали ребенка; не помогли ни просьбы, ни слезы; напрасно беснуется львица, у которой отняли детенышей. Вслед затем заскрипели засовы тюрьмы, ее ожидал эшафот; палах ведет ее под руку на последнюю прогулку. Вокруг эшафота собирается любопытная толпа, желающая посмотреть на бедную преступницу и присутствовать при последних минутах ее жизни».

Писарев гневно восклицает: «Посмотрите на какую хотите породу животных, вы увидите, что самец всегда станет защищать свою самку; но плантатор южных штатов составляет исключение из этого общего правила: он смотрит на свою бывшую любовницу, как на домашнее животное или как на мебель... Прошла потребность в этой мебели, и ее можно сломать на дрова без малейшего сожаления...»¹⁴.

В эти годы в связи с гражданской войной в Америке на страницах передовых русских журналов появляется значительное число очерков, направленных на разоблачение реакционной сущности американского расизма, на защиту угнетенных негров против рабовладельцев. Передовые русские журналы «Современник» и «Русское слово» резко выступали против рабства негров, против расизма. На страницах «Современника» в этот период появляются антирасистские выступления великих русских революционеров-демократов Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, показавших, что различия в культурном уровне разных народов не могут быть объяснены какими-то «расовыми» особенностями, но связаны с ходом исторического развития данного народа.

В 1861 г. на страницах «Современника» появляется статья В. Обручева «Невольничество в Северной Америке», а на страницах «Русского слова» статья А. Топорова «Невольничество в южноамериканских штатах», резко направленные против рабства негров. В упомянутой статье А. Топоров показал реакционную роль американской церкви, защищающей «со своей трибуны невольничество авторитетом Ветхого Завета проповедующей рабство «со всеми его основами: терпением в истязаниях, безусловною покорностью воле и прихотям плантаторов и уничтожением личности»¹⁵.

¹¹ «Русское слово», 1861, октябрь, ноябрь.

¹² Д. И. Писарев, Собр. соч., изд. Ф. Павленкова, СПб., 1890, т. 1, стр. 53.

¹³ Там же, стр. 535.

¹⁴ Там же, стр. 536.

¹⁵ «Русское слово», 1861, № 4, стр. 12 и 18.

Яростная защита невольничества церковью, говорит автор статьи, связана с тем, что члены духовной иерархии невольнических штатов в большинстве случаев — сами ютые рабовладельцы. Эти «благочестивые пастыри», — замечает автор, — передко проходят молодых негритянок содергателям публичных домов и после проповеди часто проправляются с собаками на охоту за белыми невольниками»¹⁶.

Отдел «Политика» журнала «Русское слово» в эти годы систематически освещает события, связанные с гражданской войной в Америке. Редактор журнала «Русское слово» Г. Благосветлов писал о лживости американской «демократии», подчеркивая, что «нигде и никогда положение раба не было так тягостно и позорно, как на американской земле», где «под одним историческим горизонтом и в одной географической черте» встречаются одновременно «белые угнетатели и черные угнетенные, бич плантатора и свободное действие гражданина, неприкословенность собственности, независимость общественного мнения и публичный торг людьми, выводимыми на рынок вместе с домашним скотом»¹⁷.

Отдавая дань времени, Писарев ошибочно переносил на человеческие расы эволюционный принцип Дарвина, чтобы объяснить этим самым различия между расами. Но Писарев, конечно, не делал из этого вывода, что «рабство — явление неизбежное, законное и благотворное». «Ничуть не бывало, — восклицает он, — рабство все-таки остается явлением отвратительным и вредным»¹⁸. Писарев подчеркнул, что «белая раса везде и всегда играла роль желтого таракана и пасюка: португальцы истребили гуанхов, жителей Канарских островов; испанцы истребили краснокожих обитателей Бест-Индии; англичане истребили или поработили индусов, австралийцев, новозеландцев и северо-американских индейцев...»¹⁹.

Наряду с выступлениями против расизма, передовая русская общественность выступила и против реакционных измышлений «многочисленных последователей слишком знаменитых учителей Мальтуса и Рикардо»²⁰. Еще в 40-х годах прошлого столетия талантливый русский экономист В. Милютин впервые в России выступил с научной критикой мальтузианства. Позднее уничтожающей критике подверг мальтузианство Н. Г. Чернышевский.

На критике мальтузианства в своих статьях не раз останавливался и Писарев.

Еще в 1862 г., в статье «Пчелы», представляющей собой обличительный памфлет против реакционных порядков в России, Писарев критикует взгляды английского экономиста, ученика и последователя Мальтуса и Рикардо, Дж. Ст. Милля. Писарев называет Милля «величайшим индивидуалистом нашего времени» за то, что он решается «признать за обществом право контролировать заключение браков и запрещать те брачные союзы, которые угрожают обществу приращением неимущих граждан и, следовательно, понижением задельной платы»²¹.

На критике мальтузианства Писарев останавливается и в работе «Очерки из истории труда» (1863 г.). Он вскрывает классовый, откровенно реакционный и человеконенавистнический характер измышлений последователей Мальтуса: «Гадания Мальтуса о размножении людей вытекают из того же мутного источника и, подобно рассуждениям Рикардо, не имеют ни малейшего научного основания. Так называемый мальтузов закон много раз подвергался разрушительной критике мыслителей, имеющих здравые понятия об условиях народного благосостояния. Года три тому назад общая несостоятельность и отдельные промахи этой теории были доказаны очень основательно Чернышевским в его примечаниях и дополнениях к переводу политической экономии Милля»²².

Краткий очерк высказываний Писарева по вопросам науки о человеке еще раз подтверждает его выдающуюся роль борца за все передовое и прогрессивное, за настоящую науку, против человеконенавистнической проповеди расизма и мальтузианства. Страстное слово Писарева будило мысль наиболее прогрессивных слоев русского общества, звало вперед, открывая безбрежные перспективы научного творчества в интересах народа.

В воспоминаниях о Ленине Н. К. Крупская писала, что Владимир Ильич в свое время много читал Писарева, любил его. В шушенском альбоме Ленина «среди карточек любимых им революционных деятелей и писателей была фотография Д. И. Писарева»²³.

¹⁶ «Русское слово», 1861, № 4, стр. 19.

¹⁷ «Русское слово», 1862, февраль, «Иностранный литература», стр. 1.

¹⁸ Там же, стр. 152.

¹⁹ Там же, стр. 152.

²⁰ Д. И. Писарев, Избранные философские и общественно-политические статьи, 1949, стр. 184.

²¹ Там же, стр. 99.

²² Там же, стр. 185.

²³ Газ. «Правда» от 3 октября 1935 г.

А. ВИШНЯУСКАЙТЕ

БЫТ И КУЛЬТУРА КОЛХОЗНИКОВ ШЯУЛЯЙСКОЙ ОБЛАСТИ ЛИТОВСКОЙ ССР *

Шяуляйская область расположена в северной части Советской Литвы на границе с Латвийской ССР. В период господства буржуазии в этой области было засилье купечества. Из-за обилия дешевой рабочей силы оплата батраков в Шяуляйской области была гораздо ниже, чем в других районах Литвы, поэтому значительная часть безземельных крестьян уходила в батраки к кулакам в Латвию.

Восстановление Советской власти и победа колхозного строя в Литве в корне изменили положение литовского крестьянства.

Шяуляйская область одна из первых завершила сплошную коллективизацию. К марта 1951 г. в 24 районах области насчитывалось около 840 колхозов, некоторые из наиболее ранних среди них достигли высокого развития и стали самыми передовыми колхозами в республике.

Настоящая статья основана на материалах четырех передовых колхозов Шяуляйской области. Два из них находятся в районе Ионишкис — колхоз им. Сталина и колхоз им. Юлиуса Яновиса; один в районе Линкува — колхоз им. Каролиса Пожела и один в районе Биржай — колхоз «Тарибинис артояс». Все они созданы в 1948 г. После укрупнения в 1950 г. каждый из них занимает приблизительно по 1670 га общей площади. По своему производственному направлению это полеводческие колхозы с достаточно развитым животноводством. Колхозы «Тарибинис артояс» и им. Каролиса Пожела обеспечивают семенами высокого качества другие колхозы своего района. В колхозе «Тарибинис артояс» выращиваются такие технические культуры, которые до Советской власти в Литве не культивировались (например, коксагыз).

Земля северных районов Советской Литвы одна из самых плодородных в республике, но урожай зерновых у крестьянина в буржуазное время едва достигал 10—12 ц/га. Даже середняки не имели возможности прожить урожаем со своей земли и искали посторонних заработков.

В колхозе «Тарибинис артояс» уже в 1949 г. звено колхозника Костаса Прунуска, применяя передовую отечественную сельскохозяйственную технику, на площади в 13 га вырастило по 29,2 ц/га озимой пшеницы. В этом же колхозе в 1949 г. был достигнут урожай в 350—400 ц/га сахарной свеклы. Достигнутые успехи вдохновили членов колхоза «Тарибинис артояс» на дальнейшую борьбу за высокие урожаи, и они добились урожая озимой и яровой пшеницы по 22 ц/га на всей площади посева.

В этом колхозе нет ни одного колхозника, не выполняющего трудовых норм. Даже старики, получающие от колхоза пособие, вырабатывают в среднем по 40 трудодней. Есть несколько семей,рабатывающих свыше 1000 трудодней. Так, семья вдовы Аполлонии Ворене, которая состоит из шести трудоспособных членов семьи — матери, двух сыновей и трех дочерей, выработала в 1949 г. 1700 трудодней и получила на них 12 т ржи, 6 ц сахара, 3808 рублей деньгами, 60 ц картофеля и другие продукты.

Неуклонно повышается политическое сознание литовских колхозников, их культурный уровень. Об этом говорит хотя бы наблюдаемое повсюду стремление колхозников получить агротехническое образование, овладеть передовыми методами труда. Мы являемся свидетелями того, с каким энтузиазмом колхозники на собраниях и во время бесед обсуждали необходимость введения новых технических преобразований в хозяйстве колхоза. В жизни колхозов огромное значение имеет социалистическое соревнование между бригадами, между отдельными колхозниками и между целыми колхозами. В колхозах растут новые советские люди, горячие патриоты, энтузиасты социалистического труда. Состоявшая на иждивении колхоза «Тарибинис артояс» восьмидесятилетняя Эльжбета Вайчюленене добровольно обязалась выполнить колхозное картофельное поле. Она заявила: «Без работы не могу жить. В колхозе работать — это не на кулаков спину гнуть. На кулаков всю жизнь работала, так хоть перед смертью для колхоза поработаю». Или, например, колхозница из колхоза им. Сталин-

* По материалам этнографических экспедиций 1950 и 1951 гг., организованных Институтом истории Академии Наук Литовской ССР.

ефа Тамашаускене рассказывает: «Выходим с дочерью полоть сахарную свеклу на свету. Идем и говорим, что теперь-то будем первыми. Глядишь, а другие уже идут. Даже досадно, что обогнали...».

Среди передовых организаторов колхозного труда стоит коммунист Владас Круминис, в прошлом сын малоземельного крестьянина, не имевший возможности учиться в детстве. Он сражался в рядах Советской Армии и потерял во время войны мать и двух братьев, зверски убитых гитлеровцами. С первых дней существования колхоза «Таринис артояс» Владас Круминис является его бессменным председателем. Под его руководством колхоз вырос с 13 до 130 хозяйств. В 1951 г. Владас Круминис написал юморю «Как мы вырастили высокий урожай зерновых культур».

В органах управления колхоза активно участвуют женщины. Так, в Ионишском районе две женщины работают председателями колхозов, это члены партии М. Римкювене (колхоз им. Юлиуса Яниниса) и Стасе Урманене (колхоз им. Дзержинского). В этом же районе партторгом является бывшая батрачка Рузаускене, мать семерых детей, награжденная орденом «Материнская слава».

В колхозе им. Ю. Яниниса создан Совет женщин, работа которого направлена на то, чтобы облегчить женщинам работу в семье и дать им большую возможность участвовать в колхозном производстве. По инициативе Совета женщин в июне 1951 г. был организован первый в Ионишском районе сезонный детский сад.

С повышением авторитета женщины в производственно-общественной жизни колхоза увеличилась ее роль и в области распределения доходов семьи, основным источником которых является выплата на трудодни. Значительная часть доходов предназначается на культурные потребности семьи: приобретение велосипеда, швейной машины, радиоприемника, на выписку газет и журналов. У колхозников Шяуляйской области почти каждая семья имеет по несколько велосипедов. По воскресеньям редко встречаются пешеходы, большинство встречных — велосипедисты.

Одежда колхозников Шяуляйской области, особенно праздничная, и по материалу по покрою мало чем отличается от одежды горожан. Женское праздничное платье является: зимнее из шерстяной ткани, летнее — из шелковой. Женщины старшего возраста и летом по праздникам носят шерстяные платья. Платья на каждый день шьют из хлопчатобумажной фабричной материи.

Зимой поверх платья или блузки носят шерстяные жакеты, перед и рукава их крашены орнаментом из разноцветных ниток. Более всего распространен мотив лилии. Для мужчин вяжут свитеры без рукавов, обычно без орнамента. Любимый наряд молодежи обоего пола — блузы спортивного покроя, сшитые из костюмной шерстяной ткани.

Мужское белье в большинстве случаев еще шьют из домотканного белого полотна, однако все большее распространение получают фабричное полотно и ситец. Праздничные мужские рубашки чаще всего покупают готовыми в Шяуляй, Риге, Бауска.

Женщины 30—50 лет назад носили длинные полотняные рубашки. Теперь повсеместно вошло в обиход трикотажное женское белье, летом нередко шелковое.

Еще лет 15 назад девушки и особенно замужние женщины не могли показаться на улице с непокрытой головой. Они носили белые хлопчатобумажные или шелковые платки. Теперь, особенно летом, молодежь всегда ходит с непокрытой головой; женщины старшего возраста носят пестрые платки, завязываемые под подбородком, мужчины более старшего возраста ходят в шапках.

Немало молодых женщин и девушек подстригают волосы. Женщины старшего возраста чаще всего носят традиционную прическу — заплетенные в косы волосы укладывают венком вокруг головы или на затылке. 20—30 лет назад очень распространенным украшением были серьги. Теперь их почти не носят.

Обувь колхозников разнообразна, в зависимости от того, для какого периода года и для какой цели она предназначается. Праздничная обувь как мужчин, так и женщин покупается в магазинах. Пожилые колхозники Ионишского и Линкувского районов во время страдной поры носят так называемые *нагинес* (постолы, кожанцы), изготавливаемые деревенскими ремесленниками по образцу старинных нагинес, только вместо кожи применяется резина. Нагинес надевают на шерстяные или хлопчатобумажные чулки, которые обматываются завязками — оборами от нагинес, называемыми *апиварас*. Летом колхозники Биржайского района обычно носят крепкие сандалии домашнего производства на кожаной или резиновой подошве.

В период господства буржуазии крестьяне Шяуляйской области, кроме нагинес, употребляли еще обувь, которую в окрестностях Линкува называли *меджякай*, а в крестьянских Биржай — *медпаджай* или *тупелес*. Обувь этого рода применялась во время хозяйственных работ в хлевах и т. п. Подошва делалась из дерева, а верх и задник обивались кожей. Такую обувь можно встретить и теперь, но она уже исчезает, уступая место кожаной или резиновой обуви.

После Великой Отечественной войны в связи с улучшением сообщения с центром области — Шяуляй и не очень отдаленными городами Латвийской ССР — Ригой и Бауска в деревне распространились крепкие башмаки с подошвами, окованными железными, которые здесь стали называть «танками». Это в основном зимняя обувь мужчин. Тогда же распространились сапоги с голенищами из черной кожи для женщин, которые раньше были исключительно мужской обувью. Теперь женские сапоги с голенищами (*чебатай*) опять стали исчезать.

Во время общенародных праздников и торжеств широко распространено ношение литовских национальных костюмов, особенно женских.

Значительные изменения произошли в оформлении жилищ колхозников. Большинство жилых домов в колхозах построено в XX, реже в XIX или даже в XVIII. Все они бревенчатые. Раньше дома бедных крестьян состояли из одного помещения и дома богатых делились на две части, в одной из них жила семья владельца, в другой — батраки. Хозяйская половина — с деревянным полом, часть, предназначенная для батраков, — без пола. Такой тип жилища особенно часто встречается в колхозе им. Каролиса Пожела, так как в этом районе во времена буржуазной диктатуры было особенно ярко выражено классовое расслоение.

Новые жилые дома строят из нескольких комнат. В распределении и украшении комнат проявляются черты нового колхозного быта. Прежде всего бросается в глаза чистота комнат. Окна в большинстве случаев украшают покупными или собственно вязки белыми занавесями. В комнатах много цветов на подоконниках и предназначенные для этого столиках. В старых домах в большинстве случаев прежние 4—6-квадратные оконные рамы заменены новыми большими стеклами — двумя вертикальными и одним горизонтальным. На зиму многие вставляют вторые рамы.

Стены комнаты часто обивают дранью и штукатурят, нередко можно встретить выкрашенные краской с помощью шаблона. Оклейка стен газетной бумагой, которая была широко распространена в буржуазной Литве, теперь редко встречается, и только как наследие тех времен.

Стены украшают картинами, фотографиями, рукоделиями, тканями. На видных местах — портреты вождей советского народа.

Стол, обыкновенно четырехугольный, продолговатый, стоит ближе к углу, напротив двери. Он покрыт белой узорчатой домотканной или вязаной скатертью. Старинные длинные массивные скамьи, установленные по стенам, уже исчезают. Вместо них пользуются стульями фабричного производства или выделки местных столяров, на кухне — табуреты. Комнаты, предназначенные для приема гостей, во многих домах обставлены мягкой мебелью, диванами, креслами.

Кровати, обычно деревянные, полированные, поставлены у стен. Они покрыты пестрым, реже белым, домотканым покрывалом. У кровати на стене обыкновенно повешен вышитый или нарисованный коврик. В узорах все чаще встречаются мотивы пятиконечной звезды, серпа и молота.

Коренные изменения произошли в питании колхозников по сравнению с довоенным временем. Большинство семей имеет корову, других снабжает молоком колхоз. Каждая семья имеет по несколько кур, одну или двух свиней, овец. Многие семьи получают за трудодни по несколько центнеров сахара, который в период буржуазной республики из-за высокой цены в крестьянских семьях Литвы почти не употреблялся. Основное питание крестьян тогда составляли разные каши из муки или крупы, овощи, забеленные борщи, картофель, черный хлеб. Вместо сахара применяли сахарин. Теперь сахар, наряду с мясом, молочными продуктами, яйцами, стал основным пищевым продуктом колхозников. Любимым напитком колхозников Шяуляйской области, особенно в районах Биржая, Ионишкис, Линкува, является домашнее пиво из ячменя.

Общественными культурными центрами колхоза служат клуб-читальня и школа. Здесь проходят собрания колхозников, показываются художественная самодеятельность, демонстрируются кинофильмы, читаются лекции. Здесь колхозники проводят свое свободное время, слушая радио, читая газеты, играя в шашки, шахматы.

Для культурно-просветительных учреждений в колхозах выделены самые лучшие помещения. Районный отдел культурно-просветительных учреждений обеспечивает клубы-читальни укрупненных колхозов литературой и инвентарем.

Читальни и библиотеки в литовских деревнях появились только при Советской власти. В настоящее время в Шяуляйской области работают 42 дома культуры, 191 самостоятельная библиотека, 833 клуба-читальни, т. е. в каждом колхозе области имеется по 1—2 клуба-читальни и другие культурные учреждения. Фонд книг в библиотеках области составляет теперь свыше 1 млн. томов, по сравнению с буржуазными временем он возрос более чем в 48 раз. Только в этом году библиотеки и клубы читальни Шяуляйской области получили новых книг на 3,5 млн. рублей. Библиотеки и клубы-читальни популяризируют среди крестьян советскую книгу, проводят обсуждения вновь появившихся произведений художественной литературы. Например, весной 1951 г. в колхозе «Гаринис артоя» была проведена читательская конференция, в которой обсуждалась поэма писателя-лауреата Сталинской премии Теофилиса Тиллитиса «Уснине», изображающая борьбу трудящихся крестьян Советской Литвы с счастливую колхозную жизнь. Осенью 1951 г. читательская конференция состоялась в Ионишкис, в ней активно участвовали колхозники колхоза им. Сталина и им. Юлиуса Янониса.

Самые активные читатели — колхозная молодежь, но любителей книги немало среди колхозников более старшего возраста. Многие колхозники имеют свои собственные библиотечки, состоящие из нескольких десятков книг. Каждая колхозная семья выписывает республиканскую и районную газету. Немало семейств выписывают три-четыре газеты и журнала. В клубах-читальнях имеется большой выбор газет и журналов. Так, в клубе-читальне колхоза им. Каролиса Пожела имеется 14 союз-

ных, республиканских и районных газет, среди них 7 — на русском языке; 11 журнал; на русском языке — газета «Правда», журналы «Крестьянка», «Вокруг света» и др.

Специально выделенные колхозами почтальоны доставляют газеты и другую корреспонденцию колхозникам на дом. Колхоз им. Сталина получает республиканские газеты на следующий день, колхоз «Тарбинис артояс», куда печать доставляется прямо из Вильнюса самолетом, получает газеты в тот же день, тогда как в буржуазной Литве газета сюда доставлялась через неделю и позже.

Большую роль в поднятии культурного уровня и политической сознательности колхозников играет школа. Благодаря заботам партии и правительства сеть начальных школ по всей республике возросла более чем в три раза. По сравнению с периодом господства буржуазии количество семилетних школ в республике увеличилось почти в 25 раз.

Во всех исследованных нами колхозах имеется начальная школа, а в колхозе им. Каролиса Пожела в 1949 г. основана семилетняя школа.

В буржуазной Литве около 16% крестьян в возрасте от 45 до 80 лет были неграмотны. Для ликвидации остатков неграмотности и малограмотности в колхозе им. Каролиса Пожела зимой 1951/52 г. были организованы курсы, которые посещало 29 колхозников.

Учителя активно участвуют в общественной жизни колхозов — в организации колхозной художественной самодеятельности, в деятельности спортивного общества «Колукетис» («Колхозник»), в колхозных стенгазетах, читают колхозникам лекции. Например, награжденная орденом Ленина учительница Рудите регулярно читает лекции колхозникам колхозов им. Сталина и им. Юлюса Янониса о международном положении, о вреде религиозных предрассудков и т. п.

Совершенно новыми явлениями в жизни колхозной деревни Советской Литвы являются кино и художественная самодеятельность. В конце 1951 г. в Шяуляйской области работало 18 городских кинотеатров, 4 сельских стационарных и 60 передвижных кинотеатров. Сеансы кинотеатров в колхозах посещают все колхозники, женщины и мужчины, независимо от возраста. В колхозе им. Каролиса Пожела иногда организуются коллективные посещения кино колхозниками и после этого проводятся обсуждения просмотренного фильма.

Художественная самодеятельность в исследованных колхозах еще недостаточно широко развита. Некоторые колхозы, как «Гарбинис артояс», имеют свой оркестр, но в нем участвует только небольшая часть колхозной молодежи. В драматических кружках занимается более значительная часть колхозников. Драматические кружки имеются в каждом колхозе. Некоторые из них, например драматический кружок колхоза им. Каролиса Пожела, руководимый коммунистом Альфонсом Думбра, ежегодно ставит 2—3 советские пьесы.

Хоры в колхозах, находящихся вдали от областных и районных центров, из-за недостатка руководителей еще не организованы, однако хоровое и сольное пение очень популярно. Колхозники поют песни во время выхода всей бригады на работу в поле или при возвращении с работы. Наряду с широко известными старинными литовскими народными песнями все более распространяются новые, популярные советские песни, а также и сочиненные самими колхозниками произведения народно-поэтического творчества, в которых воспевается коллективный труд, колхоз, бригады, лучшие работники и т. д.

Таковы вкратце результаты первых лет колхозного строительства в Шяуляйской области, выявленные нашими экспедициями 1950—1951 гг.

А. Д. ГРАЧ

К ВОПРОСУ О ПОЗДНЕМ ЭТАПЕ «ТАВРО-СКИФСКИХ» КУЛЬТОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Новейшие экспедиционные исследования в восточном Крыму подняли целый ряд интересных проблем исторической этнографии Северного Причерноморья. Появилась возможность конкретного освещения сложных вопросов исследования культовых представлений населявших его древних племен.

В восточном Крыму (в 17 км к юго-западу от современной Керчи), расположены руины древнего города Илурата. Исследования городища, проводившиеся 1947—1952 гг. (руководитель экспедиции — доктор исторических наук В. Ф. Гайдукевич) в достаточно больших масштабах, дали весьма интересные результаты¹. В настоящее время уже можно судить о назначении городища, о времени его существования, о быте и об этнической принадлежности его жителей.

Исключительно выгодные естественные условия, в которых находится городище, невольно привлекают внимание к поразительно удачному в военно-стратегическом отношении местонахождению этого в полном смысле слова города-крепости. Раскопки городища, выявившие мощные комплексы оборонительных сооружений, еще более подкрепляют убеждение о стратегическом его назначении. Общая площадь городища (около 2 га) по сравнению с масштабами фортификаций непропорционально мал. Все это указывает на то, что городище в древности функционировало прежде всего как опорный оборонительный пункт. По совокупности данных (главным образом в основании керамического материала) можно установить, что городище датируется основным II—III вв. н. э.².

Раскопки жилых комплексов позволяют с полной отчетливостью говорить о том, что населяли Илурат жители, этнически теснейшим образом связанные с коренными народами Северного Причерноморья, которое во времена Геродота обобщенно именовалось скифами, а в первые века нашей эры получило у ряда древних авторов наименование «тавро-скифов». Поэтому Илурат представляет собой интерес в первую очередь для скифологов.

В настоящей статье будут затронуты вопросы культа, связанные с обнаружением в Илурате крайне интересного святилища. Подробный археологический анализ раскопок святилища дан В. Ф. Гайдукевичем³. Поэтому здесь необходимо лишь в общих чертах остановиться на археологической характеристике святилища.

Святилище представляет собой обширное помещение (площадь 13,55 × 5,29 м) по своей планировке резко отличающееся от близлежащих сооружений. С одной стороны святилище ограничено оборонительной стеной. Богатейший культурный слой позволяет датировать святилище III в. н. э. Отметим, что керамический материал содержит большое количество обломков лепной посуды «скифского» облика.

В восточном углу святилища был обнаружен жертвенник. Основу жертвенника составляет треугольная плита, поставленная на один из углов. На верхней грани треугольной плиты располагаются две маленькие каменные плитки, лежащие одна на другой. На верхней из плиток находился человеческий череп. Когда череп был сня-

¹ О результатах исследований 1947—1950 гг. см.: В. Ф. Гайдукевич, Раскопки древних городов на Керченском полуострове (Боспорская экспедиция 1948 г.) «Вестник Ленинград. гос. ун-та», 1948, № 11, стр. 181—186; его же, Боспорская экспедиция, «Краткие сообщения ИИМК», XXVII, 1949, стр. 45; его же, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 189 и сл., 350; его же, Боспорский город Илурат, «Советская Археология», XIII, 1950, стр. 173—204; его же, Новые исследования Илурата, «Краткие сообщения ИИМК», XXXVII, 1951, стр. 196—211; его же. Раскопки Илурата, Тиритаки и Мирмекия, «Краткие сообщения ИИМК», XLV, 1952, стр. 97—111.

² Хронологически наиболее ранние находки (каменные шлифованные топорики) датируются эпохой бронзы. Однако они, разумеется, не относятся к основному периоду жизни городища.

³ В. Ф. Гайдукевич, Боспорский город Илурат, стр. 196—200; его же, Раскопки древних городов на Керченском полуострове, стр. 184; его же, Боспорское царство, стр. 190; его же, Новые исследования Илурата, стр. 202.

жертвенника, выяснилось, что сохранились также четыре шейных позвонка, лежащих в анатомическом порядке. Других частей человеческого скелета в святилище не было обнаружено.

В земляной засыпи, внутри жертвенника, находились кости курицы⁴. Плиты вымостики, прилегающие к жертвеннику, носят на себе следы огня, несомненно, указывающие на культовые возжигания.

Вся конструкция жертвенника наводит на мысль о том, что он был разборным. Сверху жертвенник был перекрыт слоем завала, состоявшего из мелких камней и юмы, причем все это в свою очередь было придавлено громадной каменной плитой, лавшей с оборонительной стены. Наличие этой каменной плиты в известной степени объясняет сохранность уникального памятника до наших дней.

Чрезвычайно трудно подыскать аналогии только что рассмотренному замечательному памятнику. Однако нельзя не отметить, что среди могил, открытых в составе некрополя Танаиса, имеются две могилы, в которых были лежащие отдельно человеческие черепа. Одна из этих могил была открыта казаком Смычковым в 1907 г. Ввиду того, что вещи из этой могилы были в свое время проданы коллекционеру Романовичу и пропали, приходится оперировать официальным описанием, которое приводится начальником войска Донского⁵. Т. Н. Книпович, подробно рассматривая вопросы, связанные с некрополем Танаиса, отмечает, что разобраться в этом списании очень трудно⁶. Говорится в описании следующее: «...установлено, что ...казаки... Алексей Смычков и ...Алексей Куприянов Максимов, ломая камень на балке

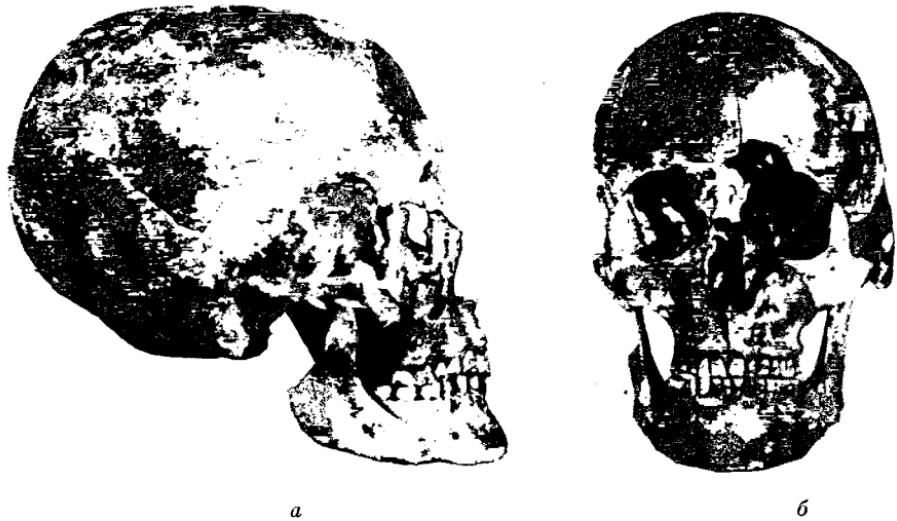

Рис. 1. Череп, обнаруженный на жертвеннике в святилище (после реставрации): *а* — вид сбоку; *б* — вид с лицевой стороны;

в районе хутора Недвиговского, обнаружили древнюю выложенную камнем гробницу, в которой на круглом плоском камне оказались человеческий череп и следующие вещи...»⁷ (далее приводится перечень вещей.— А. Г.). В могиле, помимо большого количества золотых вещей, были найдены и глиняные сосуды, наполненные костями и землей. Сосуды эти, по мнению Т. Н. Книпович, возможно, являются урнами, которые сходны с урнами, обнаруженными в этом же некрополе Н. И. Веселовским в 1908—1909 гг.⁸.

В 1908 г. казак Смычков вновь открыл богатое погребение. Опись вещей была составлена Х. И. Поповым (б. заведующим Новочеркасским музеем). В описи отмечено, что в могиле найдены «...разбитый череп, нижняя челюсть и несколько обломков костей человека»⁹. Т. Н. Книпович на основании двух вещей, фотографии которых оказались в фотоархиве Института истории материальной культуры (золотая шейная гривна и кувшин с витой ручкой), датирует погребение II—III вв. н. э. и считает его «типовичным для сарматской эпохи»¹⁰. Вторая упоминаемая нами опись со-

⁴ Определение ст. научного сотрудника Зоологического института АН СССР, И. М. Громова.

⁵ См. Т. Н. Книпович, Танаис, М.—Л., 1949, стр. 41.

⁶ Там же.

⁷ Описание находится в архиве Ин-та истории материальной культуры АН СССР, д. № 54/1908 г. (цит. по Т. Н. Книпович, Указ. соч., стр. 41).

⁸ Там же.

⁹ Архив ИИМК, д. № 54/1908 г. (цит. по Т. Н. Книпович).

¹⁰ Т. Н. Книпович, Указ. соч., стр. 41 и сл., рис. 5, 6.

держит существенный изъян — фрагменты человеческих костей не определены сколько-нибудь точно. Не исключена, однако, возможность того, что среди этих фрагментов были и шейные позвонки.

Отметим, что обе упомянутые нами описи дают основания говорить о факте помещения в могилу во всяком случае отдельного черепа (может быть, и головы). Таким образом, в ритуале (правда, погребальном ритуале) сарматской эпохи в районе Танаиса II—III вв. н. э. можно отметить нечто созвучное конкретному варианту ритуала, обнаруженному в Илурате.

Ранее уже было отмечено, что на жертвеннике, находившемся в восточном углу святилища, были обнаружены человеческий череп (рис. 1 — *a, б*) и четыре шейных позвонка. В 1948 г. череп был передан для изучения в сектор антропологии и археологии Института этнографии АН СССР. Исследование и реставрация черепа были проведены автором настоящей статьи¹¹. Результаты предварительного исследования в сжатом виде были опубликованы¹².

Еще при снятии черепа с жертвенника выяснилось, что он состоит из 31 фрагмента. Однако большую трудность при реставрации создало не это обстоятельство, а то, что череп в большой степени деформирован. Деформация определенно латеральная и имеет в данном случае место вследствие давления на череп крупной каменной плиты, некогда покоявшейся в оборонительной стене, а затем упавшей и придавившей собой жертвенник и лежавший на нем череп.

Сильная степень латеральной деформации до крайности затрудняла реставрацию черепа. После восстановления выяснилось, что череп разрушен в очень малой степени, причем разрушения затрагивают, главным образом, лицевую его часть. Следовательно, оказалось возможным проведение почти всех краниологических измерений

Результаты краниологических измерений

1 ¹³	Продольный диаметр	184
8	Поперечный диаметр	137
17	Высотный диаметр	144
5	Носо-основной диаметр	100
9	Наименьшая ширина лба	94
40	Длина основания лица	91
45	Скуловой диаметр	138
48	Высота лица	79
55	Высота носа	57,5
54	Ширина носа	22,5
51a	Ширина орбиты	41,2
52	Высота орбиты	37
71	Ширина ветви челюсти	31
66	Бигониальный диаметр	97
32	Угол лба	77°
72	Угол лица	81°
75	Угол носа	58,5°
75 (1)	Угол носа в отношении профиля лица	22,5°
8:1	Черепной указатель	74,8
17:1	Высотно-продольный указатель	78,7
17:8	Высотно-поперечный указатель	105,1
9:8	Лобно-поперечный указатель	68,6
40:5	Выступание лица	91
48:45	Лицевой указатель	57,2
54:55	Носовой указатель	39,1
52:51a	Орбитный указатель	89,08
	Norma verticalis	Овощная
	Надбровье (1—6)	3
	Fossa canina (0—4)	2
	Нижний край грушевидного отверстия	Антропинное
	Spina nasalis anterior	3

¹³ Номера приведены по системе Мартина (см. R. Martin, Lehrbuch der Anthropologie, Jena, 1928).

¹¹ Автор выражает благодарность ст. научному сотруднику Института этнографии АН СССР В. П. Якимову, осуществлявшему научное руководство работой.

¹² А. Д. Грач, Человеческое жертвоприношение в эпоху распада Боспорского царства, «Природа», 1949, № 9, стр. 81 и сл.

Общий наружный осмотр черепа выявил след удара тупым предметом в области правой височной кости. За старелый костный натек говорит о том, что удар был нанесен задолго до момента смерти обладателя черепа. Венечный шов в этом месте вследствие удара несколько смещен.

Совокупность ряда признаков позволила нам отнести череп к мужскому полу. Эти признаки: довольно сильно выраженные надбровные дуги (балл — 3), покатый лоб, строение угла нижней челюсти и т. д. Однако надо отметить, что в области полововой диагностики череп представляет собой в высшей степени двойственную картину. Череп обладает вследствие этого и некоторыми признаками, которые вообще присущи черепам женским — слабый профиль затылка, малого размера зубы, общая грацильность. Мужские признаки, однако, преобладают, а потому и определение пола, приведенное выше, представляется вполне правомерным.

Существенное значение имеет и вопрос о возрасте обладателя черепа. Возраст можно определить в 30—35 лет. Вывод сделан на основании следующих признаков: средняя степень зарастания швов на черепе (особенно сагиттального), слабая стерность зубов при полной зубной формуле и т. д.

В вертикальной норме череп имеет овощную форму.

Черепной указатель — 74,8 (верхняя граница долихокрания). Лицо относительно высокое (верхняя высота лица — 79 мм).

Комплекс описательных и измерительных признаков указывает на то, что череп принадлежал индивиду европеоидной расы. Для выявления более узкой антропологической диагностики было предпринято сравнение индексов и измерений черепа с абсолютными размерами и индексами серии таврских черепов из каменных ящиков близ Черкес-Кермена¹⁴, черепов из средневековых некрополей Крыма (Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Херсонес)¹⁵. Кроме того, было проведено сравнение с размерами и индексами черепов позднеэлладского периода¹⁶.

Выявилось, что исследуемый череп близок к черепам позднеэлладского периода, следовательно, относится к средиземноморскому антропологическому типу.

Вывод этот сделан при учете того, что в Средиземноморье уже с IV тысячелетия н. э. (имеется в виду, к примеру, культура Бадари) существовал антропологический тип, для которого при общей совокупности признаков европеоидного ствола характерны еще и следующие признаки: долихокrania, прямой лоб, слабые надбровные дуги и узкое лицо. Сходный тип имеет и серия черепов, происходящих из Арголиды. Особо отметим, что профиль лба в этих случаях — типично прямой.

Естественно, что от дальнейшей детализации принадлежности черепа мы были вынуждены отказаться, учитывая, что имеем дело не с серией черепов, а с единичным экземпляром.

Чрезвычайно важную роль в процессе работы приобрело изучение уже упомянутых шейных позвонков (рис. 2). При помощи тщательного исследования позвонков удалось более подробно установить детали убийства обладателя черепа. Выводы здесь сводятся к следующему:

1. При отделении головы от туловища удар был нанесен с правой стороны шеи, причем плоскость отруба идет сверху вниз.

2. Совершенно очевидно, что удар оказался недостаточно сильным, так как позвонок прорублен лишь наполовину. Голова была окончательно отделена от туловища путем простого перелома оставшейся неповрежденной части позвонка.

3. Удар был нанесен не широколезвийным орудием (типа топора), а орудием

Рис. 2. Шейные позвонки (видны следы отруба)

¹⁴ Эта крайне фрагментарная и немногочисленная серия была доставлена в Музей антропологии и этнографии АН СССР Н. И. Репниковым и С. А. Семеновым-Зусером в 1930 и 1933 гг. Опубликованы эти черепа Г. Ф. Дебецом (см. Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, 1948, стр. 164).

¹⁵ Там же, стр. 267; более развернуто см. Г. Ф. Дебец, Население средневековых городов Крыма, Сборник Музея антропологии и этнографии, XII, 1949.

¹⁶ Г. Ф. Дебец, К антропологии древних культур Передней Азии и Эгейского мира, «Антропологический журнал», 1934, № 1—2 (сравнительную таблицу см. на стр. 141). Данная статья Г. Ф. Дебца написана главным образом по поводу работ К. Фюрста, которые посвящены аналогичному кругу вопросов. См. С. М. Fürst, Zur Anthropologie des prähistorischen Griechen in Argolis, Lunds Universitäts Arsskrift, N. F., Avd. 2, Bd. 26, № 18, 1930; его же, Ueber einen neolithischen Schädel aus Arkadien, Lunds Un. Arsskr., N. F., Avd. 2, Bd. 28, № 13, 1932; его же, Zur Kenntniss der Anthropolgie der prähistorischen Bevölkerung der Insel Cipern, Lunds Un. Arsskr., N. F., Avd. 2, Bd. 29, № 6, 1933 (см. Г. Ф. Дебец, Указ. соч., стр. 134).

узколезвийным. В противном случае плоскость отруба носила бы более шероховатый характер.

4. На жертвенник была положена голова, а не череп. Об этом говорит сохранность в анатомическом порядке четырех шейных позвонков.

Таковы основные выводы, к которым можно прийти в результате антропологического изучения черепа из илуратского святилища.

«Скифский» характер большинства материалов, обнаруженных на городище вообще и в святилище, в частности, не подлежит сомнению. Особенно показателен в этом отношении лепная керамика.

Хорошо известно, что человеческие жертвоприношения и в том числе обряд обретания головы, издревле наблюдались у ряда племен, населявших Северное Причерноморье. Все это и побудило нас искать объяснение затронутых вопросов культа в раздо более древних местных обрядах и обычаях, связанных с человеческими жертвоприношениями. Мы попытались скомпоновать результаты археологического и антропологического исследований и сообщения древних авторов.

Корни культовых обрядов, бытовавших в Илурате, следует искать в первую очередь в скифских обрядах и обычаях, описанных в V в. до н. э. Геродотом. Геродот, как известно, дает чрезвычайно яркую и в целом достоверную картину многих важнейших сторон жизни современных ему этнических групп Северного Причерноморья. Одно из первых мест в сообщениях Геродота занимает описание скифских культовых обрядов. Сообщения Геродота по поводу скифских жертвоприношений совершенно определенно указывают на то, что скифские жертвоприношения можно разделить на два типа.

I тип — жертвоприношения посредством заклания животных. Геродот, дающий обыкновенно детальное описание заклания животных, особо отмечает два характерных момента: во-первых, животные умерщвлялись посредством удушения, а во-вторых, огонь при заклании животных не возжигался. Не бывало при этом ни воззияний, предварительных действий¹⁷.

II тип — человеческие жертвоприношения самого различного рода. Из сообщений Геродота видно, что обильные кровью человеческие жертвы приносились, например, богу войны Аресу. Ему же в жертву приносился также рогатый скот и лошадь. Эмблемой Ареса являлся железный меч¹⁸. В честь Ареса умерщвлялся каждый пятый пленник, причем обряд совершился ежегодно.

В плане нашего исследования существенны два факта: во-первых, примечательная комбинация человеческих жертвоприношений с жертвоприношениями «осталых животных», а во-вторых, важным обстоятельством является то, что, как указывает Геродот, трупы после жертвоприношения «лежат отдельно», т. е. находятся вне святилища¹⁹.

Изложив указанные выше жертвоприношения, Геродот переходит к описанию человеческих обычаем скифов. Здесь он четко выделяет факт принесения к «царю» гибели убитых в сражении врагов. Геродот подчеркивает экономическую подоплеку этого обычая: воин скиф получал долю добычи лишь в том случае, если приносил голову врага. Количество приобретенных в бою голов неприятелей являлось и основным критерием доблести и чести. Совершенно обесцещенными считались скифы, не принесшие вражеских голов к царю после битвы²⁰. Черепа убитых недругов часто выставлялись в видных местах и способствовали прославлению победителя.

Еще один вариант обряда отсечения головы, бытовавшего у геродотовских скифов, — отсечение головы у предсказателей — енареев («женоподобных мужчин», их называет Геродот)²¹ в случае, если их предсказания не сбывались. Совершено ясно, что обряд отсечения головы в составе целого ряда ритуальных действий имел большой удельный вес в культовых и военных обычаях скифов.

Суровый ритуал, связанный с отсечением головы, бытовал и у тавров. Геродот суммируя свои сведения относительно обычаем крымских тавров, сообщает, что «... приносят в жертву Деве потерпевших кораблекрушение и всех эллинов, которых хватают в открытом море, следующим образом: освятив жертву, они ударяют ее биной по голове; одни говорят, что тело они сталкивают со скалы (так как построен на скале), а голову насаживают на кол; другие говорят, однако, что ту, вище не сталкивается с крутизны, а зарывается в землю»²². Богиня Дева, повидимому, представляла собой отражение еще бытовавших у тавров представлений, связанных с определенными комплексами религиозных норм, возникновение которых относится ко времени матриархально-родового строя.

Анализ данных Геродота показывает, что ряд немаловажных деталей человеческих жертвоприношений, отмеченных им в V в. до н. э., присутствует в рассмотренном уже нами «тавро-скифском» святилище, следовательно, доживает по крайней мере до III в. н. э.

¹⁷ Нерод., IV, 60.

¹⁸ Там же, 62.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, 64, 65.

²¹ Там же, 67, 68.

²² Там же, 103.

Безымянный автор III—II вв. до н. э. (Ps. Scymn.) зафиксировал таврские обычаи, видимо, подобные вышеприведенным. Он пишет по этому поводу: «...по своей жености они варвары и убийцы и умилостивляют своих богов нечестными деяниями²³. Под «нечестными деяниями» этот автор, следуя привычным для него канонам тичной литературной традиции, разумеет человеческие жертвоприношения.

Чрезвычайно важны для нас и сведения, которые дает в своей *Res gestae* Аммиан Марцеллин (IV в. н. э.). Сведения Аммиана Марцеллина главным образом ценные тем, что он описывает явления, почти синхронные культовым памятникам Илурата. Аммиан Марцеллин называет таврами племена, обитавшие в Северном Причерноморье и имевшие обычаи, приведенные в его *Res gestae*. Надо, однако, полагать, что Аммиан Марцеллин имел в виду какие-то более крупные этнические объединения, как правило, именуемые в письменных источниках этого времени «тавро-скифами». Поминаемые Аммианом Марцеллином арихи, синхи и напеи, по его словам, «осознано страшны»²⁴. Если отбросить налет предубеждения по отношению к «варварам», имеющийся у Аммиана Марцеллина, то можно реально представить себе картину ритуальных обрядов местных племен.

Аммиан Марцеллин говорит о том, что местные племена ублаготворяли своих богов человеческими жертвоприношениями. «Пришельцы», по словам этого автора, скакивались в честь Дианы, которая на языке местных племен именовалась Орсийской. Головы принесенных в жертву выставлялись на стенах святилищ²⁵. Аммиан Марцеллин особо упоминает о нескольких существовавших в «Таврии» городах, которые не запятнаны человеческими жертвоприношениями. Этими городами являлись: Евпатория, Дандака, Феодосия и ряд более мелких²⁶. Из этого сообщения следует, что во времена Аммиана Марцеллина, а возможно, и в несколько более раннее время, существовал ряд городских центров, окончательно утративших свой античный облик, причем конкретным выражением этого явились человеческие жертвоприношения. Древние авторы, таким образом, дают картину, существенно облегчающую осмысливание культовых представлений «тавро-скифов» III—IV вв. н. э.

Нельзя ли попытаться, хотя бы в гипотетической форме, решить вопрос о том, кому была принесена илуратская жертва?

Для решения вопроса определенно будет полезен один любопытный памятник, опубликованный и интерпретированный В. Ф. Гайдукевичем²⁷. Мы имеем здесь в виду находку в Илурате глиняного штампеля (рис. 3). В. Ф. Гайдукевич с полным основанием полагает, что при помощи этого штампеля изготавливались священные лепешки²⁸. В плане штампель имеет круглую форму (диаметр 9,5 см). На одной стороне имеется ручка, на другой — в высшей степени интересная композиция. Здесь представлена фигура богини, одежда которой расширяется книзу. На одежде — продольная, слегка извилистая линия (змея?). Голова богини обрамлена лучистым nimбом. Руки распростерты, причем продолжением их являются ветви. По бокам богини в позе предстояния весьма схематично изображены два крылатых животных (по всей видимости, грифоны). С левой стороны, возле нимба богини, имеется крестообразный знак, изображающий, повидимому, птицу. Перед нами характерный и хорошо известный для более раннего времени мотив предстояния зверей. Не представляет сомнения, что мы имеем здесь дело с поздним вариантом скифской Великой богини, «Владычицы зверей» (πότνια θηρῶν). Для возможно более полного осмысливания этого памятника, необходимо обратиться к историческому генезису тех культовых мотивов, которые в данном случае имеются.

Нас, естественно, интересуют пути проникновения в Скифию мотива древа жизни. Б. Б. Пиотровский убедительно показывает пути проникновения древневосточных культовых элементов в раннескифское искусство. В числе материалов, привлеченных Б. Б. Пиотровским, мы видим изображения на знаменитых келермесских и мельгуновских ножах, бронзовых поясах с Кармир-блура, а также поясах из с. Заким, Анипемза, Ширака²⁹. Б. Б. Пиотровский разбирает также ассирийские цилиндрические печати, оттиск печати из Топрах-Кале, изображение священного дерева на щите царя Сардура и полагает, что ближе всего к скифским изображениям дерева жизни стоят изображения на оттисках урартских печатей из Топрах-Кале³⁰. Ранее Леманн-

²³ Ps. Scymn., 831—834.

²⁴ Ammian Marcellin, *Res gestae*, XXII, 33.

²⁵ Там же, 34.

²⁶ Там же, 36.

²⁷ В. Ф. Гайдукевич, Новые исследования Илурата, стр. 209 и сл.; рассмотрение различных глиняных штампов Северного Причерноморья содержится в недавно вышедшей работе И. Т. Кругликовой. См.: И. Т. Кругликова, Глиняный штамп из Киммерика, «Краткие сообщения ИИМК», XLIII, 1952, стр. 119—125.

²⁸ В. Ф. Гайдукевич, Указ. раб., стр. 209.

²⁹ Б. Б. Пиотровский, Скифы в Закавказье, «Ученые записки Ленингр. гос. ун-та», вып. 13, 1949, стр. 182—187; его же, Археология Закавказья, 1949, стр. 126—129.

³⁰ Б. Б. Пиотровский, Скифы в Закавказье, стр. 185; его же, История и культура Урарту, 1944, стр. 312.

Гауптом был опубликован оттиск печати из Топрах-Кале с изображением дерева жизни, что самое важное, с изображением крылатого грифона³¹. Основываясь на разнообразии этих памятников, Б. Б. Пиотровский приходит к выводу о том, что ходы произведения скифского искусства либо изготовлены под влиянием урартского искусства, либо были вывезены из тех областей Закавказья и Кавказа, где еще проходила существовать урартская культура³². Так проник в скифское искусство важный культовый мотив — мотив священного дерева жизни. Отметим со своей стороны, что мотив предстояния попал на семантически родственную почву, ибо еще Геродот упоминает на наличие в скифском пантеоне такого божества, как змееногая богиня, божиня-прадитяница.

При сравнительно нечеткой персонификации скифской религии образ дерева жизни в большой степени слился с образом змееногой богини, который в свою очередь был аспектом «Владычицы земли», Великой богини. Большое количество современных авторов считает возможным сопоставить змееногую богиню с ехидной, полуящиной-полузмеей, о которой много подробно говорит Геродот³³.

Самым ранним памятником северного Причерноморья, на котором впервые можно увидеть связь Великой богини с грифоном, является знаменитое келермесское зеркало, датируемое VI в. н. э.³⁴

Недавно Д. Б. Шелов, оперируя по преимуществу нумизматическим материалом, затронул целый ряд вопросов, касающихся интересующих нас культовых элементов. Разбирая монетные типы на пантикопейских золотых статуях IV в. до н. э., Д. Б. Шелов приходит к выводу о том, что изображение сатира на этих монетах связано с культом змееногой богини³⁵. Д. Б. Шелов ссылается при этом на одну из куль-обеков наивных бляшек, которая изображает змееногую богиню, держащую левой рукой за волосы отрубленную голову (рис. 4). Изображения такого рода, изв.

Рис. 3. Оттиск глиняного штемпеля III в. н. э. с изображением богини, двух крылатых грифонов и птицы (по В. Ф. Гайдукевичу, 1951).

стные в IV в. до н. э., достаточно четко указывают на связь культа змееногой богини (которая являлась одним из ведущих вариантов культа Великой богини) с человеческими жертвоприношениями. Изображение змееногой богини теснейшим образом связывается с изображением грифона (см., например, бляшки из станицы Лабинской³⁶).

Интересен и херсонесский вариант этого культа. В Херсонесе известны находки целого ряда изображений змееногой богини³⁷. Особенно любопытна находка, сделанная в 1905 г.³⁸ При раскопках территории монастырской усадьбы был обнаружен фрагмент карниза. На карнизе сохранилось изображение женщины с завитками вместо ног, причем правая рука ее расположена на шею грифона, приподнявшегося на задних лапах (рис. 4, б)³⁹. Естественно предположить, что с другой стороны богини тогда находился грифон. Н. В. Пятышева датирует этот памятник III в. до н. э.⁴⁰

³¹ C. F. Lehmann-Haupt, Armenien einst und jetzt, 1, 1910, стр. 323.

³² Б. Б. Пиотровский, Скифы в Закавказье, стр. 187.

³³ Нерод., IV, 9.

³⁴ M. Rostovtzeff, Iranians and Greeks in South Russia, Oxford, 1922, табл. 6; «Reallexicon der Vorgeschichte», V, т. VI, табл. 81-а; Н. Н. Погребов. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики, «Краткие сообщения ИИМК», XXII, 1948, стр. 63—65.

³⁵ Д. Б. Шелов, К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов Северного Причерноморья, «Краткие сообщения ИИМК», XXXIV, 1950, стр. 64, 66.

³⁶ «Отчеты Археологической комиссии», 1909—1910, стр. 214, рис. 245.

³⁷ Н. В. Пятышева, Культ греко-тавр-скифского божества в Херсонесе, «Вестник древней истории», 1947, № 3, стр. 214.

³⁸ «Известия Археологической комиссии», вып. 25, 1907, стр. 149, рис. 30.

³⁹ Д. Б. Шелов, Указ. соч., стр. 65, рис. 18 (6).

⁴⁰ Н. В. Пятышева, Указ. соч., стр. 214 и сл.

Однако самой важной для нас является находка, сделанная в 1946 г. экспедицией государственного исторического музея. В слое, датируемом III—IV вв. н. э., была найдена интересная терракотовая пластинка (рис. 4, в). На пластинке изображена змееная фигура с крыльями. Ноги женщины переходят в растительные завитки (цветы, листья). Левая рука определенно переходит в цветок, располагающийся на месте кисти. Многие богини представлены в виде головы быка. На голове — калаф. Над калафом находятся два отверстия, предназначавшиеся для подвешивания пластинки. Н. В. Пятышева с полным основанием полагает, что в этом произведении имеет место синтез двух культовых местных элементов — скифского и таврского.

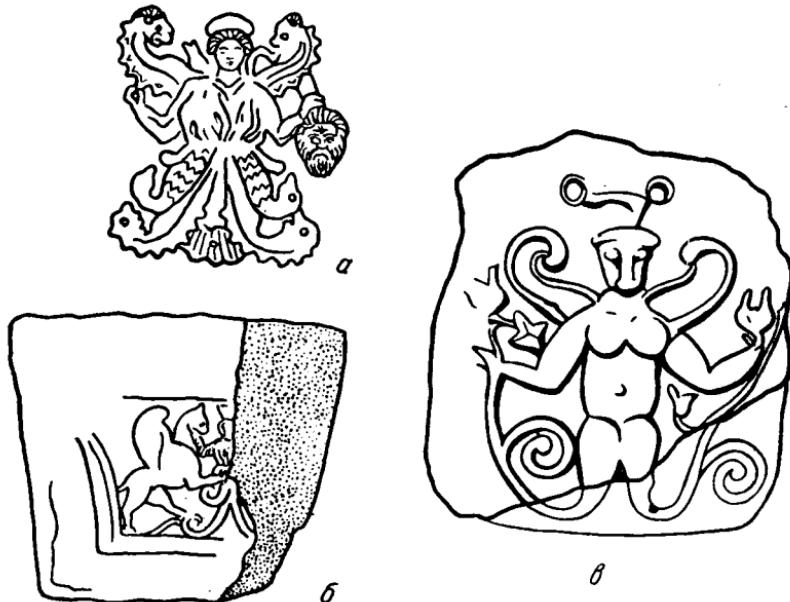

Рис. 4. а — золотая нашивная бляшка IV в. до н. э. из скифского кургана Куль-оба с изображением змееной богини, держащей отрубленную голову; б — изображение змееной богини на рельефе III в. до н. э. из Херсонеса (по Д. Б. Шелову, 1950); в — изображение змееной богини на терракотовой пластинке III в. н. э. из Херсонеса (по Н. В. Пятышевой, 1947).

Несмотря на то, что находка была сделана в слое III—IV вв. н. э., Н. В. Пятышева считает возможным датировать ее несколько более ранним временем — I—II вв. н. э.⁴¹, не приводя при этом достаточно убедительной аргументации. Но как бы то ни было, эта херсонесская пластинка синхронна или почти синхронна илуратскому штепелю.

Чрезвычайно любопытно то обстоятельство, что изображение на херсонесской пластинке определенно отражает связь древа жизни и мотива змееной богини, причем синcretизм этот выражен средствами, которые роднят херсонесскую находку с илуратской (мы имеем в виду переход рук в растительность). Есть все основания полагать, что богиня на илуратском штепеле и богиня на херсонесской пластинке — локальные варианты одного и того же круга культовых представлений.

Если резюмировать сказанное по поводу исторического генезиса рассмотренных культовых моментов, то выяснится, что налицо тесная увязка мотива древа жизни со скифской змееной богиней, которая являлась одним из основных воплощений Великой богини («Владычицы зверей»). Вскрывается и связь этого круга культовых представлений с человеческими жертвоприношениями. Возникает вопрос, не является ли богиня на штепеле изображением того самого великого женского божества, о котором в связи с человеческими жертвоприношениями упоминает Аммиан Марцеллин, указывая, что имя божества — Орсилоха. В свете приведенных данных это предположение представляется весьма вероятным, особенно если учесть, что Орсилоха определенно предстает перед нами как поздний вариант великой скифской «Владычицы зверей».

В заключение следует отметить, что богатейшие этнографические материалы дают все основания утверждать, что корни рассмотренных культовых моментов уводят нас в глубины религиозной идеологии первобытно-общинного строя, а зарождение и первоначальное оформление этих моментов относятся к поре матриархата.

⁴¹ Там же, стр. 218.

Х - Р - О - Н - И - К - А

ПРОФЕССОР НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КЮНЕР

26 сентября 1952 г., исполнилось 75 лет со дня рождения и 50 лет профессорской деятельности старшего научного сотрудника Института этнографии Академии Наук СССР, доктора исторических наук, профессора Николая Васильевича Кюнера.

Профессор Николай Васильевич Кюнер известен как крупный ученый-востоковед, специалист в области истории, географии и этнографии стран Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии. Широта географического охвата изучаемых стран и научных интересов проф. Н. В. Кюнера, равно как и глубина его исследований, базируются на многогранной эрудированности и основательном знании восточных языков: китайского, японского, тибетского, корейского, маньчжурского и других, а также западноевропейских: немецкого, французского, английского, голландского, итальянского.

Жизненный путь и путь ученого — продолжателя лучших традиций русского востоковедения — представляются как непрерывная прямая, без уклонений и отступлений от раз навсегда избранной специализации и рода деятельности. Целеустремленность, трудолюбие, организованность и тщательность в работе свойственны Николаю Васильевичу еще со школьных лет.

Окончив в 1896 г. курс обучения в 3-й Петербургской гимназии с золотой медалью, Н. В. Кюнер был в том же году зачислен студентом факультета восточных языков Петербургского университета по китайско-маньчжурско-монгольскому циклу.

Еще будучи студентом, Н. В. Кюнер начал самостоятельные научные изыскания в области истории и географии стран Дальнего Востока, тогда мало изученных и описанных совершенно недостаточно.

В 1900 г. Николай Васильевич окончил Петербургский университет с золотой медалью. Его зачетное иссле-

дование «Историко-географическое описание Японии» получило высокую оценку. Он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию.

В целях совершенствования в языках народов Дальнего Востока и ознакомления с культурой и бытом изучаемых стран Н. В. Кюнер получает двухгодичную научную командировку в Китай, Японию и Корею.

Вернувшись в 1902 г. в Петербург, Николай Васильевич получает назначение на должность профессора Восточного института в г. Владивостоке, где он и приступает

пению курсов истории и экономической географии, а также к ведению занятий по географии стран Дальнего Востока.

Уже во время первой командировки Николай Васильевич готовит в рукописном виде, а затем публикует ряд значительных и крупных работ. В 1903 г. во Владивостоке публикуется его труд «Географический очерк Японии». Четырехтомная монография «Описание Тибета» (Владивосток, 1907—1909 гг.), магистерская диссертация В. Кюнера, — крупный вклад в отечественную и мировую востоковедческую науку; и поныне сохранила значение как одна из основных работ в области истории, географии и этнографии Тибета.

Вслед за ней вышло двухтомное издание «Статистико-географический и экономический очерк Кореи» (Владивосток, 1911).

Список научных трудов Николая Васильевича Кюнера содержит более 250 наименований печатных и рукописных работ. В их числе: «Очерки новейшей политической истории Китая» (Владивосток, 1927), «География Японии» (Москва, 1927), «Феодальная культура Кореи» (1947) и ряд других, а также крупные статьи справочно-энциклопедического характера и библиографические работы.

Библиографией стран Дальнего Востока Николай Васильевич занимается свыше 10 лет. Его аннотированные библиографические материалы, как, впрочем, и другие материалы его исследований, охотно предоставляемые им каждому, добросовестно изучающему страны Дальнего Востока, послужили основой для дальнейшей самостоятельной работы над источниками многим молодым советским востоковедам — историкам и ученым смежных специальностей. Вгляд ли можно переоценить научное значение подготавленных им капитальных библиографических работ: «Библиография Тибета» (около 10 авт. л.), «Указатель русской этнографической литературы по народам Тихого океана» (1926—1936), «Библиография Кореи» (1940).

В своих исследованиях Николай Васильевич широко привлекает документы и материалы архивных хранилищ Москвы, Ленинграда, Дальнего Востока и Средней Азии.

Будучи оторван в годы эвакуации от своей постоянной научной базы, Н. В. Кюнер использовал возможность долговременной работы в архивах г. Алма-Ата (Исторического архива, ЦАОР, и др.), где обнаружил весьма интересный материал по маньчжурским воинским и иным поселениям в Илийском крае, по уйгуро-дунганскому султанату (1864—1870), а также по Корее (о корейских поселениях на Дальнем Востоке и в Средней Азии, материалы знаменитой корейской энциклопедии «Мун юн биго»).

Глубокие и обширные знания японской и особенно китайской классической и современной исторической литературы позволили Н. В. Кюнеру не только участвовать в комментировании переиздаваемого Институтом этнографии АН СССР труда Н. Я. Бичурина (Иакинфа) «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»¹, но провести проверку переводов по первоисточникам и убедительно показать, что в спорах с западноевропейскими востоковедами прав русский синолог Бичурин, гораздо лучше своих критиков знавший восточные языки и понимавший китайские тексты.

Огромное научное, познавательное и общественно-полезное значение имеют историографические научные исследования, выполненные Николаем Васильевичем за послевоенные годы. Так, при написании истории многих народов нашей Родины исключительное значение имеет завершаемый Николаем Васильевичем в 1952 г. труд «Китайские известия о народах Сибири и Амура» (свыше 20 авт. л.).

Не у многих из поченнейших ученых юбилей долголетней научной деятельности совпадает, как у Николая Васильевича Кюнера, с 50-летием профессорской деятельности. После 23-летнего чтения курсов в Восточном институте во Владивостоке (позднее Институт был переименован в Государственный Дальневосточный университет) Николай Васильевич вернулся в Ленинград. Будучи профессором Института живых восточных языков (ЛИЖВЯ), Н. В. Кюнер ведет большую педагогическую работу в Ленинградском университете, где на различных факультетах им читался ряд курсов по истории, географии и экономической географии Японии, Китая, Кореи, Тибета и т. д. В настоящее время его курсы слушают студенты Восточного факультета. Кроме того, в ЛГУ имени А. А. Жданова, в Институте этнографии АН СССР и Институте востоковедения АН СССР Н. В. Кюнер руководит работой аспирантов, готовя молодые кадры советских китаеведов, кореанистов, тибетологов, индологов и др.

За долголетнюю плодотворную научно-исследовательскую деятельность доктор исторических наук профессор Николай Васильевич Кюнер в 1945 г. был удостоен правительственной награды — ордена Трудового Красного Знамени.

Плодотворная научная и педагогическая деятельность, направленная на благо и процветание нашей великой Родины, является сущностью и содержанием всей жизни маститого ученого.

Г. Стратанович

¹ I и II томы выпущены Издательством АН СССР в 1950 г. Том III готовится к печати. Ответственный редактор издания — проф. С. П. Толстов. Вступительные статьи и комментарии к тексту — А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера.

ОБСУЖДЕНИЕ РАБОТ С. М. АБРАМЗОНА

26 июня с. г. состоялось заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР на котором были обсуждены работы старшего научного сотрудника Института С. М. Абрамзона. Обсуждение было организовано в связи с критикой в партийной научной печати работ Абрамзона по истории и этнографии Киргизии.

С. М. Абрамзон в своем выступлении подверг критическому анализу ряд своих работ, признал и осудил содержащиеся в них идеино-теоретические ошибки по следующим вопросам: в оценке характера и последствий присоединения Киргизии к России в рассмотрении отдельных периодов истории Киргизии и уровня развития киргизского общества, в анализе и оценке некоторых видов киргизского фольклора, в характеристике современной культуры киргизского народа.

Наиболее важными и имеющими принципиальное значение С. М. Абрамзон считает ошибки по вопросу о присоединении Киргизии к России, с неправильных позиций освещенному им в его работе «Очерк культуры киргизского народа» (Фрунзе, 1946). «Я,— сказал С. М. Абрамзон,— исходил из одностороннего толкования факта присоединения Киргизии к России, как результата только насильственного завоевания царизмом населенных киргизами территорий. В моей книге это событие изображено таким образом будто бы киргизская знать, подкапаемая царским правительством с помощью подарков помогала ему завоевывать Киргизию, а народные массы с оружием в руках выступали против этого „завоевания“. На деле происходило совсем не так. Подавляющее большинство северокиргизских племен в условиях сложившейся тогда для них международной обстановки добровольно вступило в русское подданство. Это была единственная возможность освобождения киргизского народа от тяжелого гнета кокандских ханов маньчжуро-китайской военщины и прекращения разорительных феодально-племенных войн». Касаясь последствий присоединения Киргизии к России, С. М. Абрамзон, по его признанию, хотя и отмечал прогрессивное значение включения киргизов в состав Российской империи («Очерк...», стр. 25), но дал неполную и неточную характеристику этого поворотного в истории киргизского народа события, не подчеркнул того важнейшего момента, что благодаря этому патриархально-феодальная Киргизия была вовлечена в орбиту политического, экономического и культурного развития России, избежав порабощения со стороны соседних отсталых феодальных государств и превращенная в колонию английского империализма, стремившегося захватить среднеазиатские страны. С. М. Абрамзон ставит себе в вину и то, что он не показал, как в результате присоединения к России киргизский народ оказался под благодетельным влиянием прогрессивных идей передовой части русского общества,— Киргизия вошла в состав страны, где назревали революционные битвы, где в авангарде борьбы с царизмом, против гнета и эксплуатации встал русский пролетариат, возглавляемый партией Ленина — Сталина. «Обойдя все эти вопросы,— сказал С. М. Абрамзон,— я допустил серьезную ошибку». Неудовлетворительно охарактеризованы им и взаимоотношения киргизского и русского народов в XIX в. Исходя из ошибочной посылки о насильственном завоевании Киргизии, он и эти взаимоотношения рассматривал односторонне, уделяя большее внимание теменным сторонам. Стремясь подчеркнуть реакционный характер колониальной политики царизма, он обходил благотворное влияние русского народа в развитие культуры киргизов. Все это приводило к неверному представлению о роли русского народа в истории Киргизии, что было осознано автором, по его признанию, уже позднее, после изучения указаний центральной партийной печати.

Ошибочные оценки и неудачные формулировки были допущены им и в освещении некоторых этапов истории киргизского народа. Ряд важных моментов он рассматривал только в плане борьбы киргизских племен с иноземными завоевателями за свою свободу и независимость. Существенными недостатками, сказал С. М. Абрамзон, страдают данные им в отдельных работах противоречивые оценки общественных отношений у киргизов, которые он определял то как уже сложившиеся, то как еще окончательно не склонившиеся, то как складывающиеся феодальные отношения. Роль патриархально-родаых отношений и их пережитков излишне подчеркивалась. Имелись некоторые элементы идеализации феодального прошлого. Все это, по заявлению С. М. Абрамзона, объективно дает повод утверждать, что он стал на позиции киргизской национальной ограниченности.

Существенные ошибки, по его признанию, допущены им в оценке эпоса «Манас». Как и многие другие исследователи, он воспринимал этот эпос некритически, считая что его основное содержание — народного происхождения. Отмечая в работе, написанной в 1939 г., что буржуазные националисты внедряли в сознание сказителей националистические, пантуркистские идеи, он не сделал отсюда должных выводов, проглядев что наиболее распространенные редакции эпоса оказались проникнутыми панисламским. «Руководствуясь порочной теорией „единого потока“, — заявил С. М. Абрамзон, — я не попытался глубоко проникнуть в идейное содержание эпоса „Манас“, поэтому не смог увидеть того значительного слоя в эпосе, который был прямым результатом влияния реакционной феодальной верхушки киргизского общества, стремившейся приспособить „Манас“ к своей идеологии. В тех случаях, когда мне приходилось давать общую оценку эпоса, я стоял на неправильных позициях его огульного и чрезмерного восхваления... При исследовании этнографических сюжетов в эпосе „Манас“ я отда

в компаративизму, толкуя некоторые из этих сюжетов в духе теории заимствования, пагандировавшейся Веселовским...».

Серьезной своей ошибкой С. М. Абрамзон считает ряд положений, содержащихся в тексте Л. Климовича на его рецензию о книге «Великий поход», напечатанную в журнале «Советская книга» (см. «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 168—173). Л. Клинич, сказал С. М. Абрамзон, был прав, поднимая вопрос о необходимости критического решения к эпосу «Манас» и в особенности к текстам, положенным в основу перевода шанта «Великий поход». С. М. Абрамзон, по его признанию, ошибался, когда преувеличил значение переработки эпоса в панисламистском духе.

Несвободна от ошибок и промахов, по признанию С. М. Абрамзона, и трактовка вопросов современной культуры и быта киргизов. Как на серьезнейшие упущения, он зал на недостаточный показ в его работах руководящей роли партии в деле развития националистической по содержанию, национальной по форме культуры киргизов и на недостаточное выявление вражеских действий буржуазных националистов.

Останавливаясь на причинах, породивших упомянутые ошибки, С. М. Абрамзон нес их главным образом за счет некритического отношения к оценкам и выводам специалистов-историков, чаще всего исходившим из концепций школы Покровского. «...же, по его мнению, относится и к его работам по «Манасу». «В основе моих идеино-теоретических ошибок,— сказал С. М. Абрамзон,— лежит некритическое использование источников, а отсюда и объективистское отношение к освещаемым вопросам, граничащее в отдельных случаях с национальной ограниченностью. Первоосновой создавшегося мнения было недостаточное овладение марксистско-ленинской теорией. После решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, после философской дискуссии и ряда выступлений центральной партийной печати, я не на словах, а на деле стремился ясно исправить допущенные ранее ошибки, полностью принимая и учитывая все то явильное, принципиальное и здоровое, что я находил в критике по своему адресу. Я надеюсь и в дальнейшем настойчиво работать над преодолением своих прежних ошибок, не допускать их повторения в своих трудах».

Выступивший на заседании Н. А. Кисляков отметил, что С. М. Абрамзон правильно и самокритично подошел к вопросу об ошибках, допущенных им в книге «Очерк культуры киргизского народа», справедливо подвергшейся критике. Основной из этих ошибок является неверная трактовка вопросов о присоединении Киргизии к России и значении для киргизов русской культуры. Некритически рассматривались С. М. Абрамзон и все восстания в Средней Азии, которые он оценивал как прогрессивные. Между тем, например, андикжанское восстание 1898 г. было не только реакционным, организованным мусульманским духовенством, но, как теперь стало известно, было инспирировано нашими врагами из-за границы. Однако этими ошибками грешили не только Абрамзон, но и специалисты-историки, которым в первую очередь надлежало эти вопросы разрешать. Что касается трактовки эпоса «Манас», то С. М. Абрамзон, уделив основное внимание этнографическим сюжетам, некритически принял распространенные в прошлые годы оценки, не попытался проанализировать этот эпос, отделить в нем тую демократическую от феодальной, встав таким образом на позиции теории «единого потока». Л. Климович в своей рецензии прав в том отношении, что С. М. Абрамзон переоценил значение «Манаса» как народного эпоса. Но нельзя согласиться с Л. Климовичем, когда он предлагает, очищая эпос от чуждых народу наслаждений, искусственно перередактировать его.

В. И. Чичеров остановился на вопросе о причинах, вызвавших, по признанию С. М. Абрамзона, его ошибки. Действительно, этнографы и фольклористы нередко обращаются за материалами в те области, в которых они не являются специалистами, некритически перенося в свои исследования выводы и положения специальных работ. Такое перенесение не может быть оправдано, и связано оно, как справедливо признал С. М. Абрамзон, с недостаточным овладением марксизмом-ленинизмом. С. М. Абрамзон не учел постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и вопросам истории, и отсюда идут, в частности, его ошибки в оценке эпоса «Манас». Рассматривая этот эпос в плане «единого потока», С. М. Абрамзон в полемике с Л. Климовичем воинственно отстаивал свои позиции. Его ответную рецензию следует рассматривать как принципиальное высказывание, трактующее не частности, а основной методологический вопрос: является ли «Манас» народным эпосом, или же тот вариант «Великого похода», который издан на русском языке, не является народным. Л. Климович доказывал именно это положение, С. М. Абрамзон же исключал возможность того, что в «Манасе» сказалось влияние феодальной, байской идеологии. Здесь ставился важнейший вопрос — о двух культурах в каждой национальной культуре, и С. М. Абрамзон в этом вопросе встал на неправильные позиции. Надо признать, что в его работах по «Манасу» чувствуются традиции позитивистской буржуазной науки — отсюда и объективизм, и недостаточное внимание к социальным явлениям, и т. д. Поэтому в его оценке «Манаса» мы имеем дело не с частными ошибками, а с системой ошибок.

С. М. Абрамзон подошел прямо к признанию того, что им был допущен ряд важнейших теоретических ошибок, которые привели его к объективизму, к теории «единого потока» и другим серьезным заблуждениям. Однако до конца он это признание не довел.

Что же касается собственно «Манаса», то в проведенной в Киргизии дискуссии 1952 г. ему была дана совершенно четкая и справедливая оценка: истоки «Манаса» —

народные, но эпос этот широко использовался феодальной верхушкой, которая перерабатывала и в ряде случаев искажала его и пропагандировала в массах в своей редакции. Отсюда — засорение эпоса чуждыми народному мировоззрению положениями чуждыми народной идеологии эпизодами. Перед советскими фольклористами стояла задача изучить эпос «Манас», определить его народные основы, отделив от них ложное, наносное, что имеется в отдельных песнях, и, очистив, дать в подлиннике переводе действительно народные эпизоды, народную трактовку этого эпоса. Подобная же работа должна быть проведена и над эпосами других народов, ибо далеко не все, что поется народом, народное по своему существу.

Т. А. Жданко отметила, что С. М. Абрамзон довольно обстоятельно изложил сделанные им ошибки, но ее не удовлетворила последняя часть его выступления, где он заявляет, что критика его работ относится главным образом не к этнографическим исследованиям, а к тем разделам, в которых он пошел по линии некритического приятия положений историков. Но ведь этнограф — такой же историк, и за ту часть своих исследований, где трактуются проблемы, связанные с вопросами истории, он считает как историк. К тому же критика работ С. М. Абрамзона вовсе не ограничивается вопросами истории. В своем выступлении он не остановился подробно на том, за что обвиняют в буржуазном национализме. Это круг вопросов, теснейшим образом связанных с этнографией — трактовка значения рода в социальном строем киргизов, роли русского народа в их культурной жизни, оценка эпоса «Манас» и т. д. По этой линии шли обвинения критиков, указывавших, что С. М. Абрамзон помогает буржуазным националистам защищать их концепции. Хотя критика работ Абрамзона началась уже давно, но коллектива Института своевременно не уделил этому достаточного внимания, работы его в этих пор не были обсуждены, что необходимо признать серьезным упущением. Одним Институт все же оказывал некоторое влияние на научное творчество С. М. Абрамзона. Так, например, еще в 1948 г. Институт обратил его внимание на то, что он чрезмерно занимается вопросами прошлого, рекомендовал ему обратиться к изучению современной культуры.

Сегодняшнее заседание, сказала Т. А. Жданко, имеет более широкое значение, чем обсуждение ошибок нашего сотрудника. Изучение истории народов Средней Азии встает на новый этап. За последние годы написан ряд обобщающих трудов по истории Казахской, Узбекской, Таджикской ССР. В настоящее время идет критический пересмотр этих работ с целью устранения допущенных в них ошибок. Ошибки эти — по тем же вопросам, о которых шла речь сегодня: о значении присоединения к России узбекского народа, о влиянии русской культуры на народные массы Узбекистана, о необходимости более глубокого изучения социального строя, об оценке исторического эпоса и т. д. Коллективу Института этнографии необходимо уделять серьезное внимание этой критической работе, обсуждению этих крупнейших проблем истории и исторического эпоса народов Средней Азии, как и других народов Советского Союза.

П. И. Кушнер указал на три основные, серьезнейшие ошибки в работах С. М. Абрамзона. Первая из них — в вопросе о присоединении Киргизии к России, который он осветил так, как будто манапы были за присоединение, а трудовые массы киргизского народа — против. Эта ошибка произошла из того, что Абрамзон, преувеличивая силу родовых отношений в киргизском обществе XIX в. и преумножая рабочих отношений феодальных, не уяснив себе природы манапства, изображал манапов поборниками присоединения к России. Хотя обвинять самого С. М. Абрамзона в киргизском национализме нелепо, но своей неверной трактовкой всех этих вопросов он поддерживал тенденции буржуазных националистов вместо того, чтобы вести решительную борьбу с ними. Серьезнейшую ошибку допустил С. М. Абрамзон и в оценке «Манаса», беззгово рочно изображавшего им как героический эпос. Между тем тот вариант, который дан в русском переводе («Великий поход»), представляет собой типичную раннюю феодальную поэзию, основными сюжетами которой являются борьба феодальных группировок и организуемый феодалами грабеж собственного народа и иноземцев. Наряду с этим имеется ряд действительно народных вариантов, о которых надо говорить отдельно. Основой ошибок Абрамзона является недостаточное овладение марксистской методологией, иначе он разобрался бы в классовых отношениях и не использовал бы фактический материал так, как он это сделал. Хорошо, что С. М. Абрамзон признал свою ошибку, повидимому, не только под воздействием критики, но и потому, что сам в итоге разобрался.

Нынешнее обсуждение имеет очень большое значение для всего Института этнографии, продолжал П. И. Кушнер. Мы наблюдаем сейчас целую цепь ошибок в одном и том же направлении — о Шамиле в Дагестане, о контрреволюционном восстании в Туркмении в годы гражданской войны, неправильную оценку «Манаса» и историю присоединения Киргизии к России; те же вопросы поднимаются на Северном Кавказе в Узбекистане и т. д. Это показывает, что наши исследователи беспечно относились к борьбе с националистическими тенденциями, которым мы обязаны были давать решительный отпор по всем вопросам.

И. И. Потехин отметил, что С. М. Абрамзон честно и откровенно признал все свои заблуждения. Однако он не довел до конца оценку своих ошибок. Тщательно перечитав все существенное и несущественное, все неправильные и неточные формулировки он утопил серьезнейшие ошибки, которые действительно льют воду на мельницу буржуазных националистов, в море случайных оговорок, неточных формулировок. Поэтому

бы останавливалась на объективных причинах, приведших его к ошибкам, М. Абрамзон не дает этим последним четкой политической оценки, признавая лишь, что они приводили его на позиции «национальной ограниченности». Между тем М. Абрамзон должен был прямо сказать, что его ошибки использовались буржуазными националистами, помогали им стремлениям укрепить свои реакционные позиции.

Значение нынешнего обсуждения, сказал далее И. И. Потехин, — шире, чем оценка ошибок С. М. Абрамзона, и коллектив Института этнографии должен извлечь из него ответственные уроки. Серьезные теоретические ошибки, допущенные С. М. Абрамзоном, вскрыты не самим Институтом, а вне его, в Институте же их своевременно не заметили, либо проходили мимо них. Это случилось в значительной мере потому, что научный коллектив Института недооценил опасность рецидивов буржуазного национализма, проявив в этом отношении благодушие и беспечность. Между тем этнография и остается полем битвы двух идеологий: пролетарского интернационализма и буржуазного национализма. Ошибки советских этнографов широко использовались использовались нашими противниками. Так случилось и с работами С. М. Абрамзона. сожалению, не все выступавшие дали правильную оценку его ошибок; Н. А. Кислов, например, пытался найти им объективные причины. И. И. Потехин указал альше на то, что в Институте не ставят на обсуждение выпускаемые им работы, не реагируют своевременно на их критику. Это является серьезным недостатком в работе Института, ибо своевременное обсуждение этих изданий с позиций большевистской принципиальности должно явиться серьезнейшим оружием в деле повышения деловой политической квалификации научных работников.

Ученым советом Института этнографии принятая резолюция, признающая справедливую критику работ С. М. Абрамзона, опубликованную за последнее время на страницах партийной и научной печати и отмечавшую содержащиеся в этих работах ошибки в освещении вопросов истории присоединения Киргизии к Русскому государству, в эпосе киргизского эпоса «Манас», неточности в характеристике социального строя призывов до Великой Октябрьской социалистической революции.

Ученый совет предложил С. М. Абрамзону выступить как в киргизской, так и в центральной печати с самокритическими статьями, а сектору Средней Азии — организовать обсуждение этих статей.

О. Корбе

НОВАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР

В Государственном музее этнографии народов СССР открылась новая экспозиция «Народы Севера — ненцы и эвенки», подготовленная отделом Сибири и Дальнего Востока.

Вводный материал занимает три щита и витрину. В центре щита № 1 помещена карта, на которой обозначены зоны тундры и тайги. Текст под картой дает понятие о географическом положении Сибири, ее границах, размере, климате, растительности, животном мире, богатстве недр. На трех крупных фотографиях показаны тундра летом, жаротундра и тайга зимой.

Заполняющие витрину № 2 археологические экспонаты, добытые при раскопках в Салехарде и Прибайкалье, свидетельствуют о том, что история народов Сибири уходит в глубокую древность.

Вводная часть экспозиции знакомит также с историей открытия, изучения и освоения Сибири отважными русскими землепроходцами и полярными мореходами, которые меньше чем за 60 лет прошли всю Сибирь от Урала до берегов Тихого океана. На схематической карте указаны пути следования на восток Сибири русских землепроходцев, совершивших географические открытия мирового значения. Скульптура (эскиз) М. М. Антокольского «Ермак» показывает зачинателя освоения Сибири.

На щите № 3 дан первый дошедший до нас чертеж Сибири 1667 г., выполненный в Тобольске на основании чертежей, доставленных землепроходцами.

Щит № 4 возводит цитата из Ленина о некапиталистическом пути развития отсталых народностей. На щите помещена схема расселения народов Севера на территории Советского Союза.

Далее следуют основные разделы экспозиции, посвященные коренному населению двух северных национальных округов — Ненецкого и Эвенкийского.

Раздел экспозиции, посвященный ненцам (щиты № 5—23), начинается с карты расселения кочевой в прошлом народности самоедов, или ненцев, в зимний период в конце XIX — начале XX в. (щит № 5). Кarta сопровождается исторической справкой. Ненцы населяют тундровую полосу вдоль побережья Ледовитого океана от Белого моря до низовьев Енисея. В Ненецком национальном округе живет примерно третья часть ненцев, остальные расселены в Ямало-Ненецком и Таймырском национальных округах.

Щит № 8 посвящен показу оленеводства — главной отрасли хозяйства ненцев. Здесь же экспонированы данные о классовом неравенстве ненцев в прошлом.

Классовые различия у ненцев были ярко выражены уже в XIX в.: крупными садами оленей по 5—10 тысяч голов владела кулацкая верхушка, которая практиковала батраков, а также разные формы эксплуатации, завуалированной родственными отношениями.

Оленеводческий инвентарь ненцев несложен, но указывает на большое умение области ведения оленеводческого хозяйства.

На рундуке № 7 представлена характерная фигура ненца-оленевода XIX в. с каном в руках, в глухой и длинной мужской одежде с капюшоном, приготовившего, к поимке оленя из табуна.

Щит № 8 показывает охоту, а щит № 9 — рыболовство. Далее идет показ одеял ненцев.

Применяясь к условиям жизни в суровом климате, ненцы выработали особую форму меховой одежды — малицу с капюшоном, прекрасно защищающую не только от холода, но и от ветра, поверх которой зимой надевают еще совик-или сокуй. Мужская одежда у ненцев глухого покроя, женская распашная. Шапка имеет форму купоры с опушкой из длинноворшестного меха. Обувь шьется из оленевого камаса (шкурок, снятых с ног оленя), чулки — из оленьей шкуры с длинной шерстью.

На специальном рундуке (№ 11) выставлен чум — старый тип ненецкого жилища, основой которого служили жерди, покрышкой — нюки, сшитые из шкур оленя для зимнего чума и из бересты — для летнего. Пол в чуме выстипался прутьями, а сверху закрывался оленевыми шкурами. Посередине чума на железном листе раскладывали огонь.

На щите № 13 приведены слова И. В. Сталина: «...Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие»¹.

На щите № 12 отражены мероприятия советского правительства, направленные на возрождение народов Крайнего Севера.

Уже в 1917 г. была принята «Декларация прав народов России», по которой в народы России признавались равноправными, вне зависимости от их национальной принадлежности, вероисповедания и численности. В 1918 г. была принята конституция, закрепляющая эти права, и был организован Народный комиссариат национальностей — Наркомнац — во главе с И. В. Сталиным. В 1924 г. при Президиуме ВЦИК был создан специальный Комитет содействия народностям северных окраин, или Комитет Севера в обязанности которого входило, на основании изучения особенностей быта народа Севера, помочь им в возможно короткий срок догнать в культурном отношении первые народы Советского Союза.

Благодаря певседневной заботе и вниманию Коммунистической партии, постоянно помогающей русскому народа коренным образом изменилась жизнь трудящихся ненцев.

Старый, технически убогий рыболовный промысел ненцев отошел в прошлое. Появился мощный, механизированный промысловый флот, неводы заменили сети (шкат № 14). Возникли рыбоконсервные заводы, засолочные и коптильные пункты. Рыболовство дает значительный дополнительный доход ненецким колхозам.

Растет и крепнет оленеводство Крайнего Севера, создана густая сеть оленеводческих колхозов и совхозов (щит № 15 и макет № 16). Прежние приемы оленеводства дополняются научно-обоснованными способами, выработанными зоотехнической наукой. Из среды самих ненцев подготавливаются руководящие колхозные кадры.

Рационализировано использование пастищ (щит № 16).

Ненцы широко применяют оленей в транспорте (рундук № 17). Имеются различные типы саней или нарт — легковые, грузовые, мужские, женские и пр. Для управления оленями служит хорей.

В шкафу № 18 представлена продукция оленеводства: шкуры оленей разных возрастов идут на изготовление различной одежды, камас (шкурки с ног оленя) — на шитье обуви. Олени «лбы» и «щетки» идут на подошвы; сухожилия — для выделки ниток, кости, рога — на мелкие детали упряжи, пуговицы, пряжки и пр.

Советские биологи доказали возможность земледелия в высоких широтах. В Ненецком национальном округе в открытом грунте возделывается ячмень (щит № 19). Картофель и другие корнеплоды перешагнули 70-ю параллель. Передовая мичуринская наука помогает советским людям побеждать даже вечную мерзлоту Арктики.

За годы деятельности Советской власти расцвела культура ненецкого народа (шкаф № 20). В 1929 г. была открыта первая ненецкая школа при культбазе Комитета Севера в Хоседа-Хард. В округе имеются семилетняя школа, педагогическое училище колхозно-совхозная и культурно-просветительная школы. Создана ненецкая письменность. В 1931 г. вышел первый букварь на ненецком языке.

Крупнейшим достижением советского строя является создание и рост кадров из среды самих народов Севера (щит № 21). Теперь у ненцев есть значительная прослойка интеллигенции во всех отраслях труда: учителя, врачи, метеорологи, руководители колхозов, работники партийных и советских учреждений.

¹ И. В. Сталин, О политических задачах Университета народов Востока, Соч. т. 7, стр. 139.

Рис. 1. Народное образование у ненцев. Деталь экспозиции (фото А. А. Гречкина)

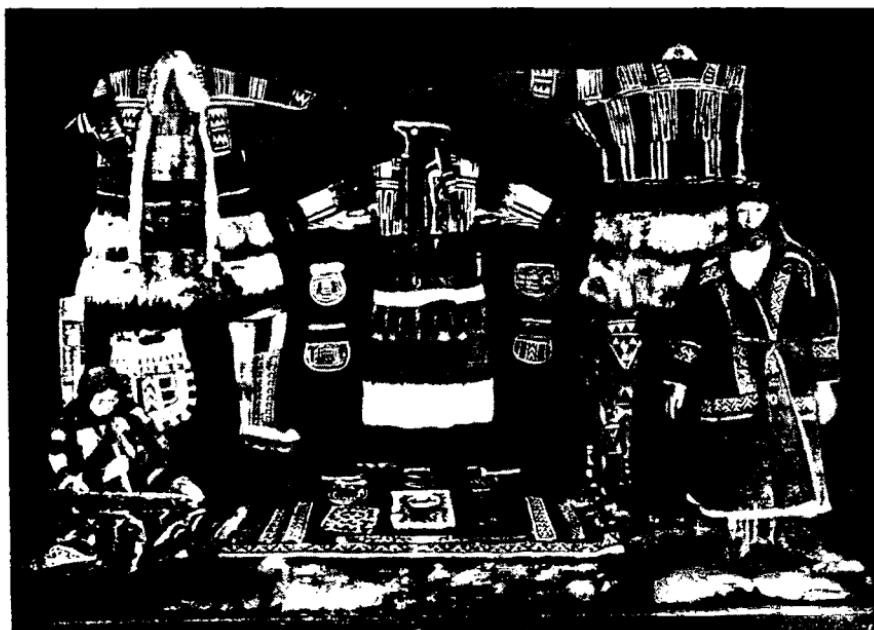

Рис. 2. Искусство ненцев. Деталь экспозиции (фото А. А. Гречкина)

Ненецкие женщины славятся искусством украшать одежду. Они с большим мастерством вырезают узоры из белого и коричневого оленевого меха и, сшивая их вместе, получают своеобразный национальный орнамент — «рожки» и «ушки», — которым украшают одежду, обувь, шапки, сумочки и пр. (шкаф № 22). Для украшения идет таинственное сукно. Любимые цвета ненцев — красный, зеленый и желтый.

В советский период ненцы приобщились к новым отраслям искусства — живописи, скульптуре, музыке и зарекомендовали себя как прекрасные художники.

Каждый год осенью в Ненецком национальном округе празднуется «день оленя», на котором подводятся итоги работы за год каждого оленеводческого колхоза.

Своеобразный характер носят эти современные праздники у ненцев (картина № 2). Обычно во время праздников организуются оленьи бега, на которые каждый колхоз выставляет свои упряжки.

Эвенки, самая многочисленная народность Севера, расселены на колossalной территории от Енисея до Охотского моря. Они живут в зоне тайги, кое-где выходят на лесотундру. На щите № 24 дана карта расселения эвенков (тунгусов) в XIX (по Патканову).

Присоединение к России в XVII в. было крупным прогрессивным явлением в жизни эвенков, так как благодаря общению с русским народом они знакомились с передовой культурой. Но национальная политика самодержавия, основанная на угнетении и порабощении малых народов, не давала им возможности преодолеть свою отсталость.

Основное занятие эвенков в прошлом — охота представлена экспонатами на щите № 27.

До прихода русских охотничими орудиями эвенков были лук и стрелы, копь пальма (охотничий нож на длинной рукояти), ловушки, пасти (рундук № 28). В XVIII в. через русских к эвенкам проникло кремневое ружье, что облегчило условия охоты.

Оленеводство у эвенков имело важное значение (щит № 29), так как при наличии оленей можно было охватить большую охотничью территорию. Материалы специального щита, посвященные оленеводству, содержат и данные о социальном расслоении эвенков. Жилище эвенков показано на рундуке № 30.

Все необходимое для своего хозяйства эвенки изготавливали сами (рундук № 31). Они имели орудия для обработки дерева, кости, шкур, кожи, металла. Кузнецкий делом для своих нужд занимался каждый эвенк.

Одежда эвенков показана в шкафу № 32, предметы шаманского религиозного культа — в шкафу № 33.

На щите № 34 дана характеристика Эвенкийского национального округа. Округ организован 10 декабря 1930 г. Центр округа — поселок Тура на р. Нижней Тунгуске. На щите дана фотография, изображающая вид на поселок Туру с самолета.

Благодаря Великой Октябрьской социалистической революции эвенки, минуя капиталистическую стадию развития, вступили на путь социализма и в невиданный короткий срок добились небывалых успехов во всех отраслях общественной, хозяйственной и культурной жизни. Через радио, телеграф, самолет округ связан со всем Советским Союзом. Регулярные пароходные рейсы доставляют ежегодно в округ все необходимые товары и продукты.

Доходы от охотничьего промысла увеличиваются; успешно развиваются местная промышленность и колхозное оленеводство. Повышаются материальное благосостояние трудящихся и их культурный уровень.

В результате колхозного строительства, правильного использования охотничьих угодий и улучшения техники поднялась производительность пушного промысла (шкаф № 36). Округ ежегодно поставляет государству ценной пушнины на несколько миллионов рублей. Лучшие охотники выручают больше 10 тыс. рублей в год от одной пушнины.

Большим достижением округа является наличие в каждом колхозе зверофермы черно-серебристых лисиц, что дает устойчивые доходы колхозам.

Олень — богатство эвенкийских колхозов (щит № 37). Колхозное оленеводство строится на основе передовой фундаментальной биологической науки. За 20 лет поголовье оленей в колхозах Эвенкийского округа выросло во много раз.

Наряду с оленями в эвенкийских колхозах разводят крупный рогатый скот. В настоещее время во всех эвенкийских колхозах имеются молочно-товарные фермы.

Социалистическое земледелие, основанное на передовой мичуринской биологии, продвинуто далеко на север (щит № 39).

Земледелию, плодоводству и садоводству в Эвенкийском национальном округе принадлежит большое будущее.

Искусство эвенков отличается большим своеобразием (шкаф № 40). Исключительное художественное мастерство и вкус проявляют эвенкийские женщины в украшении одежды из оленевого меха, применяя вставки из кусочков белой шкуры, отделку из бисера — голубого, белого и черного, кантики из цветного сукна и отделку белым подшитым волосом оленя и шерсти барана.

В советское время у эвенков развились новые отрасли искусства. Они проявили себя как искусные живописцы и скульпторы. Их картины и скульптуры экспонировались на международных выставках. На тумбочках № 41 и № 42 представлены скульптуры эвенков — олень, изюбрь и всадник на олене.

Рис. 3. Отправка на охоту. Деталь экспозиции (фото А. А. Гречкина)

Рис. 4. Искусство эвенков. Деталь экспозиции (фото А. А. Гречкина)

До Советской власти у эвенков не было своей письменности. С 1931 г. на языке эвенков издается учебная, художественная и политическая литература (щит № 43). Многие эвенки учатся в различных средних и высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Красноярска и других городов нашей Родины. У эвенков появилась своя интеллигенция — поэты, писатели, художники, учителя, врачи, советские работники и др. Широкой известностью пользуется, например, эвенкийский поэт А. Платонов.

До Великой Октябрьской социалистической революции на территории современного Эвенкийского национального округа не было ни одной школы. Теперь создана обширная сеть начальных и средних школ; обучением охвачены почти все дети эвенков. Они учатся в школах-интернатах и находятся на полном государственном обеспечении.

Там, где до прихода Советской власти не имели понятия о медицинской помощи и за неё обращались к шаману, теперь работают прекрасно оборудованные больницы консультации и фельдшерско-акушерские пункты. Медицинская помощь оказывается бесплатно. Исключительной заботой окружены дети.

В годы Великой Отечественной войны эвенки проявили большую выдержку, стойкость, мужество и героизм (щит № 44). Многие эвенки-воины награждены орденами и медалями за боевые заслуги. Автоматчик Ин Увачан удостоен звания Героя Советского Союза.

За годы Советской власти в Эвенкийском национальном округе созданы десятки новых оседлых поселков с хорошими рублеными жилыми домами, школами, больницами, почтой, телеграфом, радио и т. п. Вид одного из таких новых поселков — Вана вара в 1950 г. передает макет № 45. Диапозитивы, вмонтированные в макет, наглядно знакомят с теми изменениями, которые произошли в жизни эвенков, населяющих Эвенкийский национальный округ, в советский период.

Благодаря заботам партии и правительства Эвенкийский национальный округ за короткий период своего существования добился решающих успехов, особенно в области культурного строительства (щит № 46). В своем письме к И. В. Сталину в день двадцатилетия трудящиеся Эвенкийского национального округа писали: «Новая советская жизнь принесла счастье и великую радость. В невиданно короткий срок эвенкийский народ шагнул из первобытно-общинного строя к социализму. Этот поистине гигантский шаг через века эвенкийский народ совершил под руководством большевистской партии и с Вашей помощью, любимый Иосиф Виссарионович!».

Е. Орлов

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА ДАГЕСТАНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЗА 25 ЛЕТ

Первая попытка организации в Дагестане музея предпринималась еще в конце прошлого века известным общественным деятелем Е. И. Козубским. Однако царские власти, всячески препятствовавшие распространению культуры и просвещения в Дагестане, запретили создание музея. Все же, несмотря на противодействие властей, в 1912 г. в Темир-Хан-Шуре был организован небольшой музей на средства, завещанные штаб-лекарем И. С. Костемеровским. Этот музей существовал для узкого круга людей, он открывался один раз в неделю на два часа. В музее показывалось прикладное искусство Дагестана — ковроткачество и вышивки, изделия из дерева и особенно металлические предметы работы кубачинских мастеров.

После установления Советской власти в Дагестане Областной отдел народного образования создал в 1920 г. в Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск) Единый народный музей Дагестана, двери которого были широко открыты для народных масс.

В 1923 г. Дагестанский Центральный Исполнительный Комитет Советов принял решение об организации в столице республики — Махачкала Республиканского музея дагестановедения, после чего Единый народный музей в Буйнакске был закрыт, а его экспонаты поступили в фонд вновь организованного музея. Открытие Республиканского музея дагестановедения состоялось в 1925 г., в день пятилетия Дагестанской АССР. К этому времени в его фондах и экспозиции уже насчитывался 1851 экспонат. В на-коплении экспонатов большую помощь оказали музеи Москвы, Ленинграда и Кавказа.

Начало систематическому сбору этнографических коллекций было положено в 1924 г. аварской экспедицией под руководством проф. Н. Ф. Яковleva. Экспедиция работала в аварских селениях Кунада, Тлиси, Корода, Харахи и других. Собранная экспедицией коллекция, состоящая из 150 экспонатов, весьма разнообразна. Большое место в ней занимают предметы из дерева — искусно сделанные солоницы, мерки и т. п., представляющие собой замечательные образцы самобытного народного творчества. Почти все эти предметы украшены своеобразным резным орнаментом. Особенный интерес представляет изображение солнечного диска с расходящимися лучами — солярный знак, вошедший в орнамент с глубокой древности. Орнаментика деревянных предметов этой коллекции мало изучалась. Однако этот вид народного творчества заслуживает внимательного исследования, которое позволит выявить его корни. Это важно потому, что он далеко не похож на своеобразный кубачинский орнамент по металлу, уже в достаточной степени изученный и описанный Е. М. Шиллингом.

ругими авторами. Не меньший интерес в коллекции представляют также посудные ложки и ларцы для хранения ложек. Некоторые из них отделаны геометрическим рисунком, другие — без всяких украшений. Отдельной коллекцией представлены различные деревянные табуретки («ату») из сел. Кунада.

Надо отметить, что большинство деревянных предметов (ковши, ложки, кружки, юшины, подносы и пр.) применялись в быту бедных семей, которые сами изготовили эти вещи для своего обихода домашним способом. В быту зажиточных семей мельчайшее хождение имели дорогостоящие металлические предметы, богато отделанные искусствами мастерами-медниками.

Экспедицией 1924 г. были собраны также вышивки, коврики, образцы тканей до-ицней выработки и среди них белое и черное аварское сукно, употреблявшееся для изготовления черкесок и других видов одежды. Существенным недостатком этой коллекции надо считать то, что в ней отсутствуют орудия труда, употреблявшиеся при изготовлении как деревянных и металлических изделий, так и предметов одежды и куви. В материалах экспедиции нет и описания отдельных производственных процессов, которые давали бы представление о методах изготовления тех или иных предметов. Отсутствует и научное описание изделий.

В 1926 г. Музей совместно с Институтом дагестанской культуры предпринял экспедицию к дидойцам в селения Кидеро, Гутатль, Зехеди и др. Эта экспедиция значительно мере пополнила фонды Музея предметами из дерева, большинство которых отличается простотой выделки. Это главным образом цельновырезанные ложки и кружки. Деревянных предметов с орнаментом очень мало, а имеющаяся орнаментика в основном повторяет орнаментику аварцев с незначительной разницей в деталях. Кроме того, экспедицией было собрано несколько сундуков-шкатулок, предназначавшихся для предметов рукоделия. Почти все они украшены изображением лица — солярным знаком (то же, что у аварцев). Эти шкатулки изготавливались без цепей и гвоздей, на шипах.

Представляют интерес и такие изделия, как деревянный кувшин, цельновырезанный деревянный чайник и прекрасно орнаментированный деревянный поднос для хинкала со специальным устройством в центре в виде чашечки для жидкой приправы к нему.

Таким образом, экспедиции, проведенные Музеем в 1924—1926 гг., положили начало этнографическим коллекциям, которые в последующие годы были широко представлены в экспозиции этнографического отдела, существовавшего в Музее в 1928—1930 гг. В дальнейшем этнографические коллекции пополнялись за счет сбоев периодически повторявшихся экспедиций, а также путем закупок отдельных ценных предметов. Среди этих приобретений Музея большой интерес представляет макет Конституции Дагестанской АССР 1937 г. Рамка макета выполнена унцукульскими мастерами, применившими их излюбленный метод инкрустации серебром по дереву. Одержание Конституции по отдельным статьям раскрыто резными изображениями поэти на эмалированном поле серебряной доски, изготовленной кубачинцами. В этом экспонате нашла яркое отражение советская тематика в искусстве свободных народов Дагестана — кубачинцев по металлу и кости и унцукульцев по дереву.

Другим замечательным экспонатом работы унцукульских мастеров является деревянный чернильный прибор с 22 принадлежностями, отделанный своеобразной инкрустацией. В коллекцию унцукульских изделий, приобретенных Музеем в 1935 г., входят и такие предметы, как инкрустированные трубы и трости с выжженным на них геометрическим орнаментом.

Большой интерес представляет коллекция музыкальных инструментов народов Дагестана, собранная Музеем в предвоенные годы. Замечательным собранием является также коллекция камней с рельефным орнаментом, отражающая искусство кубачинских мастеров в резьбе по камню. Кубачинцы были и остаются искусными мастерами в обработке не только металла, но и камня. Они украшают снаружи свои килиши резными камнями, чаще всего употребляя их для оконных наличников или дверей, а внутри помещения рельефами украшают камни (очаги). Отдельные рельефы изображают птиц, животных, всадников, но преобладает растительный орнамент. Кубачинские камни этой коллекции датируются XII—XIII вв. Они собраны академиком И. А. Орбели в разное время до 1935 г. Всего в фондах Музея насчитывается до 170 рельефов. Имеющиеся в коллекции камни с изображением креста свидетельствуют о существовании в горном Дагестане христианства, занесенного в период раннего средневековья из Грузии и Армении.

В разное время Музеем был приобретен у кубачинцев и ряд других предметов из камня с растительным орнаментом, среди них каменные резные подставки для прядок и резные наличники к очагу; оригинальный вид имеет круглый каменный столик с рельефным орнаментом, заключенный в металлическую оправу с серебряной чеканкой по железу. На одном из рельефов четырехугольной формы выгравирована пятиконечная звезда, по внешнему кругу ее вырезана надпись: «РСФСР», а внутренний круг заполнен надписью: «ДАССР».

Кубачинцы не только прекрасные мастера резьбы по камню. Их традиционное мастерство обработки металла славится как выдающееся народное искусство. В предвоенные годы Музеем собрано много предметов ювелирной работы кубачинцев как

дореволюционного периода, так и выполненных в советское время. Особенный интерес в этой коллекции представляет набор оружия в кубачинской отделке.

Для характеристики кубачинского ремесла необходимо остановиться на коллекции огнестрельного оружия периода гражданской войны в Дагестане, собранного Музеем в предвоенные годы. В составе этой коллекции много самодельных пистолетов работы кубачинских мастеров и винтовочных обрезов, при помощи которых кубачинцы вместе со всеми народами Дагестана отстаивали от иностранных интервентов завоевания Советской власти. Имеется также несколько экземпляров самодельного оружия из Казикумуха и других мест Дагестана.

Значительный интерес представляет коллекция металлической посуды и утвари, собранная Музеем в Кубачах, Казикумухе и в других районах Дагестана. Особенный интерес заслуживает котел на трех ножках с носиком для слива жидкости. Подобного рода котлы относятся к XII в. Они предназначались для приготовления кульотов пива.

Наиболее ценными приобретениями Музея по Кубачам в послевоенное время являются изделия мастера Расула Алиханова, выполнившего портрет И. В. Сталина из мамонтовой кости в серебряной массивной рамке чеканной работы с позолотой чернью и костяной отделкой посередине. На одной из сторон рамки смонтирован герб Союза ССР из мамонтовой кости, по сторонам герба расположены знамена союзных республик, выполненные из позолоченных пластинок серебра. Другой замечательной работой этого же мастера является портрет матери И. В. Сталина — Е. Г. Джугашвили из мамонтовой кости в серебряной овальной рамке, отделанной в том же кубачинском стиле. Расул Алиханов изготовил для Музея и несколько других предметов, среди которых особенно выделяется серебряный чернильный прибор, где, кроме гравировок, позолоты и черни, применены филигрань и резьба по кости. Центральная часть прибора изображает герб РСФСР из мамонтовой кости, символизирующий дружбу народов Советского Союза. В 1950 г. Верховным Советом Дагестанской АССР Расулу Алиханову присуждено звание заслуженного деятеля искусств Дагестанской АССР.

Значительным произведением кубачинского ремесла является также круглый серебряный столик эмалевой работы, приобретенный Музеем в 1947 г. Эта работа выполнена мастерами-кубачинцами братьями Топчиевыми, применившими здесь излюбленный кубачинский орнамент розеточного типа. По рассказу мастера, этот столик был начат еще до Октябрьской революции и окончен зятем Топчиевых только в 1947 г. Работа над столиком производилась с большими перерывами. Подобного рода столик, тоже работы Топчиевых, был приобретен Музеем и в довоенные годы.

Особого внимания заслуживают те изделия народных мастеров Дагестана, которые отображают образ великого вождя народов И. В. Сталина. В 1939 г. Музей приобрел ковер работы дербентских мастеров, изображающий выступление И. В. Сталина на VIII Чрезвычайном съезде Советов в день принятия Конституции. Ковер помещен в массивную серебряную раму, отделанную в кубачинском стиле. На раме выгравирована надпись: «Иосифу Виссарионовичу Сталину в день шестидесятилетия от трудящихся Дагестана». Над изготовлением рамы любовно трудились четверо мастера-кубачинца.

Музеем собрана большая коллекция (до 70 предметов) неполивной расписной керамики из аулов Балхар и Сулеукент.

Наиболее полной является коллекция, собранная этнографической экспедицией Музея под руководством Е. М. Шиллинга в 1940 г. Эта коллекция включает в основном полный перечень предметов, характеризующих средства передвижения даргинцев (Дахадаевский район), а также типичные предметы снаряжения даргинских колхозников-чабанов. Из числа этих предметов особенно интересна бурка из черного войлока, без плечевых швов, в форме усеченного конуса, что позволяет ее развертывать на плоскости и в нужный момент использовать как подстилку. Этим она отличается от северокавказской бурки, предназначавшейся преимущественно для верховой езды. В той же коллекции имеются наборы по обработке шерсти, кожи, камня, а также орудия труда и изделия сталькузничной мастерской из сел. Амуга, музыкальные инструменты, детские игрушки и пр. Всего в составе коллекции Е. М. Шиллинга более 100 предметов. Ценность ее для Музея исключительно велика, так как собранные предметы имеют научное описание, позволяющее Музею в любой момент представить эти материалы в экспозиции.

Неменьшее значение имеет собранная Музеем коллекция сельскохозяйственных орудий (деревянная соха с железным наконечником, молотильные доски, мотыги и пр.), отражающих отсталое сельскохозяйственное производство, бытавшее повсеместно в Дагестане до Великой Октябрьской социалистической революции.

За предвоенные годы Музеем накоплены значительные коллекции изделий из ткани, шерсти и кожи. Музей располагает хорошей коллекцией носочно-чулочных изделий из шерсти, приобретенных в лезгинских и аварских районах Дагестана. В этих изделиях типичен и интересен орнамент геометрического стиля. Представляют интерес и переметные сумы (хурджун), орнаментированные цветными нитями. Хозяйственное назначение этого предмета в быту горца исключительно велико. Переметной сумой пользуются почти все без исключения народности Дагестана при перевозке

груза на лошади, но наименее высокими по качеству переметными сумами считаются лезгинские и даргинские.

В фондах Музея имеется коллекция наволочек работы кубачинских мастеров и вышивальщиц из соседнего с Кубачами селения Амузга. Подушки с такими наволочками, обычно набитые шерстью, кладут на постели, и они служат излюбленным предметом украшения жилища. Музеем собраны и инструменты мастеров — веретена, зязыльные крючки, прядки. Несколько изделий из шерсти — верхнее платье чабана, забор шерстяных носков и пр. — были приобретены для Музея в послевоенные годы начальником Южнодагестанского этнографического отряда экспедиции Института этнографии Академии Наук СССР Л. Б. Панек.

Наиболее ценным приобретением Музея в послевоенные годы является ковровый портрет И. В. Сталина в форме генералиссимуса, выполненный дербентской ковровщицей Тумалаевой.

Дополнением к вещественным этнографическим коллекциям, собранным Музеем в довоенные годы, является коллекция этнографических рисунков академика живописи Е. М. Лансере, заслуженного деятеля искусств Джемала, художника Шлепнева и других. На рисунках изображены национальные костюмы горцев Дагестана, отдельные детали быта и архитектуры. Большую ценность представляет коллекция из 957 зарисовок кубачинского орнамента, исполненных мастером-кубачинцем Саидом Магомедовым.

Познавательный интерес в области этнографии народов Дагестана XIX в. представляют фотоматериалы, гравюры и литографии по известным альбомам Тимма, Горшельдта и Гагарина, хранящиеся в фондах Музея.

В 1950 г., опираясь на богатый этнографический материал фондов, Музей с помощью сектора этнографии Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР и местных художников создал в отделе дореволюционного прошлого Дагестана интерьер аварской сакли, довольно полно отражающий домашнюю бытовую обстановку горца конца XIX в. Интерьер построен по эскизному образцу сакли Махмуда из аварского селения Кахаб-Росо.

В 1950 г. Музей приобрел свыше 60 рисунков различных тотемических знаков, снятых с камней домов в аварских селениях Хуштада, Саситли и Тлондода, а также два рисунка двух однокамерных жилищ большой семьи, некогда существовавшей в Дагестане.

Как видно из настоящего краткого обзора, Музей за свою многолетнюю деятельность накопил большой этнографический материал. Его разнообразные коллекции служат ценнейшим источником для советских ученых, исследующих этнографические особенности народов Дагестана. Однако, несмотря на некоторые успехи Музея в области этнографической деятельности, все же в его работе имеются существенные недостатки.

Прежде всего, собранный материал далеко не охватывает всего многообразия национального состава республики. В Музее нет полных этнографических коллекций даже по шести наиболее многочисленным народностям Дагестана (кумыки, даргинцы, аварцы, лезгины, лаки и горские евреи). Не собраны коллекции национальных костюмов народов Дагестана. Этот пробел до некоторой степени восполняется зарисовками по аварцам, андийцам и кумыкам, тогда как костюмы других народностей почти никак не представлены. Научные этнографические экспедиции, производившиеся Музеем в довоенные годы, в большинстве случаев ограничивались аварскими районами.

Музей не сумел организовать полную научную обработку собранных материалов по этнографии. Многие коллекции не могут быть использованы в экспозиции, потому что не имеют научного определения.

Этнографическая деятельность Музея должна быть тесно увязана с работой сектора этнографии Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР и экспедиций Института этнографии АН СССР, работающих ежегодно в Дагестане. Эта связь будет способствовать более углубленному научному освещению этнографических тем в экспозиции и, кроме того, поможет Музею усилить работу по научному описанию уже собранных этнографических коллекций.

Серьезным недостатком в области этнографической деятельности Музея следует считать также слабую популяризацию через экспозицию многогранной и самобытной культуры народов Дагестана. Это во многом объясняется недостаточностью экспозиционной площади Музея, где бы можно было развернуть специальный отдел этнографии. Организация этого отдела является одной из актуальных задач Музея на ближайшее время.

А. М. Твердохлебов

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ЛИТЕРАТУРА ПО ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ ЗА 1951 г.

Развитие национально-освободительного движения в Африке, планы империалистов, рассчитанные на дальнейшее ограбление африканских колоний, все обостряют противоречия между США и европейскими колониальными державами в борьбе за африканские рынки сырья и сбыта вызвали обильный поток разнообразной, и в частности этнографической, литературы по Африке.

В 1951 г. в различные библиотеки Союза ССР поступило немало книг по этнографии Западной Африки, часть из них издана еще до 1951 г.

Обращают на себя внимание, прежде всего, две книги, посвященные так называемой системе косвенного управления. Эта система политического порабощения народов, рассчитанная на использование рода-племенной организации, под натиском демократического национально-освободительного движения переживает глубокий кризис. Колониальные державы, особенно Англия, с лихорадочной поспешностью изыскивают пути сохранения и дальнейшего ее укрепления.

В 1951 г. вышло в четырех выпусках «исследование» известного «теоретика» английской колониальной политики лорда Хэйли¹. В этой книге описана система косвенного управления в английских колониях Западного Судана: в Нигерии, на Золотом Берегу, в Сьерра-Леоне и Гамбии. Здесь эта система выражена наиболее ярко. Классическим образцом ее являются мусульманские эмираты Северной Нигерии.

Другая работа, принадлежащая Бусия², имеет еще более специальный характер. В ней анализируется роль вождей племен в современной системе косвенного управления у ашанти — одного из народов английской колонии Золотой Берег.

Заслуживают внимания книги Адамса и Уорда по географии и истории Золотого Берега³.

По Бельгийскому Конго за последнее время изданы две книги: Фравина — Об одном путешествии от Кейптауна до Конго⁴, и Генеля «Бельгийское Конго»⁵.

Большой интерес представляют книги, в которых приводится цифровой материал по Западной Африке. Еще в конце 1950 г. была издана в Лондоне перепись населения английской колонии Золотой Берег 1948 г.⁶ По структуре эта перепись напоминает известный «Census of India». Она делится на две основные части: текстовую (Report) и статистические таблицы: «Плотность населения», «Разделение населения по полу и возрасту», «Грамотность населения», «Занятия населения». Имеются разделы: «Плодовитость женщин» и «Принадлежность к различным церквам».

Следует отметить, что статистические данные по Африке в целом, а также по ее западной части очень недостаточны и далеки от совершенства. Скудость статистического материала — одно из узких мест в африканистике. Особенно плохо обстоит дело со сведениями по отдельным народам.

По населению Западной Африки сведения о численности говорящих на отдель-

¹ Lord P. C. Haily, Native Administration in the British African Territories, p. III, London, 1951. West Africa: Nigeria, Gold Coast, Sierra-Leone, Gambia

² K. A. Busia, The Position of the Chief in the modern Political System of Ashanti, Oxford, 1951.

³ D. T. Adams, A. Gold Coast Geography, I, London, 1951; W. E. Ward, A History of the Gold Coast, London, 1948.

⁴ M. Fravin, Black and white (From the Cape to the Congo), New York, 1950.

⁵ K. Hänel, Der Belgische Kongo, Lpz., 1949.

⁶ «The Gold Coast. Census of Population, 1948», London, 1950.

ных крупнейших языках можно найти в книге Мак-Дугалда⁷. Но данные этого справочника, как это отмечалось в рецензиях, условны. Кроме того, они в значительной степени устарели.

Ценные сведения о численности некоторых народов и племен Конго имеются в книге Булька⁸, у Верхульпена в его работе о балуба⁹ и в некоторых других.

Имеет значение «Ежемесячный статистический бюллетень»¹⁰. В нем есть данные за 1937—1951 гг. об общей численности населения по некоторым колониям Африки: Кении, Танганьике, Уганда, Северной и Южной Родезии, Ньясаленду, Южно-Африканскому Союзу и другим. Наиболее свежие данные содержатся в декабрьском номере бюллетеня за 1951 г., однако все они очень кратки.

Статистический материал имеется также в одном из выпусков «Petermann's geographische Mitteilungen»¹¹. Этот выпуск дает ценные цифровые данные по Бельгийскому Конго. Здесь приведена таблица площади Бельгийского Конго и его административных провинций, а также численность коренного и белого населения как по всему Бельгийскому Конго, так и по его шести административным провинциям (Леопольдвиль, Экваториальная, Восточная, Киву, Катанга и Кассан). Анализ этого материала дает возможность уточнить процент белого населения в Бельгийском Конго. Общий процент белых в Конго ничтожен. Согласно данным «Petermann's geographische Mitteilungen», в среднем численность белых составляет около 0,4%. Процент их выше в тех провинциях, где имеется капиталистическая промышленность, как, например, в Катанга, которая является одним из крупнейших центров горнодобывающей промышленности в Африке. Из провинции Катанга в больших количествах вывозятся различные виды военно-стратегического сырья, в частности, уран. Европейцы составляют здесь около 1,3—1,4%. Напротив, в провинциях, не развитых в промышленном отношении, белого населения очень мало. Так, например, в Восточной провинции Конго белых лишь 0,1%.

Однако и в этом источнике отсутствуют весьма важные сведения о распределении местного населения внутри провинций. Наличие этих сведений позволило бы составить представление о том, в каких районах Конго происходит концентрация населения, а это совершенно необходимо для понимания процесса роста пролетариата в Конго и определения его численности. О том, что концентрация такого рода существует, говорят многие данные. Так, например, данные, приведенные в «Большом атласе мира»¹², говорят о концентрации населения в городах. Численность населения в городах Бельгийского Конго довольно велика (Леопольдвиль — 118 000 человек, Ядотвиль — 31 500, Элизабетвиль — 55 000).

Бельгийская газета «Le Drapeau Rouge» от 7 марта 1951 г. сообщает, что в Конго значительная часть населения оторвана от своих племен и сконцентрирована в городах или в промышленных и торговых центрах, а также в рабочих лагерях, напоминающих концентрационные лагеры. В 1937 г. численность этого населения вместе с женщинами и детьми достигала 750 000 человек, а в 1948 г. 1 600 000 человек, т. е. она составляла больше 15% населения всего Бельгийского Конго. Эти данные свидетельствуют об интенсивном процессе пролетаризации народных масс и дают возможность понять те новые социальные процессы, которые протекают в Конго в настоящее время.

В названном атласе есть карты различных стран и даже пейзажи и виды городов, но самое главное — статистические данные по численности населения отдельных стран, в том числе и по колониям Западной Африки: по Анголе, Бельгийскому Конго, Французской Западной и Французской Экваториальной Африке, а также по всем английским колониям в Западном Судане. В нем указана также и численность населения крупнейших городов различных стран и колоний.

Однако все перечисленные источники не дают многих нужных сведений. Ни в одной из упомянутых работ нет, например, данных о классовом составе населения. Такие данные отсутствуют даже в переписи по английской колонии Золотой Берег. Пытаясь обмануть общественное мнение, колонизаторы сознательно игнорируют анализ классовых отношений и показывают народы африканских колоний как племена, находящиеся еще на стадии первобытно-общинных отношений.

Крупным недостатком упомянутых источников является расхождение в цифровых данных. Все они преподносятся как самые новые, а более точных ссылок не имеется, поэтому сведения эти в значительной мере обесцениваются (нельзя точно учесть прирост населения и пр.). Так, например, численность белого населения в Бельгийском Конго по атласу (стр. XI) — 35 772 человека, а по Петерману (стр. 210) — 52 113 человек.

Просматривая цифровой материал по отдельным источникам, легко убедиться в

⁷ D. Mac Dougald, *The Languages and Press of Africa*, Philadelphia, 1944.

⁸ S. J. Bulck, *Les Recherches Linguistiques au Congo Belge*, Bruxelles, 1948.

⁹ Verhulpen, *Baluba et Balubaisés du Katanga*, Paris, 1936.

¹⁰ «Monthly Bulletin of Statistics» (Statistical Office of the United Nations).

¹¹ «Petermann's geographische Mitteilungen», 1951, 3. Quartalsheft, стр. 210.

¹² «Grosser IRO Weltatlas». IRO-Verlag, München, 1951.

том, что данные проверены очень плохо. Примером может служить тот же атлас. Возьмем численность населения Уганды; на стр. XXIII указано 3 930 724 человека, а на стр. XXXIV — 4 486 345 человек (разница 555 621 человек). Неточность в цифровых данных имеется также и по колониям Западной Африки. Один из ведущих работников атласа Эрнст Кремлинг в предисловии к нему уверяет читателей, что авторы пользовались новейшими данными. Однако при наличии такого разнобоя совершенно непонятно, откуда взяты эти «новейшие данные», а также, какие из них нужно считать «новейшими».

Ясно, что цифровой материал, помещенный во всех перечисленных источниках, требует очень осторожного и критического подхода.

Особый интерес представляют для советских африканистов монографические исследования по Западной Африке, библиографические справочники, а также отдельные выпуски серии «Этнографическое обозрение Африки», издающейся в Лондоне. Из исследований такого рода в прошедшем году вышло девять книг. Часть из них представляет собой самостоятельные издания, а часть является отдельными выпусками серии «Этнографическое обозрение Африки».

Объемистый труд, часть которого посвящена народам Западной Африки, представляет собой работа о системах родства в Африке. Книга написана несколькими авторами и выпущена под редакцией Радклифф-Брауна и Дарилла Форда¹³. Книга содержит ценный для этнографа фактический материал и состоит из предисловия (теории родства, написанного Радклифф-Брауном, и написанных другими авторами девяти больших очерков о системах родства у различных народов Африки: свази (Купер), накуса (Вильсон), чвана (Шапера), лози и зулу (Глюкманн), некоторые группы банту Центральной Африки (Ричардс), ашанти (Фортс), яко (Форд), нуба (Надель) и нуэр (Эванс-Пritchard).

Книга представляет большой интерес не только для африканистов, но также и для этнографов, занимающихся системами родства народов других стран. Однако к ней следует отнести сугубо критически, так как написана она в основном авторами-функционалистами: Р. Браун, Фортс и др. Эта работа является продолжением нашумевшей книги «Африканские политические системы», которая явилась в свое время чем-то вроде манифеста функциональной школы. О характере этих исследований можно судить по книге М. Фортса о системе родства у талленси¹⁴.

Талленси населяют бассейн р. Вольты. Они разделены колониальными границами между английскими и французскими владениями. Часть их живет во французской колонии Берег Слоновой кости, а часть в северных районах английской колонии Золотой Берег. Языки племени талленси относятся к группе малоизученных языков, неправильно называемых в буржуазной лингвистике бантонидными. Крупнейшим из них в этой части Судана является язык моси. На нем, по некоторым данным, говорят около 1 200 000 человек. Численность талленси, согласно переписи 1931 г., достигает 35 000 человек.

Книга Фортса является как бы продолжением его же работы «Изменение родовых отношений у талленси»¹⁵. Поэтому, чтобы яснее представить себе основные принципиальные установки автора, необходимо рассматривать обе эти книги вместе. В обеих работах имеется значительный фактический материал по системе родства у талленси, который представляет определенную ценность и может быть использован этнографами. Однако требуется тщательный критический анализ, так как основные методологические установки автора в корне порочны. Обе книги Фортса получили в среде английских этнографов широкую известность и были приняты как новое слово в этнографической науке. На самом деле они написаны с позиций функционализма, основа которого лежит мешанина из различных идеалистических реакционных теорий, господствующих в современной англо-американской этнографии.

С точки зрения Фортса социальная организация общества является единственным ключом к пониманию всех других сторон жизни общества. Он заявляет: «Я считаю, что первой задачей исследователя, работающего в поле, является задача дать представление о социальной структуре народа, который он изучает. На этой основе он затем мог бы построить изучение отдельных функциональных систем, таких, как законодательство, экономика, религия, специальных существующих комплексов особых институтов, социальных механизмов или культуры в целом»¹⁶.

Этот тезис Фортса, пожалуй, отличается от наиболее распространенных установок функционализма об отсутствии в различных явлениях главных и второстепенных «функций», однако это не изменяет сущности дела. Концепция Фортса так же идеалистична и реакционна, как и концепции его предшественников.

В своей первой книге Фортс приписывает талленси какую-то странную, фантастич-

¹³ Radcliffe-Brown and Daryll Forde, African Systems of Kinship and Marriage, O. U. P. for International African Institute, 1950, стр. VIII, 399.

¹⁴ M. Fortes, The Web of Kinship among Tallensi, London, New York, Toronto, 1949.

¹⁵ Meyer Fortes, The Dynamics of Clanship among the Tallensi, London, New York, Toronto, 1945.

¹⁶ Там же, стр. IX.

зскую любовь к деньгам, видимо, исходя из того, что многие мужчины уходят на заработки в южные районы Золотого Берега для того, чтобы заработать небольшую сумму денег для себя и своей семьи. Здесь, по мнению Фортса, ведущим является зекое психическое побуждение д о с т а т ь д е н ь г и . Фортс, типичный функционалист, конечно, не может и не хочет понять, что стремление добывать деньги свидетельствует об изменении экономических условий жизни населения, о возросшем колониальном гнете, толкающем людей именно на этот путь.

В книге «The Web of Kinship among Tallensi» (стр. 1—2) автор дает странную и противоречивую характеристику общества талленси. Сперва он говорит, что талленси ю расовому типу, языку, культуре и экономике представляют целиком однородное общество. Однако несколько ниже можно прочесть, что среди талленси нет племенной целостности, они не отличаются от соседних племен ни языком, ни обычаями, они не имели племенного управления вплоть до зведенного англичанами в 1937 г. Спрашивается: что же собой представляют талленси — особое племя или часть племени, оторванную англичанами от основной массы? Характеристика талленси, приводимая Фортсом, на этот вопрос не дает никакого ответа.

По Фортсу, общество талленси пребывает в состоянии «равновесия», в нем нет противоречий, а следовательно, оно не развивается. Тезис о «равновесии» в обществе проходит через всю работу. Этому метафизическому «равновесию», по мнению автора, помогает так называемая «экономическая однородность» в обществе — отсутствие имущественного неравенства. «Экономическая однородность», по мнению Фортса, регулируется социальной структурой талленси. Трудно придумать что-либо более абсурдное и запутанное. Фактический материал, приведенный в работах самим же автором, опровергает его тезисы о «равновесии» и «экономической однородности». Даные показывают, что у талленси давно уже существовало долговое рабство и т. п.

В настоящее время, вследствие развития капиталистических отношений на Золотом Берегу, среди талленси произошли еще большие изменения. Практикуется заклад земли, до 10% взрослых мужчин уходят на заработки в более южные районы Золотого Берега и пр. Все это расшатало и изменило старые отношения у талленси, те отношения, которые Фортс пытается представить как основные.

Иногда автор сбрасывает маску, и мы узнаем в нем обычного колонизатора. Он не жалеет красок для того, чтобы очернить талленси, а англичан представить как носителей «цивилизации» и «культуры». Одним из самых лучших способов управления Фортс считает систему косвенного управления — систему закабаления народов Африки, а самоутверженную борьбу этого маленького народа против своих угнетателей — английских империалистов — он характеризует как «беспорядки», которые доставляют очень много беспокойства английской администрации.

Таковы настоящее лицо этого английского этнографа и его основные теоретические установки, которыми он руководствовался при описании талленси. Таково в сущности лицо всей английской этнографии, находящейся в состоянии глубокого кризиса и уже давно перешедшей на службу империализма. Неудивительно, что книга эта, как было сказано выше, получила хвалебные отзывы в английской печати, а на заседаниях Антропологического общества о ней говорили как о новом слове в этнографической науке, открывшем новые пути. В действительности здесь мы видим новый пример применения воинствующего функционализма.

Книга, несомненно, заслуживает подробного разбора и должной оценки в советской печати.

Необходимо остановиться и на серии этнографических выпусков «Этнографическое обозрение Африки» («Ethnographic Survey of Africa»), издаваемых Международным африканским институтом в Лондоне. В создании этой серии принимали участие также этнографические институты Южной Африки, Родезии, Восточной Африки, Французской Западной Африки, Бельгии и Бельгийского Конго. В 1945 г. Международный африканский институт получил поддержку колониальных правительств и приступил к изданию отдельных выпусков этой серии.

Руководители Международного африканского института не скрывают своих связей с колониальными правительствами, а наоборот, подчеркивают их. Редактор этого обозрения Дарилл Форд, известный своими работами по экономике первобытного общества и по этнографии яко — одного из мелких народов Нигерии, с большим удовлетворением и гордостью пишет, что Международный африканский институт является наиболее подходящим кандидатом для выполнения этого задания (издание серии «Этнографическое обозрение Африки»), так как он получает поддержку от различных колониальных правительств и в свою очередь оказывает им услуги. Одной из этих услуг и является, видимо, издание серии «Этнографическое обозрение Африки».

После такого признания нетрудно представить себе, каково идеиное содержание выпусков этого издания, созданного по заказу англо-американских угнетателей народов Африки. Цель этой серии, по словам Дарилла Форда, — точно, сжато и критически суммировать знания о племенных группах, их расселении, природном окружении, социальных условиях, политической и экономической структуре, религиозных верованиях и культурах, технологиях и искусстве. Все перечисленные темы, за исключением, быть может, верований и социальной организации, выполнены настолько слабо, что о них даже нечего сказать.

В самой целевой установке, а также в плане после более или менее внимательного анализа можно обнаружить тенденциозность в описании населения Африки. Стремление обмануть общественное мнение, показать народы Африки как конгломерат племен ясно видно из фразы в целевой установке — «показать племенные группы». Империалисты и их «ученые» помощники сознательно не замечают того факта, многие народы Африки уже давно не являются племенами.

В общей структуре «Этнографического обозрения Африки» нет более или менее удовлетворительной классификации народов Африки. В одном случае описывается народность, по терминологии авторов издания «племя», в другом — группа народов или просто население той или другой колонии. В последнем случае часто отсутствует научный подход к классификации народов. Ярким примером этого может служить один из выпусков этой серии по Западной Африке — «Население протектората Сьерра Леоне» (автор Мак-Куллах).

Неизвестно, чем руководствовался автор, разделив все население Сьерра Леона на четыре группы: 1) менде и локко, 2) темне, лимба, сусу, ялунка; 3) шербо, булу, крим и 4) коно, вай, коранка. Эту классификацию Мак-Куллах пытается обосновать со всех точек зрения демографии, традиций, обычаяев и пр. Однако остается совершенно непонятным, каким образом Мак-Куллах могла игнорировать данные языка культуры, говорящие о том, что менде, сусу и вай должны быть отнесены к группе мандинго. Мандинго, как и многие другие народы Африки, разделены колониальными границами между французскими и английскими владениями. Эта искусственная классификация населения Сьерра Леона понадобилась автору, видимо, для того, чтобы скрыть этот факт, «научно» обосновать «национальность» колониальных границ.

Тенденциозная арханизация населения Западной Африки ведет к совершенно неестественному, извращенному показу действительности. В серии «Этнографическое обозрение Африки» совершенно отсутствует научный анализ классовых обществ Африки. Неудивительно, что отсутствуют также темы колониальной эксплуатации и борьбы народов против колонизаторов.

Все выпуски серии построены более или менее по одному плану. Остановимся для примера на разборе одного из выпусков этой серии: «Западная Африка, часть III. Население Юго-восточной Нигерии, говорящее на языках ибо и ибибио»¹⁷.

Ибо — народность, населяющая юго-восточную часть британской колонии Нигерии. На языке ибо говорят до 4 млн. человек. Язык относится к группе так называемых гвинейских языков. Ибибио — группа мелких народностей с общей численностью населения свыше 1 млн. человек. Говорят на родственных языках, которые еще очень мало изучены. Наиболее известен из них язык эфик. Живут юго-восточнее ибо, в районе Крестовой реки.

Описание каждого народа, будь то ибо или ибибио, делится на два основных раздела. В первом разделе даются общие сведения: племенные и подплеменные группы и демография, языки, природные условия, основные черты экономики, социальная организация и политическое устройство, некоторые другие черты культуры, религиозные верования и культуры. Во втором разделе рассматриваются говорящие на языках ибо или ибибио по группам.

Работа Дарилла Форда и Джонса по населению Юго-восточной Нигерии скорее напоминает справочник, нежели последовательно и связно изложенный материал. Часть материала, имеющегося в работе, интересна, так как говорит об интенсивном классовом расслоении среди ибо (наличие продажи и заклада земель, отходничество и т. д.). Однако отдельные замечания, свидетельствующие о новых социально-экономических процессах у народов Юго-восточной Нигерии, носят совершенно случайный характер. Авторы работы не только не развернули материал, чтобы показать эти новые явления, но, наоборот, сделали все от них зависящее, чтобы скрыть это.

Один из культурнейших народов Западной Африки, народ ибо, который вместе с народом йоруба составляет передовой отряд борцов за демократию в Нигерии, авторы выпуска пытаются арханизировать, показывая его как племя. Это нельзя назвать ошибкой и объяснить нечеткостью анализа. Нет, это просто тенденциозность изложения, стремление показать народы Африки примитивными — старый прием английских этнографов, работающих по заказу своих империалистических хозяев.

С нашей точки зрения, этот выпуск по качеству значительно ниже работ Басдена и Тальбота по Южной Нигерии или Мика по Северной Нигерии¹⁸. У Тальбота, например, в IV томе его работы по Южной Нигерии приведены данные ценза 1921 г., которые содержат некоторый материал для анализа строя народа ибо.

В «Этнографическом обозрении Африки» цифровой материал подобран очень плохо. Кроме того, он уже устарел. В книге, вышедшей в Англии в 1951 г., странно видеть сведения об английских колониях, устаревшие на 20 лет. Взяты данные официальных подсчетов 1931 г.; численность ибо, согласно этим данным, — 3 184 585 человек, численность же отдельных групп ибо дается не полностью, а только с учетом

¹⁷ Daryll Forde a. G. I. Jones, The Ibo and Ibibio-speaking Peoples of South-Eastern Nigeria, London, New York, Toronto, 1950, стр. 94.

¹⁸ G. T. Basden, Niger Ibos, London; R. A. Talbot, Tribes of the Niger Delta, London, 1930; Meek, Northern Nigeria, t. II, London, 1925.

зрелых мужчин. Использование данных такого рода — один из штрихов, характеризующих плохое состояние статистики по Западной Африке.

Основной тезис — что народы ибо и ибибо являются племенами — извращает действительность. Безусловно, материал подбирался соответственно этой задаче. Расширялось до невероятных размеров все старое, имеющее перекроточный характер, обретенное на гибель, и ничего почти не говорилось о новых отношениях среди народов Юго-восточной Нигерии. Но от действительности уйти трудно. И вот, авторы, вероятно, не рассчитав, вводят в работу такой материал, который противоречит их основным положениям.

На стр. 12 говорится о многодиалектности среди ибо: «Бесчисленные диалекты ибо, — говорят авторы, — в значительной степени отличаются один от другого в фонетике и словаре». Напрасно искать доказательства этому утверждению в главе о языке, их там нет. Зато несколько ниже авторы, видимо, забыв о том, что они только что сказали, констатируют, что можно говорить о двух основных диалектах у ибо: оверри ибо и онича ибо, которые очень широко распространены и один из которыхложен в основу литературного языка. Нам кажется, что здесь следует говорить о развивающемся национальном языке.

Много места уделено описанию социальной организации. Но авторы явно путают территориальные объединения с племенными, считая население целых областей подплеменными группами. Даже скучный материал, приведенный в этой работе, говорит о том, что прежние племенные связи в основном разрушены. Развиты отходничество, торговля, производится заклад земли и даже продажа ее. Земля сосредотачивается в руках более богатых ибо и т. д. Многие ибо работают в горнодобывающей промышленности. Есть интеллигенция, буржуазия. Все это, конечно, не племенные отношения, как их пытаются представить Дарилл Форд и Джонс.

Так же, как и упомянутая выше книга Фортса о талленси, серия «Этнографическое обозрение Африки» свидетельствует о деградации буржуазной этнографии, ее низком научно-теоретическом уровне. Это является уделом науки, перешедшей на службу империализма.

Остановимся на одной из книг по археологии Африки. Это — исследование Педрала, которое охватывает всю Африку южнее Сахары (по крайней мере, к этому обязывает название книги)¹⁹. Несколько глав работы посвящены Западному Судану. Так, например, имеются главы о Нигерии (центральное плато), о районе оз. Чад, о Южной Нигерии (районы Ифе и Иле) и глава о Сенегамбии.

Совершенно выпадают многие районы Западной Африки (Бельгийское Конго, значительная часть Французской Экваториальной Африки и Ангола), а также вся Восточная Тропическая Африка. Это является очень большим недостатком книги, претендующей на описание археологии всей «черной» Африки. Хотя археологические находки в Западной Тропической Африке беднее, чем в некоторых других частях материка, но все же некоторые материалы имеются. Так, например, находки эпохи раннего неолита в районе оз. Тумба (западная часть Бельгийского Конго, 1920 г.) позволяют сделать заключение, что древнее население этой части Африки уже давно было знакомо с земледелием. Находки тумбийского типа сделаны также во многих местах Французского Судана, о котором в этой книге тоже ничего не говорится.

Описывая Южную Нигерию, Педрал базируется на материалах Фробениуса — одного из духовных отцов немецкого расизма.

Некоторые зарубежные ученые, как, например, Деляфосс, считали, что культуры многих народов Западного Судана подверглись огромному влиянию со стороны культур народов Азии, в частности персидской культуры. Педрал не только придерживается этой давно отвергнутой точки зрения, но доводит ее до абсурда. Так, например, он считает, что 12 мандингских властителей были персы, а некоторые мандингские обряды и черты культуры являются в своей основе персидскими, т. е. были привнесены в Западный Судан. Эта «теория» столь абсурдна, что не встречает сочувствия даже у таких ученых, как английский этнограф Джейфрис — известный советским ученым как весьма ограниченный и необъективный исследователь в области африканстики. Существенным недостатком работы следует считать также отсутствие в ней карт и относительную бедность библиографии.

Большое значение имеет библиографический справочник «Библиография этнографических работ по Французской Экваториальной Африке», изданный Управлением статистики Французской Экваториальной Африки²⁰. Он включает этнографические работы по Французской Экваториальной Африке за период с 1914 по 1948 г.

Справочник включает шесть больших разделов. Первый раздел «Общие работы по всей Французской Экваториальной Африке» — состоит из следующих подразделов: 1) перечень существующих библиографических справочников по Французской Экваториальной Африке и Бельгийскому Конго (по Бельгийскому Конго с 1915 по 1930 г.); 2) исследования общего характера, крупные работы по Французской Экваториальной Африке; 3) антропология; 4) пигмеи Французской Экваториальной Африки; 5) искусство и религия; 6) материальная культура.

¹⁹ Pedrals, *L'archéologie de l'Afrique noire*, Paris, 1950.

²⁰ «Bibliographie ethnographique de l'Afrique Équatoriale Française», Paris, 1947

В основных разделах книги материал распределен по районам. Второй раздел — Габун и Среднее Конго; третий — район реки Убанги; четвертый — район оз. Чад и бассейны рек Логоне, Шари, Кибби; пятый — район Багирими-Вадаи — Саламат шестой — Тибести — Борку. Каждый из этих разделов включает следующие подразделы: 1) общие исследования, 2) антропология, 3) предистория (в некоторых разделах заменена историей), 4) демография, 5) лингвистика, 6) социальная организация, 7) искусство, фольклор, религия и 8) материальная культура.

Население некоторых областей Французской Экваториальной Африки изучено плохо. Поэтому наличие такого библиографического справочника следует признать полезным, так как он позволяет ознакомиться с литературой по этой части Африки, вышедшей за длительный период с 1914 по 1948 г.

А. И. Собченко

НАРОДЫ СССР

История культуры древней Руси. Домонгольский период. Под общей редакцией акад. Б. Д. Грекова и проф. М. И. Артамонова. Том I. Материальная культура. Под редакцией Н. Н. Воронина, М. К. Каргера и М. А. Тихановой, Изд. АН СССР, М.—Л., 1948. Том II. Общественный строй и духовная культура. Под редакцией Н. Н. Воронина и М. К. Каргера. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951.

Институт истории материальной культуры АН СССР осуществил издание двухтомного коллективного труда «История культуры древней Руси». Перед авторами и редакторами этого труда стояли ответственные задачи — показать самобытность, высокий уровень древнерусской культуры, ее достижения и вклад в сокровищницу мировой культуры.

Следуя марксистско-ленинскому пониманию истории культуры, авторы прежде всего проследили «развитие русской материальной культуры, русского городского ремесла и сельского хозяйства, рост богатых городов. На этой почве расцвели искусства и литература, обогатившие сокровищницу мировой культуры великим вкладом русского гения» (II, стр. 510). Отсюда деление всего труда на два тома — первый посвящен материальной культуре древней Руси и второй — общественному строю и духовной культуре.

Подобное издание осуществлено впервые. Впервые история культуры стала предметом исследования в таких широких рамках. Руководствуясь сталинским указанием о том, что историческая наука «должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудаящихся масс, историей народов»¹, авторы на протяжении всего труда стремятся держать в центре своего внимания русский народ, как истинного творца всех культурных ценностей эпохи древней Руси.

Разработка вопросов истории древнерусской культуры, ее отдельных сторон и явлений проводилась с учетом того, что сделали советские историки во главе с акад. Б. Д. Грековым в области изучения истории восточных славян, истории древней Руси. Правда, за то время, пока разрабатывалась история культуры древней Руси значительно подвинулось вперед изучение самой истории Руси. Ряд вопросов, которые имеют прямое отношение к историческому древнерусскому процессу, за это время пересмотрен, в частности, например, вопрос периодизации. Авторы двухтомника на основе своей периодизации положили деление на два главных периода: период Киевского государства — IX — середины XI в. и период феодальной раздробленности — вторая половина XI в. — первая половина XIII в. Однако в последнее время установлено, что Киевская держава IX—X вв. была раннефеодальным государством, что развитие феодальных отношений у восточных славян наблюдается с VI—VII вв. и т. д.²

Особенно важно отметить, что за то время, пока создавались эти два тома, из которых первый вышел еще в 1948 г., марксистско-ленинская теория обогатилась выходом в свет основополагающего труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоznания», давшего мощный толчок для развития всех наук, в том числе и исторической. Все это обусловило некоторый разрыв в освещении отдельных вопросов между первым томом, вышедшим в 1948 г., и вторым томом, вышедшим в 1951 г. Однако надо признать, что во многих случаях такого разрыва удалось избежать благодаря тому, что среди авторов и редакторов, в главе с акад. Б. Д. Грековым, были историки-исследователи, непосредственно занимающиеся изучением истории восточных славян и древней Руси.

Разработка истории древнерусской культуры имеет особенно актуальное значение в наше время, когда «историки» из лагеря американо-английских империалистов, под жигателей войны против СССР, усиленно используют созданные ранее буржуазно-помещичьей историографией «норманистскую» и всякого рода другие космополити-

¹ «История ВКП(б), Краткий курс», стр. 116.

² См. Б. Д. Греков. Генезис феодализма в свете учения И. В. Сталина о базисе и настстройке, «Вопросы истории», 1952, № 5.

еские «теории». Лакеи Уолл-стрита угодливо спешат обосновать подготовку новой мировой войны и агрессивные планы империалистов в отношении СССР и стран народной демократии. Эти «историки» используют различные измышления «норманистов» и прочих космополитов, чтобы доказать отсталость советских народов и прежде всего восточнославянских, в частности в области культуры они пытаются показать, что эти народы даже неспособны создать самостоятельно собственную культуру, блескнуть ее развитие, успехи. «История культуры древней Руси» наносит смертельный удар по всем подобным теориям, выбивая оружие из рук наших врагов.

Поэтому авторы и редакторы этого издания отнеслись к своей работе с исключительной ответственностью. К участию в издании редакция привлекла исследователей различных специальностей, имеющих отношение к вопросам, которые должны были получить освещение в отдельных главах труда. Кроме археологов, к участию в этом издании были привлечены этнографы, фольклористы, языковеды, искусствоведы и др. Этой стороны «История культуры древней Руси» свидетельствует о том, как выросла наша советская наука, как неисчерпаемы ее силы и возможности.

Следует отметить помощь, которую оказала советская научная общественность коллективу авторов и редакторов этого издания. После выхода в свет первого тома «Истории культуры древней Руси» в Институте этнографии АН СССР состоялось его обсуждение. В обсуждении приняли участие авторы труда, представители редакции и сотрудники Института истории материальной культуры. Представитель редакции издания в заключительном слове признал ценность ряда замечаний, сделанных участниками обсуждения, и заявил, что эти замечания будут учтены в дальнейшей работе³.

«История культуры древней Руси» создана коллективом авторов, но это не простой сборник статей- очерков, а оригинальный труд, написанный по единому плану. Чувствуется, что редакция много сделала для того, чтобы добиться внутренней увязки и согласованности между отдельными частями этого издания, показывающего глубоко народный характер культуры древней Руси, ее самобытность, высокий патриотизм и всемирно-историческое значение. В результате перед нами оригинальное коллективное исследование культуры древнерусского народа, при этом и каждая глава звучит как отдельность, сохраняет самостоятельную научную ценность.

Авторы труда правильно определили хронологические рамки своего исследования. Мы вполне разделяем их выводы о том, что история культуры древней Руси должна быть выделена как единый цельный период в истории культуры восточнославянских народов. Ведь это была культура единого древнерусского народа, существовавшего до второй половины XIII в. Именно этот народ создал и развил эту культуру в течение пяти веков своей истории. Государственный распад древнерусского народа, последовавший в связи с историческими условиями, сложившимися на Востоке Европы со второй половины XIII в., привел к образованию трех братских восточнославянских народностей. Быстрое культурное развитие этих народностей, конечно, было возможно потому, что основой его была высокоразвитая древнерусская культура; она же содействовала и развитию единства культуры братских великорусского, украинского и белорусского народов (II, стр. 517). Но история культур этих родственных народов составляет уже новый период, который нельзя смешивать с историей древнерусской культуры.

Так обстоит дело с конечными рамками исследования. Вместе с тем правильно, по нашему мнению, поступили авторы и в том отношении, что они начали древнерусской культуры рассматривать в неразрывной генетической связи с культурой восточных славян дофеодального периода. Это нашло отражение и во вводном «общесториическом» очерке, и в таких главах, как «Сельское хозяйство», «Поселение», «Жилище» и др.

Авторы дали новое и безусловно правильное понимание древнерусской культуры периода феодальной раздробленности. Нужно признать, что в данном труде впервые четко дан ответ на вопрос о том, был ли этот период шагом вперед в общем и целом и в частности в экономическом и культурном развитии древней Руси.

Акад. Б. Д. Греков в одной из своих новейших работ указывает, что «рост производительных сил на местах создал возможность появления и экономического развития новых экономических и политических центров, конкурентов «матери городов русских» — Киеву. Необходимость усилить власть над местным крестьянством... вызывала потребность в перестройке государственной власти, в организации власти на местах»⁴.

Феодальная раздробленность была закономерным явлением, и на том этапе она явилась результатом общественного развития и сама содействовала в свою очередь дальнейшему развитию общества. «В действительности, — пишут авторы в своем исследовании, — распад Киевской державы свидетельствовал отнюдь не об упадке, а, наоборот, о дальнейшем прогрессивном развитии Руси... для развития русской культуры сложились новые своеобразные условия, отличные от условий предшествующей поры» (II, стр. 517—518). Эти условия могли привести к «распылению» русской культуры. Однако этого не случилось: при всем своеобразии местных особенностей исто-

³ «Советская этнография», 1949, № 3, стр. 210—211.

⁴ Б. Д. Греков, Указ. соч., стр. 41.

рического развития русская культура XI—XIII вв. предстоит перед нами как целостная и мощная. Это было обусловлено рядом причин. Среди них на первое место должно быть поставлено развитие русских городов. «Благодаря этим условиям русская культура XI—XIII вв. при всем многообразии и богатстве местных, областных оттенков сохраняет свое единство» (II, стр. 519).

Суждения об «упадке», о начавшемся «отставании» древнерусской культуры того времени, высказывавшиеся в буржуазно-помещичьей историографии и подхваченные затем М. Н. Покровским, «основаны на формальном антиисторическом понимании нового характера культурного развития в XI—XIII вв.» В этот период «культура глубже проникает в толщу народных масс. И это является крупнейшим прогрессивным явлением, связанным с периодом феодальной раздробленности» (II, стр. 520).

Признавая самобытность древнерусской культуры, авторы вместе с тем учатся вать и культурные связи с соседними странами и влияние древнерусской культуры на культуру других народов. Авторы помнят и о том, что господствующая феодально-христианская культура «продолжала оставаться культурой феодальных верхов» (II, стр. 521).

Первый том открывается вводной статьей В. В. Мавродина «Очерк истории древней Руси до монгольского завоевания». Затем следуют двенадцать глав, в которых освещается материальная культура древней Руси: I — П. Н. Третьяков, Сельское хозяйство и промыслы; II — Б. А. Рыбаков, Ремесло; III — Н. Н. Воронин, Поселения; IV — Н. Н. Воронин, Жилище; V — А. В. Арциховский, Одежда; VI — Н. Н. Воронин, Пища и утварь; VII — Н. Н. Воронин, Средства и пути сообщения; VIII — Б. А. Рыбаков, Торговля и торговые пути; IX — Б. А. Романов, Деньги и денежное обращение; X — Б. А. Рыбаков, Военное дело (стратегия и тактика); XI — А. В. Арциховский, Оружие; XII — Н. Н. Воронин, Крепостные сооружения.

Нам кажется, что не было необходимости давать вводный исторический очерк, в котором автор, крайне ограниченный объемом, не смог привлечь широкий круг источников, поставить и обосновать отдельные вопросы и т. д. Вместе с тем, если имелось в виду дать такое введение, то оно должно было содержать историографию вопросов с обзором источников и методологическое обоснование того направления разработки истории культуры древней Руси, которое нашло место в данном издании. Большую часть такого рода вводной статьи безусловно следовало бы посвятить выяснению различных сторон общественного развития, внутренней и внешней обстановки, международных связей и их значения в культурном развитии древнерусского народа. Наконец, необходимо было характеризовать сам древнерусский народ, его образование и пути его развития.

В главе «Сельское хозяйство и промыслы» автор после небольшого историографического вступления дает обзор хозяйства восточнославянских племен по отдельным крупным районам. Он использует результаты археологических изучений, а при описании орудий труда, применявшихся в подсечном земледелии, привлекает этнографические данные. При описании сельского хозяйства к началу существования Киевского государства прослежена смена подсечного земледелия пашенным, а также отмечены изменения в скотоводстве. Затем дана характеристика техники сельского хозяйства XII—XIII вв. с использованием данных археологии и этнографических материалов. После этого сообщается о культурных растениях XI—XII вв. Широко привлекая письменные источники, автор описывает феодальное хозяйство, хозяйство смерда, характеризует скотоводство, охоту, рыболовство, бортничество.

Можно вполне разделить мнение автора о том, что «основные отрасли сельскохозяйственного производства, земледелие и скотоводство, в основных чертах достигли в XI—XIII вв. того уровня, который был присущ и последующим столетиям», в то время как охота, рыболовство и бортничество «еще удерживали много архаичных черт» (I, стр. 77).

Промыслы и прочие занятия, применявшиеся в условиях древней Руси в крестьянской семье, даже такие, например, как прядение и ткачество, не вошли в эту главу, а отнесены в главу «Ремесло». Нам кажется, что это — искусственно разделение, которое помешало показать деревенское ремесло в его связи с сельским хозяйством на конкретном историческом этапе. Тем более, что, как заявляет и Б. А. Рыбаков в главе «Ремесло», «многие технические приемы, известные городу XI—XII вв., деревне известны не были; многие типы вещей бытовали только в городе или только в деревне» (I, стр. 79).

Глава «Ремесло» состоит из трех разделов: деревенское ремесло, городское ремесло и ремесленники древней Руси. Как уже отмечалось выше, раздел о деревенском ремесле следовало бы отнести в главу «Сельское хозяйство и промыслы», что дало бы возможность рассмотреть их в естественной органической связи, тем более, что автор прочие вопросы ремесла излагает, имея в виду фактически только городских ремесленников. В целом глава о ремесле вполне заслуживает той высокой оценки, которую получила и известная монография автора на ту же тему⁵. Эта глава — новый, оригинальный труд автора, написанный с привлечением свежего материала, в частности

⁵ Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948. Включение в свое время в эту монографию разделов о деревенском ремесле, конечно, вполне было обосновано.

ювых иллюстраций. Следует особо подчеркнуть интерес автора к этнографическому и фольклорному материалу, имеющему отношение к его теме (например, при освещении вопроса о ремесле в религии и фольклоре) (I, стр. 164—165).

В главах «Поселение» и «Жилище» автором широко использованы археологические и письменные источники, а также фольклор. Глава «Поселение» начинается с рассмотрения общинных поселений — погоста, села, а затем идет разбор поселения городского типа в древней Руси и приводятся данные о его благоустройстве. В главе «Жилище» сначала характеризуется жилище в славянских городищах VIII—X вв., затем уже описывается городское жилище со службами и внутренним убранством. Автор отмечает, что в основе дворцовых ансамблей феодалов XII в. «лежит выработанная в процессе длительного развития схема русского жилого дома», что в этих писаниях «выясняется глубокая подпочва народного творчества» (I, стр. 226). Глава оканчивается оговоркой, что приведенные в ней данные о древнерусском жилище и то обстановке «пока отрывочны и часто спорны» и что дальнейшие исследования археологов «позволят нарисовать более детальную картину» (I, стр. 232).

Проблемой в этих главах является отсутствие описания сельского поселения и жилища, по которым можно было привлечь этнографический материал. Совершенно не говорится также о крестьянской усадьбе. Сам автор вынужден был в этой части прийти, например, к такому выводу: «Очень вероятно, что и сельское жилище земельца было близким к городской избе...» (I, стр. 214). Возможно, это удержало автора от попыток связать древнерусские поселения и жилище с разными типами их, известными в этнографии.

В главах «Одежда» и «Пища и утварь» авторами использованы разнообразные источники и, в частности, последние личные археологические находки (А. В. Арциховского). Нельзя не согласиться с А. В. Арциховским, который отмечает трудности, стоящие перед исследователем. Он пишет, например: «Женская одежда по материалам раскопок курганов восстанавливается еще хуже, чем мужская...» (I, стр. 239). И все же написанная глава дает четкое представление об одежде сельских и городских жителей. Различные украшения одежды, в обилии обнаруживаемые в курганах, по мнению автора, «должны были составлять гармоничное целое с тканью и вышивками костюма» (I, стр. 239). А. В. Арциховский, используя имеющиеся в его распоряжении данные, рассматривает одежду и в социальном разрезе. Он указывает на «нерусский характер одежды» князя Ярополка Изяславича, XI в. и его жены (I, стр. 255). Нам кажется, что и одежда всей знати этого времени уже резко отличалась от одежды князей, бояр и дружинников IX—X вв.

Вполне успешная разработка вопроса об одежде в древней Руси невозможна, если автор ограничивается только археологическими и письменными источниками, не привлекая этнографических материалов. Отдельные детали, составные части одежды или обуви могут не дойти до нас, однако это не дает основания исследователю сделать заключение, что данная деталь действительно отсутствовала. Необходимо скорректировать, проверить и уточнить свои выводы путем привлечения этнографического комплекса. В свою очередь данные письменных источников и археологические находки помогают этнографам понять происхождение отдельных деталей, их назначение и т. д. А. В. Арциховский, не обратившись к этнографическому материалу, сuzziл некоторые свои выводы. Вот как, например, он решает вопрос о поясах: «Остатки поясов, — пишет он, — встречаются почти исключительно в мужских погребениях; женская одежда не подпоясывалась», — категорически заключает он (I, стр. 236). Конечно, в данном случае нельзя было делать такой вывод только на основании отсутствия в женских погребениях остатков поясов.

В главе «Средства и пути сообщения» показан высокий уровень морского судоходства в древней Руси. Автор отмечает развитие и улучшение речных путей, начавшееся с дроблением Киевской державы. Сухопутному движению удалено несколько меньше внимания. Автор сообщает и об измерении расстояний в древней Руси. В работе использован и фольклор (былины о Садко, Микуле Селяниновиче и др.) Возникает только вопрос: почему среди средств передвижения даже не упоминаются лыжи?

Главы «Торговля и торговые пути» и «Деньги и денежное обращение» написаны с привлечением большого фактического материала. История русской торговли IX—XIII вв. рассматривается в соответствии с общей периодизацией истории древней Руси. Используя археологические и письменные данные, автор осветил внешнеторговые связи Руси с Западом и Востоком. Особенно большой интерес представляет материал о внутренней торговле внутри общин, обмене между городом и деревней, а также между отдельными областями. Это совершенно неизученный вопрос, а между тем выяснение его чрезвычайно необходимо для определения уровня экономического развития страны. И выводы автора, и приемы его исследования, и методы картографирования — все это представляет большую научную ценность.

Большой интерес представляет и глава о деньгах. Только, к сожалению, в ней сравнительно мало удалено внимания периоду феодальной раздробленности и, кроме того, отсутствует раздел о технике чеканки монеты.

Главы «Военное дело (стратегия и тактика)», «Оружие» и «Крепостные сооружения» тесно связаны между собой. Авторы по-новому освещают эти темы, широко используя ценнейшие материалы, предоставленные советской археологией. Они про-

слеживают развитие стратегии, тактики вооружения и строительства укреплений у восточных славян и в древней Руси и, анализируя героическую борьбу русского народа против монгольских захватчиков, показывают, какого высокого уровня достигло военное дело в древней Руси к середине XIII в.

Второй том труда состоит из двенадцати глав: I — В. М. Мавродин, Социально-политический строй; II — В. Г. Гейман, Право и суд; III — Н. Ф. Лавров, Религия и церковь; IV — П. Я. Черных, Язык и письмо; V — А. Н. Робинсон, Фольклор; VI — Д. С. Лихачев, Литература; VII — Н. С. Чаев, Просвещение; VIII — Н. Н. Воронин и М. К. Карагер, Архитектура; IX — М. К. Карагер, Живопись; X — Б. А. Рыбаков, Прикладное искусство и скульптура; XI — Л. А. Дицес, Древние черты в русском народном искусстве; XII — В. М. Беляев, Музыка. Далее следует заключение — «Путь развития русской культуры X—XIII вв.», написанное Н. Н. Ворониным и М. А. Тихановой.

В главе «Право и суд» в основном освещается феодальное право; обычное право, к сожалению, не привлекло должного внимания исследователя. А между тем, судя по договору 911 г. с греками, последним было знакомо содержание русского обычного права. Касаясь вопроса о первых договорах Киевского государства с Византией, автор, вслед за А. А. Шахматовым, отрицает существование договора 907 г. (II, стр. 35). А между тем акад. Б. Д. Греков признает существование договора 907 г., считая его, как и договоры 911 и 945 гг., особенно важным⁶.

Глава «Религия и церковь» содержит глубокое освещение верований древних славян. Автор прослеживает в дальнейшем пережитки язычества при господстве христианской церкви. Он привлекает этнографический и фольклорный материал восточнославянских народов.

Глава «Язык и письмо» представляет большой интерес как первая серьезная попытка освещения истории языка и письменности древнего русского народа в соответствии с основополагающими указаниями И. В. Сталина по языкоизнанию. Автор привлек большой материал, помогающий понять языковую общность в древней Руси. Очень интересен раздел о письменности в народной среде в XI—XIII вв. (II, стр. 138), но, к сожалению, он очень краток.

В главе «Фольклор» освещены различные жанры народной поэзии древней Руси. Особенное подробно дан разбор былинного эпоса, условий его возникновения, историзма былин и т. п. В заключительном разделе автор прослеживает следы поэтики фольклора в историко-повествовательной литературе.

Правильно поступила редакция, выделив особую главу для освещения устного творчества древнего русского народа. Однако нас удивляет отсутствие критики буржуазной «исторической» школы. Не удовлетворяет нас и обзор жанров, а также объяснение возникновения былинного эпоса. Последнее автор связывает только с исторической обстановкой древней Руси: «События эпохи дали содержание эпосу...» (II, стр. 149). Приходится напомнить правильный вывод В. И. Чичерова о том, что «в своем развитии былина прошли несколько этапов», что только «во время татарского ига намечается циклизация... эпических произведений», когда, очевидно, «мотивы патриотизма, свойственные русскому историческому эпосу, получили особое развитие...»⁷

В главе «Литература» рассматриваются оригинальные и переводные произведения, начиная с древнейшей библии и кончая «Молением Даниила Заточника». Нам кажется, что в этой главе следовало бы отделить художественную литературу от исторической, публицистической и другой или же лучше было бы вообще, изменив название главы, поставить перед автором задачу проследить развитие общественной мысли в древней Руси. Фактически автор решил тему именно в плане истории общественной мысли, дав ценное и оригинальное исследование.

Интересна глава «Просвещение», в которой излагается не только вопрос о школах и обучении, но и показываются источники, из которых черпались знания, дается обзор философии и представлений из разных областей знания, в частности исторических. Такое содержание обусловило неизбежность некоторого повторения в этой главе материала из других глав — о языке и письменности, о литературе и т. д.

В главах «Архитектура», «Живопись», «Прикладное искусство и скульптура», «Древние черты в русском народном искусстве» и «Музыка» освещено развитие различных областей древнерусского искусства в историческом разрезе в соответствии с установленной в нашей науке периодизацией истории древней Руси. Авторами привлечен богатый материал, убедительно свидетельствующий о том, что время феодальной раздробленности ознаменовалось новым подъемом во всех областях искусства.

Особый интерес представляют главы X и XI, в которых освещается искусство широких народных масс, в первую очередь сельского населения. Автор главы XI обосновал необходимость использования не только данных археологии — остатков разных предметов, изделий и т. п., которые могут помочь исследователю «установить

⁶ Б. Д. Греков, Указ. соч., стр. 36.

⁷ «Былины», БСЭ, т. 6, стр. 427. Обращаем также внимание на интересную новую работу Д. С. Лихачева «Эпическое время» русских былин», Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия», Изд. АН СССР, М., 1952.

только наличие той или иной отрасли народного искусства и лишь в самых общих чертах определить ее характер» (II, стр. 465). Он делает правильный вывод о необходимости привлечения исследователем этнографических материалов: «Наблюдения над позднейшими предметами народного искусства позволяют дополнить наши представления о народном искусстве древнейшей поры» (II, стр. 465). Следуя этому положению, автор выделяет в более поздних памятниках народного искусства «не только отдельные мотивы древнеславянского искусства, но и их сюжетные комплексы» (II, стр. 467). С этой целью он обращается к народным изделиям русского Севера, рассматривает вышивки, деревянные изделия различного назначения, роспись и народную скульптуру — деревянную, резную и лепную из глины и теста, бытующую и в наше время в игрушке.

На наш взгляд, следует пересмотреть заключение автора о том, что «одежда славянской богини имеет много общего с одеждой скифо-сарматской богини-матери...» (II, стр. 483). Ведь ниже он сам вынужден был сделать несколько оговорок в отношении признания этой близости или родства.

К сожалению, автор слишком бегло останавливается на «судьбах народного искусства в период феодализма», на вопросе о внедрении мотивов феодального искусства в народное искусство и, наконец, на процессе оформления различных местных «школ» народного искусства. Нам кажется, что эту главу следовало несколько расширить и поместить перед главой VIII, чтобы таким образом были освещены народные истоки всего древнерусского искусства.

Очень интересно и богато содержанием заключение. Авторы показывают общее направление в развитии культуры древнерусского народа, дают ее периодизацию, характеризуют источники и отмечают достижения этой культуры на разных этапах и итоги ее к середине XIII в. Они выдвигают ряд новых и важных положений, имеющих отношение к проблеме культуры эпохи феодализма.

Некоторые положения авторов могут вызвать возражения, например, указание на то, что идея единства свойственна только культуре класса феодалов, а не народным массам. «Если культура господствующего класса характеризуется определенным единством, то культура низов еще проникнута старыми, племенными особенностями» (II, стр. 513). Этот вывод отрицают наличие определенной, сложившейся уже исторической общности, с которой связано существование в древней Руси древнерусской народности. Идея национального единства, наличие которой так блестяще и убедительно доказано в разных главах рассматриваемого труда, была выдвинута народом, а не классом феодалов. Стоит напомнить в данном случае положение И. В. Сталина о том, что феодальная раздробленность, а значит, и поддерживавший ее класс феодалов отрицали национальное объединение: «Но как могли возникнуть нации и существовать до капитализма, в период феодализма, когда страны были раздроблены на огромные самостоятельные княжества, которые не только не были связаны друг с другом национальными узами, но решительно отрицали необходимость таких уз?»⁸

Нам остается еще отметить, что издание богато иллюстрациями, схемами, картами, прекрасно оформлено; по языку оно доступно и широкому читателю, а не только специалисту. В конце каждой главы дается список литературы.

* * *

Наши отдельные замечания не мешают нам сделать вывод о высокой научной ценности рассматриваемого коллективного труда, подводящего итоги многолетней работы советских ученых в области изучения истории древней Руси. Написанный с позиций марксизма-ленинизма, этот труд проникнут высоким чувством патриотизма, чувством гордости советских людей за свою Родину, за ее славное прошлое, за все, чем обязано человечество великому русскому народу.

Авторы этого исследования немало потрудились над тем, чтобы раскрыть перед нашим читателем славные страницы истории древнерусской культуры. Работа их получила высокую оценку. Особенно высоко оценена работа Н. Н. Воронина, М. К. Каргера, Д. С. Лихачева, Б. А. Рыбакова и П. Н. Третьякова, которые в 1952 г. были удостоены за этот труд Сталинской премии второй степени.

«История культуры древней Руси» — новое достижение нашей советской науки. Это издание станет настольной книгой специалистов разных областей — историков, языковедов, археологов, искусствоведов и др. Советские этнографы найдут в нем ответы на многие вопросы из области как материальной, так и духовной культуры, которые имеют важное значение для правильного понимания этнографических явлений.

А. И. Козаченко

⁸ И. В. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, стр. 336.

И. В. Маковецкий, *Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья* (по материалам Комплексной экспедиции Института истории искусств, Института этнографии АН СССР и Гос. исторического музея). Академия Наук СССР. М., 1952.

Стремительный темп социалистического переустройства нашей страны, преобразующего с невиданной быстротой ее физический облик, размещение поселений и жизнь советского народа, ставит перед историками русской культуры — этнографами, археологами и искусствоведами — задачу чрезвычайной ответственности и научного значения, задачу быстрого и полного изучения районов строек и фиксации заслуживающих внимания памятников культуры и быта. Нельзя сказать, что нами сделано в этом отношении все возможное: организация соответствующих экспедиций еще далеко отстает от темпов социалистического строительства и вместе с этим наука безвозвратно теряет драгоценные материалы для истории народной культуры. Тем больший интерес представляет предварительная публикация результатов Комплексной экспедиции 1950 г. двух институтов АН СССР и Государственного исторического музея в районы Верхнего Поволжья, содержащая только часть материалов по зодчеству русской деревни.

Написанный с живой любовью к предмету, небольшой текст И. В. Маковецкого знакомит с задачами экспедиции, районами ее работ и дает общую предварительную характеристику изученных памятников крестьянского строительства от XVII-XIX вв. и до построек советской колхозной деревни. Естественно, что при сжатости очерка автор не смог развернуть всего богатства материала, но и то, что находит здесь читатель, представляет огромный научный интерес.

Подлинной жемчужиной книги является замечательный дом И. А. Скобелкина в костромской деревне Стрельниково, относящийся по всем данным к XVII в. и сохранивший уходящую в глубокую русскую древность трехчленную композицию плана с обширными светлыми сенями в центре. Еще более примечательна сохраненная в доме обстановка — в особенности шкафы, срубленные из массивных брусьев со створами, украшенными клинчатой резьбой. До сих пор в суждениях о древнерусских жилищах наука опиралась на фрагментарные археологические остатки, показания письменных и изобразительных источников, использовала ретроспективно-этнографические материалы. Теперь перед нами живой и целый дом, может быть помнящий события Крестьянской войны. Этот редчайший памятник заслуживает специальной монографии.

Вторым большим достижением экспедиции является открытие серии построек, принадлежащих творчеству двух выдающихся народных мастеров XIX в. Емельяна Степанова и Семена Удалова, достойных вйти в ряд великих русских зодчих «большой архитектуры». Об этих мастерах удалось получить довольно подробные биографические данные, сведения о наследственной преемственности их мастерства, выявить особенности их индивидуального творческого облика (жаль, что в книге не помещена фотография собственного дома Емельяна Степанова). Оба зодчих были одновременно виртуозами резьбы по дереву. Очень существенно, что Е. Степанов резал свои великолепные орнаменты без «образца», что очень важно для изучения древнерусской пластики. С. Удалов сочетал дарования зодчего и скульптора с исключительной инженерной одаренностью, он строил водяные мельницы и мосты весьма сложных конструкций. В этой черте народного мастера также нельзя не увидеть живой параллели древнерусским зодчим, часто соединявшим в своем труде искусство архитектора и инженера. У каждого мастера был свой вкус к убранству здания, своя манера его построения и любимые мотивы. Е. Степанов привержен к изображениям зверей и чудищ, С. Удалов пользовался только растительным орнаментом. Появление в досель безымянной истории народного зодчества характеристик его выдающихся мастеров — большое событие в нашей науке. Конечно, необходимо в дальнейшем дать специальные исследования о творчестве каждого из этих зодчих.

Не менее интересны материалы обследования района низовьев р. Костромы, в том числе знаменитых некрасовских мест (дер. Вежи). Здесь, прежде всего, замечательны свайные избы и другие постройки, связанные с высоким уровнем вешних вод, затаплиющих почти всю территорию современного Куниковского сельсовета. Известные ранее по информации В. И. Смирнова, теперь они сохранены в обстоятельных обмерах и фотофиксации. Точно так же на мощных дубовых сваях была высоко поднята над землей замечательная монументальная рубленая постройка — известная в истории искусства церковь в Спас-Вежах начала XVII в. Очень интересно записанное И. В. Маковецким предание о строителях церкви — двух плотниках, братьях Мулиевых из Ярославля, наделенных народной фантазией боярьскими чертами (стр. 33).

В левобережной части Некрасовского района Ярославской области изучена серия построек нового времени (XX в.), во внутренней и внешней обработке которых был редкостным вкусом применена лепная скульптура. Одним из давних видов отхожего промысла в ряде селений этого района были лепные работы, на которых выдвинулись и получили широкую известность многие крупные мастера, и поныне работающие в городах СССР. Перенос профессионального искусства лепки в убранство деревенского жилища дал весьма своеобразный художественный эффект. Опыт поволжских

мастеров должен быть изучен советскими архитекторами, и есть все основания полагать, что он может быть использован в современном жилищном строительстве колхозной деревни. С точки зрения исторической было бы очень ценно проанализировать приемы лепного убранства деревянных построек Поволжья и сопоставить их, например, с системой лепных украшений в калужском «деревянном» ампире; это сопоставление позволило бы с особой четкостью установить специфические особенности сочетания дерева и штука в народном зодчестве.

Последний раздел работы И. В. Маковецкого освещает изменения в жилищном строительстве поволжской колхозной деревни, появление новых типов планировки жилья и усадьбы, в которых рационально сочетаются наиболее ценные традиционные элементы (трехоконный сруб, русская печь) с новыми приемами, продиктованными растущими культурными запросами колхозников.

В связи с рецензируемой книгой встает несколько принципиальных вопросов о понимании народного зодчества. В тексте предварительной публикации оно предстает как некое единое искусство русской деревни, хранящее старые традиции или испытывающее воздействие городской культуры. Вопрос о социальном расслоении деревни, а вместе с ней и ее искусства никак не поставлен, а это представляется нам совершенно обязательным для правильного понимания развития русского народного искусства и его течений, в особенности для XVIII—XIX вв.—времени расслоения деревни. Автор, собравший замечательные данные о выдающемся народном мастере XIX в. Емельяне Степанове, совершенно обходит молчанием облик его заказчиков. Так, например, являющийся подлинным шедевром мастера дом Уваева в дер. Мытищи Юрьевецкого района Ивановской области (стр. 13 и след.), где художественно обработаны даже внутренние ворота двора, а отделка интерьера дома поражает своим художественным богатством,—конечно, не является рядовым «крестьянским» домом. Талант зодчего смог найти здесь простор только при больших материальных возможностях богатого владельца, и, несомненно, мастер удовлетворял его вкусам и запросам и считался с ними. Архитектурный памятник выражает не только художественные вкусы мастера, но и вкусы его заказчика. Конечно, такой выдающийся зодчий, как Емельян Степанов, по своей культуре был несравненно выше своей среды и любого из «богатеев» деревни, он мог предлагать заказчику самые разнообразные варианты устройства и отделки его усадьбы, а «хозяин» мог предоставить известную свободу опытному мастеру, но тем не менее в том или ином типе архитектурного решения сказывалось и лицо заказчика. Именно поэтому архитектурные памятники и имеют столь большую познавательную историческую ценность. Так, например, при оценке бесспорно народных черт в архитектуре ярославских храмов XVII в., блещущих мастерством живописной композиции и неистощимым разнообразием внутреннего и внешнего убранства, мы никогда не забываем, что это сооружения ярославской купеческой знати, что эти хозяева храмов, сами недавно поднявшиеся из среды народа и сохранившие много народного в своих вкусах, пользовались искусством зодчих для возвеличивания своего престижа, для пропаганды своего экономического могущества, что накладывало свой отпечаток на архитектуру храма. Тем более важно учесть эту сторону вопроса в отношении памятников жилищного строительства. Вопрос о различных социальных пластиках народного искусства, никак не ставившийся дореволюционной наукой, рассматривавшей искусство русской деревни как некое целое и неделимое «крестьянское» искусство, должен быть разрешен советскими учеными, стоящими на базе марксистско-ленинской теории. Нужно пожелать, чтобы при последующем исследовании замечательных памятников, выявленных и изученных им, автор поставил перед собой и эту тему.

В этом же плане нельзя скидывать со счета вопрос об источниках мотивов резного убранства деревенских построек. Автор с законным возмущением напоминает презрительные характеристики народной резьбы, данные А. И. Некрасовым, видевшим в ней лишь готические, ренессансные, барочные и другие «зимствованные» мотивы и отрицавшим самостоятельное «простонародное творчество из себя». Автор справедливо отбрасывает эти «оценки», приводя, в частности, интереснейший факт компоновки замечательной балахнинской кружевницей А. И. Борминой ее оригинальных узоров «с мороза» на окне, свидетельствующий о самостоятельности и художественной одаренности народных мастеров. О том же без слов говорит не только материал книги И. В. Маковецкого, но и все, что мы знали до сих пор об искусстве русского крестьянина. В этом никто не может сомневаться. Но нельзя утверждением о «поэтической силе народных мечтаний», воплощенной в народном искусстве, заменить изучение исторической и художественной формы этих «мечтаний», нельзя, вместе с мутной водой космополитических, антинародных высказываний А. И. Некрасова, выбрасывать самый факт наличия в народной резьбе различных по историческому возрасту, происхождению и характеру трактовки их мастером мотивов и изображений. Они заслуживают самого пристального изучения с этих точек зрения, так как эти особенности вскрывают не только «общение с культурой городов» вообще, но общение с городом разного времени—от глубокой домонгольской древности и до наших дней, вскрывают творческий отбор деревенскими мастерами тех или иных мотивов, а следовательно, и их художественные вкусы. Только такое «сравнительно-историческое» исследование народной резьбы поможет дать ее историю и заменить представле-

ние о неподвижной традиционности народного искусства картиной его многовекового движения, его яркой исторической жизни.

Очень жаль, что далеко не весь интереснейший материал, опубликованный в таблицах в конце книги, нашел освещение в тексте. В силу этого книга приобрела, какой-то степени характер «увражажа», «альбома-пособия» для архитектора с кратким «введением», тогда как она могла стать полноценной предварительной научной публикацией. Автор располагает для этого всеми данными. В то же время в тексте есть ряд материалов, которым место не в предварительной публикации, а в самом исследовании. Таковы, например, выдержки из очень интересных документов по истории церкви в с. Спас-Вежи (стр. 31—33), из летописи церкви с. Рыбниц (стр. 33). За счет этих материалов можно было дать хотя бы краткую характеристику всех опубликованных материалов. Следует пожелать, чтобы в последующем исследовании автором они получили всестороннее освещение.

Хорошо исполнено графическое оформление книги. Нужно лишь пожелать Издательству АН СССР повысить качество тоновых клише, что особенно важно для изданий памятников искусства.

В целом книга является серьезным вкладом в дело изучения русского народного зодчества. И. В. Маковецкий, энтузиаст исследования русского художественного наследия, один из активных организаторов экспедиции, сделал большое научное и патриотическое дело. Материал книги должны использовать в своей творческой работе советские зодчие, работающие в области строительства колхозной социалистической деревни. Вместе с тем книга показывает, сколь еще мало мы знаем о народном искусстве, как много драгоценного материала стремительно уходит в небытие без следа для науки. Поэтому нам представляется необходимым настоятельно пожелать, чтобы экспедиция, подобная Верхневолжской, существовала и действовала как постоянный оперативный научный орган межинститутского характера. Организационным центром такой экспедиции мог бы с полным основанием стать Научно-методический совет по охране памятников культуры при Президиуме Академии Наук СССР.

Н. Воронин

Песни и сказы рыбаков. Составители А. Любимов и Ф. Охотникова. Астрахань, 1952.

Характер и назначение рецензируемого сборника четко определены в предисловии к нему: «Настоящий сборник является первой попыткой собрать образцы устного народного творчества рыбаков Волго-Каспия. В трех разделах сборника: «О Степане Разине», «Дореволюционные песни, сказки, предания», «Жизнь советская» — даны как оригинальные, ранее не публиковавшиеся записи, так и некоторые произведения, известные по прошлым публикациям. Сборник не претендует на исчерпывающую полноту и имеет целью ознакомить читателей с образцами устного народного творчества одной из областей нашей страны, а также привлечь внимание местных культурных сил к более систематической, глубокой работе по собиранию и изучению устного творчества на Волго-Каспии» (стр. 7). Установка издания не может вызывать никаких возражений. Однако в том виде, как осуществлено это издание, оно не вполне удовлетворяет поставленной составителями цели.

Материал сборника «Песни и сказы рыбаков» неоднороден по составу его источников: фольклорные публикации в местных литературных сборниках и газетах; многотомные собрания фольклора ученых-собирателей прошлого века («Песни, собранные П. В. Киреевским»), записи экспедиции Государственной академии искусствоведения 1930 г.; выборки из материалов, собранных студентами Астраханского педагогического института под руководством доц. А. Любимова в 1946—1950 гг.; записи местного собирателя Б. Лашцина, сделанные в 1946—1947 гг. и, наконец, большая авторская сказка, взятая из повести Ф. Гладкова «Вольница».

К достоинствам сборника следует отнести разнообразие использованных в нем жанров: песни, сказки о рыбаках, предания, устные рассказы, народная драма, частушки. Обширен и хронологический охват, многогранна тематика ряда разделов. Помимо предисловия и вводного очерка «Из истории г. Астрахани и Астраханского края», к каждому разделу сборника даются небольшие вступительные статьи, написанные разными авторами, что обусловило неровность в содержании и стиле этих статей; для такого небольшого издания было бы целесообразнее поручить написание этих статей одному автору. Это избавило бы статьи от повторений и сделало бы их более компактными. Так, сведения по истории рыбного промысла даются и в предисловии К. Ермоловского и в очерке П. Усачева. Впечатление хронологической чересполохи создает возвращение к разинскому движению в ряде статей сборника. В предисловии указывается на недооценку жанра устных рассказов прежними собирателями, однако, в сборнике не дано почему-то вводной статьи к разделу устных рассказов советского периода, где можно было бы как раз выявить их жанровую специфику.

Статьи и тексты сборника в целом дают правильную характеристику трудовой жизни ловцов Каспия в прошлом. Предания, сказки, устные рассказы обрисовывают социально острые ситуации. Таков страшный рассказ о Макаре Комаре, выбившемся в «хозяевах»: на пари с судовладельцем, у которого он работал, его выставили голого на всю ночь на съедение комарам, и он получил за это хозяйственную морскую «посуду»; хотя хозяин и пытался не соблюсти условия, но был вынужден исполнить обещание под нажимом ловцов. В другом рассказе старик-приказчик, обманутый при окончательном расчете хозяином, разоряет его, прорубив дно у всех его рыбниц и выпустив из них рыбу, купленную тем за наличный расчет; предупредив ловцов о возможности богатого улова ниже по течению, сам онтонет.

Песенный состав сборника вызывает некоторые недоумения. Почти все дореволюционные песни, помещенные в сборнике, кроме обрядовых и игровых, посвящены авариям и гибели в море ловцов, вынужденных выезжать в любую погоду в море на не-пригодных судах, унесенных со льдами в «относ», и т. д. Отсутствие лирических и юмористических песен придает песенному репертуару сборника чрезмерно мрачный и односторонний характер.

Большое место в сборнике отведено частушкам — дореволюционным и советским. А. Любимовым в вводной статье к этому разделу отмечается своеобразие рыбакских частушек и в то же время широкое проникновение в астраханко-каспийский репертуар общераспространенной советской частушки.

Устные рассказы советского времени рисуют рыбаков, активно борющихся за лучшую жизнь в боях гражданской войны, самоотверженно работающих в колхозах, женщины — работниц рыбных промыслов, овладевающих новой профессией, и т. д.

Очень богато представлен в сборнике разинский фольклор. Разнообразный материал этого цикла заставляет сделать правильный вывод о том, что в Астраханском крае до сих пор в ловецкой среде «творчески хранят предания о Разине» (стр. 36). Этнографический интерес представляет описание народной драмы о Степане Разине, бывавшей в Астрахани. Б. Лацилин приводит ряд данных об истории драмы, пишет о ее социально остром репертуаре, о технике постановок: сценическая площадка (под навесом, на открытом воздухе, в комнате, причем по ходу действия актеры вместе со зрителями переходят с одного места на другое), грим и костюмы, канва роли и импровизация исполнителей, активная роль зрителей (их участие в хоре, реплики и пр.). Статьи о разинском фольклоре написаны живо, в них привлечены интересно поданный литературный материал (высказывания А. С. Пушкина, П. И. Якушкина и др.).

По основной установке сборник должен был бы иметь научный характер; но редактор сборника К. Еримовский недостаточно ответственно отнесся к подаче фольклорного материала. Ряд публикуемых в сборнике текстов явно подвергнут литературной обработке. Оговорена «литературная обработка» только для одного текста («Каспийская закалка», в записи самого Еримовского); между тем она явственно видна и в записях Лацилина, Любимова, Фролова. Меньше чувствуется это в устных рассказах, в особенности на современную тематику.

Б. Лацилину в печати уже указывалось, что вольная обработка фольклорных текстов не должна иметь места, если они подаются как научный материал (см. «Советская этнография», 1948, № 1). К сожалению, Б. Лацилин не сделал для себя нужных выводов. Это особенно досадно, так как его собирательская деятельность как местного работника могла бы быть очень плодотворной.

Характер публикации текстов сборника недостаточно выдержан. Так, лишь один единственный текст песни («Мы закинем шелковые невода») дан с повторениями, свойственными исполнению «на голос», т. е. пению; во всех же остальных текстах это не соблюдается. Совершенно не указывается, является ли данный текст песни оригинальным или представляет переделку ранее сложенного. В песне «В Каспии, бурливом Каспии», записанной от школьников рыбакского села Бахтемир о выходе впервые на лов рыбы в незамерзающих водах Каспия, по форме использован известный «портретный» романс «В гавань, далекой гавани» и даже ритм танго в ней сохранен. По своим художественным достоинствам эта песня — явный брак.

Примечания и словарь также имеют недостатки. В примечаниях, например, не всегда указан год записи, — главным образом, в материалах Б. Лацилина (кроме одного текста) и в записях студентов Пединститута. Тексты сборника в примечаниях указаны под номерами, но в самом сборнике не перенумерованы (за исключением раздела советских частушек). При наличии в сборнике раздела «Примечания» непонятно, зачем даны в части устных рассказов непосредственно под текстом указания, от кого и где записан рассказ, а в примечаниях это дублировано с некоторыми добавлениями. В одном случае под текстом песни, взятой из сборника Киреевского (стр. 40), помещены сноски, поясняющие ее, в то время как это целесообразнее было бы дать в вводной статье к разделу, раз нигде в сборнике таких подстрочных примечаний нет. Также не следовало давать, поскольку в сборнике имеется небольшой словарь, подстрочных словарных пояснений (на стр. 38).

Можно пожелать, чтобы собирательская работа местных астраханских организаций и отдельных собирателей продолжала развиваться, но публикация фольклорных записей велась бы согласно строгим научным требованиям (хотя бы и для широкого читателя) и под общим контролем квалифицированных специалистов. В дальнейшей работе астраханских фольклористов надо избежать ошибок, допущенных при составлении рецензируемого сборника.

Р. Липец

С. Бритаев и К. Казбеков, *Осетинские народные сказки*, М., Гослитиздат, 1952.

Осетины создали высокохудожественное народное творчество. Несмотря на очевидное богатство и разнообразие его, устное творчество осетинского народа до Великой Октябрьской социалистической революции изучалось очень мало. Только в условиях Советской власти, благодаря постоянной заботе коммунистической партии и советского правительства, осетинский народ получил широкие возможности культурного развития и творчества во всех областях жизни. После Великого Октября активизировались также собирание и издание фольклора осетин. Но в области народного сказочного эпоса положение осталось тем же: сказок записывали мало, их почти совершенно не исследовали.

Рецензируемый нами сборник «Осетинские народные сказки», составленный С. Бритаевым и К. Казбековым, по существу впервые знакомит широкие круги советских читателей с лучшими образцами осетинских народных сказок. Этот сборник интересен также для историков и этнографов. Приведенные в сборнике народные сказки в художественных образах отразили действительность прошлого и настоящего. Они помогают нам составить представление о том длительном и сложном пути исторического развития, который прошел осетинский народ.

Составители сборника выбрали для издания ценный материал, хорошо отражающий быт и культуру осетинского народа. Удачно подобранные сказки рисуют тяжелое положение трудового народа в прошлом, дают яркие сцены насилия и пронзлага жестоких алдаров (князей) и других представителей знати. Во всех, даже фантастических, сказках нетрудно обнаружить общественно-политические идеалы и устремления трудящихся масс. В бытовых сказках, насыщенных социальными мотивами, осетинский народ не только говорит о социальной несправедливости в прошлом, но и выступает в роли сурового судьи и карателя господствовавшей верхушки осетинского общества. Основным героем изданных в сборнике сказок является бедняк, защитник угнетенных и нуждающихся. Он наделен высокими моральными качествами: он гуманен, храбр, сообразителен, ловок, бесстрашен в бою, обладает чувством юмора и оптимизма. Бедняк — герой всегда берет верх, ибо побеждает всегда правда и честность. Победивший бедняк целиком и полностью на стороне трудового народа, он идет на помочь трудовому народу в борьбе с насильниками — алдарами; он честен и щедр. «Раздал все добро беднякам и сам взял, сколько надо было ему на чурек и соль», — говорится о бедняке — герое сказки «Бедняк и черти». «Добрые люди, обманутые попом, приходите на поповский двор, берите, что хотите», — провозглашает бедняк, одержав победу над кровожадным попом (см. сказку «Поп и Зондаби»). Герой сказки «Близнецы» Сади убивает алдара — насильника, а все его сокровища, весь скот раздает бедным жителям.

Лучшие качества простого человека, сформировавшиеся в ходе его трудовой жизни, стремление преодолеть социальное иго, победить угнетателей раскрываются сказками сборника (см. например, «Алдар и сын бедняка», «Козы Кобли», «Сиротка и коза», «Как работник обманул попа», «Поп и мулла» и др.).

Наряду с образами людей труда, всеми силами стремившихся к преодолению жестокой нужды, борющихся за лучшее будущее, в осетинских народных сказках даны образы их социальных врагов. Это образы попов, мулл, алдаров и царей — жестоких, жадных глупцов. Их образы вызывают ненависть, презрение и насмешку у народа. Такова, например, сказка «Козы Кобли», в которой говорится о том, как бедняк Кобли в насмешку продаёт волка жадному богачу, уверяя его, что «кто купит его, у того так много будет скота, что и не сосчитать и не устеречь». Жадный, но глупый богач покупает волка и запирает вместе с овцами и козами, которых голодный волк поголовно истребляет.

В сказке «Как работник обманул попа» показан образ жадного эксплуататора, который делает все, «чтобы заставить своего работника без устали косить сено, пахать землю, валить деревья и возить их, подметать хлев, пасти скот, жать». Он даже жалеет минуты, которые работник должен был уделять на еду, и потому предлагает последнему съесть сразу и завтрак и обед и ужин. Но работник перехитрил попа. Работник после ужина пошел не на работу, как думал поп, а спать, мотивируя тем, что после ужина всегда ложатся спать, а не работают (ср. аналогичную русскую сказку; появление изложенной сказки и популярность ее у разных народов объясняются сходными условиями жизни этих народов в царской России).

Большой интерес вызывают и сказки о животных, занимавшие значительное место в творчестве осетинского народа. Сказки эти повествуют о различных эпизодах в жизни животных, об их дружбе и о вражде с людьми.

Вся живая и неживая природа в осетинских сказках наделена даром речи и действует, создавая благоприятные или неблагоприятные условия, для победы главных героев сказок над враждебными силами. В ряде сказок осетин изображается борьба людей с великанами-циклопами. Циклопы в сказках обрисованы страшными чудовищными существами. Но человек, в каких бы трудных условиях он ни находился, обязательно побеждает их и Уаига и дэва и другие злые существа необыкновенной физической силы (ср. Сказки «Ох-ох и сын бедняка», «Три брата и кривой Уаиг», «Запоздалый», «Близнецы» и др.).

Все эти сказки, содержание которых мы изложили в общих чертах, заключают

ценный материал для этнографического изучения культуры и быта осетин в прошлом. В сказках показана жизнь оседлого земледельческого народа, издавна занимавшегося разведением зерновых культур: пшеницы, ячменя. Здесь даны в отдельных деталях и способы обработки земли, и жатва и молотьба, и провеивание зерна.

В сказках отразились и другие занятия народа. Так, охоте и скотоводству в сказках отводится значительное место (скотоводство при этом характеризуется как занятие, имеющее различное направление). О значительной роли скотоводства и охоты в хозяйственной деятельности осетин говорят, кроме непосредственных упоминаний о них, указания на такие детали, как, например, устройство шалаша из оленьих шкур (сказки «Близнецы», «Юноша Цард»), обработка кожи для хозяйственных целей: ремни, сумки, мешки из целой шкуры и т. п. Сказки свидетельствуют также о том, что осетинки издавна занимались обработкой шерсти. Мать Псхара идет к соседкам с веретеном «шерсть попрясть с другими старухами» (сказка «Аскар и его жена»). С достаточной полнотой отражается в этих сказках и обычай гостеприимства у осетин и даже такая деталь, как питье вина из рога. «Если алдар наш даже шашлык сделает из меня, все равно пойду. Гостя да не проводить!» — заявляет юноша, провожая спутника в дом жестокого алдара. Как свидетельствуют многие сказки, у осетин принято было иметь специально «гостевые комнаты», где гость мог поесть, попить, отдохнуть и жить, сколько ему нужно. В осетинских сказках раскрываются также и отдельные стороны семейной жизни народа. Читая сказки, легко заметить характерное для осетин уважение и почет молодежи к старшим по возрасту.

Хорошо показано также положение в семье молодой невестки. Сказка «Невестка алдара» свидетельствует о том, что власть родителей была огромна; они без согласия сына могли прогнать его жену. Родители могли женить сына столько раз, сколько считали нужным. В сказках запечатлен и дикий обычай, по которому молодая невестка при старших должна была стоять за дверью. В сказке «Общее счастье» изображена патриархальная большая семья, ее распад и попытка главы семьи — старика сохранить бразды правления в своих руках, не допустить распада семьи.

Возможно, что с этнографическими явлениями связана и обрисовка положения младшего члена семьи. Героями осетинских сказок, как правило, являются младший из братьев, младшая из сестер. Они наделены самыми лучшими качествами.

Так в сказке «Деревянный голубь» младший брат выбирает себе самый опасный путь «иди да и не возвращайся», предоставив своим братьям менее опасные ущелья. В сказке «Всадник-невидимка» младший сын жертвует собой ради отца, обязанного рождением сыновей всаднику-людоеду, в то время как два старших брата категорически отказались выручить отца. Лучшими качествами наделена младшая из сестер в сказке «Бронзовая девушка медной башни», младший брат в сказке «Золоторогий олень» и т. д.

В краткой рецензии нет нужды подробно перечислять и излагать все факты и подробности, имеющиеся в сказках и ценные для этнографов, изучающих культуру и быт осетин. Сказанное с достаточной ясностью свидетельствует, что фольклор осетин, в частности, изданные Гослитиздатом сказки являются ценным этнографическим источником.

Подводя итог изложенному мы можем отметить, что изданные в рецензируемом сборнике народные сказки характеризуют культуру и быт осетинского народа, его многовековую борьбу со всякого рода эксплуататорскими элементами, его мечту о светлом будущем. Надо надеяться, что осетинские фольклористы не ограничатся этим изданием образцов традиционного фольклора осетинского народа и приступят к новым публикациям. Особенно необходимо было бы издание, знакомящее широкие круги советских читателей с советским народнопоэтическим творчеством осетин.

С. Гаджиева

Академия наук СССР. Якутский филиал. Доклады на второй научной сессии. История и филология, Якутск, 1951.

Сборник Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР «Доклады на второй научной сессии» вышел в свет спустя три года после того, как состоялась эта сессия (июль 1949 г.). Несмотря на большой промежуток времени между прочтением докладов и их опубликованием, доклады не устарели и большинство их представляет несомненный интерес как для специалистов, так и для широких кругов читателей.

Сборник открывается докладом проф. А. П. Окладникова «Прошлое северных народов в освещении советской археологии». В докладе дается краткий обзор истории археологического изучения Севера. Автор показал, что первые сведения о следах древней культуры в арктических странах были доставлены русскими землепроходцами XVII в., а часть первых археологических раскопок в Арктике с вполне осознанной научной целью принадлежит русским ученым XVIII в. Русский полярный мореплаватель Гавриил Сарычев раскопал в 1784 г. около устья Колымы жилища приморских зверобоев. В XIX в. Север привлек таких исследователей, как Шренк, Поляков, Штернберг.

Но только в советское время древности, сохранившиеся на Севере, стали предметом глубокого исследования науки. В советское время были проведены многочисленные археологические экспедиции по исследованию прошлого народов Севера. Особого внимания заслуживают экспедиции самого автора, исследовавшего на протяжении ряда лет всю Лену, Колыму, производившего раскопки также на арктическом побережье.

В докладе А. П. Окладников остановился лишь на общих заключениях, к которым пришли советские археологи по следующим проблемам: история заселения человеком Севера и условия его существования в эпоху палеолита и неолита, время появления бронзы на Севере, связь скифской и сарматской культуры с культурой Севера, связь древних племен, населявших Север, с современным населением.

Доклад кандидата исторических наук З. В. Гоголева «Некоторые вопросы изучения истории Якутии советского периода» посвящен весьма актуальной теме — периодизации советского этапа истории Якутии. Как известно, в местной печати в прошлом этот вопрос толковался по-разному. Делались попытки изобрести особую периодизацию для истории Советской Якутии. При этом указывалось, что гражданская война в Якутии затянулась, что народное хозяйство Якутии было восстановлено позже, чем в других республиках.

Автор доклада считает, что задача историков Якутии выделить из массы исторических фактов и событий важнейшие, являющиеся закономерными для всех народов СССР, т. е. такие события и факты, которые сближают и связывают историю Якутии с историей народов всего Советского Союза. При этом, разумеется, историки не должны игнорировать специфику исторических событий в Якутии.

В докладе автор показал на фактах, что Якутия переживала те же периоды развития, которые переживали и другие республики, входящие в состав СССР. Это привело автора к выводу, что периодизация истории Советской Якутии не может быть отличной от периодизации истории СССР, данной И. В. Сталиным в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Почти одну третью часть сборника составляет обширный доклад, скорее статья, Г. П. Башарина «Происхождение соболино-лисьей или двуххокладной системы землепользования в улусах бассейна Средней Лены и Амгино-Ленского плоскогорья». Во введении автор претенциозно заявляет, что ни один из дореволюционных исследователей «не мог научно осмыслить собранные им немногочисленные материалы», что «никто из них не мог ни разгадать, ни рассеять того загадочного и фантастического, что приписывалось деятельности Первой Ясачной комиссии по регулированию земельных отношений ясачных в Якутии» (стр. 33). К числу не сумевших «разгадать» деятельность Первой ясачной комиссии автор отнес и С. А. Токарева, много потрудившегося над этим вопросом. Этот «темный» вопрос, по мнению Г. П. Башарина, позволяет осветить только документы, находящиеся в его распоряжении.

К сожалению, Г. П. Башарин не считал нужным опубликовать найденные материалы. Вначале он приводит отрывки из обнаруженных архивных дел и пространно комментирует их, затем резюмирует и опять пересказывает их (этим и объясняется столь большой объем статьи).

Основная идея статьи сводится к тому, что в результате указов и распоряжений Первой ясачной комиссии, действовавшей в Якутии в 60-х годах XVIII в., сложилась не «классная» система землепользования, существовавшая в Якутии вплоть до Советской власти, а особая «соболино-лисья» или двуххокладная система землепользования, существовавшая до 30-х годов XIX в. Сущность ее, по словам автора, заключалась в том, что «земля распределялась между плательщиками ясака по их соболиному или лисьему ясачным окладам». Другой основной признак этой системы, по мнению автора, состоит в том, что «землей пользовались только тойоны и зажиточные элементы» (стр. 87). Рассмотрение приведенных автором ведомостей о разделении сенных покосов показывает, что фактически ясачные делились не на две категории, а «четыре и пять». Так, в Балагурской волости Батурунского улуса, по данным автора, было 42 соболиных оклада и 77 лисьих. Однако плательщики делились на четыре группы, или, как впоследствии их называли, «классы». Наиболее состоятельные 40 человек платили по полсоболя, т. е. по 3 р. 50 к., 66 человек платили по 1/3 соболя, т. е. по 2 р. 33 к.; 48 человек платили по целому лисьему окладу, т. е. 2 рубля; 58 человек — по 1/2 лисьего оклада, т. е. по 1 рублю. В соответствии с размером выплачивавшегося ясака в наиболее состоятельной группе каждый плательщик надеялся участком из лучших угодий, дававшим $4\frac{1}{2}$ стога сена, во второй группе — по 3 стога, в третьей — также участком, дававшим 3 стога, но, повидимому, худшего качества, и в четвертой группе — участком, дававшим $1\frac{1}{2}$ стога (стр. 76).

Таким образом, по существу именуемая автором «соболино-лисья система» ничем не отличается от классной системы землепользования. Отличия сводятся лишь к форме ведомостей. Присвоение к соболиному или лисьему окладу было чисто формальным, так как наделение землей производилось согласно сумме выплачивавшегося ясака. Деление на состоящих в соболином окладе и состоящих в лисьем по ведомости Мойрутского наслега (табл. 3, стр. 69—70) было произведено самим Г. П. Башариним по количеству угодий, отводимых каждому плательщику.

Ознакомление с этой ведомостью в архиве показало, что в ней указано лишь общее число окладов и не отмечено, кто состоит в лисьем, кто — в соболином.

Впоследствии сложные архаические наименования окладов были заменены «классами», но, как мы видели на примере Балагурской волости и как подчеркнул проф. Токарев в своей книге «Общественный строй якутов XVII—XVIII вв.» (стр. 320), «сами «классы» уже существовали в последней четверти XVIII века».

Таким образом, материалы Г. П. Башарина ни в коей мере не колеблют мнения Л. Г. Левентала, С. В. Бахрушина, С. А. Токарева, О. В. Ионовой и других о том, что «классная» система землепользования явилась результатом деятельности Первой Ясачной комиссии и возникла в XVIII в.

Документальные данные не подтверждают и утверждения Г. П. Башарина, что сенокосы распределялись только между тойонами и зажиточными. В том же Балагурском наслеге было, по данным Первой ясачной комиссии, 323 мужчины, из них 139 ясачно-возрастных, 184 старых и малолетних. Получили же земельные наделы 208 человек, т. е. наделена была даже часть старых и малолетних (стр. 73).

Касаясь деятельности Первой ясачной комиссии, Г. П. Башарин фактически повторил то, что до него было сказано С. А. Токаревым, Л. Г. Левенталем. В отличие от своих предшественников автор почему-то сосредоточил свое внимание на сравнительно частном вопросе.

Первая ясачная комиссия запретила русским мещанам и крестьянам, платившим подати, селиться в якутских улусах и приобретать там земли, чтобы они не могли таким образом укрыться от уплаты налогов. Вместо того, чтобы разъяснить причину этого запрета читателям, Г. П. Башарин по непонятным мотивам во всех цитируемых документах произвольно заменил слово «русские» термином «неясачные», а в ряде документов, приводимых, как он пишет, «полностью», вместо слова «русские» поставил многоточие. Как известно, в XVIII в. необъясченных групп среди коренного населения не осталось, не платили ясак только русские. Действительно, из контекста — «неясачное пришлое население», «разного чина неясачные» (стр. 40) — вполне ясно, что во всех цитируемых отрывках речь идет о русских.

Связав вопрос о запрещении русским («неясачным») приобретать земли с вопросом о землепользовании у якутов, Г. П. Башарин только запутал читателя, так как при наличии большого количества земли в Якутии и крайней малочисленности русского населения приобретение русскими земельных участков не могло оказать влияние на земельные отношения среди коренного населения в якутских улусах.

Нельзя не упрекнуть автора и за бездоказательные утверждения. «Дробление крупных волостей на мелкие,— сообщается на стр. 47,— началось еще в дорусский период». Между тем никакими данными о земельных отношениях у якутов до прихода русских на Лену историческая наука не располагает.

Статья Г. П. Башарина пестрит всевозможными риторическими оборотами: «...Короче говоря, точный ответ на этот вопрос дал бы сам соответствующий документ, которого, к сожалению, в нашем распоряжении нет и, вероятно, нигде не сохранилось или вовсе не было в природе...» (стр. 59). «Якутское слово «куех» в переводе на русский означает, помимо прочих значений, прилагательное «зеленое», «синое» и «голубое», а в данном случае, т. е. в сочетании со словом «ведомость» — «зеленое». Таким образом, «куех» ведомость суть «зеленые» ведомости» (стр. 63).

«...Перед нами лежат знаменитые «зеленые» ведомости. Их цвет в самом деле зеленый» (стр. 64).

Едва ли читатель сможет что-нибудь вынести из следующей фразы: «Правительство еще задолго до Первой Ясачной комиссии проводило политику, хотя только в отдельных случаях, исков со стороны обиженных, сохранения за ясачными их земельных угодий с целью поддержания их платежеспособности» (стр. 43). *

При цитировании Г. П. Башарин нередко искачет исторические документы.

У Г. П. Башарина: «Учиненное 1776 года сентября 17 дня описание границ геодезистом Федоровым, которое учинено после разделения Старостиным, и то без приглашения по внешности селения наслега бывших тогда родоначальников лежко было Баянтайской волости тогда поволе с присвоением наших мест удостоверить того Федорова сменах, которой онные делал по одним их местам, или документам» (стр. 58).

А на самом деле в документе говорится: «Учиненное 1776 года сентября 17 дня описание границ геодезистом Федоровым, которое учинено после разделения Старостиным, и то без приглашения послежности (по смежности.—И. Г.) селения нашего бывших тогда родоначальников, то лежко было Баянтайской волости тогда по воле с присвоением наших мест удостоверить того Федорова о межах, которые онные делал по одним их словам, а не по другим каким-либо о владении их мест ведомости или документам» (Центральный гос. архив ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 24, л. 7).

Допуская такие неточности, объективности ради в ряде мест автор оговаривает простейшие опечатки и пропуски букв в документах, так, например, «притеснениями» («притесняемы.—Г. Б.») (стр. 43); «поизводимой» («производимой».—Г. Б.) (стр. 41).

Научный аппарат статьи представляет собой кабалистические сокращения, не всегда понятные даже специалистам, так как они даны без расшифровки. Едва ли не-посвященный читатель может, например, догадаться, что П.С.З. означает Полное собрание законов Российского государства (первое издание).

Вызывает удивление такое небрежное отношение автора к своей работе.

Нельзя не упрекнуть и редакцию сборника за то, что она не обратила внимание на помпезный, квазинаучный стиль статьи, небрежное обращение с документами, наличие в статье ряда бездоказательных положений.

Истории земельной реформы 1929 г. в Якутии посвятил свой доклад В. Н. Чемезов. Обрисовав систему земледелия в дореволюционной Якутии, автор показал, что только Советская власть наделила широкие слои якутского населения землей.

В докладе освещены конкретные мероприятия Советской власти по наделению малоземельных и безземельных якутов землей, «уравнительное» распределение национализированной земли в 1920 г., земельные реформы 1924—1928 гг. и, наконец, коренное уравнительное распределение земли в 1929 г. В результате реформы 1929 г. малоземельные и безземельные крестьяне Якутии получали около 150 тысяч га лучших земель баев, тайонов и кулаков. Автор показал, что реформа создала экономическую почву для колхозного строя в Якутии.

К сожалению, в статье недостаточно показано отличие земельной реформы 1929 г. от предыдущих реформ и слабо подчеркнуты ошибки местных организаций в проведении реформы 1924—1928 гг.

Заслуживают внимания доклады на фольклорные темы, включенные в сборник. Кандидат филологических наук Г. У. Эргис собрал большой материал о творчестве якутских мастеров фольклора в период Великой Отечественной войны.

В своем докладе «Якутский фольклор о Великой Отечественной войне» Г. У. Эргис показал, что произведения, созданные за годы Великой Отечественной войны якутскими мастерами традиционного фольклора, отличаются актуальностью, боевым публицистическим темпераментом.

Произведения якутских народных певцов и сказителей, посвященные Великой Отечественной войне, разбиваются в докладе на следующие группы: песни-импровизации, благопожелания советским воинам, песни на весеннем празднике — бысах, превратившемся в праздник колхозного урожая, новые олонхи и поэмы. Песни, сложенные Семеновым, — «Война», Егоровым, — «Красная Армия победит», Ивановой, — «Волнение», получили, как отметил автор, признание у широких слоев слушателей и читателей якутов.

Г. У. Эргис показал, что якутские народные певцы обычно противопоставляют в своих произведениях мирную жизнь советского народа разрушениям и жестокостям войны. Средствами эпической гиперболизации они выражают невиданные масштабы военных действий.

Автор показал, что через все песни народных певцов проходит образ Иосифа Виссарионовича Сталина.

Во время Отечественной войны, отмечает далее Эргис, широкое распространение получили благопожелания, напутствия бойцам, исполнявшиеся на проводах.

В годы войны новые моменты проникли в старые бытовые песни, появились новые застольные и новогодние песни.

Хотя в докладе приводятся сравнительно удачные примеры сложения олонхи на сюжет Великой Отечественной войны — олонхосут Степанов сложил олонху «Битва», в Нюрбинском районе олонхосуты создали аллегорическо-эпический сказ «Шестнадцать братьев воинов», но тем не менее становится ясным, что традиционная форма олонхи мало пригодна для создания новых произведений на современную тему. Реальная борьба подменяется в новых олонхах мифической борьбой, действительность исказяется. Автору следовало бы сильнее подчеркнуть и развить это положение в докладе.

Новое явление в якутском фольклоре — крупные песни-поэмы: «На защиту Родины» Шараборина, «В вехах небывалый дорогой гость» Ивановой, «Сказание о Великой Москве» Сергея Зверева.

Произведение Зверева о Москве получило известность далеко за пределами Якутии. Выдержку из этого произведения москвичи включили в свое письмо к великому Сталину по случаю восьмисотлетия своего города.

В результате обзора произведений якутских мастеров устного народного творчества Г. У. Эргис пришел к важному выводу, что в настоящее время певцы и олонхосуты из хранителей устных произведений превращаются в народных поэтов.

Доклад научного сотрудника Института И. В. Пухова посвящен исполнению олонхи. Как известно, в существующей литературе нет ни одного полного описания исполнения олонхи. Между тем приемы и техника исполнения позволяют выявить популярность олонхи, отношение народа к этому жанру фольклора.

Автор доклада привел детальное описание исполнения олонхи в Сыланском наслеге Чурапчинского района Алексеем Тимофеевым. Не ограничиваясь этим, автор остановился на приемах исполнения олонхи и другими олонхосутами, на особенностях исполнения олонхи на Севере. Доклад выиграл бы, если бы автор расширил и умножил эти приемы. Заслуживает внимания любопытный материал, приведенный И. В. Пуховым о коллективных выступлениях олонхосутов и театрализации олонхи.

В сборник включен и ряд других докладов. Для специалистов-языковедов, преподавателей якутского языка представляют интерес доклады кандидатов филологических наук Е. И. Убрятовой «Изаяфетные словосочетания в якутском языке», Н. С. Григорьева «Синтаксические функции прилагательных в якутском языке».

В целом выход в свет «Докладов на второй научной сессии» следует рассматривать как положительное явление.

СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

ОБЗОР ЖУРНАЛА «ČESKÝ LID» ЗА 1951 г.

В августе 1951 г. этнографическая общественность Чехословакии отмечала 60-летие со дня выхода в свет журнала «Český lid». Журнал был основан в 1891 г. группой прогрессивных ученых во главе с Любомиром Нидерле и Ченеком Зибром, возглавившей движение за сохранение национальной культуры и самобытности чешского народа. «Познаем чешский народ, пока есть время» — таков был лозунг первого номера, давший направление последующим выпускам журнала.

Вторая половина XIX в. ознаменована оживлением в стране национального движения. Вследствие отмены в 1848 г. крепостного права и промышленного переворота 40-х гг. Чехия во второй половине XIX в. становится самой развитой промышленной частью Австрийской империи. Молодая чешская буржуазия вступает в борьбу за экономическое господство и политические права с немецкой и австрийской буржуазией, занимавшей основные командные экономические высоты в стране. Это вызывает усиление в стране национального движения.

И. В. Сталин в своем труде «Марксизм и национальный вопрос» характеризует чешское национальное движение как борьбу, которую вела «городская мелкая буржуазия угнетенной нации против крупной буржуазии командующей нации (чехи и немцы)»¹. Борьба из сферы экономической переходит в область политическую. Лидеры чешского национального движения во главе с Палацким выдвигают проект превращения Австрии в федеративное государство с широкой автономией для отдельных насе-ляющих ее национальностей. Возникновение в 1867 г. дуального Австро-Венгерского государства разрушает надежды чешской буржуазии. Окончание франко-пруссской войны и образование Германской империи усиливает в Австро-Венгрии рост немецкого воинствующего национализма, рост репрессий по отношению к чехам и другим национальностям. Указанные причины вызывают новый рост национального движения в чешских областях. На арену политической борьбы выходят основные политические партии — младочехи, сменившая их аграрная партия, в 1878² г. возникает чешская социал-демократическая партия.

Буржуазия, пользуясь парламентскими методами, ведет борьбу за автономию, и прежде всего языковую, чехов в пределах Австро-Венгрии; проповедуя классовое единство чехов, единство целей борьбы чешской буржуазии и чешского пролетариата, она стремится подчинить своему влиянию рабочее движение. Не широкое национальное движение, а отдельные парламентские комбинации — такова была их политика, вследствие которой национальное движение в Чехии приобрело ограниченный «языковый» характер и превратилось «в цепь мелких стычек, вырождаясь в скандалы и «борьбу» за вывески (некоторые городки в Богемии)»².

Национально-политическая борьба во второй половине XIX в. сопровождается общим подъемом национальной культуры: основывается чешская академия наук, из состава немецкого Пражского университета выделяется чешский университет, высокого расцвета достигают чешская музыка (Сметана, Дворжак, Фибих), литература. В литературе широкое распространение получает романтическое направление во главе с Алоизом Ирасеком, давшее серию исторических романов из прошлого чешского народа. В стране наблюдается оживление этнографической и краеведческой работы, рост интереса к народной жизни, национальным обычаям.

Под многовековой угрозой онемечивания борьба за сохранение своей культуры, традиционных обычаям была одной из своеобразных форм борьбы за сохранение национальной самобытности народа. Поэтому направление журнала в годы австро-венгерского гнета было прогрессивным, по-своему способствовало воспитанию в чешской интеллигенции национальной гордости, симпатий к прогрессивным традициям, культуре своего народа.

В первые годы издания журнала, когда редактором и сотрудником его был Нидерле, на его страницах публиковались содержательные статьи по теоретическим вопросам этнографии, археологии, антропологии, фольклора, помещался оригинальный полевой материал, рецензии на труды отечественных и иностранных ученых. Постепенно круг интересов редакции сужался, и в конце концов журнал превратился в простое собрание этнографического материала.

Издание журнала, прерванное первой мировой войной, было возобновлено Зибром в 1924 г.; в 1932 г. журнал стал выходить под названием «Časopis pro dějiny venkova» и в основном был посвящен изучению прошлого крестьянства. Его издание было прекращено в период немецкой оккупации в 1943 г.

В годы буржуазной республики этнография была послужным оружием в руках правящих кругов, главным образом аграрной партии, «отражая националистические,

¹ И. В. Сталин., Соч., т. 2, стр. 305.

² Там же, стр. 307.

космополитические и до конца расистские политические тенденции³. Случайно выбранные объекты изучения, повышенный интерес к старым формам народного быта, ко всякого рода «этнографическим курьезам», отсутствие интереса к новым явлениям современной им жизни — вот что характерно для чехословацких этнографов этого времени.

Полевая работа приспособливалась к реакционным, антинаучным теоретическим выводам, целью которых было доказать идиллию сельской жизни и вытекающее из этого богатство крестьянского творчества (а изучались, как правило, только культура и быт зажиточных слоев крестьянства), доказать на «научном» этнографическом материале единство чешской и словацкой деревни, скрыть в них классовое расслоение и борьбу. Так этнография выступала верным оружием в руках эксплуататорских классов⁴.

В 1946 г. журнал стал выходить под редакцией К. Хотека. Хотя новая редакция журнала в отличие от предшествовавших стремилась, не ограничиваясь изучением прошлого, рассматривать «чешский народ в динамике, в быстром движении событий», все же возобновленное издание продолжало старые традиции буржуазной школы и не сумело стать ведущим этнографическим органом нового демократического государства. Первая послевоенная редакция, как правильно указывает О. Скальникова, «не доказала связей со старыми традициями основателей «Českého lidu», оставалась в плену буржуазных взглядов на историческое прошлое чешского народа, находилась в плену пекаржевских традиций⁵, и не смогла отойти от буржуазной методологии в историографии⁶.

Однако здоровое ядро чехословацких этнографов сумело преодолеть пагубное влияние отживающей буржуазной науки и возглавить работу по перестройке этнографической работы в стране. Переломным моментом в этнографической жизни современной Чехословакии явился созыв в январе 1949 г. Общегосударственной этнографической конференции, резко осудившей реакционные буржуазные направления в среде этнографов и прочно принявший ориентацию на передовую советскую науку.

В 1951 г. журнал выходит под новой редакцией в составе О. Скальниковой, О. Нагодила и других. Вступив в шестой, послевоенный год издания, журнал взял на себя почетную и ответственную задачу «помогать своими средствами строительству социализма в стране».

Журнал открывается редакционной статьей, в которой намечается новая программа журнала, отражающая по существу основные задачи чехословацкой этнографической науки на сегодняшний день.

Новая редакция поставила перед журналом следующие задачи, вытекающие из правильного основного стремления «дать журналу новую идеологическую направленность, которая всецело отвечала бы современным задачам науки при строительстве социализма»: 1) овладение марксистско-ленинской наукой; 2) знакомство с советской наукой и овладение ее достижениями; 3) дальнейшее разоблачение буржуазных направлений в этнографии; 4) критическая переоценка истории чешской и словацкой этнографии; 5) изучение изменений в быту чешского и словацкого народов, вступивших на путь построения социализма, и оказание реальной помощи в создании новой культуры; 6) в содружестве с историками внести свой вклад в дело освещения малознченных стран из истории братских чешского и словацкого народов; 7) в свете трудов И. В. Сталина приступить к разработке вопросов этногенеза славян.

Новая редакция прочно встала на путь внедрения в этнографию идей марксизма-ленинизма как единственной научной основы этнографических исследований.

О. Нагодил в статье «И. В. Сталин и современная этнографическая наука» намечает ряд первостепенных задач чехословацкой этнографии в свете трудов товарища Сталина по национальному вопросу. «Главной задачей в этнографии чехов и словаков,— пишет О. Нагодил,— должно стать изучение современного образа жизни и современной культуры как сельского, так и городского населения. Этнографические работы такого характера дают нам возможность понять и исторически объяснить пережитки прошлого, понять современное состояние культуры, а главное систематически идти в ногу с грандиозным процессом в нашей истории — процессом изменения культуры и образа жизни нашего народа на пути к социализму. В этом смысле этнографическая наука может и должна также стать помощником при создании новой культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию⁷. Одним из главейших практических выводов, вытекающих из работ И. В. Сталина по языкоизнанию, как отмечает О. Нагодил, является изучение исторической общности культуры и образа жизни славянских народов.

³ O. Nahodil, Za nové pojetí národopisné vědy, «Český lid», 1951, № 3—4, стр. 52 (в дальнейшем цит. С. 1.).

⁴ O. Skalníková, Budování socialismu na yesnici a několik národopisných poznámek, «Č. 1.», 1951, N 1—2, стр. 23—25.

⁵ И. Пекарж — глава реакционной школы в чешской историографии.

⁶ O. Skalníková, Za nový «Český lid», «Č. 1.», 1951, N 1—2, стр. 1.

⁷ O. Nahodil, I. V. Stalin a současná národopisná věda, «Č. 1.», 1951, № 11—12, стр. 243.

Цель нашей статьи — дать обзор журнала «Cesky lid» за истекший 1951 г. в разрезе указанных выше задач, познакомить советского читателя с большой и плодотворной работой ученых народно-демократической Чехословацкой республики.

Буржуазное правительство Чехословацкой республики плотным барьером отграживало своих ученых, учащуюся молодежь, широкие массы трудящихся от проникновения марксистской литературы, от достижений передовой советской науки. Ряд основных произведений классиков марксизма-ленинизма не был переведен на чешский и словацкий языки и оставался недоступным широким массам населения. После установления народно-демократической республики широкие круги чехословацкой интеллигенции, трудящиеся массы с огромным интересом стали знакомиться со всей сокровищницей передовой науки, искусства, культуры, накопленной человечеством. Массовым тиражом стали издаваться произведения классиков марксизма-ленинизма, предпринято издание полного собрания сочинений В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Огромное значение для развития всех отраслей общественных наук, в том числе и этнографии, имели труды товарища Сталина по языкоизнанию.

В журнале «Cesky lid» за 1951 г. помещен ряд статей, посвященных гениальным трудам товарища Сталина. Отакар Нагодил и Ярослав Крамаржик в статье «Труды И. В. Сталина о марксизме в языкоизнании и некоторые вопросы современной этнографии»⁸, а также О. Нагодил в статье «И. В. Сталин и современная этнографическая наука»⁹ излагают основные положения работ товарища Сталина «Анархизм или социализм?», «О диалектическом и историческом материализме», «Марксизм и национальный вопрос», «Национальный вопрос и ленинизм», «Марксизм и вопросы языкоизнания», имеющих огромное значение для развития этнографической науки.

Перестройка этнографической работы на основе марксистской методологии осуществляется в борьбе с еще сильными остатками традиций старой буржуазной этнографии. О. Нагодил и Я. Крамаржик в указанной выше статье подвергают справедливой критике буржуазные взгляды, до сих пор имевшие место среди чехословацких этнографов старой школы. Авторы останавливаются на двух реакционных буржуазных тенденциях, нашедших свое отражение на страницах журнала «Cesky lid» в 1946—1950 гг.

Антиисторическое направление в чехословацкой этнографии после второй мировой войны было представлено проф. Антонином Вацлавиком и Ф. Кутнаром. А. Вацлавик, являясь последователем миграционной теории, создал свою антинаучную концепцию происхождения народной славянской культуры, родственную реакционной школе культурных кругов Ратцеля и Шмидта. В своих исследованиях он опирался на функционально-структурный метод реакционной англо-американской этнографии. Как замечают О. Нагодил и Я. Крамаржик, проф. Вацлавик, эклектически соединяя в своей «теории» этнографии все современные буржуазные направления, вырывает ее из числа исторических наук.

Второе реакционное направление в современной чехословацкой этнографии было представлено последователями Иосифа Пекаржа и его школы, отражающей стадию загнивания капиталистического общества, упадок его научной мысли. Это направление, представленное проф. В. Давидеком и К. Хотеком, также находило себе место на страницах журнала «Cesky lid» вплоть до второй половины 1950 г. В своих статьях: «Изменение чешской народной культуры», «Средневековые поселения чешских славян»¹⁰ — проф. Давидек, как и проф. К. Хотек в работе «К вопросу о периодизации чехословацкой народной культуры»¹¹, пытаясь выяснить «факторы», влияющие на развитие истории и культуры чешского народа, выдвигает схему периодизации развития чешской культуры, в основу которой кладет духовное начало. Идеалистическое понимание истории приводит проф. Хотека к недооценке великого революционного прошлого чешского народа и его яркого проявления — гуситского движения.

Для характеристики нового направления в чехословацкой этнографии показательны статья О. Нагодила «За новое понимание этнографической науки»¹², имеющая большое установочное значение, и статья Ольги Скальниковой «Строительство социализма в деревне и несколько этнографических замечаний»¹³. Автор первой из этих работ с марксистских позиций критически пересматривает основные направления, занятые группой чехословацких этнографов, не сумевших сразу преодолеть в себе остатки буржуазного мировоззрения. Он призывает к тесному содружеству этнографов, археологов, лингвистов, фольклористов в разрешении основных проблем исторической науки. Скальникова в небольшой по размерам статье ориентирует полевого работника в изу-

⁸ O. Náhodil i J. Kramářík, Práce I. V. Stalina o marksizmu v jazykovědě a některé otázky současné etnografie, «Č. l.», 1951, № 1—2, str. 6—17.

⁹ O. Náhodil, I. V. Stalin a současná národopisná věda, «Č. l.», 1951, № 11—12, str. 241—248.

¹⁰ V. Dávidek, Proměny lidové kultury české, «Č. l.», 1946, № 1—2; егоже, Středověké sidlení českých slovanů, «Č. l.», 1950, № 3—4.

¹¹ K. Hotek, Otázka periodisace československé lidové kultury, «Č. l.», 1949, № 1—2.

¹² O. Náhodil, Za nové pojetí národopisné vědy, «Č. l.», 1951, № 3—4, str. 52—57.

¹³ O. Skálníková, Budování socialismu na vesnici a několik národopisných poznámek, «Č. l.», 1951, № 1—2, str. 23—25.

чении народной культуры современной чехословацкой деревни. Новые кадры этнографов, указывает автор, вооруженные марксистско-ленинской теорией, должны пересмотреть основные положения буржуазной науки в области народного искусства, вскрыть псевдонародность модернизированной культуры чешского и словацкого кулачества, изучать культуру трудящихся масс крестьянства, истинных творцов народной культуры.

Огромное значение для преодоления различных реакционных направлений и дальнейшего развития этнографической науки имело знакомство передовой части этнографов-марксистов с работами советских этнографов, в частности с работой С. П. Толстова «Советская школа в этнографии», переведенной на чешский язык и по решению Общегосударственной этнографической конференции вышедшей отдельным изданием¹⁴. Начиная со второго полугодия 1950 г. на страницах журнала «Český lid» систематически появляются информации о работе этнографов Советского Союза, а также переводы работ видных советских ученых¹⁵. В 1951 г. в журнале были помещены переводы статьи С. П. Толстова «Основные задачи и пути развития советской этнографии»¹⁶, с комментариями О. Нагодила, и Л. П. Потапова «Основные вопросы этнографической экспозиции в советских музеях»¹⁷. В комментариях к статье С. П. Толстова О. Нагодил обращает внимание чехословацких этнографов на необходимость уточнения и разработки этнографической терминологии на чешском языке. В статье «Новые успехи в задачи советской этнографической науки»¹⁸, представляющей собою вводную часть к тексту резолюции этнографического совещания представителей союзных и автономных республик при Институте этнографии АН СССР 23 января — 3 февраля 1951 г. О. Нагодил информирует чехословацкого читателя об основных этапах, пройденных советской этнографией, знакомит с содержанием докладов участников совещания, подробно останавливаясь на докладе С. П. Толстова.

Драгомила Странска в обширной статье «Забота о народном искусстве в Советском Союзе»¹⁹ подробно знакомит с расцветом искусства народов СССР за годы Советской власти. В № 1—2 журнала помещена информация Ганны Рейхротовой о пребывании в Советском Союзе группы молодых чехословацких этнографов и посещении ими в марте 1950 г. Института этнографии АН СССР в Москве и Ленинграде²⁰.

Ряд статей в журнале посвящен изучению материальной культуры чешского народа. Х. Иохнова останавливается на описании жилища в Чынинской околии (общины Градчаны, Будилов, Бошице, Штитков и др.)²¹. Автор статьи правильно подходит к изучению жилища, которое «много говорит как о материальных условиях и возможностях того, кто в нем живет, так и о его культурном уровне, образе жизни»²². Исходя из указанного положения, автор описанию жилища предполагает экономическую характеристику района. В статье дано очень подробное описание встречающихся типов жилых и хозяйственных построек, их планировки, внутренней обстановки. К сожалению, в описании внутренней обстановки жилого дома у автора заметна нивелировка, отсутствует различие в описании дома зажиточной, средней и бедной семьи. Статья сопровождается хорошими иллюстрациями.

«Культурное наследие, которое мы получили от многих предшествующих поколений, является составной частью нашего национального творческого процесса, в прямом смысле слова собственностью всего народа»²³ — писал премьер-министр Антонин Запотоцкий. Обстоятельная статья Е. Балаша²⁴ информирует о большой работе чехословацких архитекторов и этнографов по изучению народной архитектуры, в первую очередь фиксации и охране памятников народного зодчества. Буржуазные искусствоведы, как правило, недооценивали всего значения памятников народного зодчества для истории архитектуры, рассматривали их как упадочную форму так называемой «высокой» архитектуры. С начала 1950 г. правительство стало проводить систематическую работу по охране огромного богатства изобразительного искусства чешской и словацкой деревни. В Праге и Братиславе созданы институты по охране памятников старины. Сотрудниками института в Праге к концу 1950 г. было обследовано

¹⁴ S. P. Tolstov, Sovětská škola v národopise, Praha, 1949.

¹⁵ O. Náhodil, Sovětský národopis a jeho pokroková úloha, Praha, 1950.

D. Rychnová, Pracé sovětského národopisného ústavu, «Č. l.», 1950, № 3—4.

¹⁶ S. P. Tolstov, Základní úkoly a cesty vývoje sovětské ethnografie, «Č. l.», 1951, № 5—6, стр. 108—114.

¹⁷ L. P. Potapov, Základní otázky národopisné expozice v sovětských museích, «Č. l.», 1951, № 9—10, стр. 209—213.

¹⁸ O. Náhodil, Nový úspěch a úkoly sovětské národopisné vědy, «Č. l.», 1951, № 7—8, стр. 157—162.

¹⁹ D. Stránská, Péče o lidové umění v Sovětském Svazu, «Č. l.», 1951, № 11—12, стр. 259—267.

²⁰ H. Rejchrtová, Mé velké dny československo-sovětského átelství, «Č. l.», 1951, № 1—2, стр. 29—32.

²¹ H. Johnová, Lidová architektura v okolí Čkyně, «Č. l.», 1951, № 3—4, стр. 82—91.

²² Там же, стр. 82.

²³ Цит. по «Č. l.», 1951, № 9—10, стр. 214.

²⁴ E. Balás, Lidová architektura v rámci státní památkové péče, «Č. l.», 1951, № 9—10, стр. 214—221.

4300 населенных пунктов, все строения, представляющие интерес, были подробно описаны, с них сняты планы, сделаны фотоснимки. В 1951 г. продолжались обследования в пограничных деревнях Остравского края. Статья Е. Балаша богато иллюстрирована фотографиями из архива института.

Две статьи в журнале посвящены описанию отдельных видов национального костюма. Известный исследователь народного костюма Драгомира Странска по полевым материалам, собранным перед второй мировой войной, дает описание женского костюма горной деревни Словакии Жляра²⁵. Я. Копач приводит детальное описание одного из видов костюма горцев чешско-моравской возвышенности — кожуха, широко бытовавшего вплоть до 80-х г. XIX в.²⁶

Ряд статей журнала «Ceský lid» посвящен описанию отдельных деталей хозяйственного быта. Людвиг Баран дает описание сохраняющейся еще в наши дни в горных районах северо-восточной Валахии и Словакии разновидности лыж (*krepé*), в прошлом применявшихся при охоте, теперь — при зимних работах в лесу²⁷. А. Плессингерова в очень содержательной, хорошо иллюстрированной статье на примере населения Папрадской долины (на границе северо-восточной Моравии и Словакии) знакомит с ведением хозяйства на горных пастбищах (*«bačování»*)²⁸. Статья изобилует рядом интересных подробностей. Так, например, приводится подробное описание встречавшихся в конце прошлого столетия видов общинного жилища на плоскогорье (большой дом с несколькими очагами), бытование которого связано с коллективным использованием горных пастбищ. К сожалению, автор не указывает на такую небезинтересную подробность — были ли многоочаговый дом жилищем родственных или нескольких малоимущих семей, которые были не в состоянии построить отдельные жилища.

Прекрасным этнографическим материалом служат планы двух- и трехкамерного дома, снимки большой печи, в которой разводили огни по числу живущих в доме семей (*«držel sa své strany»*). Л. Кунц дает описание одного из способов хранения зерна и картофеля в ссыпных ямах²⁹. Я. Варжека подробно останавливается на технике ведения земледельческого хозяйства, характере культур, возделываемых в прошлом и в настоящее время в Валахии³⁰. Интересны статья Ф. Хоржавки, останавливающая внимание этнографов на необходимости исследования народного календаря, ценного источника для изучения истории хозяйственного быта³¹, и статья Д. Странской, обращаясь внимание на малоизвестный источник для изучения материальной культуры прошлого — старые чешские миниатюры³².

Изучению общественных институтов прошлого посвящена статья О. Нагодила «К вопросу об истории родового быта в Словакии»³³. В задачу статьи, по словам автора, входит «объединить до сих пор известный литературный материал о словацкой семейной общине и дать попытку ее новой трактовки в свете современной передовой этнографической науки»³⁴. В историографической части работы Нагодил дает критический обзор работ буржуазных историков о словацкой семейной общине. Особый интерес представляет указание на ряд работ чешских этнографов, написанных на полевом материале в период между двумя мировыми войнами. В результате анализа известного до сих пор литературного материала автор дает общую характеристику словацкой семейной общине, встречавшейся еще в 20-х гг. текущего века. Указывая на научную несостоимость господствующих в буржуазной историографии объяснений причин сохранности семейной общине в классовом обществе, автор совершенно правильно объясняет ее бытование экономической отсталостью Словакии в годы австро-венгерской монархии и буржуазной республики. Хотелось бы, чтобы в дальнейшей разработке вопроса о семейной общине было обращено внимание на социальную принадлежность большой семьи периода между двумя мировыми войнами.

В № 11—12 журнала помещена статья Я. Хрбека, приводящая сообщение Ибрагима ибн Якуба о славянских землях, в частности о Чехии³⁵.

Ценным начинанием, поднимающим один из назревших вопросов чехословацкой этнографии — изучение быта рабочих, — является статья М. Скальника «Об этнографии

²⁵ D. Stránská, Lidové kroje ve Ždiaru pod Tatrami, «Č. l.», 1951, № 9—10, стр. 226—236.

²⁶ J. Kopáč, Horácké kožichy, «Č. l.», 1951, № 11—12, стр. 252—255.

²⁷ L. Bagáň, Krpé — valašské sněžnice, «Č. l.», 1951, № 5—6, стр. 114—118.

²⁸ A. Plessingerová, Bačování na Papradských Kopancích, «Č. l.», 1951, № 5—6, стр. 118—126.

²⁹ L. Kunz, Obilní jámy a sýpky v Čejkovicích, «Č. l.», 1951, № 9—10, стр. 221—226.

³⁰ J. Vařeka, Zemědělské techniky na Valašsku, «Č. l.», 1951, № 11—12, стр. 255—259.

³¹ F. Hořavka, Lidové pranostiky — cenný pramen vědecké práce, «Č. l.», 1951, № 1—2, стр. 26—27.

³² D. Stránská, Český lid v starých miniatúrách, «Č. l.», 1951, № 3—4, стр. 67—70.

³³ O. Náhodil, K otázce dějin rodinného společenství na Slovensku, «Č. l.», 1951, № 3—4, стр. 71—81.

³⁴ Там же, стр. 73.

³⁵ J. Hrbek, Ibráhím ibn Jakub o Praze, Čechách a jiných slovanských zemích, «Č. l.», 1951, № 11—12, стр. 267—271.

ческом изучении жизни горняков»³⁶, которая дает ряд конкретных указаний на источники изучения прошлого быта шахтеров.

Значительное место в работе чехословацких этнографов занимает изучение народного творчества освобожденных народов республики. За послевоенные годы при активной помощи государства наблюдается невиданный расцвет народного искусства. Ф. Бонуш и Г. Райхтова информируют читателя о ежегодных смотрах художественной самодеятельности, так называемых стражницких празднествах³⁷. 5—7 июля 1946 г. в словацком городе Стражнице было организовано первое массовое народное гулянье с участием самодеятельных народных коллективов из различных областей Словакии. С тех пор стражницкие празднества стали ежегодной манифестацией народных традиций чешской и словацкой культуры. В первые послевоенные годы празднества преследовали цель яркой демонстрацией красочных традиционных форм народной культуры чехов и словаков внести свою долю в дело борьбы против упадочного антинародного буржуазного искусства, глубоко пустившего корни в довоенной Чехословакии. После февральских событий 1948 г., когда власть окончательно перешла в руки трудящихся, стражницкие празднества превратились в своеобразные смотры художественной самодеятельности с обширной и разнообразной программой. Новая жизнь несет новое содержание традиционному народному искусству, развивая и обогащая его. Стражницкие празднества 1951 г.—это не только «этнографические праздники», но и радостная демонстрация трудовых и хозяйственных успехов трудящихся. Праздник проходил под лозунгом «С радостной песнью и танцем к уборке урожая!». К его открытию были приурочены выставки произведений народного искусства и достижений сельского хозяйства, организованы встречи передовиков единых сельскохозяйственных кооперативов с представителями шефствующих городских организаций. Авторы статьи дают правильные установки для изучения народного искусства. «Увидим полнокровную жизнь нашего современного трудающегося народа. Не будем в песнях и танцах видеть прежде всего пережитки праславянских и языческих мифов, а укажем также и на общий прогрессивный и революционный характер нашего народного искусства. Укажем на то, как народное искусство было тесно спаяно с жизнью народа и как оно ему помогало, как народное искусство всегда боролось за лучший общественный строй»³⁸.

О. Скальникова в статье «Народ радуется, танцует и поет»³⁹ дает подробную информацию о программе стражницких празднеств 1951 г.

Ян Мартинец в кратком сообщении⁴⁰ рассказывает о работе в Праге научного центра по изучению народного искусства и его органе—«Народное творчество» (*Lidova tvorčivosť*), оказывающего большую помощь работникам самодеятельных коллективов. Большой интерес для этнографа, работающего в области народного искусства, имеет статья Антонина Шафаржика «Развитие народного творчества»⁴¹. Первые коллективы народной самодеятельности стали возникать с момента освобождения территории Чехословакии Советской Армией, теперь они широкой сетью покрывают всю страну. В буржуазной Чехословакии народное искусство понималось как синоним крестьянского искусства, вне поля зрения исследователей оставалось творчество трудающегося городского населения. Теперь кружки художественной самодеятельности встречаются не только в деревне, но и на заводах, в армии, учебных заведениях. Современное народное искусство—могучий помощник в борьбе за социалистическое переустройство деревни. Кружки самодеятельности пропагандируют коллективные методы труда, способствуют укреплению дружбы между городом и деревней, наконец, просто помогают своим трудом при спешных полевых работах. Специальную часть своей работы автор посвящает интересному и нужному вопросу о популяризации и изучении прогрессивных сторон народного искусства прошлого, как одному из способов восстановить красочные страницы истории народа.

Автор затрагивает в статье интересные моменты изменения традиционных народных обычаяев, наполнения их новым содержанием, как, например, празднование 1 мая. К сожалению, автор рассматривает этот крайне интересный вопрос только в теоретическом плане, не давая конкретных примеров из современной жизни.

Интересна статья Людвига Барана, рассказывающая об истории этнографического фильма в Чехословакии. Этнографические фильмы, появившиеся в Чехословакии в 20-х гг. нашего века, пишет автор, отражали существовавший в буржуазной науке взгляд на этнографию как науку, занимающуюся узким кругом вопросов, в первую очередь бросающихся в глаза своею экстравагантностью. Совершенно противоположные задачи стоят перед научно-популярным фильмом в настоящее время. «Целью научно-популярного фильма,— пишет Баран,— является борьба за беспрерывный про-

³⁶ M. Skalník, Z národopisného výzkumu života horníků, «Č. l.», 1951, № 7—8.

³⁷ F. Bonus a. H. Rejchrtová, Slavnosti lidového tanče a zpěvu ve Strážnicích 1951, «Č. l.», 1951, № 3—4, стр. 57—59.

³⁸ Там же, стр. 58.

³⁹ O. Skalníková, Lid se raduje, tanče a zpívá, «Č. l.», 1951, № 5—6, стр. 97—100.

⁴⁰ J. Martiniec, O práci ústřední lidové tvorčosti, «Č. l.», 1951, № 1—2, стр. 44—45.

⁴¹ A. Šafařík, Rozvoj lidové umělecké tvorčosti na nasi vesnici, «Č. l.», 1951, № 3—4, стр. 60—66.

гресс общества, за лучшую жизнь⁴². На VII Международном кинофестивале в Карловых Варах чехословацкая кинематография продемонстрировала такой новый художественный этнографический фильм «Завтра будут танцевать везде», посвященный развитию народного творчества в современной Чехословакии.

Драгомира Странска останавливается на окраске и приготовлении рисунков на тканях ручным способом⁴³. В статье, к сожалению, говорится очень мало о широком применении в современной промышленности рисунков домотканых изделий. Л. Кыболова помещает информацию об открытии 7 июня 1951 г. в помещении этнографического отделения Национального музея выставки тканей ручного производства⁴⁴.

Большое внимание в последние годы чехословацкими этнографами уделяется критическому освоению старой этнографической литературы в самом широком смысле слова, в первую очередь освоению наследия великих писателей, художников прошлого, отражавших в своих произведениях быт народа. Обширная работа Я. Крамаржика посвящена Божене Немцовой⁴⁵. Имя Божены Немцовой, борца за светлое будущее народа, занимает одно из первых мест в чешской прогрессивной литературе XIX в. Юлиус Фучик, посвятивший ей специальную работу, писал: «Так и с таким непосредственным участием никто из чешских писателей того времени и много спустя не сформулировал взгляд трудающихся масс на панскую свободу, как это сделала здесь Немцова»⁴⁶ (речь идет о статье «Сельская политика», написанной по поводу конституции 1848 г.).

До настоящего времени нет подробной работы о Б. Немцовой как этнографе. Буржуазная наука обращала главным образом внимание на собранный ею фольклорный материал. Здесь нужно отметить ряд работ Ф. Тилле, обратившего внимание на огромный вклад Немцовой в изучение чешской народной словесности⁴⁷. Однако, как правильно отмечает Я. Крамаржик, буржуазная наука обращала внимание главным образом на документальную сторону ее творчества (запись народных песен, сказок и т. д.), она же «была активным бойцом за прогресс и права народа, а не чистым теоретиком»⁴⁸. Ее сказки — не только прекрасное литературное произведение, они основаны на глубоком изучении народного творчества, направленного в своей основе на борьбу за добро, за социальную справедливость. Немцова оставила подробное описание народных обычаяев, одежды, жизни сельского и городского населения, ею дано прекрасное описание большой семьи в Словакии. Я. Крамаржик в своей статье дает биографию и основные этапы творчества писательницы и подробно останавливается на характеристике ее работ о ходах. Большой интерес представляет характеристика истории, экономики, этнографии Домажлицкого округа к моменту приезда в него Немцовой (1845 г.), данная лично Я. Крамаржиком, а также обзор литературы о ходах. В своей статье автор останавливается на подробном разборе «Картины из Домажлицкого края», публиковавшихся Немцовой в течение 1845—1846 гг.⁴⁹ Немцова выступает всесторонним исследователем народного быта. В ее «Картинах» дано подробное описание народного костюма, святочных и масляничных обрядов, одно из первых в литературе красочных описаний чешских народных танцев, сельской свадьбы. Неоднократно Немцова останавливается на вопросах духовного угнетения сельского населения, тяжелого положения женщины в семье и т. д.

О. Скальникова в статье «Карел Яромир Эрбен — этнограф и фольклорист»⁵⁰, написанной к 140-летию со дня рождения классика чешской поэзии, останавливается на малоизвестной стороне творчества поэта. «Эрбен был прежде всего историком, и знание истории народа привело его к изучению основной силы народа — народным массам», — пишет О. Скальникова. С целью изучения жизни народа он принимает предложение о сборе материала по истории шляхетских родов в сельских архивах. Во время своей работы он собирает большой материал для своего этнографического труда «Obyčeje národu českého», который из-за прогрессивного характера не был издан и дошел до наших дней только в материалах архива Национального музея.

В журнале помещено выступление проф. Зденека Неедлы⁵¹ на торжественном вечере, посвященном 100-летию со дня рождения Алоиса Ирасека, статьи Д. Слейской

⁴² L. Vágal, Význam filmu pro národopisné studium, «Č. l.», 1951, № 1—2, стр. 37.

⁴³ D. Stranská, Vzovy lidových modrotisků, «Č. l.», 1951, № 1—2, стр. 18—23.

⁴⁴ L. Kybalová, Výstava lidového modrotisků, «Č. l.», 1951, № 5—6, стр. 138—139.

⁴⁵ J. Kramářík, Prace B. Němcove o chodsků, «Č. l.», 1951, № 5—6, стр. 103—107;

№ 7—8, стр. 150—157; № 9—10, стр. 199—206; № 11—12, стр. 249—251.

⁴⁶ J. Fučík, Božena Němcova bojující, Praha, 1950, цит. по статье Я. Крамаржика.

⁴⁷ F. Tille, České pohádky Boženy Němcové, Praha, 1908; его же, Božena Němcova. Glossy k životopisu, Praha, 1909; его же, Božena Němcova, 1 vyd. 1911, 7 vyd. 1947.

⁴⁸ J. Kramářík, Prace B. Němcove o chodsků, стр. 104.

⁴⁹ Полностью вошли в кн.: Zivot Boženy Němcové. Dopisy a dokumenty. I. Do roku 1848, Uspoř. M. Novotný, Praha, 1951, стр. 158.

⁵⁰ O. Skálníková, Karel Jaromír Erben — národopisec a folklorista. «Č. l.», 1951,

№ 11—12, стр. 251—252.

⁵¹ Z. Nejedlý, Lid čete a učil se z Jiráska, «Č. l.», 1951, № 7—8, стр. 147—150.

«О мировоззрении великого чешского поэта Яна Неруды»⁵² и Я. Крамаржика о К. Хотеке в связи с 70-летием со дня рождения этого чешского этнографа⁵³.

Интересный материал представляют три очерка, посвященные творчеству мастеров чешской живописи и графики, давших богатый иллюстративный материал для характеристики культуры и быта чешского и словацкого народов. Вера Курзвайлова в статье «Мастера чешского рисунка»⁵⁴ останавливается на работах художников реалистов XIX в. Антонине, Иосифе, Адольфе Манесах, Косареке, Бедржихе Гавренеке, Миколаше Алеше, Максе Швабинском и других, экспонировавшихся на выставке в феврале — марте 1951 г. В журнале помещена статья Ф. Буланека в связи с 80-летием художника Отто Бубеничка, отразившего в своих произведениях чешскую деревню, быт горняков из Младе и Старе Божице⁵⁵. Я. Шейбал помещает сообщение о состоявшейся в октябре — ноябре 1951 г. выставке произведений Адольфа Кащпара — иллюстратора произведений чешских классиков⁵⁶. На выставке были представлены зарисовки памятников народной архитектуры, национальных костюмов и другие.

«Český lid» по характеру помещаемого материала рассчитан на широкие массы читателей, это — научно-популярный журнал. Однако по актуальности и широте поднимаемых вопросов, если принять во внимание, что до сих пор в Чехословакии не возобновлено издание центрального исторического органа — «Český časopis historický», журнал является одним из наиболее солидных исторических периодических изданий, выходящих в настоящее время в стране.

Культура и быт народа не могут получить правильного освещения вне связи с историей народных масс. Это положение находит отражение в публикации на страницах журнала работ крупных чехословацких историков и археологов. В № 1—2 помещен доклад проф. Ольдржига Ржиги на заседании кафедры историко-философского факультета Карлова университета 15 марта 1951 г., посвященном трудам И. В. Сталина по языкоznанию. О. Ржига, исходя из основных положений книги товарища Сталина «Марксизм и национальный вопрос», в дискуссионном порядке освещает вопросы возникновения чешской нации, зарождения и развития буржуазного национализма⁵⁷. О. Нагодил в статье «Климент Готвальд о прогрессивных и демократических традициях в истории чешского народа»⁵⁸ останавливается на выскакиваниях руководителя чехословацкого государства и коммунистической партии о славных страницах чешской истории — гуситском движении. К. Готвальд в своих выступлениях неоднократно касался передовых традиций чешского народа. Он неоднократно указывал на стремление чешской буржуазии скрыть от народных масс его революционное прошлое, представить гуситство только как религиозное движение. В тяжелые минуты для чешского народа, в период национального предательства правящих классов и последовавших за ним годов немецкой оккупации тов. Готвальд напоминал чешскому народу о славных традициях прошлого, укрепляя в нем веру в близкую победу. В своей речи по московскому радио в 1942 г. он говорил: «Чешский народ возродит традиции гуситства... Традиции гуситства — это традиции чешского национального государства, чешской независимости и победы чешского народа над извечными попытками германизации в чешских землях»⁵⁹. К. Готвальд высоко оценивает творчество, прогрессивных деятелей прошлого А. Ирасека, Б. Немцовой, Б. Смётаны.

В свете выскакиваний тов. Готвальда перед чехословацкими этнографами, как указывает О. Нагодил, стоят насущные задачи — на этнографическом материале вскрыть прогрессивные традиции прошлого чешского народа, его народной культуры. В частности, должны быть освещены история пограничного населения — ходов, столетиями боровшегося за сохранение независимости и свободы, яношиковские традиции в Словакии и козиновские — в Чехии.

Статья Ольдржига Ржиги «Великая Октябрьская социалистическая революция и наше национальное освобождение»⁶⁰ освещает один из знаменательных моментов в истории революционной борьбы чехов и словаков, завершившейся образованием самостоятельного государства. Чехословацкая буржуазная историография в течение десятилетий пропагандировала лживую легенду о том, что создание независимого чехословацкого государства является результатом деятельности чешской и словацкой бур-

⁵² D. Slezška, O světovém názoru velikého básníka českého lidu — Jana Nerudy, «Č. l.», 1951, № 5—6, стр. 126—131.

⁵³ J. Kramářík, Sedmdesát let profesora dr Karla Chotka, «Č. l.», 1951, № 5—6.

⁵⁴ V. Kurzweilová, Mist i české kresby, «Č. l.», 1951, № 1—2, стр. 131—132.

⁵⁵ F. Bulánek, Otto Bubeníček — malí včerejšího venkova, «Č. l.», 1951, № 5—6, стр. 137—139.

⁵⁶ J. V. Schejbal, Výstava z díla Adolfa Kašpara ilustrátora našich klasiků, «Č. l.», 1951, № 9—10, стр. 237—238.

⁵⁷ O. Říha, Vznik českého naroda a buržoazní nacionalismus, «Č. l.», 1951, № 1—2, стр. 2—5.

⁵⁸ O. Náhodil, Klement Gottwald o pokrokových a demokratických tradicích v dějinách českého lidu, «Č. l.», 1951, № 9—10, стр. 193—195.

⁵⁹ «Č. l.», 1951, № 9—10, стр. 194.

⁶⁰ O. Říha, Velká říjnová socialistická revoluce a naše národní svoboda, «Č. l.», 1951, № 9—10, стр. 196.

жуазии при поддержке правительства США, Англии, Франции. В названной статье О. Ржига формулирует новую точку зрения на создание чехословацкого государства, выдвинутую чехословацкими историками-марксистами на научной конференции историков в Праге в ноябре 1949 г.⁶¹ Автор статьи вскрывает антинародную политику чешской и словацкой буржуазии во главе с Бенешем и Масариком. Только мощное революционное движение, развернувшееся под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, разрушило антинародные планы буржуазии, оно завершилось созданием 28 октября 1918 г. самостоятельного чехословацкого государства. «Не было и не могло быть нашего 28 октября, если бы не было русского 7 ноября»⁶² — писал великий революционер-публицист Юлиус Фучик на страницах нелегального органа коммунистической партии Чехословакии в ноябре 1941 г.

Редакция публикует статьи участников исторического семинара на философском факультете Карлова университета, руководимого Вацлавом Гусой, посвященные изучению крестьянских восстаний в Победогорскую эпоху. Я. Петран в статье «Восстания крепостных Янковской области в конце XVII и начале XVIII столетия»⁶³ на архивном материале приоткрывает одну из неизвестных страниц в истории чешского народа — антифеодальные восстания крестьян Янковской области Кужимского края в 1689 и 1713 гг. 120-й годовщине со дня крестьянского восстания 1831 г. в восточной Словакии посвящена статья Г. Хайчика⁶⁴.

Археологические раскопки, проводимые за послевоенные годы на территории Чехословакии, дают возможность поставить в дискуссионном порядке вопрос о возникновении феодализма в чешских землях. Директор государственного археологического института в Праге проф. Я. Бем помещает статью «К вопросу о возникновении феодализма в чешских землях»⁶⁵, где на материалах раскопок последних лет прослеживает изменения в социально-экономической жизни славянских племен на территории современной Чехословакии в VIII—IX вв. Указанному вопросу посвящена также статья Ф. Грауса⁶⁶, в которой автор выступает с возражениями против ряда положений проф. Бема.

Слабое освещение в журнале получили другие страны народной демократии. В течение 1951 г. помещены только статья Х. Хынковой, «Главные типы болгарского народного жилища»⁶⁷, написанная на оригинальном материале, собранном автором во время пребывания ее в Болгарии в 1947—1950 гг., и рецензия Д. Странской на книгу Марии Велевой «Болгарские народные костюмы и вышивки» (София, 1951).

Из хроникальных заметок необходимо отметить сообщение Г. Лукотки о выставке в Музее Напрстковой, посвященной современному быту угнетенного туземного населения Африки и Южной Америки⁶⁸, и Я. Крамаржика о 75-летии сказителя народных песен и мелодий ходов Инджиге Инджиге⁶⁹.

В отделе критики и библиографии помещены статья Нагодила о публикациях Чехословацко-советского института; рецензия на книгу Я. Пахты «Пекарж и пекаржовщина», обзор журналов «Sovětska věda» и «Sovětska hudba», органов Чехословацко-советского института, и др.

Приведенный обзор содержания журнала за истекший год указывает на большую и плодотворную работу чехословацких этнографов, направленную на выполнение поставленных ими задач. Прошедший год был ознаменован борьбой с проявлениями в их среде буржуазных направлений. Как недостатки в работе, нужно отметить, что до сих пор в журнале малое место уделяется этнографии Словакии, информации об этнографической жизни в странах народной демократии. Более широким должен стать отдел критики и библиографии, включающим рецензии на литературу, выходящую в СССР и странах народной демократии, систематически дающим критические обзоры на работы буржуазных этнографов, чем чехословацкие этнографы смогут внести свою долю в дело борьбы с реакционными течениями зарубежной буржуазной этнографии.

Очевидно, в Чехословакии за послевоенные годы проводятся полевые работы, но это не находит, к сожалению, широкого отражения в журнале.

И. Калоева

⁶¹ См. сборник «Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии», пер. с чеш. яз., М., 1951.

⁶² J. Fučík, «Rudé právo», 1941, listopad, č. 11.

⁶³ J. Petráň, Nevolnické vzpoury na Jankovsku na sklonku 17 a na počátku 18 století, «Č. l.», 1951, № 9—10, стр. 206—208.

⁶⁴ G. Hajčík, Rol'nické povstanie na východnom Slovensku v 1831, «Č. l.», 1951, № 11—12.

⁶⁵ J. Böhm, K otázce o vzniku feodalismu v českých zemích, «Č. l.», 1951, № 7—8, стр. 162—180.

⁶⁶ F. Graus, O vzniku feodalismu v českých zemích, «Č. l.», 1951, № 11—12, стр. 282—285.

⁶⁷ H. Hynková, Hlavní typy bulgarského lidového obydlí, «Č. l.», 1951, № 11—12, стр. 271—277.

⁶⁸ Č. Loukotka, Cestou inženýrů Halzelky a Zíkmunda, «Č. l.», 1951, № 5—6, стр. 132—136.

⁶⁹ J. Kramářík, 75 let Jindřicha Jindřicha, «Č. l.», 1951, № 3—4, стр. 94—95.

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ

Donald F. Thomson. *Economic structure and the ceremonial exchange cycle in Arnhem Land*. Melbourne, 1949.

Имя Дональда Томсона широко известно в СССР по выступлению главы советской делегации в ООН А. Я. Вышинского в специальном Политическом комитете Генеральной Ассамблеи 11 октября 1949 г. Характеризуя бесправное положение австралийских аборигенов, А. Я. Вышинский сказал: «Напомним, например, о статьях в сиднейской газете «Сан» и мельбурнской газете «Геральд» известного австралийского ученого-антрополога доктора Томсона. Из статей видно, как он пишет, что «во многих частях Северной Территории туземцы вынуждены работать в условиях, равнозначных рабству». «Тем, — говорится в этих статьях, — кто не видел скотоводческих хозяйств в штатах Северная Территория, Западная Австралия и Квинсленд, трудно представить себе весь ужас этой трагедии»¹.

Томсон смело поднял голос в защиту коренных жителей Австралии, подверг беспощадной критике варварскую «туземную политику» австралийского правительства.

Познакомимся вкратце с научной биографией Д. Томсона.

Томсон много лет жил среди австралийских аборигенов. В 1928—1929 гг. он совершил две экспедиции на полуостров Яорк. Когда его свалила лихорадка в одном из стойбищ племени дайюри (на западном берегу полуострова), к нему пришли два старика, ощупали его голову и провели над ним особый курс лечения. «Таким образом я нашел верных друзей», — пишет он.

Результатом этих экспедиций явилась большая статья «Культ героя, инициации и тотемизм на мысе Яорк»². Томсон нашел у племени коко-яо (восточный берег полуострова) культ племенного героя — необычайное явление среди аборигенов Австралии. Он выдвинул предположение, что этот культ попал сюда с Торресовых островов, до него здесь существовали родовые тотемы и матрилинейному порядку предшествовал порядок матрилинейный. Он дал подробное описание обрядов инициации, личных и родовых тотемов у коко-яо.

В 1932—1933 гг. Томсон жил более 11 месяцев в западной части полуострова Яорк, где также изучал культ племенного героя. Он пришел к выводу, что культ племенного героя возник в западной части позднее, чем в восточной³.

В 1935—1937 гг. Томсон по поручению австралийского правительства изучал положение аборигенов Земли Арнгема и написал работу: «Рекомендации политики в туземных делах»⁴. Он и раньше уже отмечал, что аборигены вымирают. В своих рекомендациях правительству он также указал, что аборигены Земли Арнгема находятся «на пути к вымиранию». Он предлагал правительству установить резервации, полностью изолировать аборигенов от англо-австралийцев.

В 1938 г. Томсон опубликовал небольшую статью о своеобразном способе ловли рыбы на Земле Арнгема⁵.

Таким образом, деятельность Томсона в то время в основном не выходила из господствующего в англо-австралийской этнографии русла; он изучал преимущественно духовную культуру аборигенов, защищал политику резерваций. Правительство по рекомендации Томсона объявило часть Земли Арнгема разервацией, установило здесь несколько правительственные и миссионерские «станций».

Вновь на Землю Арнгема Томсон попал в 1941—1943 гг., сначала по долгому военному службе, а затем как береговой патрульный офицер Северной Территории. Он увидел, что система резерваций только ухудшает положение аборигенов. Вернувшись с Земли Арнгема, Томсон подверг «туземную политику» резкой критике (1945). Он заявил, что «правительственная туземная администрация была зловещим нагромождением неудач и подлостей»⁶. В 1946 г. Томсон выступает с резкой критикой «туземной политики» в газете «Adelaide News» (8 и 9 апреля), он решительно протестует против плана испытания ракетных снарядов на территории, занятой аборигенами. В 1947 г. он разоблачает лживое заявление Элькина о том, будто бы «многие из опасений по поводу судьбы аборигенов в связи с планом испытания ракетных снарядов не обоснованы». В 1949 г. Томсон печатает статьи в сиднейской газете «Сан»

¹ «Правда» от 14 октября 1949 г.

² D. F. Thomson. The Hero cult, initiation and totemism on Cape York. «Journal of the Royal Anthropological Institute», 1933, стр. 453—537.

³ D. F. Thomson. Notes on a Hero Cult from the Gulf of Carpentaria, North Queensland. «Journal of the Royal Anthropological Institute», 1934, стр. 217—235. Результатом этой экспедиции явилась также статья: «The joking relationship and organized obscenity in North Queensland» («American Anthropologist», 1935, No. 3, стр. 460—490).

⁴ D. F. Thomson. Recommendations of policy in native affairs, Canberra, 1937.

⁵ D. F. Thomson. A new type of fish trap from Arnhem Land. «Man», 1938, December, стр. 193—198.

⁶ См. A. G. Price, White settlers and native peoples, 1949, стр. 143.

и мельбурнской газете «Геральд», на которые ссылался министр иностранных дел СССР А. Я. Вышинский в цитированном выше выступлении.

В начале апреля 1950 г., выступая в Мельбурне на собрании конституционного клуба, Томсон указал, что аборигены в Австралии «гibнут, как мухи, в результате варварского обращения с ними правительства штата Квинсленд». Далее он сказал: «Самоотверженная борьба многих племен в течение последних двух десятилетий за свои права на лучшую жизнь привела к тому, что правительство прибегло к старой политике их истребления. Эта политика заключается в том, что на аборигенов устраивают облавы, а затем их ссылают на остров Палм — остров смерти.

Аборигены, которые когда-то населяли полуостров Йорк, были крепкими и здоровыми людьми. Даже во время моего восьмилетнего пребывания на административном посту среди туземцев я наблюдал, как они чахнут и умирают. Сейчас из 400 племен, имевшихся 30 лет тому назад, осталось лишь 20».

Далее Томсон отметил, что за его критику «туземной политики» правительство штата Квинсленд запретило ему посещать резервации аборигенов.

Таким образом, необходимо различать научную деятельность Томсона в годы до второй мировой войны и в годы после второй мировой войны. Томсон, занявший прогрессивную позицию в политике по отношению к аборигенам, занимает прогрессивную позицию и в науке о культуре аборигенов.

В 1947 г. Томсон закончил большую научную работу об аборигенах Земли Арнгема. Рецензируемая книга составляет лишь часть этой работы.

Книга Томсона имеет большое общественное и научное значение, особенно если учесть ту обстановку, в которой она написана. Об этой обстановке необходимо сказать несколько слов.

Казалось бы, нет очевиднее того факта, что австралийское правительство держит коренных жителей Австралии в рабстве, голоде и нищете. Однако официальная трактовка «туземной проблемы» в Австралии сводится к тому, что аборигены сами во всем виноваты. «Дикари», видите ли, не выносят «цивилизации» и потому будто бы они находятся в столь печальном положении. С позиций этой официальной трактовки ведется спор между представителями различных компаний, с одной стороны, и различными агентами правительства, с другой.

Плантаторы и скотоводы, заботящиеся только о своем кармане, бесчеловечно эксплуатируют аборигенов, не выдают им заработной платы, держат на голодном рационе, обосновывая это тем, что аборигены все равно вымрут и, чем скорее это случится, тем лучше. Эта людоедская точка зрения хорошо выражена в следующих словах: «Для чистокровных туземцев нельзя ничего сделать, разве только облегчить неизбежный процесс вымирания. Легкая смерть была фактически целью туземной политики в штате Виктория начиная с 1850 г.»⁷

Разумеется, подобная точка зрения не может быть официально принята австралийским правительством — это вызвало бы и в самой Австралии, и во всем мире бурю возмущения. Поэтому, придерживаясь фактически этой точки зрения, австралийское правительство делает вид, что оно стремится «помочь» аборигенам. Агенты правительства в области «туземной политики» — протекторы, администраторы, патрульные офицеры, а также этнографы, выходящие, как правило, из этой среды или обученные для этих целей (некоторые из них имеют официальный титул «правительственного этнографа»), — все они говорят, что хотя аборигены и не выносят «цивилизации», но им нужно «помочь», им нужно «спасти». Для широкой публики у этих людей имеется набор звонких фраз о гуманности, а для плантаторов и скотоводов — финансовые соображения: «Мы нуждаемся в аборигенах для заселения и развития Северной территории», — пишет Элькин, — и мы можем их иметь⁸.

Что же предлагают эти агенты правительства в качестве «помощи» людям, изнемогающим под рабским трудом и умирающим с голоду? Может быть, улучшение условий труда, уничтожение расовой дискриминации? Как раз наоборот. Они предлагают создать непроходимый расовый барьер. Элькин утверждает, что аборигены не смогут приспособиться к европейской культуре. «Для чистокровного [аборигена], — пишет он, — это вообще безнадежное»⁹. Тем не менее, как он сам вынужден отметить, аборигены «слетаются, как мухи к меду, к белым поселениям и станциям». И вот Элькин предлагает остановить это «стремление [аборигенов] к цивилизации». В этом, по его мнению, должна состоять «помощь» аборигенам со стороны правительства.

Скотоводческие компании нанимают этнографов на службу, прекрасно понимая, что те в конце концов защищают их же интересы. Когда в одном районе, принадлежащем одной скотоводческой компании, аборигены «недавно вымерли» и у компании возникла острая потребность в рабочей силе для пастбищ скота, компания наняла этнографов К. и Р. Бернхт и отправила их в экспедицию. «Она [компания] интересовалась лишь получением или «вербовкой» туземцев из района пустыни взамен тех племен, которые вымерли в результате занятия страны скотоводами»¹⁰.

К. и Р. Бернхт были в экспедиции в 1944—1946 гг. с целью изучить причины

⁷ E. J. B. Foxcroft, Australian native policy, 1941, стр. 101.

⁸ A. R. Elkin and C. and R. Berndt, Art in Arnhem Land, 1950, стр. 115.

⁹ См. «Occlesia», 1937, № 4, стр. 471.

¹⁰ Там же, 1950, № 2, стр. 149.

вымирания и разработать условия естественного размножения аборигенов, «чтобы обеспечить, таким образом, скотоводов рабочей силой в будущем». Они составили «перспективный план». Но компания этот план отвергла — ей нужна была рабочая сила сразу, а не в будущем, она не пожелала ждать, пока аборигены «размножатся». Журнал «Oceania» излагает эти события с целью подчеркнуть разногласия между скотоводами и этнографами. Но внимательный читатель видит, что никаких существенных разногласий между ними нет. Правда, каждый скотовод заботится только о своем кармане, а этнограф, отражающий точку зрения правительства, опекающего всех скотоводов, вынужден заботиться с скотоводами вообще. Но общее между ними в том, — а это и есть «туземная политика»,— что ни тот ни другой не заботятся об аборигенах, смотрят на них только как на объект безудержной эксплуатации.

В качестве научного обоснования этой точки зрения Элькин выдвигает «теорию», что основная жизнь аборигенов протекает в духовной сфере. Абориген, по его словам, живет в двух мирах: «один состоит из необходимых будничных событий и действий — собирание пищи, еда и питье, общение с людьми, брак; другой, являющийся базисом первого, состоит из ритуала, символики и веры»¹¹. По словам Элькина, опасность «цивилизации» для аборигенов состоит именно в том, что она разрушает их духовную жизнь, «ведет к недооценке религиозных верований и санкций и является началом конца»¹².

На материальную жизнь аборигенов Элькин предлагает не обращать внимания, не в этом будто бы дело, главное духовная жизнь. «Недооценка значения духовной жизни, — восклицает он, — ужасна и часто ведет к несчастью для большинства туземцев»¹³.

Подобного рода отношение к аборигенам ярко выступает в «научных» трудах тех же К. и Р. Бернхт о культуре аборигенов. Они также, вслед за Элькиным, утверждают, что аборигенам не свойственен интерес к материальной стороне жизни, что их, в отличие от скотоводов и плантаторов, интересует только духовная сторона жизни.

«В некоторых культурах, — пишут К. и Р. Бернхт, — мало обращается внимания на материальную сторону жизни, в то время как в других приобретение материальных объектов и ценностей становится главной движущей силой»¹⁴. Таким образом, согласно этой «теории», есть две группы носителей «культур»: первые «приобретают» материальные объекты и ценностей, т. е. грабят других, а вторые будто бы позволяют себя безнаказанно грабить, ибо главное для них — это духовный мир, вера в миф, ритуал и обычай. Миф — «это ось, на которой вращается культура этих жителей пустыни», — пишут К. и Р. Бернхт об австралийских аборигенах¹⁵. Главное для аборигенов — это не экономика, а «духовная жизнь, вера».

Стремление свести всю жизнь аборигенов к «духовным ценностям» у некоторых австралиеведов настолько велико, что эти «ученые» утрачивают всякое чувство меры и приличия. Например Ломмель желает доказать, что причины вымирания аборигенов — психические. Аборигенам для произведения потомства необходимо, видите ли, определенное психическое состояние, нужно, в частности, чтобы им снились дети. Чтобы видеть такие сны, нужно спать не слишком крепко. Но «те, кто работает на станции, говорят, что тяжелая работа изнуряет их до того, что их сон становится слишком тяжелым... Жители внутренних районов говорят, что их сны слишком спутаны тем, что они видели белого человека, самолеты и корабли. Им снятся эти сюжеты, а дети больше не снятся». Если верить автору, то так объясняют аборигены низкую норму рождаемости, «и, — уверяет Ломмель, — мы можем считать правильным их объяснение»¹⁶.

Такова обстановка, в которой Томсон писал свою книгу. Эта обстановка господствует в Австралии уже несколько десятилетий. Вот почему так редко в Австралии можно услышать правдивое, честное слово, когда речь идет об аборигенах. Вот почему выход в свет книги Томсона, посвященной вопросам экономики и ее решающей роли в жизни аборигенов, представляет собой важное событие.

Совершенно прав Д. Томсон, когда он пишет, что «ни одного систематического очерка не было опубликовано об экономической жизни аборигенов и [экономической] структуре, об их понятиях собственности, экономическом обмене, их идеях богатства и платежа... об их системах землевладения, о развитии специализации промыслов, об организации труда, о мотивах трудовой деятельности и, в частности, экспенсивных коммунальных мероприятий, являющихся характерной чертой жизни аборигенов» (стр. 1—2). В самом деле, сколько вопросов, самых обычных, еще ждет ответа: как аборигены охотятся, собирают пищу, — каждый отдельно, каждая семья отдельно, или имеется какая-то общая организация труда? Как действует эта организация, как регулируется? «Самое внимательное изучение литературы об аборигенах, — пишет Томсон, — не дает сколько-нибудь удовлетворительного ответа на эти вопросы»

¹¹ A. P. Elkin and R. and C. Berndt, Art in Arnhem Land, стр. 3.

¹² «Oceania», 1937, No. 4, стр. 469. Подчеркнуто автором.

¹³ Там же, стр. 464.

¹⁴ Там же, 1946, № 2, стр. 73.

¹⁵ Там же, 1942, № 4, стр. 329.

¹⁶ Там же, 1950, № 1, стр. 17.

(стр. 2). Трудно придумать более уничтожающее обвинение в адрес буржуазных австралидов! И обвинение это — совершенно правильное. К сожалению, Томсон не дает критического анализа неудовлетворительных, антенаучных ответов на эти вопросы. Он только упоминает мельком об «идее среднего скотовода, что черный — глуп, не имеет понятия о ценности», и отмечает, что «это очень далеко от истины» (стр. 3). Было бы полезно, если бы он дал анализ «научных» трудов, написанных с позиций «среднего скотовода», разоблачил ученых служителей скотоводческих компаний. Опять-то, кстати сказать, ведут себя далеко не так мирно и, в частности, по отношению к Томсону. Ниже мы еще скажем об этом несколько слов.

Томсон ставит себе задачей «дать очерк экономической структуры и организации туземцев северо-восточной части земли Арнгема» (стр. 5). Его книга состоит из введения и пяти глав: 1. Социальная организация, собственность на землю, экономическая структура и организация труда. 2. Понятие богатства, дача подарков и идея «отплаты». — 3. Специализация промыслов. — 4. Церемониальный обменный цикл на земле Арнгема. — 5. Влияние индонезийской культуры на идею богатства и церемониальный обменный цикл. Книга рассчитана на широкий круг читателей и поэтому снабжена словарем с объяснением таких терминов, как «экзогамия», «племя», «родство», «тотемизм», «дуальная организация» и т. д. Имеется 11 фотографий и две карты, изображающие обменный цикл на земле Арнгема.

Томсон дает подробное описание природной среды и ее ресурсов, занятых аборигенов в разные времена года, их повседневной трудовой жизни, характеризует их представления о материальных ценностях, зарождающуюся специализацию промыслов, подробно описывает особую форму обмена среди аборигенов.

«Туземцы Земли Арнгема,— пишет Томсон,— ведут бродячий образ жизни, занимаются собирательством и охотой. Они не имеют ни постоянных деревень, ни огородов и земледелия, ни гончарства, ни домашних животных, если не считать полу-дикой собаки динго» (стр. 8). Таким образом, аборигены здесь живут в настоящее время примерно так же, как они жили в Центральной Австралии лет сто сто назад. Правда, молодые мужчины уходят работать в Порт Дарвин или на скотоводческие «станции» пасти скот, на корабли, курсирующие у берегов, где их нанимают ловить трепанг. Но старики, женщины и дети занимаются собирательством и охотой, ведут прежний, бродячий образ жизни в пределах своих территорий. Каждая локальная группа живет обособленно от других, ведет замкнутое хозяйство.

И вот, несмотря на хозяйственную замкнутость локальных групп, существует широкая система обменных отношений между локальными группами. Как она возникла?

Какой-нибудь Бернхт, поставив вопрос об обмене на Земле Арнгема, заметил бы здесь, конечно, лишь ритуальную сторону дела¹⁷. Томсон, наоборот, оставляет в стороне мифы и верования. «Рассмотрим,— пишет он,— в первую очередь страну и ее естественные ресурсы» (стр. 14). После этого идет подробное описание природных условий и основных занятий аборигенов (стр. 14—28). Затем Томсон пишет: «Взглянем на стойбище типичной орды (т. е. локальной группы). — Н. Б.) Земли Арнгема ранним утром, чтобы иметь представление об образе жизни народа» (стр. 28). Томсон подробно описывает события, происходящие в локальной группе за день. Эти 6—7 страниц представляют большой интерес. Они напоминают нам страницы, посвященные описанию повседневной жизни папуасов из «Этнологических заметок» Н. Н. Миклухо-Маклая.

«Первое, что заметит любой наблюдатель (исключая, конечно Элькина, Бернхт и им подобных.— Н. Б.) в хорошо организованной группе на Земле Арнгема — это трудолюбие,— пишет Томсон.— Он не сможет не заметить, что каждый человек, мужчина и женщина, работает усердно, что труд хорошо организован и идет гладко. И он должен также заметить тот факт, что, если не считать очень маленьких детей, занятых серьезно игрой, в которой многое основано на подражании деятельности взрослых, нет никакой праздности. Даже юноши полностью заняты охотой и ловлей рыбы и работают усердно.. Ни мужчины, ни женщины не бездельничают, и даже в стойбище, когда они сидят вокруг своих костров, их можно видеть делающими корзину, сеть, копье или другое оружие...» (стр. 33—34).

Томсон задает вопрос: каковы причины, «которые побуждают этих людей так усердно, с такой готовностью трудиться без наличия какого-либо видимого приказания, контроля или авторитета? Каковы стремления, побуждения, лежащие на основе всей этой организации?» (стр. 34).

Ответ на этот вопрос совершенно очевиден: для того чтобы жить, аборигены должны добывать себе пищу. Томсон, однако, ищет ответ на этот вопрос в области родственных отношений. Родственные отношения, пишет он, это «система обязательств и контробязательств; даже если человек намерен выполнять их лишь в объеме, необходимом для сохранения его престижа, он неизбежно должен усердно работать. Получать дары пищи и другие подарки, требующие ответных даров, и не отплатить тем же, это значит не выполнить обязательства, что для нормального человека является невыносимым ударом по его гордости» (стр. 35).

Томсон берет за основу обязанность делать подарки родственникам. Родство выходит за рамки локальной группы, поэтому, по мнению Томсона, и «обязательства

¹⁷ R. M. Berndt, *Ceremonial exchange in Western Arnhem Land*, «Southwestern Journal of Anthropology», 1951, No. 2.

не ограничены членами собственной орды... они охватывают также членов других орд» (стр. 35—36). Абориген имеет обязательства перед обширным кругом родственников. Он должен делать подарки при самых разнообразных случаях. Томсон подробно перечисляет эти случаи (стр. 36—43) и утверждает, что чувство стыда, которое испытывает абориген, не давший подарка, является «одним из самых сильных механизмов, лежащих в основе производства пищи и предметов и их циркуляции» (стр. 44).

Решение вопроса надо искать, конечно, не здесь, а в особом характере хозяйства аборигенов. Собирательство и охота сообщают хозяйству характер случайности: сегодня локальная группа имеет все необходимое, а завтра члены ее могут умереть с головой. Этот случайный характер хозяйства периодически нарушает замкнутость локальной группы, порождает систему взаимозависимости локальных групп, взаимопосещений, переходов одной локальной группы на территорию другой, сбирающих нескольких локальных групп и, наконец, систему так называемого обмена между локальными группами. Конечно, все это регулируется родством и сопровождается исполнением различных обрядов.

К сожалению, изучена только обрядовая сторона этих взаимопосещений, что же касается лежащих в их основе экономических, хозяйственных причин, то они совершенно не исследованы. Нет анализа этих причин и в книге Томсона. И в этом основной ее недостаток.

Это не значит, однако, что взятая Томсоном категория — обязанность делать подарки родственникам — не должна учитываться. Она может быть и является одним из факторов, укрепляющих хозяйственную связь между локальными группами.

Это взаимное выполнение обязанностей, налагаемых обществом, нельзя, однако, называть обменом. Дело не в том, как это думает Фирз, что здесь обмен невозможен без системы кредита¹⁸. Дело в том, что это вообще не обмен, ибо отсутствуют две его необходимые предпосылки: наличие излишков и общественное разделение труда. Это просто выполнение существующих в данном обществе прав и обязанностей, и, как правильно отмечает Томсон, оно «не является торговлей, хотя имеет место широкое обращение предметов» (стр. 77). Главная цель в данном случае не в том, чтобы за один предмет получить другой, а в том, чтобы, как сказал один из аборигенов, «давать все время... все время, до самой смерти», или, как поясняет автор, «давать, чтобы поддерживать и укреплять союз между двумя партнерами до самой смерти, после чего эта обязанность передастся к их детям» (стр. 77). Для обозначения этого акта имеются особые термины — *wetj*, *magg*. Один из аборигенов пояснил автору: «Если он спрашивает, ты даешь ему, потому что он спрашивает. Но если ты даешь это сам — это *wetj*, это *magg*, потому что ты желаешь дать это ему» (стр. 78).

Перед нами, таким образом, особая система общественного распределения продуктов труда, система взаимных прав и обязанностей, регулируемых родством. Это такая система, отмечает Томсон, «которую не могло бы создать простое желание экономического приобретения» (стр. 81).

Так выглядит общество аборигенов Земли Арнгема. И если Томсон не везде делает должные выводы, то заслугой его во всяком случае является то, что он дает богатейший фактический материал для этих выводов.

Нет ничего удивительного в том, что Бернхт попытался дискредитировать книгу Томсона. Он придрался к заглавию книги. Томсон будто бы «не выполнил обещания раскрыть свою основную тему, «церемониальную экономику», и не привел никаких данных, оправдывающих это заглавие»¹⁹. Бернхт не может себе мыслить иной экономики, кроме «церемониальной», — это понятно. Но заслуга Томсона в том и состоит, что он дал описание экономической структуры, экономического строя аборигенов. В заглавии его книги нет никакой «церемониальной экономики», речь идет именно об «экономической структуре и церемониальном обмене на Земле Арнгема». Перевернуть заглавие и потом придраться к нему — таков метод «критики» Бернхта.

Далее Бернхт приписывает Томсону утверждение о «полном отсутствии сведений» об экономической организации аборигенов, ссылаясь на первую страницу его книги. Но там говорится о другом, не об отсутствии сведений вообще, а об отсутствии «систематического очерка» экономической жизни аборигенов (см. цитату, приведенную выше). Отдельные сведения кое-где имеются, их наличия Томсон не отрицает.

Ничего другого, кроме заглавия и первой страницы, Бернхт не читал. Он считает, что этого вполне достаточно, и огульно отрицает научное значение книги Томсона. Это будто бы «скорошепелый и поверхностный очерк, не имеющий большой ценности для серьезно изучающего жизнь австралийских аборигенов». В составе этих «серьезно изучающих» Бернхт указывает только себя и свою жену. Они будто бы «детально изучили экономическую и церемониальную жизнь» аборигенов. К сожалению, это не соответствует действительности. Кое-что они действительно написали, но почти исключительно о церемониях. Нужно проделать немалую работу, чтобы описываемые ими явления поставить с головы на ноги, установить их место в реальной жизни аборигенов. Немалую услугу оказывает при этом рецензируемая книга.

¹⁸ R. Firth, Primitive economics of the New Zealand Maori, 1929, стр. 415.

¹⁹ R. M. Berndt, Ceremonial exchange in Western Arnhem Land, стр. 156.

Томсона. Она ценна, таким образом, не только сама по себе, но еще и потому, что помогает правильно истолковать описания других авторов.

Как ни отрицает на словах Бернхт научное значение книги Томсона, на деле он вынужден с ней считаться. Так, он пишет, чтоaborигены Земли Арнгема «уделяют тому, что условно можно назвать материальными ценностями, большее внимание, чем в других районах туземной Австралии, например, на западе центральной части Северной Территории (Бернхт, полевая работа 1944—1946) или в районе Ульдеа, на северо-западе Южной Австралии (Бернхт, полевая работа 1939, 1941)»²⁰. Все ясно. В последних двух районах был по существу только Бернхт, и поэтому он может до поры до времени говорить обaborигенах этих районов то, что угодно душе «среднего скотовода». А на Земле Арнгема был не только Бернхт и не только Элькин. Там долгое время жил Томсон, который написал книгу об экономическом строеaborигенов. Поэтому Бернхт вынужден признать, чтоaborигены Земли Арнгема очень и очень интересуются «материальными ценностями».

Книга Томсона является крупным вкладом в науку обaborигенах Австралии. Она, несомненно, заслуживает перевода на русский язык.

Н. Бутинов

²⁰ Там же, стр. 159.

СПИСОК ДИССЕРТАЦИЙ, ЗАЩИЩЕННЫХ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1946—1952 гг.

А. ДОКТОРСКИЕ

- А. Ф. Анисимов. Вопросы генезиса религии эвенков (15/VI 1948)¹.
Н. И. Воробьев. Казанские татары (Этнографическое исследование материальной культуры) (30/I 1946).
Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков (15/III 1952).
К. В. Кудряшов. Северное Причерноморье в IX—XII вв. (13.XI 1946).
П. И. Кушнер. Этническая граница и этнографическая территория (3.VI 1947).
С. И. Макалатия. Этнография картвельских племен (25/V 1948).
Д. А. Ольдерогге. Кольцевая связь родов, или трехродовой союз (Из истории развития социального строя первобытной общин) (22/IV 1946).
Л. П. Потапов. Алтайцы (Историко-этнографический очерк) (25/VI 1946).
Н. Н. Чебоксаров. Северные китайцы и их соседи (I/VII 1947).
В. И. Чичеров. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX вв. (21/XII 1948).

Б. КАНДИДАТСКИЕ

Общая этнография

- Н. А. Бутинов. Школа «культурных кругов» Гребнера (18/VI 1946).
М. С. Долгоносова. Учение Тэйлора о пережитках и его критика в советской этнографии (8/VI 1948).
Л. А. Молчанова. Народные меры длины (25/V 1948).

Народы СССР

Русские

- Е. П. Бусыгин. Материальная культура русского сельского населения Татарской АССР (8/IV 1952).
Н. Н. Велецкая. Москва в народных песнях и преданиях о защите Родины (19/VI 1951).
М. В. Витов. Поселения Заонежья в XVI—XVII вв. (27/V 1952).
С. И. Жегалова. Крестьянское жилище Нижегородской губернии в середине XIX в. (19/VI 1951).
Р. С. Липец. Былины у промыслового населения русского севера XIX—XX вв. (15/III 1949).
Н. П. Новоселов. Военные игры русского народа и их отношение к эпохе «военной демократии» (13/IV 1948).
Т. В. Станюкович. Жилище русских переселенцев в Средней Азии (15/VI 1948).
Л. А. Старцева (Пушкирева). Похоронные притчания Олонецкого края (23/XII 1947).

Украинцы

- А. А. Лебедева. Социалистическое переустройство хозяйства и быта крестьянства Закарпатской области Украинской ССР (13/V 1952).
Д. В. Найдич-Москаленко. Быт украинского крепостного крестьянства в царской России накануне реформы 1861 г. (4/VI 1946).
И. Ф. Симоненко. Этнический состав населения западных районов Украины (11/II 1947).
М. Н. Шмелева. Народная одежда украинцев Закарпатской области (6/VI 1950).

¹ В скобках указаны даты защиты.

Белоруссы

0. А. Ганцкая. Материальная культура колхозников Бобруйской области БССР (27/V 1952).

Народы Прибалтики

- Г. И. Гозина. Жилище и хозяйственные строения Восточной Литвы (3/VII 1952).
Л. Н. Терентьева. Социалистические преобразования в хозяйстве, быту и культуре латышского крестьянства (3/VII 1952).

Карелы

- Г. С. Маслова. Орнамент карел Калининской области (25/III 1947).

Молдаване

- Р. С. Левман. Антропологические типы коренного населения Молдавской ССР (К проблеме этногенеза молдаван) (28/XI 1950).

- М. Я. Салманович. Жилище коренного населения Молдавской ССР (19/XI 1946).

Цыгане

- Т. Ф. Киселева. Цыгане Европейской части Союза ССР и их переход от кочевания к оседлости (13/V 1952).

Народы Кавказа

- Л. Х. Акаба. Абхазы Очамчирского района (Опыт этнографического исследования культуры и быта колхозников) (25/XII 1951).

- А. И. Алиев. Социалистическое преобразование культуры и быта даргинцев Серго-калинского района Дагестанской АССР (26/VI 1952).

- Е. Р. Бинкевич. История черкесского жилища (10/XII 1946).

- Л. А. Витухновская. Опыт монографического исследования социалистической культуры абхазов (11/VII 1950).

- М. М. Ихилов. Горские евреи (Опыт монографического исследования) (13/XII 1949).

- Б. А. Калоев. Моздокские осетины (Историко-этнографическое исследование). (27/XI 1951).

- З. А. Никольская. Родовые формы и отношения у аварцев в XIX в. (8/VI 1948).

- М. В. Сайдова. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным (25/III 1947).

- Я. С. Смирнова. Абхазская женщина в дореволюционном прошлом и в советскую эпоху (25/IV 1950).

- Н. Ф. Такоева. Кровная месть у осетин в XIX—начале XX столетия (24/XII 1946).

Народы Средней Азии

- Б. В. Андрианов. Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме XVIII—XIX вв. (27/III 1951).

- А. Ф. Бурковский. Техника современных домашних промыслов и ремесел в киргизских колхозах (26/VI 1951).

- Г. П. Васильева. Туркменское племя нохурли (21/XII 1948).

- Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта туркмен-колхозников Марийской области Туркменской ССР (9/V 1950).

- Ж. Я. Дехтеренко. Туркмены накануне и в период присоединения их к царской России (23/XII 1947).

- Т. А. Жданко. Родоплеменная структура и расселение каракалпаков в низовьях Аму-Дары (XIX—начало XX в.) (20/V 1947).

- И. В. Захарова. Материальная культура уйголов Советского Союза (10/VI 1952).

- М. Н. Кабиров. Переселение илийских уйгур в Семиречье (28/II 1950).

- Б. Х. Кармышева. Этнографический очерк животноводства у локайцев (27/XII 1951).

- Л. Ф. Моногарова. Язгулемцы (Монографическое описание) (27/III 1951).

- А. С. Морозова. Рабство у туркмен и узбеков Хивинского ханства в XIX в. (24/VI 1947).

- Н. Нурджанов. Истоки народного театра у таджиков (27/XII 1951).

- Г. Г. Нуроев. Киргизская народная медицина (По материалам конца XIX и начала XX в.) (1/IV 1952).

- Е. М. Пещерева. Женское гончарное производство в Средней Азии (1/VII 1947).

- М. В. Сазонова. Земельные отношения в Хивинском ханстве в XIX в. (22/IV 1947).

- Г. Г. Стратанович. Дунгане Киргизской ССР (21/I 1947).

Народы Сибири и Дальнего Востока

- Б. А. Васильев. Медвежий праздник у орочей (Опыт анализа обряда и мифологии) (18/VI 1946).
- И. С. Гурвич. Оленекские и анабарские якуты (29/XII 1949).
- Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав населения севера Средней Сибири (22/IV 1947).
- М. А. Каплан. Основные жанры нанайского (гольдского) фольклора: «нингман» — сказки, «тэлунгу» — предания (29/XII 1949).
- А. Н. Рейнсон-Правдин. Игра и игрушка народов Обского Севера (27/IV 1948).
- П. Г. Тадыев. Процесс национальной консолидации алтайских племен в условиях социализма (8/V 1951).
- Ю. А. Шибаева. Пережитки родового строя у хакасов в системе родства и семейно-брачных отношений (20/V 1947).

Народы зарубежных стран

Страны народной демократии

- И. А. Калоева. Пережитки родового строя у южных славян в XIX—XX вв. (6/VI 1950).
- О. В. Пчелина. Польская народная одежда (2-я половина XIX—XX в.). (10/VI 1952).

Народы зарубежной Европы

- И. Н. Гроздова. Национальный состав Нидерландов в свете этнографических данных (11/VII 1950).

Народы зарубежной Азии

- Б. Я. Волчок. Общественный строй санталов (8/V 1951).
- Н. Р. Гусева. Этнический состав населения Южной Индии (26/VI 1951).
- М. К. Кудрявцев. Происхождение мусульманского населения Северной Индии (8/IV 1952).
- А. И. Першиц. Родоплеменная организация и племенной состав кочевников Северной Аравии в XIX—XX вв. (13/IV 1948).

Народы Африки

- С. Р. Смирнов. Восстание махдистов в Судане (10/XII 1946).
- М. В. Райт. Русские экспедиции в Эфиопии в XIX — начале XX в. и их этнографические исследования (9/V 1950).

Народы Австралии и Океании

- А. И. Блинов. Маорийские войны (1843—1872 гг.) (24/XII 1946).
- Ю. М. Лихтенберг. Система родства на острове Рага и вопрос о геронтократии в Меланезии (25/XII 1946).

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» ЗА 1952 г.

Борьба за мир и советская этнография. (1), 3.
В. К. Соколова (Москва). Народное поэтическое творчество в борьбе за мир. (1), 9.
XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза и вопросы этнографии (4), 3.

Вопросы общей этнографии и антропологии

А. П. Окладников (Ленинград). К вопросу о происхождении искусства (В связи с критикой взглядов Н. Я. Марра на первобытное искусство). (2), 3.
В. И. Чичеров (Москва). О порочных взглядах Н. Я. Марра и его последователей в области фольклористики. (3), 3.

Вопросы этногенеза и исторической этнографии

Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин и Т. А. Трофимова (Москва). Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза. (1), 22.
Н. Н. Чебоксаров (Москва). К вопросу о происхождении народов угрорифинской языковой группы. (1), 36.
Б. О. Долгих (Москва). О некоторых этногенетических процессах (переселениях народов и распространении языков) в Северной Сибири. (1), 51.
Д. А. Ольдерогге (Ленинград). Происхождение народов Центрального Судана (Из древнейшей истории языков группы хауса-котоко). (2), 23.
Л. Р. Кызласов (Москва). Древнейшее свидетельство об оленеводстве. (2), 39.
А. Н. Бернштам (Ленинград). Наскальные изображения Саймалы, Таш. (2), 50.
Л. П. Потапов (Ленинград). очерк этногенеза южных алтайцев. (3), 16.
Р. Б. Ахмеров (Уфа). Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным. (3), 36.
Б. Х. Кармышева (Сталинабад). К вопросу о происхождении локайцев. (4), 11.
Б. А. Литвинский (Сталинабад). Намазга-тепе (По данным раскопок 1949—1950 гг.). (4), 30.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

В. Н. Белицер (Москва). О формировании культуры верхнепечорских и нижнепечорских коми. (1), 60.
Л. П. Потапов (Ленинград). К вопросу о национальной консолидации алтайцев. (1), 75.
Я. Р. Винников (Москва). Белуджи Туркменской ССР. (1), 85.
И. М. Суслов (Якутск). О национальной принадлежности современного населения северо-запада Якутской АССР. (2), 69.
И. С. Гурвич (Якутск). По поводу определения этнической принадлежности населения бассейнов рек Оленека и Анабара. (2), 73.
Б. О. Долгих (Москва). О населении бассейнов рек Оленека и Анабара. (2), 86.
М. Г. Рабинович (Москва). Дом и усадьба в древней Москве. (3), 50.
Б. О. Долгих (Москва). Расселение народов Сибири в XVII веке. (3), 76.
С. В. Иванов (Ленинград). Материалы орнамента к проблеме культурно-исторических связей хантов и манси. (3), 85.
Н. И. Воробьев (Казань). Краткие итоги изучения материальной культуры чuvашей. (4), 53.
В. С. Мамонов (Киев). Старинные орудия для обработки почвы из с. Староселье на Днепре. (4), 67.
З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг (Москва). Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана. (4), 91.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

- А. И. Першиц (Бийск). Хозяйственный быт кочевников саудовской Аравии. (1), 104.
 Г. М. Петров (Москва). Некоторые данные для характеристики курдов сенджаба в Иране. (1), 113.
 А. И. Собченко (Ленинград). Передача сообщений на барабанах у народов Западной Африки (Использование традиционных средств связи в современной политической жизни Африки). (1), 120.
 П. Е. Терлецкий (Москва). Об опыте этнического картографирования (На примере составления «Этнографической карты Южно-Африканского Союза»). (2), 92.
 М. К. Кудрявцев (Ленинград). Основные этнические группы Западного Пакистана. (2), 98.
 Ю. В. Кнорозов (Ленинград). Древняя письменность Центральной Америки. (3), 100.
 С. Ислами (Москва). Семейная община албанцев в период ее распада (Конец XIX — середина XX века). (3), 119.
 В. С. Руднев (Москва). Народы Малайи. (3), 133.
 З. И. Горбачева (Ленинград). Национальное строительство в юго-западных районах Китайской Народной Республики. (4), 101.
 Н. Г. Шпринцин (Ленинград). Индейцы гуаяки. (4), 114.

Из истории этнографии и антропологии

- В. К. Соколова (Москва). Этнографические и фольклорные материалы у Гоголя (К 100-летию со дня смерти). (2), 114.
 М. О. Косвен (Москва). Из истории ранней русской этнографии (XII—XVI вв.). (4), 128.
 В. Е. Гусев (Челябинск). Г. В. Плеханов о первобытном обществе и его культуре. (4), 142.

Дискуссии и обсуждения

- П. И. Кушнер (Кышев) (Москва). Об этнографическом изучении колхозного крестьянства. (1), 135.
 Н. И. Воробьев (Казань). К вопросу об этнографическом изучении колхозного крестьянства. (1), 142.
 Н. А. Кисляков (Ленинград). К вопросу об этнографическом изучении колхозов. (1), 146.
 О. Н. Воздвиженская и Л. П. Лашук. (Сыктывкар). О некоторых вопросах этнографического изучения колхозного крестьянства. (1), 149.
 Н. П. Горбачева (Ростов н/Д). К вопросу о пересмотре периодизации Моргана (1), 154.
 А. И. Робакидзе (Тбилиси). К некоторым спорным вопросам этнографического изучения нового быта. (2), 120.
 М. С. Плисецкий (Москва). О так называемых неандертальских погребениях (2), 138.
 С. М. Абрамзон (Ленинград). Об этнографическом изучении колхозного крестьянства. (3), 145.
 М. О. Косвен (Москва). О периодизации первобытной истории. (3), 151.
 А. П. Окладников (Ленинград). О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры. (3), 159.
 Е. Н. Студенецкая (Ленинград). О некоторых моментах в этнографическом изучении колхозного крестьянства. (4), 162.

Заметки. Сообщения. Рефераты

- И. А. Золотаревская (Москва). Вильям Дибуа. (1), 167.
 М. Н. Шмелева и Е. В. Семенова (Москва). Народные традиции в моделировании современной одежды. (1), 172.
 Б. А. Липшиц (Ленинград), А. Ф. Кашеваров как исследователь Аляски. (1), 175.
 Б. А. Калоев (Москва). Землевладение и землепользование у моздокских осетин. (1), 179.
 Е. М. Залкинд (Ленинград). Из истории обычного права западных бурят. (1), 184.
 В. А. Бдоян (Ереван). Кровнородственный «азг» и родственные отношения у армян. (1), 189.
 Б. О. Долгих (Москва). Старинные землянки кетов на реке Подкаменная Тунгуска. (2), 158.
 Г. С. Читая (Тбилиси). Грузинская советская этнография за годы послевоенной Сталинской пятилетки. (3), 181.

- И. Ф. Такоева (Москва). Из истории осетинского горного жилища. (3), 187.
 А. Пугаченкова (Ташкент). К истории «паанджи». (3), 191.
 П. Якимов (Ленинград). Естественный слепок полости черепа неандертальца из Чехословакии. (3), 196.
 Г. Залкинд (Москва). Антропологические и антирасистские высказывания Д. И. Писарева. (4), 166.
 Вишняускайте (Вильнюс). Быт и культура колхозников Шяуляйской области Литовской ССР. (4), 170.
 Д. Грач (Ленинград). К вопросу о позднем этапе «тавро-скифских» культовых представлений. (4), 174.

Хроника

- Корбе (Москва). Защита диссертаций в Институте этнографии. (1), 193.
 Н. В. Кюнер, Г. А. Гловацик (Ленинград). Выставка китайского лубка. (1), 196.
 об этнографической и антропологической работе на местах после этнографического совещания 1951 г. (1), 200.
 И. Козаченко (Москва). Академик Б. Д. Греков (К 70-летию со дня рождения). (2), 166.
 А. Жданко (Москва). Работа Института этнографии в 1951 году. (2), 172.
 Г. Левин (Москва). Полевые исследования Института этнографии в 1951 году. (2), 177.
 С. Бутинова (Ленинград). Новая экспозиция в Музее антропологии и этнографии: «Коренное население Австралии и Океании». (2), 179.
 С. Маслова (Москва) и В. А. Фалеева (Ленинград). Выставка произведений народного прикладного искусства и художественной промышленности РСФСР. (2), 186.
 И. Мысин (Чебоксары). Этнографические материалы в Мордовском республиканском краеведческом музее. (3), 199.
 Гурвич (Якутск). Этнографическая экспедиция в Нижне-Колымский и Средне-Колымский районы Якутской АССР в 1951 г. (3), 200.
 Корбе (Москва). Защита диссертаций в Институте этнографии АН СССР. (3), 210.
 Стратанович (Ленинград). Профессор Николай Васильевич Кюнер. (4), 182.
 Корбе (Москва). Обсуждение работ С. М. Абрамзона. (4), 184.
 Орлова (Ленинград). Новая экспозиция в Государственном музее этнографии народов СССР. (4), 187.
 М. Твердохлебов (Махачкала). Этнографическая работа Дагестанского краеведческого музея за 25 лет. (4), 192.

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- А. Бутинов (Ленинград). «Man. A Monthly Record of Anthropological Science», 1950. (1), 208.
 Р. Смирнов (Москва). Обзор литературы по Судану, вышедшей после 1945 г. (2), 194.
 А. Бутинов (Ленинград). О политике резерваций (A. G. Price, White settlers and native peoples). (2), 200.
 И. Першиц (Бийск). Этнография в 4—7 томах второго издания Большой Советской Энциклопедии. (3), 215.
 Золотаревская (Москва). Зарубежная этнографическая литература последних лет об американцах. (3), 217.
 А. Собченко (Ленинград). Литература по Западной Африке за 1951 год. (4), 196.

Общая этнография и антропология

- П. Баскин (Москва). Англо-американская этнография на службе империализма. (1), 212.
 Н. Чебоксаров (Москва). Новая работа по этнической антропологии Северной Азии (О книге Г. Ф. Дебеца «Антропологические исследования в Камчатской области»). (2), 207.
 И. Борисковский (Ленинград). Происхождение человека и древнее расселение человечества. (3), 223.

Народы СССР

- П. Смирнов (Москва). В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов. (1), 216.
 Н. Лебедева (Рязань). Г. С. Маслова. Народный орнамент верхневолжских карел (1), 219.

- В. Белицер (Москва). *T. A. Крюкова*. Марийская вышивка. (1), 221.
 В. Соколова (Москва). «Исторические песни» (2), 210.
 К. Задыхина (Ленинград). Таджикский филиал АН СССР. Труды, т. XXIX. История, археология, этнография, язык и литература. (2), 215.
 Н. Шаракшина (Иркутск). Бурят-монгольские сказки. (2), 219.
 Л. Потапов (Ленинград). История Бурят-Монгольской АССР (3), 229.
 Р. Липец (Москва). Былины Севера, том второй. (3), 236.
 Б. Калоев (Москва). *Коста Хетагуров*. Собрание сочинений в трех томах. (3), 239.
 А. И. Козаченко (Москва). История культуры древней Руси. (4), 202.
 Н. Воронин (Москва). *И. В. Маковецкий*. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья. (4), 208.
 Р. С. Липец (Москва). Песни и сказы рыбаков. (4), 210.
 С. Гаджиева (Москва). *С. Бритаев и К. Казбеков*. Осетинские народные сказки. (4), 212.
 И. С. Гурвич (Якутск). Академия Наук СССР. Якутский филиал. Доклады на второй научной сессии. История и филология. (4), 213.

Страны народной демократии

- Р. Липец (Москва). Словацкие сказки. (1), 223.
 Н. Грацианская (Москва). Новые работы чехословацкого этнографа О. Нагодила. (3), 241.
 И. Калоева (Москва). *P. Ангелова и А. Примовски*. Въпросник за проучване на задружните прояви в българския стопански бит. (3), 244.
 И. Калоева (Москва). Обзор журнала «Cesky lid» за 1951 год (4), 217.

Народы Африки

- И. Потехин (Москва). *A. T. Bryant*. The Zulu people. (1), 225.
 М. Райт (Москва). *R. G. Reyer*. Zulu woman. (1), 227.
 А. С. Орлова (Москва). *J. Faublée*. Ethnographie de Madagascar. (1), 229.
 И. Потехин (Москва). Seven Tribes of British Central Africa. (2), 220.
 С. Смирнов (Москва). *Ю. Д. Дмитревский*. Англо-египетский Судан. (2), 223.
 М. Райт (Москва). *Ф. Моретт*. Экваториальная, Восточная и Южная Африка. (3), 247.
 А. Орлова (Москва). *С. Датлин*. Африка под гнетом империализма. (3), 250.

Народы Америки

- Н. Шпринцин (Ленинград). *В. М. Венин*. Панама и Панамский канал. (3), 252.

Народы Австралии

- Н. Бутинов (Ленинград). *A. P. Elkin and R. and C. Berndt*. Art in Arnhem Land. (2), 224.
 С. А. Токарев (Москва). *Alexander Spoehr*. Majuro. A village in the Marshall Islands. (2), 229.
 Н. А. Бутинов (Ленинград). *Donald F. Thomson*. Economic structure and the ceremonial exchange cycle in Arnhem Land. (4), 226.
 Список диссертаций, защищенных в Институте этнографии АН СССР в 1946—1952 гг. (4), 232.

СОДЕРЖАНИЕ

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза и вопросы этнографии	3
Вопросы этногенеза и исторической этнографии	
Б. Х. Кармышева (Сталинабад). К вопросу о происхождении локайцев	11
Б. А. Литвинский (Сталинабад). Намазга-тепе (По данным раскопок 1949—1950 гг.)	30
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
Н. И. Воробьев (Казань). Краткие итоги изучения материальной культуры чувашей	53
В. С. Мамонов (Киев). Старинные срудия для обработки почвы из с. Староселье на Днепре	67
З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг (Москва). Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана	91
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
З. И. Горбачева (Ленинград). Национальное строительство в юго-западных районах Китайской Народной Республики	101
Н. Г. Шпринцин (Ленинград). Индейцы гуаяки	114
Из истории этнографии и антропологии	
М. О. Косвен (Москва). Из истории ранней русской этнографии (XII—XVI вв.)	128
В. Е. Гусев (Челябинск). Г. В. Плеханов о первобытном обществе и его культуре	142
Дискуссии и обсуждения	
Е. Н. Студенецкая (Ленинград). О некоторых моментах в этнографическом изучении колхозного крестьянства	162
Заметки. Сообщения. Рефераты	
Н. Г. Залкинд (Москва). Антропологические и антирасистские высказывания Д. И. Писарева	166
А. Вишняускайте (Вильнюс). Быт и культура колхозников Шяуляйской области Литовской ССР	170
А. Д. Грач (Ленинград). К вопросу о позднем этапе «тавро-скифских» культовых представлений	174
Хроника	
Г. Стратанович (Ленинград). Профессор Николай Васильевич Кюнер	182
О. Корбе (Москва). Обсуждение работ С. М. Абрамзона	184
Е. Орлова (Ленинград). Новая экспозиция в Государственном музее этнографии народов СССР	187
А. М. Твердохлебов (Махачкала). Этнографическая работа Дагестанского краеведческого музея за 25 лет	192

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

А. Собченко (Ленинград). Литература по Западной Африке за 1951 год 196

Народы СССР

А. И. Козаченко (Москва). История культуры древней Руси	202
Н. Воронин (Москва). И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья	208
Р. С. Липец (Москва). Песни и сказы рыбаков	210
С. Гаджиева (Москва). С. Бритаев и К. Казбеков. Осетинские народные сказки	212
И. С. Гурвич (Якутск). Академия Наук СССР. Якутский филиал. Доклады на второй научной сессии. История и филология.	213

Страны Народной демократии

И. Калоева (Москва). Обзор журнала «Český lid» за 1951 год 217

Народы Австралии

Н. А. Бутинов (Ленинград). Donald F. Thomson. Economic structure and the ceremonial exchange cycle in Arnhem Land 226

Список диссертаций, защищенных в Институте этнографии АН СССР в 1946—1952 гг. 232

Указатель статей и материалов, помещенных в журнале «Советская этнография» за 1952 год 235

ОПЕЧАТКА

В № 3 ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» ЗА 1952 г.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
155	26	сверху	в какой мере
			в какой форме

Цена 22 р. 50 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР
на 1953 год

Название журналов	Коли- чество номеров в год	Подпи- сан цена в руб.	Название журналов	Коли- чество номеров в год	Подпи- сан цена в руб.
Вестник Академии Наук СССР	12	96	Журнал аналитической химии	6	36
Доклады Академии Наук СССР (без переплета)	36	360	Коллоидный журнал	6	45
Доклады Академии Наук СССР с 6 папками (коленкоровыми ми, с тиснением) для пере- плета	36	384	Известия Академии Наук СССР, серия геологическая	6	90
Известия Академии Наук СССР, серия математическая	6	54	Записки Всесоюзного минера- логоческого общества	4	30
Математический сборник . .	6	132	Известия Всесоюзного геогра- фического общества	6	63
Прикладная математика и ме- ханика	6	72	Почтоведение	12	108
Астрономический журнал . .	6	72	Известия Академии Наук СССР, серия биологическая	6	72
Известия Академии Наук СССР, серия физическая . .	6	72	Журнал общей биологии . .	6	45
Известия Академии Наук СССР, серия географическая	6	54	Журнал высшей иервной дея- тельности имени И. П. Пав- лова	6	90
Известия Академии Наук СССР, серия геофизическая	6	54	Успехи современной биологии	6	60
Известия Академии Наук СССР, Отделение техниче- ских наук	12	180	Ботанический журнал	6	90
Известия Академии Наук СССР, Отделение химиче- ских наук	6	96	Зоологический журнал	6	90
Журнал общей химии	12	180	Микробиология	6	72
Успехи химии	12	96	Физиологический журнал СССР им. И. М. Сеченова .	6	72
Журнал физической химии .	12	180	Советская этнография	4	90
Журнал прикладной химии .	12	126	Вестник древней истории . .	4	120
Биохимия	6	72	Известия Академии Наук СССР, Отделение литерату- ры и языка	6	54
			Советское государство и право	12	108
			Природа	12	84
			Вопросы языкоznания	6	72

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ГОРОДСКИМИ И РАЙОННЫМИ ОТДЕЛАМИ «СОЮЗПЕЧАТИ»,
ОТДЕЛЕНИЯМИ И АГЕНТСТВАМИ СВЯЗИ, ПОЧТАЛЬОНАМИ И ОБ-
ЩЕСТВЕННЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ «СОЮЗПЕЧАТИ»,
В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ И УЧРЕЖДЕНИЯХ